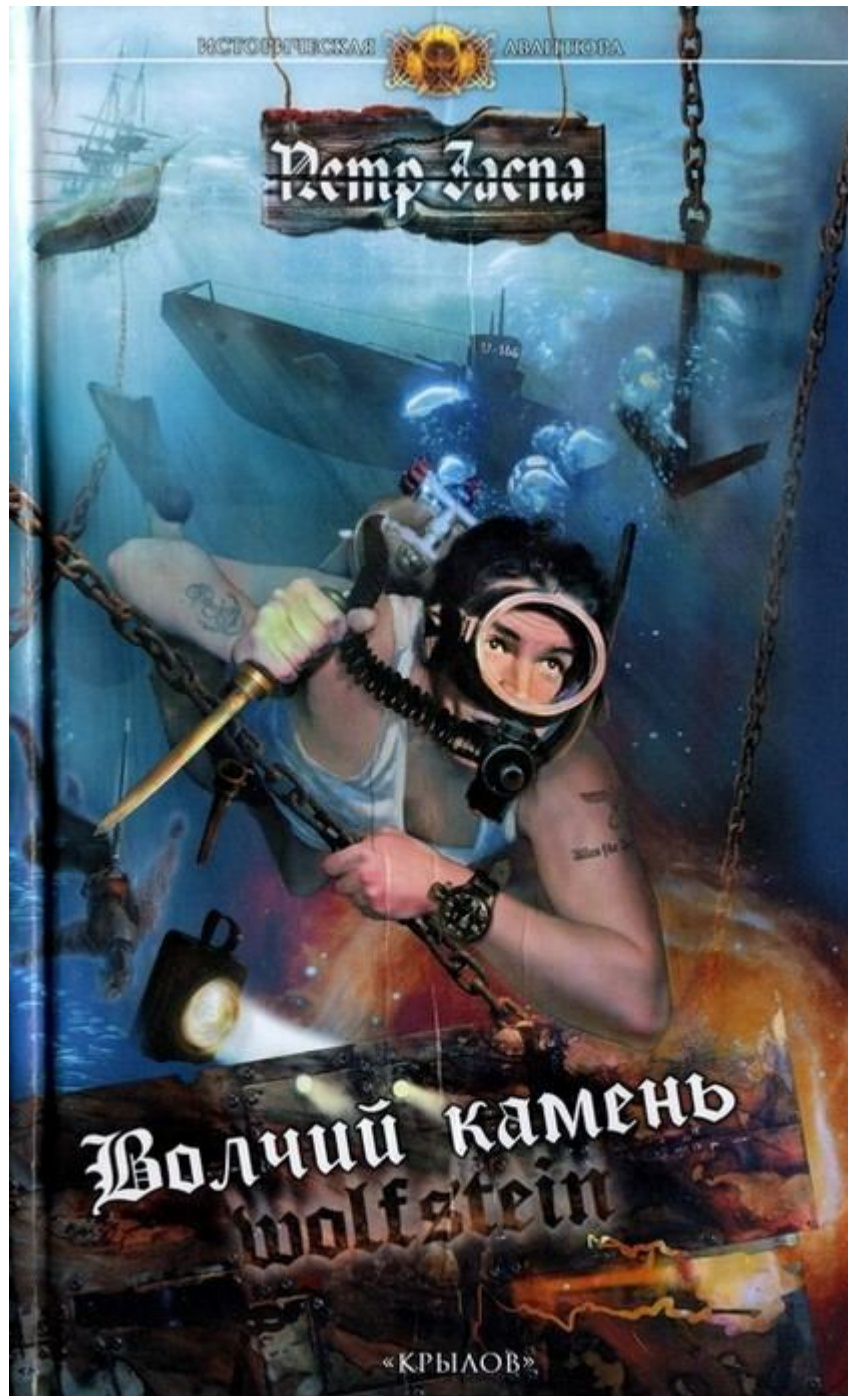

**Петр Заспа
Волчий камень**

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - shtuks; OCR, ReadCheck, Conv - Kortes_10; Check - Igorek67)
«Волчий камень (Wolfstein) / Петр Заспа»: Издательство: Крылов; СПб; 2011
ISBN 978-5-4226-0175-2

Аннотация

30-го июля 1942 года немецкая подводная лодка U-166 под командованием капитан-лейтенанта Гюнтера Кюхельмана патрулировала Мексиканский залив. После взрыва американского парохода, уходя от атаки эсминцев, подлодка легла на грунт. Когда она вновь всплыла, море оказалось чистым — ни эсминцев, ни обломков парохода. С этого

момента и начались странности: проходили дни, а радиоэфир молчал по всем частотам, на море перестали попадаться любые корабли, там, где раньше всё побережье светилось заревом огней, — сплошная темень. Словом, чертовщина.

Два последующих события повлияют на судьбу подлодки U-166 (а впоследствии и на ход всей мировой истории):

первое — матрос Бруно Лоренц нырнет с аквалангом, чтобы осмотреть винты и подводную часть корпуса субмарины;

второе — они наконец встретят корабль, но... странный. Типичную каравеллу из XV–XVI веков. Из пушечных портов торчат стволы, по палубе расхаживают бородатые люди с саблями на боку. Вдобавок ко всему с парусника начинают сбрасывать за борт тела людей, мужчин и женщин. С этого все и начнется...

Мужской клуб

историческая авантюра

**Петр Заспа
ВОЛЧИЙ КАМЕНЬ**

Посвящаю своему старшему сыну, которому сейчас тяжело.

Вторые сутки Мексиканский залив был тихим и гладким, похожим на деревенский пруд. Ровная, как стол, зеленая поверхность моря, неподвижный воздух, классический полный штиль. Солнце еще только начинало подниматься над горизонтом, но уже ощутимо припекало, заставляя вахту на ходовом мостике раздеваться до шорт и маек со свастикой на груди. Казалось, мир и время остановились. Иностранным телом в этом мировом спокойствии тянула длинный, зеленый след немецкая подводная лодка U-166. Черная тропическая ночь рассеивалась, наступало утро 30 июля 1942 года. Где-то за тысячи миль отсюда грохотала война, тонули корабли, горели города, воздух был пропитан витающим страхом. Где-то, но не здесь. Америка только по газетным статьям знала, что такое светомаскировка, прибрежные города светились всеми цветами радуги, корабли в ночном море можно было принять за новогоднюю елку. Ничто не мешало U-166 совершенно спокойно плыть при прямой видимости берега, точно определяя местоположение по сверкающим ориентирам. Экипаж был потрясен такой демонстрацией мира. Вахта на мостике водила окулярами биноклей не столько по горизонту в поисках целей, сколько по зеленой воде в поисках акульих плавников. Подстрелить акулу хотелось каждому из четырех вахтенных. Выданный для этой цели капитаном автомат стоял в углу на палубе мостика. Пополнить оскудевший за полтора месяца плавания рацион команды казалось не менее важным, чем увидеть вражеский корабль на горизонте.

Старший на вахте второй помощник Герберт Вагнер наслаждался свежестью утра, подставив лицо лучам восходящего солнца. Вахта подходила к концу, спускаться в тесную утробу лодки с ее жарой и сыростью не хотелось. Прошелестев, через рубку перелетела летучая рыба. Тихо перешептывались двое вахтенных матросов. Герберт с трудом вспомнил их имена, они были из нового пополнения. Обычно он не обращал внимания на матросский треп, как правило касающийся французских девушек или борделей, но этот разговор заинтересовал своей необычностью.

— Клаус, как ты думаешь, у подводников есть своя Валгалла? — вытерев о майку вспотевшие от бинокля руки, спросил Пауль напарника.

— Что? — Клаус задумался, вопрос друга застал его врасплох. — А что такое Валгалла?

— Ну, это у скандинавов, такое царство воинов. Они там гуляют, дерутся, убивают друг друга, чтобы восстать из мертвых и снова драться. Главный у них господин по имени Один.

— Пауль, я не хотел бы, чтобы меня топили каждый день. — Клаус продолжал думать о своем, почесывая биноклем нос.

Лейтенант Вагнер представил это царство подводников — да, удовольствие сомнительное.

Наморщив лоб, Клаус наконец озвучил свои мысли:

— Пауль, а если я первый увижу корабль, или подстрелю дельфина или акулу, меня командир наградит? Хотя бы стаканчиком чего-нибудь покрепче? Поверишь, мне выпивка уже снится.

Навалившись на друга, Клаус старался говорить ему в ухо. Пауль опасно повертел головой. Увидев, что к ним прислушивается лейтенант, толкнул напарника локтем в бок, и они замолчали.

«Странно, — подумал Герберт, — как с такой тягой к алкоголю он прошел жестокий отбор в Кригсмарине».

Лязгнул металл, и послышались шаги: кто-то поднимался на мостик по трапу. В люке показалась голова — волосы зачесаны назад, и пробор по последней моде немецкой молодежи. Командир, капитан-лейтенант Гюнтер Кюхельман, не отличался особым рвением в насаждении чинопочитания на лодке, и когда лейтенант Вагнер хотел подать команду «Командир на мостике!», остановил его, махнув рукой.

— Ну, что у нас, Герберт? — спросил он, оглядевшись и вдохнув полной грудью

свежий воздух.

— Чисто. Никогда бы не подумал, что Мексиканский залив такой пустынный.

С Гербертом они были друзья, их жены были подругами. Все отпуска проводили вместе. У Герберта в Ростове катались на маленькой парусной яхте, затем ехали к Гюнтеру в Кельн, бродили по музеям.

Они расположились на ограждении, свесив ноги.

— Для нас пришла радиограмма.

— Да? Очень интересно. И что нам прислал папа Карл?

— Через три дня встреча со снабженцем в квадрате ED-36.

— Ну наконец-то! — Герберт расплылся в улыбке. — Может, почту захватят.

— Снабженец будет замаскирован под торгового нейтрала, и ждать всего сутки. Так что пора здесь заканчивать.

— Гюнтер, давно пора. За две недели ни одной цели.

Встреча в море с кораблем снабжения — событие для подводников не менее важное, чем торпедированная цель или прогулка по парижским борделям. Во-первых, это почта. Новости из дома или от друга с какого-нибудь из фронтов тут же становились известны всем. А еще, так как средний возраст экипажа был всего девятнадцать лет, — возможность похвастаться письмом от новой французской подружки. Счастливчик делался героем дня.

И во-вторых, за такой продолжительный поход, а сто шестьдесят шестая находилась в море уже сорок четвертые сутки, тропическая жара и невыносимая сырость сделали свое дело. Натуральные продукты давно исчезли из рациона. Консервы и лимоны со стойким вкусом плесени уже порядком всем надоели. Проблема продовольствия превратилась в головную боль для Кюхельмана. По самым оптимистичным расчетам кока, продуктов осталось на семь-восемь дней, не больше. И теперь долгожданный транспорт снабжения мог решить все эти проблемы.

Гюнтер уже жалел, что с баркаса, который они утопили между Кубой и Флоридой, не взяли лук. Сейчас он был бы очень кстати.

С этим баркасом вообще получилась странная история. Наткнулись на него случайно. Туман рваными хлопьями лежал над водой, видимость местами не превышала сотни метров, и лодка едва не протаранила его. Отчаянно дымившая и тархтевшая ржавая посуда не обращала на них никакого внимания. Антенн и оружия на ней не было, флаг тоже отсутствовал. И ни души на палубе. Экипаж лодки, высыпав на верхнюю палубу, с любопытством разглядывал судно. Взяв параллельный курс, минут пять шли с ним рядом. Гюнтер взял мегафон и, как смог, на английском прокричал команду: «Остановиться!» Дальше его как громом ударило. На ржавом борту неровными буквами, непонятного цвета краской было выведено название — «Гертруда». Имя его жены. Пока он пытался собрать в кучу разбежавшиеся мысли, на палубе появились люди. Не было сомнений, что еще минуту назад все спали. Рассмотрев лодку и флаг, немного посоветовавшись, они дружно подняли вверх руки. Три перепуганных насмерть мексиканца рассказали, что везут двадцать тонн лука во Флориду. Их пересадили на единственную имеющуюся на баркасе спасательную шлюпку, дали наручный компас и бутылку шнапса, чтобы остаток пути не был скучным, и указали, где Флорида. Одного снаряда хватило, чтобы расколоть баркас надвое.

Все как обычно. Но осадок в душе остался. Как любой моряк, а тем более подводник, Кюхельман был суеверным до мозга костей и верил, что судьба его предупредит, даст знак, намекнет. Надо только суметь прочесть этот намек. Кюхельман всегда был уверен, что с ее величием судьбой они прекрасно понимают друг друга. Но как расценить встречу с именем своей жены и хорошо это или плохо, понять не мог. Интуиция не давала успокоиться, подсказывая, что все не так просто.

Дружище Герберт, здраво рассудив, заявил, что четверть всех кораблей в мире носят женские имена. И Гертруда среди них хватает. Во всяком случае, у них в Ростове этого добра как рыбы в море. Так что пусть Гюнтер не сомневается, наверняка он еще не раз встретит корабль с именем своей жены.

Может, и так, решил для себя Гюнтер. Но обязательно надо будет не забыть рассказать Гертруде, ей наверняка это покажется забавным.

Герберт посмотрел на ушедшего в себя друга:

— Так что делаем, Гюнтер? Дать команду на обратный курс?

— Подожди, сейчас Вилли определится. — Кюхельман стряхнул оцепенение.

На верхней палубе появился штурман Вилли Айсман. В шортах и тропической панаме, прижимая секстант к груди, лопоухий, худой и длинный, он скорее был похож на географа где-то в Африке, чем на штурмана океанской подводной лодки. Разложив свое штурманское хозяйство на палубе, он принялся ловить в секстант солнце.

— Гюнтер, может нам придумать какую-нибудь эмблему на рубку? — неожиданно предложил Вагнер.

— И что ты хочешь?

— Ну, — Герберт пожал плечами — можно акулу.

— Акула, Герберт, это уже избито.

— Еще можно кита или волка. — Глаза Вагнера загорелись. — А лучше волчью голову с кораблем в пасти!

Кюхельман громко засмеялся. Удивленно переглянулись вахтенные матросы.

— Гюнтер, что я сказал смешного?

— Все хорошо, Герберт, — друг похлопал его по плечу, — волчья голова с корабликом в пасти — это симпатично. Смеюсь, потому что вспомнил: когда учился на курсах в военно-морской академии в Мюрвике, был у нас преподаватель, капитан третьего ранга Мюллер. Многих забыл, а его помню. Каждое занятие он начинал с воспоминаний о том, как воевал на подводных лодках в Первую мировую. Этими воспоминаниями Мюллер доводил себя до иступления. Лицо его наливалось кровью, слюни летели во все стороны. Рассказывал он, надо признать, интересно, но за первые столы мы старались не садиться, чтобы не быть обрызганными результатом его вдохновения. Так вот, он нам постоянно твердил: «Вы волки, безжалостные машины убийства, с сердцем из камня. Вы каменные волки». Через год после выпуска я зашел в академию. Шел по коридору и слышал, как Мюллер, уже другой группе, кричал: «Вы акулы, безжалостные машины-убийцы». Не знаю, почему он разочаровался в волках. Мне сравнение с волками больше нравится.

Вагнер засмеялся.

— Вот ты, Герберт, смеешься, а когда я служил старшим помощником на U-37, то рассказал эту историю командиру Вернеру Хартману. Вот кто был мой настоящий учитель. Я горжусь, что начинал службу под его командованием. За ним сейчас числится двадцать пять кораблей. Так вот, когда я ему рассказал про Мюллера, он даже не улыбнулся. — Гюнтер задумался, память перенесла его на борт тридцать седьмой. Пауза затянулась. — Он сказал очень интересные слова: «Забавно, немного пафосно, но запомни, Гюнтер — даже на самого матерого волка найдется свой волчий камень, об который он когда-нибудь обязательно споткнется и свернет себе шею». Герберт, если бы знать, какой он, этот наш камень, я бы на рубке нарисовал его. Да побольше, чтобы всегда помнить о нем и вовремя заметить.

2

— Корабль на горизонте!

Командир с помощником соскочили с ограждения. Подхватив висевший на шее бинокль, Кюхельман повел его в направлении вытянутой руки сигнальщика. На едва различимой границе слияния неба и моря чернела жирная точка. Корабль. Сердце подпрыгнуло в охотничьем азарте. Сигнальщик не ошибся, не принял за корабль остров или облако — четкими штрихами прорисовывались мачта и труба. Новость мгновенно облетела лодку. Осторожно поглядывая на командира, прогонит или нет, свободные от вахты матросы заполняли верхнюю палубу. Все вертели головами, пытаясь рассмотреть обнаруженный

корабль.

— Дать команду на погружение? — Вернер наконец нашел в бинокль пароход.

— Нет. В перископ мы его потеряем, далеко.

Кюхельман нагнулся к открытому люку рубки и прокричал:

— Акустик! Послушай по пеленгу десять градусов.

— Герр командир, горизонт чист, — эхом прогудело из люка.

— Так и думал, дыма над трубой не вижу, двигатели на стопе. Они в дрейфе.

На мостике становилось тесно. Расталкивая вахтенных, поднялись главный механик и старший помощник. В бинокли они рассматривали будущую жертву. От главного врага подводников, скуки, не осталось и следа. На верхней палубе царило почти детское веселье. Кто-то изобразил боевой клич краснокожих. Все вообразили себя раскрашенными индейцами, атакующими врага на каноэ. Наконец-то за две недели безделья настоящая работа.

— Эрвин, — командир нашел глазами главного механика, — давай полный ход.

Эрвин Фишер кивнул и скрылся в люке.

С ходового мостика посыпались команды:

— Рулевой, десять градусов вправо! Радист, слушай на международной частоте! Торпедные аппараты один и четыре, готовность номер один! Доложить о готовности к бою по отсекам!

Корма присела в воду, забурлила пена, лодка рванулась вперед, набирая скорость. Горячий воздух двинулся навстречу, развевая отросшие шевелюры.

Пароход заметно увеличивался в размерах.

По старой привычке передавать в центральную рубку все, что можно увидеть в перископ, Кюхельман, глядя в бинокль, комментировал:

— Труба одна, две мачты, стоит к нам левым бортом. А гусь хорош, тысяч на семь потянет.

Физиономии моряков на палубе засияли от радости. Семь тысяч — это уже серьезно. Это не за парусником гоняться, на который и торпеды жалко.

— Вооружения не вижу, палуба забита ящиками. Нагрузили по самую ватерлинию.

Лодка уже не плыла, а неслась стрелой, разрезая ровную гладь воды. Грохот дизелей перекрывал команды командира. Вибрация волнами прокатывалась по палубе, передаваясь в ступни ног.

— Дальность на дальномере?

— Шесть с половиной тысяч метров, герр командир!

— Давай через каждые пятьсот метров!

— Есть, герр командир!

— На пяти тысячах пойдем под воду, а то спугнем раньше времени. Похоже, он один, это хорошо! Никак не рассмотрю флаг, только бы не нейтрал. Было бы жаль упустить такого красавца.

— Шесть тысяч метров, герр командир!

— Хорошо.

— Гюнтер, ты видишь у него белую полосу вдоль борта? Что бы это значило? — Вагнер до боли вжал бинокль в глаза.

— Не знаю. Герберт, смотри на флаг. Только бы не нейтрал. Только бы не нейтрал! — подавшись вперед всем телом, взмолился Кюхельман. — Есть! Смотри, на кормовой мачте флаг с белыми полосами. Это американец! Ну все, он наш!

На верхней палубе оставалось все меньше свободного места. Азарт охотников охватил команду. Появились уже и те, кому по графику был положен отдых. «Американец! Американца взяли!» — передавали друг другу матросы.

— Пять тысяч метров, герр командир!

— Герберт, посмотри на его нос! Мне кажется или это действительно якорная цепь? — Гюнтер сжал рукой плечо Вагнера. Он был уверен, что видит тонкую нить, соединяющую

нос корабля с поверхностью воды. — Глазам не верю! Они стоят на якоре!

Это уже был верх безрассудства. Связать себя якорем, полностью лишиться маневра! «Хотя чему я удивляюсь, — подумал командир, — это же не берега Англии».

— Вилли! — Кюхельман заорал так, что старший помощник выронил бинокль. Внизу на палубе вздрогнули матросы и в недоумении задрали головы, глядя на командира. — Вилли, а как он смог стать здесь на якорь? Здесь же глубина за тысячу метров!

— Герр командир, здесь банка. Километров пять в диаметре, глубина тридцать метров. Они стоят в самом центре.

Вилли вжал голову в шею. Панама не смогла скрыть покрасневших ушей. Вина его была очевидна — не ознакомил командира с местной лоцией. Штурман повертел головой, ища, за кого бы спрятаться.

Но командир уже не обращал на него внимания. Пароход теперь хорошо был виден и невооруженным глазом.

«Пора», — подумал Кюхельман. Заметить низкую рубку лодки на такой дистанции было практически невозможно, но смущала погода и хорошая видимость.

Неожиданно в его плечо вцепилась рука Вагнера.

— Гюнтер, отдай его моим артиллеристам!

— Да ты что, Герберт! Некогда нам с ним возиться, великоват он для вас. Пара торпед, я думаю, будет в самый раз.

— Ну посуди сам, — в голосе лейтенанта зазвучали умоляющие нотки, — до суши почти две сотни миль, он один на якоре, погода чудо. Мы ему сразу антенны снесем, и кто нам помешает? Пойми, мои ребята рвутся реабилитироваться за «Кармен». И потом, торпеды сэкономим.

Просьба друга Кюхельману была понятна. История с парусником здорово подорвала репутацию артиллеристов Вагнера. Первое судно, которое они встретили, когда пересекли Атлантику, было небольшим парусником с красивым именем «Кармен». Погода была скверная, лодку раскачивало из стороны в сторону, волны заливали палубу. Доставалось и кораблю, ветер рвал паруса, швырял его и кренил мачты к самой воде. Торпедой взять такую цель было нереально. Прodelав такой трудный путь, встретив первое, пусть даже небольшое судно противника, — и не открыть счет побед казалось невыносимо. А потому решили рискнуть — расстрелять его из пушки. Наводчиков, привязанных ремнями к орудию, волны окатывали с головой. Заряжающий стоял по пояс в воде. Но желание отправить первую победную радиogramму заставляло не обращать внимания на погодные трудности. Но проблемой с погодой дело не ограничилось. Экипаж судна, обнаружив, что по ним ведут стрельбу, начал маневрировать и пытался оторваться от лодки, осложнив и без того нелегкую задачу артиллерийского расчета. Лейтенанта Вагнера швыряло на мостике рубки, как осенний лист под ногами прохожих. Пытаясь перекричать вой ветра и как-то помочь своим подчиненным, он сорвал голос. После получасовых мучений один снаряд все-таки угодил в корпус корабля. Команда парусника, реально оценив ситуацию, пересела в спасательную шлюпку и, дружно налегая на весла, поплыла в сторону видневшегося на горизонте берега острова Гаити. Для них все закончилось. «Кармен», брошенная экипажем, набрав полные паруса ветра, рванула в открытое море. За ней, стараясь завершить начатое дело и громыхая пушкой, поспешила сто шестьдесят шестая.

В конце концов, изведя уйму снарядов, парусник отправили на дно. Однако артиллерийский расчет вместо заслуженной благодарности попал под огонь критики своей команды, очень быстро забывшей о жутких условиях, при которых велась стрельба. Но хорошо запомнившей, что на это несчастное судно ушла почти половина артиллерийского боекомплекта. Шутки вроде «Вы бы лучше перегрузили все снаряды, которые отстреляли, на борт „Кармен“ без стрельбы, она бы под их весом утонула!» выводили лейтенанта Вагнера из себя.

«Конечно, Герберт правильно делает, что стоит горой за своих пушкарей, — думал Кюхельман, — да и торпеды сэкономить было заманчиво».

— Гюнтер, посмотри, какой он перегруженный, по самые борта сидит. — Вагнер видел колебания командира и продолжал выпрашивать: — Ему много не понадобится. На три тысячи метров подойдем, клянусь, ни одного снаряда мимо не положим!

Лодка двадцатиузловым ходом стремительно приближалась к пароходу. Надо было принимать решение.

— Хорошо, Герберт, — Кюхельман наконец решился, — но с торпедистов готовность не снимаю. Если что, добьем.

— О-хо-хо! Будь спокоен, Гюнтер, они не понадобятся. — Вагнер подпрыгнул от радости и, пытаясь высмотреть в толпе на палубе своих артиллеристов, заорал: — Расчет к палубному орудью! Что глазеее? Живо, пока командир не передумал!

Расталкивая экипаж, внутрь лодки бросились наводчики и заряжающий, споро вытащили на верхнюю палубу прицел и ящик со снарядами. Намечалось настоящее шоу, и тут уж от желающих помочь не было отбоя. Мгновенно скрутили герметичную крышку со ствола орудия. Моряки выстроились в живую цепочку: из погребов в центральный пост, дальше на мостик и вниз к орудью. Палуба начала заполняться снарядами ящиками.

Теперь в бинокль был отлично виден обвисший американский флаг, палуба, заставленная деревянными контейнерами с красными надписями, сливающимися в полосы. Но никого из экипажа видно не было.

— Странно, посмотри Герберт, я никого не вижу из команды. — Они с Вагнером продолжали с мостика рассматривать пароход в бинокли. — И нас, похоже, тоже еще не видят.

— По местному времени сейчас шесть утра, спят, наверное.

— Но вахта должна же у них быть.

— Ничего, сейчас разбудим! Орудие готово, прикажешь открыть огонь? — Вагнер потирал руки от нетерпения.

— Подожди. Если не видят, так давай еще ближе подойдем. — Кюхельман опустил бинокль. Вокруг глаз отпечатались красные круги. — Странно, должны бы уже нас заметить. Может, он командой брошен?

— Да спят они! Вот увидишь, сейчас стрельбу начнем, вмиг наверх повыскакивают. Гюнтер, а ты название видишь?

— Нет. На корме, вероятно, нам не видно.

У Кюхельмана в глубине души шевельнулось чувство тревоги. Может, все-таки пустить торпеду, да и дело с концом?

— Полторы тысячи метров осталось, здесь и слепой не промажет! Гюнтер, пора! — Вагнер в недоумении посмотрел на командира. Он что, его протаранить решил?

— Давай, Герберт! Он твой! — Махнув рукой, отменяя все сомнения, Гюнтер повернулся к механику: — Эрвин, стоп машинам.

Экипаж мгновенно освободил палубу перед стволом орудия. Матросы гроздьями повисли на ограждении рубки, расселись на ящиках, занимая места получше, только бы не пропустить самое интересное. Кюхельман неторопливо спустился по трапу рубки и пристроился на снарядном ящике, наблюдая за работой артиллеристов.

— Бить по ходовому мостику, цель — радиорубка. — Вагнер подождал, когда спустится командир, и прокричал: — Огонь!

Грохот выстрела ударил по ушам. Взгляды впились в стремительно удаляющуюся точку снаряда. Скрывшись в мощной надстройке парохода, он взорвался внутри. Вокруг закипела вода от падающих обломков, выбитых иллюминаторов и оторванных кусков обшивки.

Попадание экипаж приветствовал мощным ревом восторга. Грохнул второй выстрел, снарядом снесло часть ходового мостика корабля. Из образовавшейся дыры повалил белый дым. Дальше, как по команде, палуба парохода заполнилась народом.

— А вот и доблестный экипаж, — Кюхельман насчитал около тридцати размахивающих руками и мечущихся с кормы на нос и обратно матросов.

С остановленными двигателями лодка по инерции продолжала медленно двигаться вперед. До корабля, казалось, подать рукой. Между хлопками выстрелов отчетливо слышались крики американцев. На пароходе царила атмосфера паники и хаоса. Моряки лодки невольно затихли, наблюдая, как полуголые матросы бегают по палубе, сбивая друг друга с ног, и, ломая леера, сыплются за борт. На них сверху рухнула сорванная спасательная шлюпка. Еще одна шлюпка качалась рядом с бортом, перевернутая вверх дном. Через минуту палуба парохода была пуста. Заполнив оставшиеся целыми три лодки, американцы налегли на весла и с завидной скоростью удалялись в противоположную сторону от подлодки, прикрываясь корпусом корабля.

«Идиоты... — подумал Гюнтер, — возьми наводчики чуть с перелетом, и снаряд ляжет точно среди лодок. Будут потом на весь мир трезвонить, что немцы расстреливают из орудия спасательные шлюпки».

— Вот вам наглядный урок, — подняв кверху палец, он обратился к команде, — как не надо нести вахту! Они нас попросту проспали!

На корме парохода появились языки пламени. Черный дым мощным столбом пополз в небо.

— Странно, они даже не пытались спасти корабль, — поймав паузу между выстрелами, продолжил командир. — Героизм здесь явно не в почете.

«А вот видимый за километры черный столб дыма совсем некстати», — подумал он.

— Герр командир! — Из рубки показалась лохматая голова радиста. С выпученными глазами, задыхаясь, он прокричал: — Радио! Они работают открытым текстом! Дают координаты места и атаки подводной лодкой!

— Вот черт! Этого еще не хватало! — Кюхельман вскочил с ящика. — Все, Герберт, хватит! Торпедисты добьют.

— Пять минут! Всего пять минут, командир! — взмолился Вагнер.

Гюнтер огляделся вокруг, желая удостовериться, что они по-прежнему одни, и выдохнул:

— Но ни минутой больше! Бейте по мачте с антеннами, заткните его, наконец!

Он внимательно рассматривал в бинокль пароход. Как такое могло произойти? На палубе никого не было видно. От надстройки и ходового мостика практически ничего не осталось, лишь торчали куски вздыбленной палубы, загнутые трубы и свисающие провода. Вокруг судна поверхность воды была усеяна плавающими обломками и всяким хламом. Кверху ножками, не желая тонуть, покачивался обеденный стол.

Наконец, срезанная точным попаданием единственная корабельная труба, подпрыгнув, рухнула на мачту, запутывая и обрывая антенны. Пока целыми и нетронутыми, сотрясаясь при каждом новом попадании, стояли на палубе контейнеры.

Гюнтер попытался прочитать надпись, но, кроме первой буквы «D», ничего не смог разобрать. Увидев, как рухнула мачта с антеннами, он повернулся к рубке, ожидая очередного явления радиста Ганса Траупа.

— Герр командир! Они замолчали!

Кюхельман кивнул. «Странно, — подумал он, — что хотя бы кому-то из этого стада, именуемого командой, не чуждо чувство долга». Американский радист заслуживал только восхищения. Гюнтер всегда питал уважение к смелым людям, неважно, друзья они или враги. И если это был противник, ему никогда не хотелось его гибели. И сейчас он искренне надеялся, что с обратной, невидимой стороны парохода еще осталась какая-нибудь уцелевшая шлюпка и сейчас радист наверняка гребет веслами, удаляясь от обреченного парохода.

— Бейте под ватерлинию, — не отрывая бинокля от глаз, он дал команду наводчикам. — Пора ему пустить воду в трюм.

Мокрые от пота заряжающие, как в топку печи, один за другим заталкивали снаряды в ствол орудия. Но, несмотря на все старания Вагнера и его артиллеристов, корабль не собирался тонуть. Корма осела в воду, немного усилилось пламя, но этим все и

ограничилось.

— А это еще что такое? — Бинобль выхватил среди мусора, окружившего пароход, черную точку, явно двигавшуюся в их направлении.

— Это человек, — подал голос старший помощник. — Плышет к нам.

Гюнтер рассмотрел черную голову, четкие взмахи рук, демонстрирующие отличные навыки пловца.

Почему он черный? Ему уже приходилось видеть моряков, наглотавшихся нефти рядом с торпедированным танкером. Их черные головы, обтянутые нефтяной пленкой, беспомощно качались на волнах. Руки били по воде, пытаясь выиграть лишнюю секунду жизни. Но сейчас он не видел разлившегося топлива, да и на агонию движения пловца похожи не были.

— Он негр, — как будто прочитав его мысли, объявил старший помощник.

Пловец быстро приближался к лодке. Команда, позабыв о пароход, рассматривала американца.

До лодки оставалось не более пятидесяти метров, американец помахал рукой и что-то прокричал. Не заметив в свой адрес никакой агрессии, он в несколько взмахов оказался у носа лодки. Перебирая руками вдоль корпуса, поравнялся с рубкой и легко, по-кошачьи взобрался на палубу.

Никто не проронил ни слова, разглядывая непрошеного гостя. Черный с отблеском, как мазут, он улыбался во весь рот, демонстрируя белые зубы. Мощного сложения, ростом повыше любого из подводников, за пару глубоких вдохов восстановив дыхание, американец вдруг рухнул на колени.

От неожиданности ближайšie к нему моряки попятились.

Разглядывая команду и пытаясь определить капитана, он затарахтел на непонятном языке с невероятной скоростью.

Кюхельман озадаченно разглядывал чернокожего. Ему показалось, что несколько прозвучавших слов похожи на английский язык.

— Ваше имя? — старательно подбирая слова и вспоминая весь свой словарный запас английского, Гюнтер дал понять, кто здесь старший. — Как вас зовут?

Мгновенно сориентировавшись, американец, подняв к небу руки и продолжая стоять на коленях, теперь обращался только к нему. Переживая, что не успеет все рассказать, он говорил еще быстрее. Делая страшные глаза, он показывал то на корабль, то на море или солнце. Кюхельман чувствовал себя окончательно сбитым с толку.

— Он говорит, что он не американец, а доминиканец. На корабле случайно, подвернулась возможность подзаработать. Он простой моряк и обожает немцев. — Старший помощник раздвинул толпу и, наклонившись, внимательно разглядывал чернокожего матроса. — И, кстати, капитан, он говорит на английском.

Гюнтер опешил. Неужели обер-лейтенант позволил себе иронию в его адрес? Со старпомом у них были сложные, строго служебные отношения. Но насмешек над командиром он себе еще не позволял.

«Пусть он и посажен мне на голову штабом, — подумал Гюнтер, — но подобное терпеть я не намерен, даже если мой английский действительно примитивен». Исподлобья он хмуро посмотрел в лицо старшему помощнику.

— Но сразу видно, это его не родной язык. Говорит плохо, с жутким акцентом, — обер-лейтенант понял, что сказал лишнее, и попытался сгладить свой ляп. Ссориться с командиром ему не хотелось. — Его зовут Удо Герреро, и он вас прекрасно понимает.

— Название судна? — Кюхельман решил, что обязательно поговорит со старпомом и поставит его на место. Но не сейчас, попозже.

Герреро вновь взорвался мощной словесной тирадой, размахивая руками.

— Корабль называется «Генерал Ли», — жестом остановив его, перевел обер-лейтенант.

— О-о, генерал! — Гюнтер удивленно поднял брови. — Но он же сказал гораздо больше?

— Капитан, он опять перечисляет все его трудности, больную родню и всякую прочую ерунду. Не думаю, что вам интересно это слушать.

Складывалась странная ситуация. Кюхельман задавал вопрос на английском языке, Герреро, понимая его, тоже отвечал на английском, который командир не понимал. Для него и для всех сказанное доминиканцем переводил старший помощник.

— Вам известен тоннаж вашего судна?

— Он неплохо осведомлен для простого матроса, — удивился обер-лейтенант, — говорит: 5184 тысячи тонн.

Гюнтер сделал себе пометку на руке химическим карандашом, чтобы потом перенести в судовой журнал.

— А почему не уплыл с остальными?

Гримаса Удо была красноречивее слов. Казалось, он действительно сейчас расплчется. Растирая руками лицо и всхлипывая, Герреро взорвался новым рассказом.

— Его бросили. Американцы не любят черных. Он пытался забраться в шлюпку, но его вышвырнули. Проплыл немного рядом с лодками, он развернулся и поплыл к нам, потому что знает: немцы лучше американцев. Он простой матрос, на корабле мыл полы в каютах, — старпом еле успевал переводить, с сомнением глядя на мощный торс доминиканца. Такой, пожалуй, сам всех из шлюпки выбросит.

Обратив внимание, что выстрелы орудия стали реже, Гюнтер посмотрел на корабль. Огонь теперь полыхал, охватив половину палубы. Языки пламени, отрываясь, взлетали в небо. «Генерал Ли» стоял с сильным левым креном, так что отчетливо была видна вся палуба с контейнерами. Жить пароходу оставалось явно недолго.

«Надо спросить, что за груз везли», — подумал он. Но никак не мог вспомнить, как на английском будет груз. А к старпому обращаться за помощью не хотелось.

— Что здесь делали и какой у вас порт следования?

— Они следовали в Новый Орлеан, но им пришла радиограмма остановиться и ждать корабли сопровождения. Командование испугалось немецкой подводной лодки, о которой стало известно от трех спасшихся моряков с потопленного судна.

— Значит, наши мексиканцы все-таки добрались до Флориды.

Гюнтер перехватил взгляд доминиканца. Тот очень внимательно и оценивающе смотрел на горящий корабль. Потом, спохватившись, начал вновь о чем-то рассказывать.

— Он просит оставить его с нами. — Старпом пожал плечами, мол, решай сам, командир.

— Отто, ты прекрасно знаешь наши правила, — Гюнтер впервые обратился к старпому по имени. — Мы не круизный лайнер и не можем никого брать.

Он отвернулся от доминиканца. Бывают в жизни решения, которые неприятно принимать, но если он считает себя командиром, то принять их обязан. Так ему говорил еще Вернер Хартман.

Удо, понимая, что сейчас решается его судьба, заглядывал в лицо поочередно старпому и капитану. И то, что он увидел, ему очень не понравилось. Обер-лейтенант отшатнулся, когда Удо попытался схватить его за ногу. Прибавив громкости своим просьбам и сложив руки как для молитвы, он пополз на коленях к командиру. Кто-то из команды засмеялся.

Гюнтер отступил назад. Хватит! Пора заканчивать этот балаган.

Невысокий матрос из торпедистов, встав перед доминиканцем, начал изображать святого отца, крестя его и отпуская грехи. Экипаж заржал. Удо, стоя на коленях, был вровень со «святым отцом».

Кюхельману показалось, что сквозь смех он слышит тонкое, как писк комара, гудение.

«С парохода что ли», — подумал Гюнтер.

Герреро, ничего не понимая, тоже смеялся вместе со всеми. Он был рад, что чем-то развеселил экипаж и теперь его наверняка возьмут. Его хлопали по черному плечу, дергали за кучерявую шевелюру на голове. И никто не заметил, как за кормой лодки низко над водой появилась темная точка, которая, приближаясь, росла в размерах.

Гюнтер еще раз взглянул на пароход. С ним было все ясно. Крен на левый борт усилился, пламя охватило почти всю палубу. Тяжелый черный дым теперь не поднимался вверх, а стелился над водой, скрывая судно. Стрельба затихла. Артиллеристы тоже поняли, что дело сделано.

«Скорее перевернется, чем сгорит», — подумал Гюнтер.

Ревом, будто взрывом, ударило по ушам.

— Воздух! — запоздало заорали насколько глоток.

Едва не задевая винтами воду, не далее чем в ста метрах по правому борту лодки пронесся самолет с поплавками под крыльями и белой звездой на фюзеляже. Заложив крен, по большой дуге он пошел к горящему пароходу.

— Все вниз! Погружение! Вот черт! — Гюнтер был готов провалиться от досады. Смеялся над вахтой американцев, а своя оказалась не лучше! Мыслимое ли дело: проспять самолет!

Разбрасывая пустые ящики от снарядов, команда ринулась в рубку.

— Куда?! — Кюхельман увидел, как мелькнули и исчезли в люке черные ноги.

Палуба мгновенно опустела.

— В перископную, — последним слетев вниз и закручивая за собой люк, скомандовал Гюнтер.

Воздушные пузыри вырвались с гортанным звуком из передних цистерн плавучести.

— Все в передний отсек! — крикнул главный механик.

Набирая ход, лодка исчезала, проваливаясь под воду. Не прошло и двадцати секунд, как на поверхности остался только глаз перископа.

Обхватив тубус и вращаясь всем телом вместе с окулярами, Кюхельман попытался увидеть самолет. В объективе мелькнула черная туша парохода, пылающая теперь от кормы до носа.

— Держись! — только и успел он крикнуть, увидев темный силуэт самолета и отделяющиеся черные точки.

Два взрыва за кормой слились в один. Лодку тряхнуло, взлетевшей водой залило стекла перископа, но о повреждениях в отсеках никто не докладывал. Из гидропоста вывалился акустик, не успевший сорвать наушники, с искаженным от боли лицом.

— Громко, но не точно, — улыбнулся Гюнтер, увидев, как побледнели лица окружающих.

Даже красный свет в центральном посту не скрыл гримасу ужаса, исказившую физиономию Вилли.

— Ничего, сейчас он исправит ошибку, — подал из темноты голос старший помощник.

— Нечем ему больше исправлять.

Отто с недоумением посмотрел на командира.

— Это был «Виджен», у него всего две бомбы. — Гюнтер не смог удержаться от злорадной ухмылки: вот так-то, господин старпом, языки — это хорошо, но и противника знать надо. — Странно только, что он сразу не атаковал, а полетел смотреть корабль, возможно, это нас и спасло.

Он осмотрел центральный пост, подмигнул штурману и увидел блестящие в темноте глаза забывшегося в угол Удо. Про него он совсем забыл.

— Шум винтов, герр командир, — крик акустика вернул его к перископу, — пеленг не меняется, дистанция сокращается. Похож на эсминец.

Вновь повиснув на рукоятках тубуса, Гюнтер пытался высмотреть источник шума.

— На курсовом сто пятьдесят, посмотрите, — подсказал акустик.

Но он уже и сам увидел тонкие силуэты двух эсминцев, несущихся к ним на полном ходу.

Вспотели ладони, по спине пополз предательский холодок. Неприятности в одиночку не ходят.

В один миг они из охотников превратились в дичь. И ситуация была не в их пользу. Не

отрываясь от перископа, чтобы не показывать свою растерянность, Гюнтер лихорадочно обдумывал сложившееся положение. Они на мелководье. Над ними самолет, который в такой прозрачной воде их хорошо видит. До спасительной глубины не меньше двух-трех километров, на подводном ходу не меньше получаса. Не успеть! Эсминцы через десять минут уже будут над головой.

Постаравшись придать голосу спокойные интонации, он оторвался от окуляров и прокомментировал увиденное:

— А вот и запоздавший эскорт для нашего генерала. Двое, и очень торопятся! У кого есть предложения?

Все молчали. Старпом протер рукавом вспотевший лоб. Герберт, присев, вцепился руками в штурманский стол, как будто уже приготовился к бомбежке.

Внезапно в голове у Гюнтера возникла сумасшедшая мысль. Как говорил Вернер Хартман: в диких ситуациях принимай дикие решения!

Повиснув на перископе, он изо всех сил развернул его по курсу. Пылающий пароход не вмещался в объектив. Впрочем, вообще угадывался только контур. Плотный черный дым, стелящийся над водой, скрывал его от глаз.

«Еще метров сто, и нас тоже не будет видно, — стиснув зубы, подумал Гюнтер. — Главное — перископ об пароход не снести. Эсминцы в такой дым не полезут, побоятся столкнуться с кораблем или друг с другом. Самолет нас потеряет, да и долго летать здесь не сможет. До берега далеко, наверняка топливо на пределе. Сколько сможем, отсидимся в дыму, а потом можно попробовать на бесшумном ходу уйти поглубже. Есть шанс, есть! Надо только вцепиться в него зубами и не отпускать!»

— Герр командир! Шумы исчезли! — акустик перебил его мысли.

— Что за черт! — Он развернул перископ на кормовые углы.

Нет, чуда не произошло. Не далее чем в километре он вновь увидел оба эсминца. Отличие заключалось лишь в том, что не было дыма над трубами, они стояли.

«Почему?! — мысли хаосом проносились в голове. — Неужели нас потеряли? Не может быть! Мы только подходим к границе дымовой завесы. Самолет еще здесь и наверняка нас видит. Все не так. С самого начала все не по правилам. Не в меру трусливая команда, поспешившая бросить свой корабль, самолет, не атакующий лодку, а облетающий горящее судно. Остановившиеся эсминцы, когда до цели им осталось всего-то ничего. Что здесь происходит?»

Гюнтер понял, что он упустил что-то самое важное. То, что сложит всю эту мозаику в единую картину. В душе родился тревожный холодок, прополз по позвоночнику и покрыл испариной лоб. Он вновь направил перископ на еле различимый силуэт парохода. И внезапно понял: разгадка здесь!

— Груз! Какой был груз? — обернувшись к доминиканцу, закричал Кюхельман севшим от волнения голосом. Больше всего он сейчас боялся оказаться правым в своей догадке.

На этот раз Удо был немногословен.

Увидев, как вытягивается лицо старпома, Гюнтер и без перевода все понял.

— Полный пароход взрывчатки, — только и смог прошептать побледневший обер-лейтенант.

— Отворот влево на девяносто градусов! — мгновенно оправившись от шока, скомандовал Кюхельман. Теперь он понял, какую надпись видел на контейнерах — «Danger»!

Двигатели взвыли на полную мощность. От разворота всех придавило к правому борту. Гюнтер боялся оторвать взгляд от перископа, ему вдруг пришла в голову мысль, что силой воли он сможет сдержать неотвратимое.

Гигантский шар, полыхнувший в окуляре, показался ярче тысячи солнц. Гюнтер только успел закрыть глаза. Рухнул вниз пол центрального поста, мелькнуло искаженное криком лицо Герберта. Потом все вокруг закрутилось, зарябило. Крики слились в единый несуразный рев. Гюнтеру показалось, что мир вокруг него несется куда-то вверх. Перед

стальной переборкой, внезапно появившейся у лица, он даже не успел поднять руки. В глаза плеснуло кровавой пеленой, он подумал: «Вот и он, мой волчий камень, но как быстро!» Но не успел ощутить боль, потому что его поглотило спасительное небытие.

Вагнер почувствовал, как отрываются и теряют опору его ноги. Голова закружилась, желудок уперся где-то под горлом. Рядом пролетели из камбуза несколько металлических кружек. Погас свет. Что-то больно ударило в спину. Герберт тщетно пытался зацепиться за что-нибудь руками. Сбивая все на своем пути, как таран, он летел куда-то в нос лодки. Невероятная тяжесть навалилась на грудь, в глазах потемнело. Он вдруг понял: это все! Конец! Но страха не было. Вот сейчас и узнаем, какая она, Валгалла, у подводников. Он даже успел улыбнуться, прежде чем провалился во тьму.

Механик Эрвин Фишер безуспешно пытался сбросить с себя навалившегося на него рулевого. Он лежал лицом вниз, намертво вцепившись пальцами в отверстия в палубе для стока воды. Кто-то еще рухнул сверху, ударив чем-то твердым в затылок. Чувствуя, что сознание покидает его, Эрвин дернулся из последних сил в попытке освободить вывернутую ногу. В свете мигающего аварийного освещения рядом со своим лицом он увидел неизвестно откуда свалившуюся крысу. «А ведь ты должна была все предвидеть и сойти еще в Лорьяне...»

Сознание упорно не хотело оставаться в теле, заскрежетал о дно корпус лодки, потом наступила тишина.

3

Тук-тук-тук, — тонким, несмелым ростком пробивалось в тяжелой голове сознание.

Тук-тук! — радостно подхватило сердце, значит, еще живем! Он попробовал разлепить веки и не смог. Попробовал протереть глаза руками, но не почувствовал рук. Нестерпимым набатом голову разрывал нарастающий звон. Что с ним, где он? У него нет глаз, у него нет рук. Мысли с невероятной тяжестью толкали друг друга. Ну конечно, он все понял! У него нет тела! Как прекрасно парить в полной темноте легким невесомым облаком, если бы не этот нестерпимый звон. Его несуществующая, невесомая голова раскачивалась, подчиняясь какому-то непонятному ритму. Добавились еще звуки, он встрепнулся. Они были ему знакомы.

— Командир, командир! Гюнтер, очнись!

Кто-то хлопал его по одеревеневшим щекам. Кюхельман попробовал еще раз открыть глаза и увидел склонившегося над собой Вагнера. Что-то с ними случилось, но что, он никак не мог вспомнить.

— Мы что, живы? — Язык шевелился с огромным трудом, нащупывая во рту осколки разбитых зубов.

— Похоже на то. Во всяком случае, чертей с вилами я не видел. — Герберт перестал его трясти. — Как же тебе досталось — не лицо, а кровавое месиво. Я отправил в корму радиста, где-то там должен быть док. Скоро появится, если только ему самому не нужен доктор.

Он помог Гюнтеру сесть, оперев его спиной о переборку.

С трудом повернув голову, Кюхельман осмотрел центральный пост. В красном отблеске аварийного освещения виднелись следы погрома. Он наморщил лоб, еще чуть-чуть, — и он вспомнит.

Рядом с лицом Герберта появилась черная физиономия с улыбкой до ушей. Выставив напоказ белые — то ли зубы, то ли клыки. «Насчет чертей Вернер поторопился», — подумал он. Рядом зашевелились чьи-то ноги. Из темноты соседнего отсека донесся стон.

В глазах все расплывалось и двоилось. Подавив подступивший к горлу приступ тошноты, Гюнтер внимательно рассматривал появившееся перед ним лицо. Конечно! Он вспомнил доминиканца, а вместе с ним в память ураганом ворвались все последние события. Он дернулся, пытаясь встать.

— Герберт, что с лодкой?

— Все хорошо! Сядь, тебе надо остановить кровь. — Герберт с силой надавил на плечи командира. — Течи нет. Мы целы, как это ни странно.

— Надо уходить или эсминцы нас сейчас добьют!

— Не думаю. После такого взрыва они наверняка считают, что с нами покончено. — Лейтенант нашел в кармане платок и приложил его к ране на лбу Кюхельмана. — А если мы дадим ход, нас могут услышать!

Осмотревшись еще раз, Гюнтер постарался определить масштабы разрушений. Все, что не было закреплено, сброшено на пол. Секстант Вилли. Чьи-то ботинки. Неизвестно как оказавшийся в центральном посту котел с камбуза. Все свалено в одну кучу. Белыми пятнами бросались в глаза чьи-то письма, валявшиеся под штурманским столом. Но воды действительно нигде не было видно. Ботинки вдруг зашевелились, и вместо них появилась голова главного механика. Эрвин стоял на четвереньках и, раскачивая рыжей шевелюрой, с закрытыми глазами издавал жутковатые звуки, похожие на булькающее мычание. Из рта тонкой ниткой тянулась кровавая слюна.

«Ему досталось побольше других», — подумал Гюнтер, кивком головы указав на механика.

Но Герберт с доминиканцем и сами уже заметили его. Удо легко, как куклу, поднял Эрвина и усадил рядом с командиром.

— Как там в корме? — спросил он появившегося из темноты доктора.

— Много с травмами, но тяжелых нет. — Док протянул к его лицу руки.

Кюхельман отмахнулся:

— Сначала механика, я в порядке!

В голове все еще стоял звон, но чувствовал он себя действительно лучше.

Схватившись рукой за свисающий кабель проводов, Гюнтер встал и, дотянувшись, вцепился в рукоятки перископа. Резиновый тубус больно вжался в разбитое лицо, но ничего, кроме зеленой воды, подсвеченной сверху солнцем, не было видно.

— Мы лежим на грунте. — Герберт помогал доктору бинтовать голову начинавшему приходить в себя механику. — Сколько, говорил Вилли, здесь глубина? Метров двадцать, тридцать, не больше.

— Ганс, послушай, что там наверху. — В поле зрения Гюнтера попал выглядывающий из гидропоста акустик.

— Герр командир, я ничего не слышу. Только шум моря. — Акустик виновато пожал плечами.

— Какое море? Ганс, там штиль. Слушай эсминцы!

Весь обратившись в слух, акустик медленно вращал рукоятку антенны. Замкнув полный круг, он отрицательно покачал головой. Кюхельман перевернул один наушник на голове Ганса и припал к нему ухом. Винтов эсминцев он тоже не услышал, но зато четко шипели накатывающиеся друг на друга волны. Так могло шуметь только море при волнении в два-три балла. Он озадаченно посмотрел на горящие лампочки контроля работы аппаратуры. Вроде все в норме. Сколько же времени он был без сознания?

— Кто знает, как давно мы в таком положении?

— Вы хотите знать, сколько времени прошло после взрыва парохода? Минут пятнадцать, не больше, — ответил доктор.

— Все ясно! Ганс, от взрыва твоя акустика сгорела к чертям! — Гюнтер был в замешательстве. То, что не слышно шумов эсминцев, это понятно и логично. Застопорив двигатели, они сейчас чутко прослушивают все вокруг. Но чтобы погода так изменилась за пятнадцать минут! Это невозможно!

— Эрвин! Ты как? — Сейчас, как никто другой, ему был нужен главный механик. Помочь разобраться в сложившейся ситуации, оценить реальное состояние лодки мог только Эрвин с его энциклопедическими знаниями.

На голове механика белела повязка с проступившим на затылке красным пятном.

Левую руку он запустил под китель, массируя сдавленную тупой болью грудь. Правой пытался ощупью найти свою фуражку. Но взгляд его уже был вполне осмысленным, и это командиру понравилось. И, чтобы окончательно развеять сомнения в свой адрес, Эрвин вытер запекшийся рот и, старательно выговаривая слова непослушным языком, спросил:

— Что доложили по отсекам?

Гюнтер подхватил болтающийся командирский микрофон. Он совсем забыл об этой команде.

— В отсеках, доложить о повреждениях!

Эрвин молча кивал, слушая каждый очередной доклад.

— Командир, что ты думаешь об этом? Я ничего не понимаю. Не считая мелочей, у нас все в норме.

— Наверное, в Германии умеют строить лодки, — попробовал отшутиться Гюнтер. Но то, что у них не было никаких повреждений, его тоже смущало.

— Брось, Гюнтер, будь мы даже в танке, от нас ничего бы не осталось. Даже от промахнувшихся бомб с самолета у нас сорвало с креплений генератор. А тут... — Он озадаченно развел руками.

— Не знаю, Эрвин, не знаю. Очевидно, нам крупно повезло. Может, взрыв направленно вверх ушел, может, еще что!

— Судя по тому, что нас здесь трясло, как жуков в коробке, мы должны с десятков раз быть раздавленными.

— Если и дальше будем рассуждать, так и будет! Ты же видишь, что мы целы! — Гюнтер начинал нервничать. Мысль о двух эсминцах не давала спокойно обдумать сложившееся положение. — Еще ничего не закончилось. Давай, Эрвин, рулевых по местам и попробуем приподняться на перископную глубину.

Лодка вздрогнула всем корпусом, в перископе зарябили воздушные пузыри. Прильнув к окулярам, он с нетерпением ждал, когда глаз перископа вырвется из воды.

Еще не веря своим глазам, он взялся покрепче за рукоятки тубуса и сделал два полных оборота. Эсминцев нигде не было видно. Это было странно, но не от этого пересохло у него во рту и на голове зашевелились волосы. Он молчал, понимая, что ничего не понимает. Появись сейчас еще с десятков эсминцев или самолетов, его бы это не удивило. Это было бы плохо, но понятно. Но ничего этого не было, потому что не было НИЧЕГО.

Ни эсминцев, ни парохода или того, что от него осталось. Не было даже следа от еще недавно поднимавшейся черной горы дыма. Были только волны. Догоняя и взбираясь одна на другую, они рассыпались белой пеной. Белым было все море, куда он мог достать глазом перископа. Гюнтеру казалось, что он слышит, как волны шипят, переговариваются между собой и насмеваются над ним. С ошарашенным видом он взял за руку Герберта и ткнул его лицом в окуляры перископа. Потом к перископу подошли старпом со штурманом. В тишине тикал чудом уцелевший хронометр. Все молчали.

Наконец, глубоко вздохнув и пытаясь справиться с севшим от волнения голосом, Гюнтер произнес:

— Кто-нибудь может это объяснить? Док говорит, прошло всего пятнадцать минут.

— Не больше, — подал голос старший помощник. — Я видел стрелки часов и, как все было, хорошо помню!

— Я предлагаю поскорее уходить отсюда! А куда все исчезли и что произошло, будем потом думать, — произнес Вагнер.

— Командир! Я предлагаю сначала осмотреть лодку.

Все уставились, будто видели впервые, на главного механика.

— Эрвин, ты предлагаешь всплыть?!

Обер-лейтенант Фишер выпрямился в полный рост, отряхнул мятую фуражку и надел на забинтованную голову. Стараясь придать вес каждому своему слову, он говорил четко, с металлом в голосе:

— Командир, я не верю в чудеса! И в то, что мы так легко отделались, я тоже не верю!

Поэтому я настаиваю на том, что лодку надо осмотреть, хотя бы верхнюю палубу и внешний корпус. Где гарантия, что, начни мы сейчас движение, лодка не развалится на части? Перед взрывом электродвигатели работали на полную мощность, сейчас стоят. Кто-нибудь их останавливал? Лично я — нет! Решать вам, командир!

Теперь все смотрели на Кюхельмана. Гюнтер задумался. Конечно, Эрвин прав. Он не имеет права рисковать жизнью пятидесяти человек, не взвесив все возможные последствия. В том, что произошло, он винил только себя. Это была цепь его ошибок.

И прервать эту цепь, пока она не привела их к гибели, обязан был только он.

Гюнтер еще раз уткнулся в тубус перископа, отодвинув в сторону старпома. Он передвинул флажок увеличения на максимум. Море по-прежнему было пустынно. Подняв угол обзора и осмотрев залившееся темно-красными красками небо, самолетов тоже не заметил. Солнце касалось горизонта и явно собиралось скрыться за ним. Напутали что-то старпом и доктор со временем — так играть красками на море мог только вечер.

— Приготовиться к всплытию! — Гюнтер больше не сомневался.

Он первым выскочил на верхнюю палубу. Оглядев в бинокль горизонт и еще раз убедившись, что вокруг никого нет, он пристально всмотрелся в бьющие в борт волны. Но чего-нибудь напоминающего о стоящем здесь недавно пароходе не было. Ни плавающих обломков или следов мазута, ни колец дыма или спасательных шлюпок на горизонте. Ничего. Ладно, прав Герберт — гадать, что произошло, потом будем. На корме лодки, нагнувшись и пытаясь рассмотреть сквозь толщу воды горизонтальные рули, стоял Эрвин.

— Гюнтер! Как относительно лодки был пароход, когда он взорвался? — крикнул он, заметив, что командир наблюдает за ним.

— За кормой. Мы только успели отвернуть.

— Мне необходимо осмотреть винты.

— И как ты собираешься это сделать? — хмыкнул Кюхельман.

Он прошел на корму к механику и тоже заглянул на рули. Они показались ему вполне работоспособными, никаких повреждений не было.

— Есть у меня одна мысль. Когда нас готовили к походу, дали одну техническую новинку. Называется акваланг. Говорят, союзники-итальянцы в этом деле преуспели. Мой матрос даже прошел обучение в Вильгельмсхафене. Думаю, самое время их опробовать.

— Может, хотя бы уйдем с мелководья? Вы же видите, что с лодкой ничего не случилось! — произнес появившийся из-за спины командира старпом. Отто нервно крутил головой и вытирал постоянно потеющий лоб. И на этом блестящем лбу было написано единственное желание: скорее уйти из этого неуютного места.

— Отто, вы что, собрались жить вечно? — Лицо Гюнтера тронула брезгливая ухмылка. Затем, положив руку на плечо механику, он сказал: — Делай, Эрвин, как считаешь нужным. — Повернувшись к старпому, добавил: — Удвойте вахту на мостике, смотреть в оба. На верхнюю палубу ротозеев не выпускать, держите экипаж в готовности к срочному погружению!

4

Бруно Лоренц спал тяжелым беспокойным сном. Это был даже не сон, а удушливое и преподносившее ему все новые и новые кошмары забытье. После шестичасовой вахты в машинном отделении Бруно упал в еще теплую после Мартина, сменившего его на вахте, койку. От усталости дрожали руки. Уши заложил грохот дизелей, но к нему он давно привык — вонь соляры и выхлопные газы, травившие из труб, пропитали тело и заменили ему чистый воздух. Когда солнце светило в лицо? Кажется, было это еще на переходе в центре Атлантики. Вахта, сон, вновь изматывающая вахта под аккомпанемент грохочущих двигателей, затем тупое состояние, похожее на сон, и так до бесконечности. День сейчас или ночь, для Бруно было безразлично. Давно смирившись с тем, что он придаток к дышащим жаром дизелям, их мелкая шестерня, винтик, а не человек, он все понимал — так надо, он

подводник и должен терпеть. Так было и так будет до возвращения на базу. Этот замкнутый круг был вполне терпим, если бы не одно «но». Последнюю неделю Бруно мучили кошмары.

Просыпался он измученный и выжатый как лимон. Всегда одно и то же. Бессвязные видения, фрагменты непонятных картин, которые он, как ни рылся в памяти, объяснить не мог. Ни о чем подобном не читал в книгах, не слышал в рассказах любившей фантазировать и придумывать для него сказки матери, когда он еще был малышом. Чаще других снился сон, в котором он парил в полной пустоте, где-то в черном космосе. Тело было невесомым, и Бруно легко направлял себя одним желанием мысли к любой из светящихся в немыслимой дали звезд. Но вдруг появлялось огромное, затмившее половину горизонта, кровавого цвета солнце. В тысячу раз больше того, которое он привык видеть сквозь голубое небо. И вот уже тело не слушается, ужас сковывает руки и ноги. Огромные горячие щупальца тянутся к нему, обволакивают и тянут к кипящей лаве на поверхности звезды. Дымится кожа, горят волосы, обугливаются пальцы. От нестерпимой боли Бруно кричит и продолжает кричать, уже проснувшись. Следующий сон превращал его в маленького мальчика, бредущего по мокрому песку балтийского пляжа. Ласковое солнце припекает макушку, теплый бриз с моря шевелит упрямые вихры. Люди улыбаются и машут ему руками. Но вдруг их лица искажает гримаса ужаса. Рты превращаются в жуткие черные дыры, глазницы пусты. Руки вытягиваются до невероятных размеров и тянутся к нему. Бруно пытается отбиваться и бежать. На их руках всего по три пальца, и они невероятно быстрые и гибкие, обвивают шею, как змеи. Из песка выползают зеленые щупальца и обвивают ноги, он падает. Нечем дышать, потому что рот забит грязным песком и водорослями. Бруно кричит так, что понимает: сейчас разорвутся его легкие. Но он продолжает кричать, потому что не может справиться с ужасом, глядя, как в трехпалые щупальца превращаются его руки. Замолкает, только когда его будят перепуганные товарищи по кубрику.

И так изо дня в день, уже неделю, он шел к своей койке, как на пытку, чтобы через час проснуться в холодном поту, от собственного крика.

С трудом разувшись и перебравшись через борт койки на верхнем ярусе, он рухнул и забылся в очередном кошмаре. Сквозь сон слышались удары орудия. На каждый выстрел лодка реагировала мощным вздрагиванием, с потолка на голову сыпалась ржавчина и падали грязные капли скопившегося конденсата. Бруно отметил про себя повышенную суету экипажа, но не больше, ко всему происходящему он чувствовал полное безразличие. Скоро его посетит очередной кошмар, и это сковывало тело, превращало разум в сжавшийся комочек. В ожидании ужаса сопротивляться не было сил, и он вновь проваливался в бездну...

Руки болтались, и ничего с ними нельзя было сделать. Бруно дергал мокрой головой и никак не мог понять, это уже реальность или еще сон. Кто-то, не особенно церемонясь, тряс его за плечо:

— Лоренц! Просыпайся!

Втянув в себя тягучий влажный воздух, Бруно еще с минуту приходил в себя, не понимая, где он и чего от него хотят.

— Лоренц, вставай и иди на верхнюю палубу. Тебя там ждут командир с главным механиком. Потом отоспишься.

Не проронив ни слова, Бруно обулся. Ничего не спрашивая у разбудившего его вахтенного, нырнул в люк переборки, ведущий из кубрика. Оказавшись на трапе, ведущем из центрального поста в рубку на ходовой мостик, замер. От струившегося сверху свежего воздуха закружилась голова. Только сейчас до него дошел смысл слов, сказанных вахтенным. Не понимая, зачем он понадобился командиру, щурясь от солнечного света, Бруно вылез на верхнюю палубу.

— А вот наконец, Лоренц, и вы! Подойдите к нам! — Обер-лейтенант Фишер махнул ему рукой, подзывая к себе.

Спустившись с рубки, Бруно вытянулся в струнку и, прижав руки по швам, молча переводил взгляд с командира на механика и обратно.

— Лоренц, вы действительно обучались работе с аквалангами? — Командир с

интересом, будто видел впервые, посмотрел на Бруно.

— Так точно, герр командир! Это было после катастрофы U-580. — Ему очень захотелось напомнить, что он был еще в старом, первом экипаже командира.

Тогда всей команде, кроме него, дали отпуск. А Бруно главмех отправил в Вильгельмсхафен изучать акваланг, пообещав, что предоставит ему отпуск попозже. Но, как водится у начальства, об обещании забыл.

Командир кивнул, упоминание о его первой лодке пробежало тенью по лицу.

— Хорошо. Необходимо осмотреть подводную часть корпуса. Обратите внимание на винты, и вообще, нет ли трещин, вмятин. Ну, обер-лейтенант Фишер вас еще проинструктирует. Главное, помните: времени у нас немного, сделать все надо быстро. Вы готовы?

Бруно растерянно посмотрел на главмеха: прошло уже полгода с тех пор, когда он нырял с аквалангом в холодном Балтийском море. После этого его навыки негодились ни разу, и он был уверен, что никогда и не пригодятся.

— Герр командир, я готов! — услышал он собственный голос.

За спиной обер-лейтенанта Бруно увидел появившиеся зеленые баллоны. Внимание командира и главного механика теперь было приковано к ним, и он глубоко вздохнул, переводя дух. Поднимаясь наверх, он был готов к чему угодно, но, что когда-нибудь кто-то вспомнит о его учебе, ему даже не приходило в голову.

Раздевшись до трусов и бросив одежду на палубу, Бруно лихорадочно вспоминал порядок проверки и работы аквалангов. В один миг он стал знаменитостью. Главный механик услужливо помогал пристроить баллоны на спине, кто-то дергал за ногу, натягивая упругие ласты. Свесившись с мостика, глазели сигнальщики.

— Я бы обвязал тебя канатом, но, боюсь, от этого будет только хуже, — помогая надеть маску, сказал главмех.

Открыв вентиль и убедившись, что воздух с шипением поступает в легкие, Бруно улыбнулся и облегченно выдохнул. Все-таки он ничего не забыл. Шлепая по палубе ластами и пытаясь подавить накатившее волнение, он пошел на нос лодки.

— Будешь осматривать корпус — не забывай смотреть по сторонам. Если появятся акулы, мы будем стрелять. Услышишь выстрелы — сразу всплывай, — напутствовал, положив руку на плечо, сопровождавший его главмех.

Перебирая руками дренажные отверстия, Бруно начал спускаться в хлопающие, плещущие о борт волны. Вода оказалась поразительно теплой и ласковой. От неожиданности он отпустил руки и провалился под воду. Справившись с первым приступом паники и выпустив пару серий мощных пузырей, Бруно завертел вокруг головой. Кроме нависающей над ним черной туши лодки, рядом никого не было. Окончательно успокоившись, он начал привыкать к новому для него чувству невесомости. При обучении он погружался в холодную и мутную воду портовой бухты. Видимость тогда была не дальше вытянутой руки, и подгоняло единственное желание скорее залезть обратно, на катер. Бруно осмотрелся. Солнечные лучи, переламываясь и играя причудливой мозаикой, освещали расстелившееся под ним дно. Всюду застыли песчаные волны. Было удивительно, что вокруг не видно никакой жизни. Ни кораллов и водорослей, ни тем более рыб, сколько ни вертел головой, увидеть он не смог. Раньше ему казалось, что тропические моря кишат всякой живностью. Температуру воды тело не чувствовало, и ощущение парения в невесомости, так знакомое по снам, ошеломило.

Темные носовые рули лодки, закрывшие половину неба, отдаляясь, двинулись вверх. Он понял, что проваливается на глубину. Давление сдавило уши, от эйфории не осталось и следа. Судорожно дернув ластами, Бруно уперся руками в скользкий, начавший обрастать зеленой тиной корпус лодки. Внутри слышался лязг металла, работа механизмов, и даже показалось — доносились чьи-то голоса.

Внезапно возникло чувство, что за ним кто-то наблюдает. «Акула!» — пронеслось в голове. Бруно закрутился на месте, пытаясь разглядеть подкрадывающуюся опасность. Но

вокруг было по-прежнему безжизненно. Солнце садилось, лучи, переливавшиеся цветами радуги, превращались в кроваво-красные нити, с трудом пробивавшиеся до дна. Бруно мог поклясться, что по-прежнему чувствует — за ним наблюдают. Как бы он ни повернулся, затылок покрывался мурашками под пристальным, цепким и чужим взглядом. Вначале теплое и приветливое, море превратилось во враждебное и злобное существо. «Быстрее надо заканчивать осмотр и выбираться отсюда», — мысленно подстегивал себя Бруно. Грохочущее, с тяжелым воздухом машинное отделение теперь казалось таким родным и желанным. Перебирая руками по днищу, он медленно начал продвигаться вдоль корпуса. Казавшаяся раньше такой маленькой и тесной лодка превратилась в огромную и бесконечно длинную. Наконец, добравшись до самой широкой части, он понял, что это только середина пути. Ужасно болели руки и ноги. Пояс натер ремень со свинцовыми грузами. Лодка покачивалась на волнах, наваливаясь на Бруно. Никаких вмятин, трещин или пятен топлива не было видно. В одном месте на днище корпуса он заметил стертую тину и царапины. Но повреждением это уж никак не назовешь.

«Где это мы так протерли дно?» — подумал он. Посмотрел еще раз на застывшие под ним песчаные волны. Следа от лодки нигде не было.

Он облегченно выдохнул, когда на длинных валах показались бронзовые винты. Отпустив руки и заработав ластами, Бруно поплыл к ним. Здесь тоже было все в порядке. Обхватив руками вал и повиснув на нем, он решил, что передохнет и будет всплывать. С него хватит, свое дело он сделал. Внезапно, сильнее прежнего, накатило чувство беспокойства. Рядом кто-то был. Чужое присутствие ощущалось всем телом. Бруно охватила паника. Вращая головой до боли в шее, он, как в последнюю надежду, вцепился в гладкую сталь торчащего из корпуса вала винта. По-прежнему никого рядом не было.

Опасность внизу! Мысли хаотично металась в голове и не давали вдохнуть. Он разрывался между желанием немедленно всплыть и еще крепче сцепить руки.

Поджав под себя ноги и развернувшись головой вниз, Бруно увидел ЭТО. За кормой лодки, метрах в пятидесяти, в потемневшей до черноты у самого дна воде светло-серым пятном выделялся правильной формы круг. Сверху плоский, он поднимался над морским дном не выше ладони. Позабыв о том, что надо дышать, Бруно смотрел как зачарованный. Серый, похожий на высеченный из камня неведомым мастером круг был не больше двадцати метров в диаметре. Песчаные волны обходили его стороной, оставляя поверхность чистой и гладкой. Можно было бы принять это за причуду природы. Бруно так бы и сделал, если бы не ощущение, что он смотрит в чужие глаза. Как загипнотизированный, потеряв ощущение времени, он смотрел и смотрел. Иногда казалось, что круг уже и не круг вовсе, а черная бездна, влекущая к себе, и нет сил и желания бороться. Потом он начинал мерцать зелено-фосфорным светом, таким нежным и теплым. Да и не маленький он был, как показалось вначале, а покрывал все дно, куда доставали глаза. Бруно не видел воду вокруг себя, теперь он парил в небесах, где было так легко и чудесно. Его охватил безумный восторг. Он медленно разжал руки, расправил их, как крылья. Выпрямил ноги, теперь у него там не ласты, а птичий хвост, легкий и послушный. Не замечая, как давление сжало голову и грудь, Бруно планировал и смотрел только на круг, боясь потерять его в сгущавшейся темноте. Темной тенью осталась позади корма лодки. Забывая дышать, вытянув вперед руки и помогая ногами, он проталкивал себя сквозь становившиеся все плотнее и плотнее слои тягучей воды. Он желал только одного — скорее прикоснуться к этому могучему и влекущему таинству. Вокруг стало совсем темно. Уже ничего не замечая, но чувствуя животным инстинктом, что ЭТО где-то рядом, Бруно из последних сил дернул ногами. Ладонь коснулась шершавой и теплой поверхности. Тысячи игл прошли по руке и разлились во всем теле. Мозг взорвался миллиардами звезд и огней, унося сознание в беспредельные дали и рисуя невообразимые картины сумасшедшего художника.

Подобно насекомому, попавшемуся в липкую паутину, Бруно замер, повиснув на руке, как на пуповине, не дающей ему всплыть. Он видел себя в глубинах космоса, в вихрях звездных протуберанцев, пронесившихся мимо светил. Огромные и совсем маленькие

планеты пролетали, исчезая в черной бездне, и на всех он был одновременно. Перед глазами проходили лица неизвестных ему существ, их гибкие, трехпалые руки тянулись к нему, касались его лица. Затем его подхватывал новый водоворот звездных огней, сливающихся в огненные росчерки хвостатых комет. Бруно видел, как в тугие узлы скручивалось пространство, сжимая гигантские звезды до размеров футбольного мяча. А маленькие желтые светлячки взрывались, пожирая неосторожно прицепившиеся к ним планеты.

Мозг не успевал все впитывать, рискуя вот-вот взорваться. Легкие сотрясали судорогами тело, нуждаясь хотя бы в одном глотке воздуха. Во рту появился привкус крови. Угрожая выдавить глаза, в лицо вжалась маска. Тяжело, словно чугунные, поднялись веки. Где-то недостижимо далеко вверху брезжил свет.

— Мне необходимо туда, мне обязательно надо быть там. — Сознание затуманенными проблесками пыталось спасти глупое тело.

Бруно сделал несколько вдохов, высасывая последние капли воздуха из баллонов. Непослушными, ватными руками расстегнул ремень с грузами. Догоняя выдыхаемые пузыри и извиваясь, он стрелой понесся к свету. Вылетев из воды и судорожно хватая ртом воздух, Бруно молотил руками, поднимая тучу брызг. Сердце, казалось, не выдержит и сейчас разорвется. Ноги и руки выкручивало в суставах, от страшной боли темнело в глазах. Он попробовал поднять потяжелевшую голову, чтобы увидеть лодку и позвать на помощь. Садившееся красное солнце троилось в глазах, но лодки нигде не было видно. Наконец где-то среди волн мелькнула рубка, очень далеко, ему не доплыть. Бруно попытался крикнуть, но получилось лишь шипение вперемежку с кашлем. Он сорвал маску и поднял ее на вытянутой руке. На это ушли последние силы. Ему даже показалось, что его заметили и кто-то прыгнул в воду... Бруно лежал на спине и смотрел в небо. Таким синим он его еще никогда не видел. Волны качали и перекачивались через него, заливая глаза. Но ему было все равно. Бруно чувствовал, что засыпает.

Резкий запах нашатыря, как гвоздь, вонзился между глаз. Задержав головой, он замахал руками, отбиваясь. Кто-то рядом засмеялся. Сквозь щелки глаз Бруно увидел склонившиеся над ним расплывчатые силуэты.

— Док, он когда-нибудь придет в себя? Впервые вижу такую реакцию на купание. — Это был голос командира. Его Бруно ни с кем не спутает.

— Герр командир, я сам не могу ничего понять. В легких воды нет, никаких ударов или порезов я тоже не вижу. Он реагирует на нашатырь, думаю, сейчас очнется и сам нам все расскажет. — Голос доктора пробивался как сквозь вату. Бруно даже не сразу понял, что док говорит о нем.

— А это что, ожог? Взгляните на его правую ладонь.

— Ну, здесь-то как раз все понятно. Медуза. Такое я видел часто. В Бискайском заливе их тьма. Он потрогал медузу, характерная реакция, но неопасная, скоро пройдет.

— Что вы гадаете, в баллонах нет ни грамма воздуха, он просто задохнулся. Надо было все-таки обвязать его канатом. — А этот тихий голос, почти шепот, конечно же, принадлежал главному механику.

Бруно наконец открыл глаза. Над ним склонились, закрыв солнечный свет, и внимательно рассматривали не меньше десяти человек. Увидев, что он смотрит на них, все заулыбались.

— Ну наконец-то! Ты нас здорово напугал, водолаз! — Лицо командира было ближе других, но почему-то у Бруно не получалось сфокусировать на нем резкость, оно то вытягивалось, то расплывалось в стороны.

— Что-то взгляд мне твой не нравится. Ну-ка, понюхай еще разок.

Увидев, что доктор тянется к нему с ампулой в руке, Бруно сделал слабую попытку отмахнуться.

— Лоренц, как себя чувствуешь? Говорить можешь? — спросил командир.

Бруно хотел сказать, что, конечно, он может говорить и чувствует себя вполне нормально. Но губы его не слушались, рот связало, будто он объелся хурмой. Немного

поборовшись с собой, пытаясь хоть что-то сказать, он закрыл глаза и устало кивнул головой.

— Как лодка? Ты ее всю осмотрел? — вмешался главмех.

«Господи, о чем они думают? Разве может сравниться то, что видел он, с какой-то лодкой? О каких смешных мелочах они говорят, если он прикоснулся к такому величию, в сравнении с которым их заботы — это пыль под ногами исполина размером с вселенную. Я им обязательно должен все рассказать. Не о том они думают, не о том спрашивают...» — Мысли Бруно металась в поисках решения. Он знал теперь гораздо больше их, был на голову умнее их всех, вместе взятых. Но как донести до этих глупцов истину, если их волнует только целостность этой ржавой стальной оболочки?

— Ты что-нибудь видел на корпусе? Скажи, ты видел какие-нибудь повреждения? — Голос главного механика не давал сосредоточиться на главном.

Бруно отрицательно покачал головой.

— Что? Все в порядке? А винты? Ты видел винты? Они тоже в норме? — недоверчиво продолжал допрашивать главмех, тряся его за плечо.

Бруно кивнул. Его удивляло, почему они не спрашивают, где он так долго был? Что он видел? Ведь на его лице написано так много. В его глазах глубина всей вселенной. Неужели они так безнадежно слепы?

Внезапно тело пронзила страшная боль и скрутила его судорогой. Суставы рук и ног выкручивала агония, заставляя корчиться в конвульсиях и биться головой о палубу. Он рычал и плевался хлопьями пены, забившей рот. Мышцы содрогались и стонали, как под ударами электрического тока. Невыносимая боль терзала каждую клетку, каждый атом его тела. Он не чувствовал чужих рук, пытающихся связать его. Не видел доктора, который пытался вогнать в него шприц с мутной жидкостью и торчащей иглой.

Внезапно все стихло. Навалившаяся боль мгновенно исчезла без следа. Бруно обмяк. Не было сил пошевелить даже пальцем. Он чувствовал, как его обвязывают веревкой и опускают в люк рубки, затем передают из отсека в отсек. Руки свисали и бились о стальные ребра переборок. Наконец его измученное тело узнало мягкую поверхность койки. Дальше Бруно уже ничего не чувствовал. Он спал. И впервые за много дней без сновидений и кошмаров.

5

Гюнтер лежал в капитанской каюте и смотрел в потолок. Задернутая тяжелая штора создавала слабую иллюзию уединения. В корме монотонно стучали дизеля. Рядом, в центральном посту, убаюкивающе жужжали механизмы. Покинув Мексиканский залив, они уже двое суток шли в район встречи с кораблем снабжения. Сегодня ночью с нуля часов лодка должна быть в квадрате ED-36.

Гюнтер снова и снова прокручивал в голове события последних дней. То, что они не погибли, он объяснял только чудом. Из этой передраги лодка вышла практически целой, за небольшим исключением. Для капризной и точной аппаратуры такое испытание оказалось не по силам. Гидроакустический пост, по всей видимости, вышел из строя. Хотя Ганс и уверял, что у него все в порядке, верилось в это с трудом. По пути они несколько раз погружались, чтобы послушать и проверить акустику, но, кроме шумов моря и бульканья собственных винтов, ничего услышать так и не удалось. А ведь еще три недели назад распираемый от гордости Ганс давал ему послушать шум работы в порту, до которого было не меньше пятидесяти километров. Но самое неприятное было в том, что вышла из строя радиостанция. Они оглохли и онемели. Гюнтер надеялся, что, возможно, неисправен только приемник, а передатчик уцелел, и регулярно заставлял радиста давать радиogramмы в установленное время о том, что у них все в порядке. Но если все-таки они остались полностью без связи, возникала угроза серьезных неприятностей. Американцы наверняка растребули на весь мир о том, что утопили в Мексиканском заливе немецкую лодку. Штаб Кригсмарине, связав их молчание с этим сообщением, вполне логично сделает вывод о гибели U-166. И, естественно,

никакой транспорт снабжения на встречу не придет. А продовольствие и питьевая вода таяли с катастрофической быстротой. Оставалось вновь надеяться только на чудо. Думать о плохом не хотелось.

«Придем в район, подождем сутки, и если встреча не состоится, тогда и будем ломать голову, что делать дальше», — ворочаясь на койке, думал Гюнтер.

Потом он вспомнил о доминиканце, с ним надо было что-то решать. Выглянув в центральный пост, он увидел Вилли, склонившегося над штурманским столом. Рядом, нахлобучивая на себя водонепроницаемую робу, готовился заступить на вахту старпом. Возле рулевого, сидя на палубе и уронив на грудь голову, спал измученный и осунувшийся за последние дни Эрвин.

— А где наш черный друг? — спросил Гюнтер.

— Вместе с коком перебирает гнилую картошку, — ответил старший помощник. — Последнее время я его вижу исключительно на камбузе.

— Отто, дайте команду, пусть его приведут ко мне. — Гюнтер задернул штору и вновь растянулся на койке. Хотя, что делать с доминиканцем, он так и не придумал.

В голову опять пришли мысли о старпome. За полтора месяца совместного плавания Гюнтер так и не смог в нем разобраться. Для него он был темная лошадка, человек-загадка. Отто никогда ничего о себе не рассказывал, всегда молчал. Если разговор и получался, то только по службе. Иногда он поражал Гюнтера глубиной своих знаний и рассуждений, бывало, шокировал невежеством относительно элементарно-прописных истин из жизни подводной лодки. Своим появлением старпом удивил всех, но особенно командира.

В экипаже U-166 был свой старший помощник обер-лейтенант Вильгельм Кремер. Жизнерадостный, со своеобразным чувством юмора, он был другом Кюхельмана и любимцем всей команды.

В июне 42-го жаркое французское лето жгло немилосердно. Они с Вильгельмом готовили лодку к походу, вокруг все цвело, бурлила жизнь, и ничего не предвещало плохих новостей. До тех пор, пока на их лодку не заглянул только что приехавший из отпуска механик со стоявшей рядом U-506. Курт, как и Вильгельм, был родом из Дюссельдорфа. Он рассказал, что в последнее время англичане несколько раз бомбили их город. Перед отъездом Курт хотел зайти к родителям Вильгельма, но на месте их дома увидел лишь развалины. Что с родителями и Гретой, с которой они только-только успели пожениться, он не знает. С этого момента старшего помощника как подменили. Он замкнулся в себе, осунулся, ни с кем не разговаривал. Когда Гюнтер узнал, в чем дело, он сам взял за руку Вильгельма и повел к командиру десятой флотилии корветтен-капитану Гюнтеру Кунке. Не особенно надеясь на успех, по дороге они обдумывали, какие бы повесомее аргументы выложить на стол начальству.

Поначалу командующий ничего и слышать не хотел. Выход в море U-166 через три дня, война есть война.

Но вдруг он задумался, наморщив лоб, что-то вспомнил и неожиданно пошел на попятную:

— Хорошо, Кюхельман! Отправляйте старпома в отпуск. А насчет замены не беспокойтесь, я приму меры.

Какими оказались эти меры, Гюнтер узнал на следующий день.

Он сидел в своей каюте и составлял ведомость оставшегося имущества, необходимого для похода, когда его вызвал наверх вахтенный.

— Герр командир, вас хочет видеть неизвестный мне господин обер-лейтенант.

Возле сходней, переминаясь с ноги на ногу, стоял невысокий лысоватый офицер в морской форме подводника. Он нервно теребил в руках черную фуражку, стряхивая несуществующую пыль. На вид ему было под сорок, нижние пуговицы застегнутого кителя распирало брюшко. Рядом на бетонном причале стояла сумка, забитая до отказа и застегнутая ремнями на последние дырочки.

— Обер-лейтенант Отто Клубер! Прибыл в ваше распоряжение на должность старшего

помощника! — доложил он, увидев появившегося в рубке Гюнтера и его белую капитанскую фуражку. Свою же он так и забыл надеть на голову.

Кюхельман остолбенел: в свои двадцать восемь лет он считал себя патриархом среди подводников.

«Вот так шутка от Кунке, — подумал он. — Сколько же ему лет? Ожидал чего угодно, но не такого».

Потеряв на несколько минут дар речи, Гюнтер только и смог вымолвить:

— Неужели в Кригсмарине наступили такие тяжелые времена? — Затем, спохватившись, добавил: — Добро пожаловать на борт, обер-лейтенант.

Воспоминания прервали шорох и чье-то топтание за шторой. Догадавшись, кто это боится его побеспокоить, он накинул китель на голые плечи и переступил порог своей каюты. Удо заглядывал в лицо, пытаясь угадать причину, по которой его вызвали к командиру. Доминиканец стоял, ссутулившись, в тесном для него центральном отсеке, в одних шортах, в которых приплыл на лодку, и босиком.

— Я не настолько кровожаден, чтобы выбросить вас за борт, — обратился к нему Гюнтер, используя весь свой небогатый англоязычный словарный запас. — Но и везти вас в Германию, даже в качестве трофея, у меня нет никакого желания.

Удо молча кивал головой.

«Хорошо, — подумал Гюнтер. — Значит, понимает».

— А потому мы с вами поступим следующим образом, — продолжил он, заметив краем глаза, что старпом шепотом переводит штурману и всем, кто находился в центральном посту, о чем говорит командир с доминиканцем. — Сейчас я не могу покинуть этот район, а через сутки мы пройдем возле множества мелких островов. Возле того из них, на котором заметим какую-нибудь цивилизацию, мы вас высадим. Как вы плаваете, все видели, и доплыть до берега каких-то полкилометра вам не составит особого труда. А у нас будет время уйти подальше в море. После того как вы все расскажете, поднимут тревогу, но мы будем уже далеко. В Америке вы станете героем, я уже вижу передовицы газет с вашей физиономией.

Гюнтер улыбнулся, он действительно представил, как Удо отбивается от назойливых репортеров, рассказывая, как провел героическую неделю на борту немецкой подводной лодки. Еще и приврет наверняка.

Лодку то и дело заваливало с борта на борт, погода с каждым часом становилась все хуже. Повернувшись к доминиканцу спиной, Гюнтер дал понять, что вопрос закрыт. Теперь его внимание полностью захватила карта, лежавшая на штурманском столе, перед Вилли. Им предстояло обследовать район 110 на 110 километров в поисках транспорта, с которым они не имели возможности связаться по радио. И это было поважней «загостившегося» у них Удо. Надвигающийся шторм сильно осложнял возможность встречи.

Оттеснив Герреро в угол, о чем-то тихо беседовал с ним старпом. Доминиканец отвечал односложно, все больше ссутулясь после каждого вопроса Отто. Гюнтер хотел спросить, почему старший помощник не торопится заступать на вахту, но его отвлек Вилли.

— Герр капитан, я предлагаю идти в центр, затем вести поиск, разворачивая спираль. — Вилли тыкал циркулем в карту, навалившись на штурманский стол грудью.

Ответить Гюнтер не успел. За спиной, покашливая, попытался привлечь к себе внимание старший помощник.

— Ну что еще, Отто?

— Капитан, на пару слов, — старпом говорил почти шепотом.

«Когда я ему уже объясню, что в военном флоте нет капитанов, есть командиры», — подумал Гюнтер.

— Говорите, у меня от команды нет секретов, — раздраженно ответил он.

Старпом выдержал паузу и, кивнув на Удо, сказал:

— Я хотел бы представить вам радиста с американского парохода.

Гюнтер в недоумении уставился на потупившего взгляд доминиканца. На флоте всегда

считалось, что радисты — это интеллигенты, когорта, посвященная в великие тайны радиоволн, шифров и сложных, понятных только им радиосхем. Уж очень не вязался этот образ с мощной фигурой черного атлета. Да и наслышан он был о том, что негры в Америке допущены только полы мыть за белыми господами.

— Ну и что это меняет, старпом? Я уже сказал, как мы с ним поступим, и решения не изменю!

— Могут возникнуть проблемы. Команда посчитает, что все, что с нами произошло, это полностью его заслуга. Его радиограмма вызвала самолет и ускорила прибытие эсминцев.

«Только самосуда мне не хватало на лодке, — подумал Гюнтер. — Старпом прав, через минуту новость станет известна всем, и вполне могут найтись желающие отомстить доминиканцу».

— Отто! Я всегда знал, что в моей команде служат настоящие мужчины! — он старался говорить так, чтобы его слышали и в соседних отсеках. — Готовые всегда сами совершить подвиг и способные оценить по достоинству смелые поступки, совершенные другими. Вы напрасно волнуетесь, Удо ничего не грозит, во всяком случае, на моей лодке.

Гюнтер обвел взглядом сияющие лица, все были довольны такой высокой оценкой командира, и добавил:

— И дайте ему, наконец, какую-нибудь обувь, его босое шлепанье меня раздражает.

Центральный пост взорвался всеобщим хохотом. Из соседних отсеков высунулись удивленные физиономии.

Старший помощник кивнул и улыбнулся. «Сильный ход, — подумал он, — теперь попробуй тронь доминиканца, и твой ореол героя подводника рассеется вместе с уважением команды. А капитан — молодец, и психолог неплохой».

«Вот так старпом, мне и в голову не приходило, что мы подобрали американского радиста. Удивил так удивил. Логика и цепкий ум ему явно не чужды», — подумал Гюнтер, наблюдая, как Отто взбирается по трапу на ходовой мостик сменить Герберта.

Затем его внимание вновь поглотила штурманская карта.

Очередная накатившая волна с силой ударила в борт лодки. Недовольно запрыгал подвешенный на шнурке тряпочный Микки-Маус, кем-то подаренный Вилли.

Из рубки по трапу слетели вниз во главе с Вагнером сменившиеся сигнальщики.

— Как там, Герберт, крепчает? — спросил Гюнтер лейтенанта.

— Не то слово! Впереди у нас веселая ночь!

«Все против нас, даже погода! — тревожные мысли, как волны за бортом, накатывались одна за другой. — Ночью в шторм мы можем проскочить рядом с транспортом и не заметить его. Ладно, все будет хорошо, главное, не сомневаться — снабженец от нас никуда не денется. Засомневаюсь я, потеряет уверенность экипаж. Надо будет дать команду вычистить лодку от плесени и гнили и готовиться к приему свежих продуктов».

— Найдем! Никуда не денется, у нас целые сутки! — Отметая все сомнения, Гюнтер хлопнул ладонью по карте.

Вагнер стянул с себя прорезиненный плащ и замер, глядя на терзаемого мрачными мыслями командира.

— Дай мне. — Гюнтер протянул руку за плащом. — Сам посмотрю!

Ветер ударил в лицо, едва он выглянул из люка. Военно-морской флаг трепетал, вытянувшись в струну. Тросы антенн раскачивались и подвывали в унисон стихии. Вахта в ожидании шторма стояла, привязанная ремнями.

По местному времени сейчас было около двадцати трех часов. Черная как уголь темень скрывала кипящее вокруг море. Но впереди по курсу стрелы молний металась вверх и вниз, взад и вперед, освещая небо миллионом факелов. Раскаты грома доносились пока еще слабой, но непрерывной канонадой. Еще час, и лодка будет на месте. Вахтенные, как замороженные, смотрели на приближающийся тропический циклон, похожий на гигантскую полыхающую печь, в самый центр которой неслась их лодка.

Гюнтер, держась за поручни мостика, подошел к старшему помощнику.

— Давно я не видел такого представления.

Несмотря на ветер, разговаривать можно было вполне сносно, не напрягая голос.

Старпом молча пожал плечами — что тут скажешь, испытание предстоит не из легких, это и без слов ясно.

Гюнтер нацелил бинокль в темноту. Где-то там, по правому борту, была земля, и где-то здесь, в этих водах, они догоняли парусник «Кармен», когда еще только начинали свой боевой путь, переплыв Атлантику. Казалось, это было так давно и совсем в другой жизни.

Молчание начинало тяготить.

— Как вам удалось расколоть Удо? — произнес Гюнтер, чтобы хоть как-то разрядить возникшее между ним и Отто напряжение.

— Здесь нет ничего сложного. — Старпом сбросил с головы капюшон, чтобы его было лучше слышно. — Поверьте, гораздо проще дураку выдавать себя за умного, для этого надо только раздувать щеки и глубокомысленно молчать, чем человеку умному и образованному изображать из себя простачка. Интеллект в глазах скрыть не так-то просто. Герреро, кроме его родного испанского, знает английский и португальский, не каждый из нас может похвастаться таким багажом. Несколько наводящих вопросов, затем я спросил прямо о его роли на американском пароходе. Врать он не стал.

Пенящийся вал захлестнул рубку, заставив всех на мостике пригнуться. Отто засмеялся, стряхивая воду с промокнувшей головы. Так радуются возможности бросить вызов стихии только настоящие моряки. Гюнтер с интересом посмотрел на старпома.

— Отто! Откройте, наконец, тайну, как вы оказались на моей лодке? У меня не было времени посмотреть ваш послужной список или хотя бы поинтересоваться у тех, кто вас знает. Удовлетворите мое любопытство, уж очень необычный вы у нас старпом.

— Ваше право, вы капитан. — Отто улыбнулся и добавил: — Зато я перед походом узнал о вас много. Что поделать, это преимущество дает служба в штабе.

Хмурая улыбка пробежала у Гюнтера по лицу. Ему было неприятно, что кто-то копался в его личном деле.

— Нет-нет! Не думайте ничего плохого, я не рылся в вашем нижнем белье. — В темноте старпом не увидел изменившееся лицо командира, но правильно расценил его молчание. — Меня интересовала лишь авария с вашей первой лодкой. Извините, если я вам напомнил о тяжелых для вас событиях.

— Ничего. О пятьсот восьмидесятой я никогда не забывал.

...11 ноября 41-го первая его лодка во время учений в Балтийском море столкнулась с вспомогательным судном «Ангелбург». Погибли двенадцать моряков его команды. Было много расследований и разбирательств, Гюнтер уже решил, что на нем как на подводнике поставят крест, но неожиданно, после полугодового безделья, его вызвали и предложили принять под командование океанскую лодку IX серии, U-166.

Его единственной просьбой было оставить с ним как костяк нового экипажа остатки старой команды.

Никогда Гюнтер об этом не забывал, двенадцать жизней тяжелым бременем лежали на сердце. В то же время он отметил, как умело, будто опытный дипломат, старпом ушел от ответа.

Словно прочитав его мысли, Отто продолжил:

— У меня, капитан, не такое героическое прошлое. До войны ходил на судах торгового флота. Сколько их было, сейчас и не вспомню. На последних трех я был капитаном. — Он снова замолчал, затем продолжил: — Какое время было. Поверите, трудно найти порт, где бы я не попил пива.

Гюнтер с удивлением слушал старпома, он уже действительно жалел, что поленился перед походом навести справки об Отто. Возможно, удалось бы избежать некоторых неприятных моментов в их отношениях. Теперь он понял, откуда это упорное обращение: капитан. Привычки, вжигаемые годами, так быстро не меняют. Гюнтер молчал и слушал

рассказы о том, как хорошо до войны принимали немцев во всех уголках мира. Как высоко ценилась немецкая марка, а флаг Германии можно было встретить в любом порту.

Неожиданно Отто оборвал свой рассказ на полуслове, как будто вспомнил о чем-то важном, но невысказанном.

— Капитан, а вам не кажется странным, что, когда мы шли в Мексиканский залив, все побережье светилось заревом огней?

— Отто, вы лучше меня знаете, что для американцев на первом месте бизнес, а потом война. Кто поедет отдыхать на побережье, где все скрыто светомаскировкой?

— Я не о том. За двое суток, которые мы идем обратным маршрутом, я не видел ни одного огня.

— Может, научились, наконец? — неуверенно сказал Гюнтер.

— За два дня? — хмыкнул старпом. — А радиомолчание?

— У нас вышла из строя радиостанция.

— Оба комплекта? — Отто скептически покачал головой. — Наш радист утверждает обратное.

— Он ошибается.

— Странно. Мне он показался грамотным малым. Все время что-то паяет, читает схемы.

— Да, свое дело Ганс знает.

— Но вы ему все равно не верите?

— Послушайте, Отто! Эфир забит всякой ерундой! В любое время, днем и ночью! Музыка, новости, шифровки — наши, чужие! Куда ни крути, всюду вездесущий доктор Геббельс, наконец! А вы меня пытаетесь убедить, что в один день все решили объявить молчание? — Гюнтер сорвался на крик. Все эти тайны ему уже самому порядком надоели. — Он вздохнул и, успокаиваясь, добавил: — Бывает так, что самые мудреные загадки в конце концов объясняются очень просто. Я думаю, это как раз наш случай.

Они вновь замолчали. Вспышки молний вырывали из темноты узкий нос лодки. Он то полностью скрывался под водой, то вырывался из накатывающихся волн. Ветер уже не свистел, а стонал в натянутых тросах антенн. Сигнальщики присели, спрятавшись за борт мостика. Но уходить Гюнтеру не хотелось, он начинал испытывать симпатию к старпому.

— Когда началась война, меня призвали на флот, — неожиданно продолжил свой рассказ Отто, — дали офицерское звание. Сначала обещали назначить командиром на эсминец, затем дать лодку. Я даже прошел курсы командиров в Мюрвике.

Гюнтеру показалось, что старпому тоже не хочется прерывать разговор.

— Да, видно, что-то не получилось, может, мой возраст не понравился, может, еще что-то, но скоро интерес ко мне потеряли, а чтобы я не очень расстраивался, предложили спокойную и непьющую должностенку при штабе флотилии.

— А к нам на лодку как занесло?

— Можно сказать, по идейным разногласиям.

— Отто, неужели у вас еще есть время заниматься этой политической ерундой?

«Только идейного борца мне не хватало на борту!» — подумал Гюнтер.

— Нет-нет! Вы меня неправильно поняли. Капитан, вы же знаете, наши морские традиции не приветствуют членство в какой либо партии. — Старпом даже замахал руками.

Немного задумавшись, он ответил вопросом на вопрос:

— Как вы относитесь к религии?

От такого оборота Гюнтер опешил:

— Наверное, нормально, хотя последний раз я был в церкви, еще когда венчались с Гертрудой.

— Но наверняка знаете святого отца Зигфрида?

— Да, конечно! На флотилии он не последняя фигура.

— Далеко не последняя. Благодаря фанатичной набожности жены нашего Кунке его мнение очень весомо.

Отто подождал, не хочет ли что добавить капитан, и, не дождавшись, продолжил:

— В день рождения фюрера вы уже были в Лорьяне?

— Нет. В апреле я принимал лодку в Кельне.

— Да, конечно. Но наверняка вы знаете, как происходят такие торжества. Вначале пафосные речи, клятвы в верности и любви к фюреру и Германии. Тосты за победу и всякие прочие соревнования — кто перекричит друг друга.

Старпом увлекся рассказом, заново переживая события того дня. Опустив бинокль и навалившись на плечо Гюнтеру, он говорил ему в ухо, стараясь перекрыть свист ветра:

— Святой падре тогда здорово набрался. Взяв слово, он долго распинался о том, как сильно бог любит фюрера, всех немцев и Германию и ненавидит наших врагов. В конце концов, запутавшись в собственном словоблудии и потеряв нить мысли, он замолчал на полуслове. Все притихли, ожидая продолжения застольной проповеди. Но я тогда, наверное, набрался еще больше отца Зигфрида, поскольку вдруг решил, что я должен выступить. Что меня дернуло начать тот глупый спор, до сих пор не пойму.

— Что же вам не понравилось? — Гюнтер с трудом представил старпома подшофе. Не вязался образ молчаливого и спокойного Отто с пьяным спорщиком за столом.

— Уж очень все просто представляет нам наша религия. У меня на этот счет своя теория. Ее-то я и выдал за столом. Видели бы вы, что случилось с нашим падре, да и я тоже хорош — нашел время. Отче чуть не подавился, зато потом высказал такое в мой адрес, несмотря на присутствующих офицерских жен, что звание «еретик» было скорее наградой.

Рассказ старпома прерывался сдавленным смехом. Они с Гюнтером сидели, укрывшись от ветра, как закадычные друзья, обнявшись и наклонившись друг к другу, чтобы лучше слышать.

— Отто, я далек от всего этого и в религиозные споры вступать с вами не буду. Хотя под бомбами эсминцев бога вспоминаю. А вы? Неужели не верите?

Старпом мгновенно посерьезнел. Гюнтеру теперь пришлось напрягать слух, чтобы слышать прекратившего кричать ему в ухо Отто.

— Верю. И посильнее других. Гюнтер, вы не задумывались, почему ни один народ или государство, ни одно даже самое отсталое племя не смогли обойтись без религии? Неважно, какие они придумали культы или способы поклонения, — это все вторично. Почему оторванные от всего мира туземцы приходят к одному и тому же выводу, что и мы, далеко ушедшие от них в развитии?

Гюнтер отметил, что впервые старпом обратился к нему по имени. Но сам Отто, казалось, этого не заметил.

— Интуиция или подсознательная память нам подсказывает, что когда-то с богом мы были гораздо ближе. Хотя я его не называю богом, скорее создателем или всемогущим разумом. Мы даем ему разные имена, придумываем различные истории — сказки, приспособленные под уровень нашей кровожадности или развращенности. Делаем его похожим на нас или помещаем в какую-нибудь каменную статую или дерево. Превозносим и в тоже время требуем или просим исполнения всех наших желаний. Но суть одна — мы все знаем, что он есть. И чувствуем, что своими корнями тянемся к нему. Я уверен, было время, когда мы могли посмотреть в глаза друг другу. Все, что вы видите вокруг, создано им. В том числе и мы, а где, когда и почему мы отделились друг от друга, об этом остается только догадываться.

У Гюнтера мурашки поползли по телу. Бушующая стихия подливала масла в огонь. Он представил, какой маленькой и незащитной песчинкой барахталась их лодка в этой ревущей и бесконтрольной силе. Такими разговорами Отто наверняка обрушит на их голову божий гнев в виде молнии или какой-нибудь особо страшной волны.

Гюнтер, как заговорщик, почти прошептал:

— Ученые говорят совсем другое.

— Ученые... — хмыкнул Отто. — Каких-то пятьсот-шестьсот лет назад такие же всезнайки утверждали, что земля имеет форму чемодана и лежит на китах и черепахе. Сейчас

мы улыбаемся этой наивности, но тогда в это верили. А как вы думаете, над чем будут смеяться наши потомки через пятьсот лет? Не будет ли современное и модное сейчас утверждение, что «материя первична — сознание вторично», вызывать гомерический хохот?

— Не знаю. А что, есть такое утверждение?

— Да... Некоторые философы выдают это изречение за аксиому.

Старпом замолчал. Он вспоминал свой спор с падре Зигфридом. Застолье было в разгаре и шло по накатанному сценарию, со стрельбой по мухам на потолке и обливанием шампанским неизвестно откуда появившихся французских танцовщиц. За столом напротив, посапывая, отдыхал лицом в тарелке с устрицами падре Зигфрид. Отто уже было решил, что все забудется, и утром никто не вспомнит о его выступлении. Он уже пожалел, что метал бисер перед свиньями. Но не тут-то было...

— Вот так я оказался вместе с вами. Но, поверьте, ни разу об этом не пожалел, — продолжил Отто. — Засиделся в штабе, а море — это бальзам на душу. И главное, оно дает время и возможность о многом подумать.

— Размышляете о вашем всемогущем разуме?

— Он не только мой, но и ваш тоже. — Старпом положил руку на плечо Гюнтеру. — И ему глубоко безразлично, какие мы поставили границы друг перед другом, крестимся или бьемся лбом о пол, на каком языке взываем к нему. Даже наши кровопролитные сражения за веру ему безразличны. Я даже думаю, что для него нет разницы между нами и тем же дельфином, который, может, сейчас плывет рядом. Создатель трудился над ним не меньше, чем над нами. Да, я не отрицаю, что бог знает о нас все. О каждом из нас. Но он идет своим путем, стремится к своим целям, которые нам постичь не дано, да и если бы он попробовал их объяснить, мы понять никогда бы не смогли.

Отто вновь замолчал, затем встряхнул головой, как бы разгоняя захватившие его мысли, и, улыбнувшись, подвел итог:

— Вот такая моя теория. Непризнанная, конечно. А кто прав, рассудит время.

— Да... — только и смог протянуть ошеломленный Гюнтер. — И все это вы выложили нашему падре? Ваше счастье, что священникам не положено ношение оружия.

Глядя на сверкающие молнии, он задумался — как странно, вроде бы все люди одинаковы, две руки, две ноги, а что в головах творится, действительно одному богу известно.

Когда из люка высунулся главный механик, от неожиданности Гюнтер вздрогнул. Эрвин щурился, пытаясь рассмотреть в темноте, кто из шести человек, находящихся на мостике, командир.

— Гюнтер, не мог бы ты спуститься вниз?

— Что случилось?

Главмех замялся, но так и не решился объяснить:

— Не знаю, ты это должен увидеть сам.

И, не дав командиру что-либо ответить, снова исчез в люке, загрохотал ботинками по металлическому трапу.

— Сегодня все со мной говорят загадками. — Гюнтер пожал плечами. — Отто, я очень рад нашему разговору. Никогда бы не подумал, что шторм может быть отличным фоном для хорошей беседы.

И, уже взявшись за поручни, скорее почувствовал спиной, чем услышал, как старпом тихо сказал:

— Я тоже рад... командир.

Гюнтер улыбнулся и нырнул в люк.

Внизу его ожидал Эрвин. Увидев свалившегося сверху командира, он махнул рукой и скрылся в люке переборки, ведущей в кормовые отсеки. Окончательно сбитый с толку и заинтригованный, Гюнтер последовал за ним. В кормовом кубрике, кроме механика, уже находились доктор и лейтенант Вагнер. Док мучился морской болезнью и при каждом ударе волны в борт вздрагивал и закатывал глаза, борясь с взбунтовавшимся желудком. Увидев

командира, все замолчали. Гюнтер осмотрел кубрик. Все койки были пусты, кроме одной нижней, на которой лежал с закрытыми глазами, укрытый одеялом до подбородка, несмотря на духоту и влажность, матрос Лоренц. Было очевидно, что из кубрика всех выгнали, любопытные пытались заглядывать в люк из соседнего отсека.

Гюнтер, все еще ничего не понимая, переводил взгляд поочередно на каждого. Герберт молча опустил глаза, доктор схватился за поручни койки и, судя по его виду, держался из последних сил.

— Может, наконец, объясните, что у вас здесь происходит? — спросил Гюнтер.

Вместо ответа Эрвин повернулся к койке и тихо произнес:

— Лоренц, вставайте. Я знаю, что вы не спите.

Бруно открыл глаза, как будто ожидал, когда к нему обратятся. Но подниматься не торопился. Пустым немигающим взглядом он смотрел в глаза командиру. Механик рывком сдернул одеяло. Гюнтеру стало не по себе. Бруно лежал вытянувшись, правую руку он прижимал к груди, пытаясь закрыть ее левой. В кубрике повисла тишина, казалось, даже волны за бортом замерли. В полумраке ровным зелено-фосфорным светом мерцала правая кисть Лоренца, сжатая в кулак. Бруно сел, свесив ноги с койки, и положил руки на колени. Не обращая ни на кого внимания, он закрыл глаза и опустив на грудь голову, ушел в себя. Неприкрытая теперь кисть засветилась еще ярче. Вагнер отступил на шаг.

— Так что, говоришь, док — медуза? — Гюнтер с неприкрытой неприязнью посмотрел на доктора, не обращая внимания на его мучения.

Бледное от морской болезни лицо доктора пошло красными пятнами. Хватая ртом воздух, он сказал:

— Герр командир, поверьте, тогда явно были все симптомы ожога от медузы.

— А сейчас какие симптомы вы наблюдаете?

— Не знаю. Могу только предполагать, что...

— Хватит, — нервно махнув рукой, Гюнтер оборвал доктора на полуслове. — Прощлый раз вы были уверены и попали пальцем в небо. А когда вы предполагаете, тогда, я думаю, и слушать не стоит.

Казалось, доктор вот-вот расплечется. Зашмыгав носом, собравшись с духом, он решил попробовать оправдаться:

— Герр командир, поверьте, меня отправили к вам на лодку не потому, что я глуп и ничего не смыслю в своем деле. А наоборот, потому, что смогу справиться и не опозорить наш госпиталь.

Губы доктора дрожали, на глазах от обиды заблестели слезы.

— Я — хирург. Мне давно доверяют оперировать самостоятельно, несмотря на то что я молод. Но что это такое, — он кивнул на руку Бруно, — не смогут объяснить даже наши профессора. Перед вашим приходом я перелистал все свои справочники — ничего похожего нет.

Гюнтер отвернулся. «Может, действительно, зря погорячился?» — подумал он.

— Команда знает? — спросил у Эрвина.

— Да... Я узнал от них. Мои механики боятся спать с ним в одном кубрике, ютятся в корме на торпедах.

— Команду верни на место, а его отсели.

— Хорошо, — главмех пожал плечами, — что-нибудь придумаем.

— А еще лучше — переселим его на койку дока, — Гюнтер с ехидцей посмотрел на потупившегося доктора, — чтобы ему лучше думалось.

Наклонившись над Лоренцем, он рассматривал мерцающие зеленым светом пальцы — бросалось в глаза, что, в отличие от заросшей волосами левой, правая рука от кисти до предплечья была гладкая и чистая.

— Сам как-то можешь это объяснить? — спросил он Лоренца, не очень-то рассчитывая на ответ.

— Да. — Бруно поднял голову.

Взгляд у него был пустой и чужой, будто он смотрел сквозь командира. Глядя в черные расширенные зрачки, Гюнтер отступил на шаг. Он даже не заметил, что не прозвучало обязательное «герр командир». В нарушение субординации Лоренц сидел на койке и продолжить свой ответ не торопился.

Проглотив подступивший к горлу ком, Гюнтер произнес:

— Не говори загадками, их и так у нас в избытке. Объясни, что произошло.

Лоренц продолжал молчать. Наконец, когда все уже решили, что разъяснения не будет, он тихо выдавил:

— Я прикоснулся к неизвестному.

Механик и командир переглянулись.

«Только сумасшедших мне не хватало, — подумал Гюнтер. — Надо было позвать старпома, такие ответы, скорее, по его части».

— Посмотри на меня. — Гюнтер заметил, как задержались зрачки Лоренца. — Повтори, к чему ты прикоснулся?

В глазах Бруно появились признаки мысли. Будто очнувшись, он осматривался вокруг. Уперевшись руками в койку, попытался встать, отчего все шарахнулись, стараясь увеличить дистанцию. Командир махнул рукой, давая понять, что он может сидеть.

— Там был огромный круглый камень, — Бруно морщил лоб, пытаясь вспомнить, — плоский и круглый, он был теплый...

— Где там?

— Там... на дне. — Зрачки Лоренца сузились и приобрели естественный размер, лицо смягчилось, будто оттаяло.

— Ты опускался на дно?

Командир в недоумении посмотрел на механика:

— Эрвин, такое возможно?

— Почти тридцать метров. — Главмех с сомнением покачал головой. — Сложно что-нибудь сказать. Я не пробовал.

— Док, что скажешь?

— Известен случай, когда экипаж покинул лежавшую на грунте лодку с глубины шестьдесят метров, и ничего, спаслись. — Доктор улыбнулся, обрадовавшись возможности блеснуть эрудицией.

Бруно смущенно улыбался, не понимая, почему ему уделяют столько внимания. Собственные светящиеся пальцы его ничуть не смущали. Он их будто и не замечал.

— Расскажи, как ты там оказался?

Гюнтер смотрел на изменения, происходившие в лице Лоренца. Жалкая улыбка растянула только левую щеку, зрачки под веками дергались, не желая сфокусироваться на лице командира.

— Я увидел это на дне, оно меня звало.

— Говори, док, вижу, что не терпится, — сказал Гюнтер, глядя на доктора, который тянул руку, как школьник, пытаясь что-то сказать.

— Теперь мне все ясно! Он побывал под таким давлением, что удивительно, как жив остался. Это явно отразилось на его сознании. Воздействие глубин на человека еще очень мало изучено. Я вспоминаю, как он корчился, когда всплыл, похоже на недавно открытую кессонную болезнь. Она влечет за собой целый набор неприятностей, в том числе и галлюцинации. Вы же видите, что он не в себе.

— И из-за этого у него светится рука? — Командир с иронией посмотрел на доктора.

— Он мог уколоться о ядовитый шип или иглу какого-нибудь существа на дне. — Доктор не собирался сдаваться.

Все еще сомневаясь, Гюнтер снова взглянул на руку:

— Сам-то смотрел? Уколы есть?

— Нет. — Доктор опустил глаза, ему было стыдно признаться, что он побоялся прикасаться к руке Лоренца даже в перчатках.

— Понятно... — произнес командир, выпрямившись. — Идемте в центральный пост, там поговорим.

Бруно, дождавшись, когда вновь окажется один, лег, свернувшись и поджав ноги. Дыхание стало ровным и замедленным. Глаза под закрытыми веками залились угольной чернотой. Его прервали, а он должен еще очень многое обдумать, заглянуть внутрь своей сущности. Бруно прислушался к себе. Сердце выдавало двадцать ударов в минуту, это много. Он должен добиться не более пяти-шести ударов. Мозг заработал в новом для него ритме, унося сознание прочь из тесной лодки в бескрайнюю бездну космоса.

Нарастая, в голове набатом звенела главная мысль, на которую, как на стержень, наматывались вспышки разума.

«Совершенство...» — шепот заполнял все пространство. «Мутация в совершенство...» — от этого шепота волнами под кожей судорогами сводило мышцы. Он должен совершенствоваться, убивая в себе это слабое человеческое существо, которое все еще пытается заявить о себе, реагируя на других ему подобных.

Лоренц подумал о командире и тут же услышал его голос. От неожиданности Бруно вздрогнул и открыл глаза. В кубрике он был по-прежнему один.

— ...говорите, что об этом думаете, — слова командира звучали четко и громко, будто он стоял рядом. Другие же звуки, наоборот, стихли и растянулись мягким фоном. Даже проникающий всюду грохот дизелей теперь казался легким шуршанием.

Бруно ничуть не удивился, что слышит командира через несколько отсеков и сквозь другие звуки, — он ведь идет к совершенству, и это лишь мелочь по сравнению с тем, что его ждет впереди. Накатила новая волна восторженного трепета.

— Мне важно знать, это заразно или нет?

Наступила тишина, кто-то отвечал командиру, но собеседника Бруно не слышал.

«Кто это может быть?» — подумал он. Затем представил образ доктора, и сразу же услышал молодой голос хирурга.

— ...изолировать, я думаю, не помешает. Когда Лоренц выздоровеет — сказать трудно, буду наблюдать. Попробую несколько лечебных методов.

— Уж не руку ли ему попробуете отрезать? — Командир засмеялся. — Я знаю, все проблемы хирургии решают одним способом.

Ответ Бруно не услышал, очевидно, беседа закончилась. Он вновь погрузился в себя, растворяясь и вырываясь на свободу из собственной оболочки.

Гюнтер лежал на койке в своей каюте. Впереди его ожидали бессонные сутки, и надо было попытаться отдохнуть хотя бы час. С фотографии на стене смотрел адмирал Денниц. Теперь все зависело от него. Мысленно Гюнтер взывал к папе Карлу, глядя в снисходительные глаза адмирала. Поверит в их гибель или все-таки пришлет так необходимый транспорт? Помнит о них или забыл, переключившись на заботы о других своих серых волках? Может, уже валяется где-нибудь в столе силуэтик U-166, снятый с огромного планшета морской обстановки в штабе Кригсмарине.

Гюнтер предался воспоминаниям.

...17 июня они готовились к отплытию к берегам Америки. Причал был заполнен пришедшими проводить их медсестрами с цветами в руках, радистками и планшетистками, выкрикивающими пожелания скорейшего возвращения. Гюнтер даже не догадывался, что на базе служит так много женщин. На стоящей рядом U-506 экипаж размахивал фуражками и кровожадно требовал прижечь американцам под хвостом.

Команда сто шестьдесят шестой, построившись на палубе, улыбалась, польщенная таким вниманием. В руках моряки держали монетки, старые письма, пуговицы и прочую дребедень, чтобы выбросить в воду за удачный поход и возвращение. Гюнтеру оттягивал карман приготовленный для этой цели поломанный перочинный нож. Неожиданно пролетел слух, что провожать их приедет сам папа Карл. Ожидая, выход задержали на полчаса. Скоро на причал выкатился черный «опель» адмирала. Выслушав доклад, он взял Кюхельмана под руку и некоторое время прогуливался с ним перед ошарашенной командой.

— Гюнтер, задача стоит перед тобой сложная и важная. Ты, наверное, почувствовал это по тому, что я прислал тебе такую роскошь, как доктора. Американцы должны пожалеть, что впутались в войну с нами. И ты можешь внести весомый вклад в это непростое дело.

Гюнтер прекрасно понимал: вряд ли адмирал помнит всех своих командиров лодок по именам, для этого есть всезнающие адъютанты. Но какой эффект! Как умело папа играет на его авторитет перед экипажем. Еще бы, их командира знает сам гросс-адмирал!

Не зря все подводники готовы отдать жизнь за своего папу Карла. Какой еще род войск может похвастаться таким командующим?

Напоследок адмирал сказал:

— Гюнтер, я обещаю тебе интересное, но очень необычное плавание.
Как в воду смотрел...

6

Ночь выдалась нелегкая. Небо обложили черные тучи, но было светло как днем. Вспышки молний освещали небосвод. Сотни огненных нитей тянулись в море и возвращались зигзагами с его поверхности назад, в нависшее небо. Канонадой грохотали громовые раскаты. Воздух светился, насыщенный фосфором. Пять часов подряд лавинами обрушивался дождь. Лодка выпрыгивала из воды, оголяя винты, чтобы затем провалиться в бездну. Гюнтер беспокойно ворочался, то и дело вылетая из койки.

Когда шторм наконец прекратился, родился новый день. Он был ярче и чище прежнего, полный надежд и тревог. Стоило первым лучам появиться из-за горизонта, как море стихло и успокоилось. Придавив биноклем красные от бессонницы глаза, Гюнтер обшаривал взглядом пустынное море. Теперь сигнальщики соревновались — кто первый увидит транспорт.

Даже когда солнце поднялось в зенит, вера в чудо продолжала держать в напряжении и ожидании, что еще чуть-чуть, и кто-нибудь радостно закричит, увидев черную точку на горизонте. Но время шло, а горизонт по-прежнему был пуст. Кюхельман то спускался вниз с рубки на внешнюю палубу и вымеривал шагами лодку, то взлетал назад на мостик, в тщетной надежде хватаясь за бинокль. Когда солнце, прочертив дугу по небосводу, коснулось поверхности моря, он сказал старшему на вахте Герберту:

— Вызови ко мне офицеров и сам спускайся.

Гюнтер сидел на фундаменте орудия, обхватив голову руками. Рядом стояли, переминаясь, главный механик со вторым помощником. Ожидали старпома. Наконец появился и он, застегивая на ходу китель.

— Ни для кого не секрет, какая сложилась ситуация, — Гюнтер говорил почти шепотом, не поднимая головы, разглядывая мокрый настил палубы, — до полуночи осталось несколько часов, но дальше жечь топливо глупо. Мы несколько раз прочесали район, и думаю, всем понятно — транспорта не будет.

Он замолчал, осунувшийся и вмиг постаревший на десяток лет под тяжестью потери последней надежды.

— Для возвращения домой топлива вполне достаточно, — продолжил он. И, ожидая подтверждения, взглянул на механика: — Эрвин, что у нас в баках?

— Остаток пятьдесят пять процентов.

— Да... хватит вполне, — кивнул Гюнтер, — вопрос в другом. У нас нет продовольствия! — Он выразительно развел руками: — Все есть! Топливо, торпеды, отличная лодка! Нет только мелочи...

Ветер шевелил успевшую отрасти копну волос на его голове и толкал дрейфующую лодку. Легкая рябь разбивалась о борт.

— Прежде чем принять какое-нибудь решение, я хотел бы выслушать вас. О помощи забудьте, нас списали со счетов — это факт. Рассчитывать можем только на себя, из этого и исходите. Начнем с младшего. — Гюнтер ткнул пальцем в Вагнера. — Говори, Герберт.

— Мы можем попробовать захватить вражеский корабль и перегрузить продукты к нам

на борт.

— За последние дни ты много видел кораблей? Если встретим, так и поступим, я тебе обещаю.

Кюхельман посмотрел на старпома с механиком, выбирая, кому следующему дать слово.

Но Отто опередил его, предложив:

— На запад от нас тянется множество мелких островов — американских, французских, испанских. На многих из них есть жилые поселения. Высадим десант или попробуем мирно договориться — определимся по обстановке. В любом случае можем запастись продовольствием.

Гюнтер выслушал старшего помощника, затем спросил механика:

— Можешь что-нибудь добавить?

Эрвин молча пожал плечами.

— Спасибо, старпом. Вы развеяли мои сомнения. Нечто подобное приходило и мне в голову. — Гюнтер встал, давая понять, что совет окончен. — Все по местам! Идем на запад.

Прочертив в развороте длинную дугу и разбивая набегавшие волны, лодка рванулась вперед, нацелившись носом в багровый диск исчезающего в море светила. Свет мерк, уступая надвигающейся с кормы темноте.

Кюхельман стоял на мостике и молчал. Глядя на него, притихли сигнальщики, боясь оторвать от глаз бинокли. Вагнер тщетно пытался перехватить хмурый взгляд командира. Наконец он не выдержал:

— Это ведь ничего не значит? Правда, Гюнтер? Мы справимся. Представляешь, какой сюрприз будет, когда вернемся?

Герберт заулыбался. Мысль о сюрпризе ему очень понравилась. Но затем по его лицу пробежала тень.

— Как думаешь, семьям уже сообщили?

Кюхельман посмотрел на лейтенанта, будто видел его впервые. Неожиданное щемящее чувство сдавило сердце. Его вдруг охватило предчувствие, что никогда этого не будет. Не будет никакого сюрприза, потому что домой они никогда не вернуться. Не будет больше встреч и новых выходов в море с оркестром на причале. А Гертруду он сможет увидеть только в своих снах. Может, все они уже давно погибли и теперь их удел — скитаться вечно в пустынном море?

Ничего не ответив, он спустился в душную утробу лодки.

Над штурманским столом стоял Вилли с черными кругами под глазами. Его измученное лицо после бессонной ночи было мрачным. Он уже сменил исчерканную карту с квадратом ED-36 на лист с более мелким масштабом, на границе которого виднелась цепочка Антильских островов.

— К утру достигнем побережья, герр командир, — сказал он, заметив командира. — Сначала будут коралловые рифы, там мы вряд ли кого-нибудь встретим, а дальше вглубь тянется множество мелких островов, вполне пригодных для поселений.

Гюнтер хотел сказать, что сомневается, встретят ли они вообще кого-нибудь, но лишь молча кивнул, выслушав штурмана. Постепенно расчеты Вилли захватили его внимание. Меланхолия уступила место рабочему оптимизму. Ему даже стало стыдно за минутную слабость, сковавшую желание бороться. Жизнь продолжается, и это главное! Им всего лишь чуть-чуть не повезло. Ее величество Фортуна на миг потеряла их из поля зрения. А дама она капризная и помогает только сильным и стойким, способным покорить ее сердце.

Постояв еще немного над картой и понаблюдав, как виртуозно, будто бабочка, порхает циркуль над столом в руках Вилли, Гюнтер хлопнул штурмана по плечу и скрылся за зеленой шторой своей каюты. Он достал фотографию, на которой они с Гертрудой улыбались в теплом марте сорок второго. Гюнтер был в непривычном гражданском костюме, сером в полоску, с цветком в левом лацкане, и нежно обнимал Гертруду правой рукой с кольцом на безымянном пальце, которое надевал крайне редко. Лицо жены светилось

безмятежным счастьем. Гюнтер вспомнил, как он тогда рвался в море, не понимая, что счастье бывает таким хрупким.

Раскачивая лодку, за бортом зарождался новый шторм.

Не заметив как, он уснул.

Кто-то довольно бесцеремонно тряс его за плечо. Кюхельман открыл глаза и уставился в склонившегося над ним Вагнера. Из-за спины выглядывали лысая голова старпома и лопухая физиономия Вилли. Лица их были растеряны.

— Командир, корабль на горизонте, — от волнения Герберт едва справился с собственным голосом.

— Что?!!

Остатки сна мгновенно улетучились.

Грудью, как тараном, Гюнтер снес не успевшего освободить проход штурмана. Взлетев по трапу на мостик, он выхватил у сигнальщика бинокль.

Ночь готовилась уступить место рассвету. Еще полчаса, и горизонт обозначится тонкой нитью первых несмелых лучей.

— Там, герр командир!

Четыре руки вахтенных вытянулись, указывая в темноту по левому борту. Теперь и Гюнтер рассмотрел слабый мерцающий огонек. Он то исчезал, то вспыхивал желтым светом. В бинокль размытое пятно переливалось и походило скорее на далекий костер на побережье, а не на сигнальный фонарь корабля.

— Станный какой-то, хотя видно, что он движется, — удивленно произнес за спиной Герберт.

— Не факт, что это корабль, — сказал, втискиваясь на переполненный мостик, старпом. — Я когда-то видел похожие огни. Они блуждают в море, появляясь из ниоткуда и так же исчезают.

«Старпом в своем репертуаре», — подумал Гюнтер и, не отрываясь от бинокля, выразил свои мысли вслух:

— Отто, давайте обойдемся без мистики и не будем запугивать экипаж. — Затем, обращаясь к Вагнеру, добавил: — Команду на рули, тридцать градусов влево. Попробуем сблизиться.

— Акустик ничего не слышит, — произнес старпом.

— Это лишний раз подтверждает, что наша акустика не в строю. Наберитесь терпения, Отто. Скоро все прояснится.

Тропическая ночь постепенно редела, теряя свою плотность, и Гюнтеру показалось, что он видит проступающие контуры корабля. Через минуту темный силуэт разглядели все на мостике, он был гораздо ближе, чем показалось вначале.

— Все вниз! Боевая тревога! Погружение!

Гюнтер не стал рисковать, пытаясь подойти еще ближе к неизвестному судну. Рассвет стремительно наступал. Скоро лодка, оставленная союзницей-темнотой, будет как на ладони.

Подождав, пока главный механик не выровняет перископную глубину, Кюхельман принял к окулярам. Центральный пост притих, ожидая его комментариев. Но Гюнтер молчал уже больше минуты, рассматривая корабль. Наконец он отстранился, предлагая посмотреть старпому:

— Отто, взгляните.

— Идет параллельным курсом, очевидно, цель у нас одна — Антильские острова, — произнес старший помощник, обхватив перископ. — Скорость невысокая, думаю, не больше двух-трех узлов.

— А что скажете о самом корабле?

— Темно еще, не рассмотреть толком. Хотя странный какой-то, похож на допотопный парусник. Три мачты, в длину метров тридцать.

Неожиданно Отто забеспокоился:

— Капитан, они меняют курс! Неужели заметили?

Гюнтер отстранил старпома, но, взглянув в перископ, успокоился:

— Нет, идут против ветра галсами. Странно, но я не вижу никакого флага.

Теперь света было вполне достаточно, чтобы рассмотреть судно. Ночной шторм оставил заметные следы на его парусах и корпусе. Одно из полотнищ на грот-мачте раскачивалось, удерживаясь лишь на нескольких петлях. Выступающий далеко вперед бушприт был опутан канатами, провисающими до воды. Сквозь грязно-белые паруса в нескольких местах просвечивало синее небо. На мощной кормовой надстройке, раскрашенной чередующимися красными и желтыми ромбами, зияли выбитые окна. Гюнтер, рассматривая корабль, озадаченно морщил лоб.

Темные квадратные пятна вдоль корпуса, которые он вначале принял за иллюминаторы, оказались портами, из которых торчали цилиндры, похожие на пушечные стволы. Замеченный сигнальщиками огонь излучал болтающийся на выступающей с кормы рее квадратный фонарь.

— Прямо «Летучий Голландец» какой-то, — удивленно произнес он.

Неожиданно на палубе парусника появилось несколько человеческих фигур. Они прошли на нос судна, показывая друг другу вытянутыми руками на спутанный такелаж. Было очевидно, что их беспокоило состояние судна.

Окончательно сбитый с толку, Гюнтер перевел флажок перископа на максимальное увеличение. Больше самого корабля его поразило, как были одеты моряки, расхаживающих по палубе. Двое — в расшитых красными вензелями кителях, выделяющих их статус. Двое — в рубахах серого цвета, подвязанных цветными поясами. Но у всех сбоку болтались изогнутые то ли большие ножи, то ли короткие сабли. Гюнтеру даже удалось рассмотреть заросшие бородатые лица и косматые гривы. Затем рядом с грот-мачтой появились еще двое. Не обращая на других внимания, они тащили что-то по палубе. Бросив свою ношу у борта, матросы исчезли в люке на палубе, а через минуту вновь появились с каким-то грузом. Подтащив к борту и подхватив поудобнее что-то похожее на мешок, они принялись его раскачивать. У Гюнтера перехватило дыхание: он отчетливо рассмотрел, как перелетел через борт и исчез в волнах человеческий силуэт. Еще не веря собственным глазам, он наблюдал, как матросы подняли и перебросили за борт второе тело с длинными волосами, ему показалось, что это была женщина.

— Они выбрасывают людей за борт, — в замешательстве произнес Гюнтер, отстраняясь от окуляров.

Центральный пост притих, старпом переглянулся с механиком, ожидая разъяснений от командира.

— Живых? — не сдержавшись, спросил дрогнувшим голосом Вилли.

— Не похоже.

Кюхельман вновь приник к перископу, наблюдая, как палубу корабля заполняет команда. Он сразу распознал старшего. Здоровенный детина, на голову выше своих подчиненных, размахивая руками, вероятно, отдавал команды. Матросы разбегались, взлетая на мачты и раскачиваясь на самых верхушках, приводили в порядок паруса.

— Занялись авральными работами, — прокомментировал Гюнтер обступившим его и прислушивавшимся к каждому его слову подводникам. — Трогать пока не будем, посмотрим, куда они нас приведут. — И, отыскав взглядом главного механика, спросил: — Сколько сможем идти за ним на подводном ходу?

— Аккумуляторы заряжены полностью. С такой скоростью миль на шестьдесят...

— ...хватит, — мгновенно откликнулся Эрвин.

Продолжая смотреть в перископ, Кюхельман размышлял вслух:

— Чей он может быть? Какое государство будет использовать средневековый парусник? Бред какой-то... Команда на портовый сброд похожа... Может, контрабандисты?

От этой мысли Гюнтер просиял, она многое объясняла.

— Взгляните, Отто! Похожи на контрабандистов?

Старпом долго смотрел в окуляры и неожиданно спросил командира:

— Капитан, вы в детстве модели кораблей делали?

— Нет, я больше любил с мячом поупражняться.

— А я делал. И в основном парусники. Так вот что я вам скажу. Перед нами классическая каравелла, на таких ходили в море в пятнадцатом-шестнадцатом веках. Как она смогла сохраниться до наших времен, ума не приложу. А контрабандисты предпочитают корабли побыстрее и посовременней.

— Из музея выкрали? — растерянно предположил Гюнтер и, заметив, как ехидно улыбнулся Отто, резко произнес: — Хорошо, объясните вы!

— Я полностью полагаюсь на ваши слова, капитан. Самые мудреные загадки обычно объясняются очень просто, — с плохо скрытой иронией парировал старпом, но, увидев, как потемнело от злости лицо командира, поспешил добавить: — Возможно, нас ждет впереди еще много удивительных сюрпризов, объяснить которые мы сможем не скоро.

И он вновь поспешил уткнуться в тубус перископа, не дожидаясь ответной реакции командира.

— Посмотрите, капитан, как эти ребята быстро приводят свой корабль в порядок! Похоже, дело для них привычное, — произнес старпом восхищенно, отстраняясь и уступая место командиру. Затем задумчиво добавил, обращаясь ко всем: — Нет, это не дилетанты, желающие поторговать контрабандой. Корабль и море — их дом, и команда профессиональная. Хоть в какие угодно лохмотья переодень, все равно видно — моряки от бога. Высота грот-мачты с хорошую радиовышку, а они по ней разгуливают, как по саду у себя дома. Ждут нас еще сюрпризы, ждут... уж поверьте.

Гюнтер поморщился — манера старпома говорить загадками, будто древний оракул, начинала его раздражать. Но с тем, что корабль преображался на глазах, он не мог не согласиться. Паруса уже не болтались бесформенными тряпками, а, поймав ветер, надулись, заметно увеличив скорость судна. Разболтанный такелаж теперь был подтянут, прибавив паруснику стройности.

Солнце уже поднималось в зенит, а они по-прежнему продолжали преследовать парусник, и Гюнтер сомневался, надолго ли хватит заряда аккумуляторных батарей при такой скорости. Спасало лишь то, что каравелле приходилось постоянно менять галсы. А они, вычислив генеральное направление движения, шли по прямой, не упуская корабль из виду.

За спиной подал голос штурман:

— Герр командир, по расчетам подходим к барьеру рифов. Глубина уменьшается.

— Хорошо, следи, чтобы не сели на мель. Хотя парусник идет уверенно. Возможно, они знают проход.

Рассматривая каравеллу, Кюхельман невольно залюбовался слаженной и четкой работой команды. За более чем трехчасовое преследование он начинал различать отдельных матросов и уже предвидел, что каждый из них будет делать при очередной перекладке парусов на новый курс. Больше по рассеянной привычке, чем по необходимости, развернул перископ по кругу, осматривая сияющее цветом бирюзы море. Неожиданно панораму нарушило проплывшее вдалеке темное пятно. Пройдя по экрану слева направо, оно исчезло из вида. Гюнтер вздрогнул, по инерции проскочив появившуюся цель, развернул перископ в обратную сторону. На линии горизонта, то появляясь, то исчезая в подымающихся перед глазом перископа волнах, маячил далекий остров.

Единственное облако в чистом небе, зацепившись за гору, стояло, указывая, как маяк, на клочок земли в море.

— Остров! — удивленно выкрикнул Гюнтер.

И, лишь увидев на шкале лимба курсовой угол — ноль, понял, что цель корабля и, соответственно, их цель уже рядом. Каравелла теперь перестала рыскать, борясь с встречным ветром, а, добавив парусов и завалившись на правый борт, рванула вперед, нацелившись носом на остров, оставив подлодку далеко позади.

Приближаясь и увеличиваясь в размерах, остров начал приобретать форму и краски. Одинокaя гора, облепленная тропической зеленью, делала его отличным ориентиром, заметным за десятки миль. Чем дольше Гюнтер рассматривал движущуюся навстречу полосу земли, тем больше различал мелких деталей. На правом побережье острова белым пальцем, направленным в небо, торчало явно искусственное сооружение, похожее на маяк. Тонкой нитью над тропическими дебрями тянулась вверх струйка дыма. Но, сколько ни всматривался он, вжимаясь лицом в тубус перископа, никаких признаков поселений пока не увидел. Всюду царствовали джунгли.

«Прав, наверное, все-таки я, — подумал Гюнтер, — это контрабандисты, а здесь у них перевалочная база».

Корабль тем временем приблизился к острову и неожиданно исчез.

И только когда лодка подошла к побережью на расстоянии не далее километра, Кюхельман понял разгадку этого исчезновения. Южный берег разделяла надвое узкая бухта, уходящая в глубь острова. Вход в нее скрывала нависающая отвесная скала, превращая бухту в отличное убежище от ветра и любопытных глаз. Сместив окуляр южнее, он рассмотрел узкий вход, с одной стороны ограниченный побережьем с буйной растительностью, с другой — отвесным утесом. Внутри бухты стояла каравелла. У борта раскачивались две шлюпки, заполненные командой и готовые отплыть к берегу.

Но когда Гюнтер перевел взгляд на берег, сердце его забилося чаще. Отвоевав у джунглей узкую полосу вдоль песчаного побережья, ютились, прилепившись друг к другу, около пяти десятков небольших домишек из почерневшего дерева, похожих скорее на лачуги. Особняком на возвышенности, бросаясь в глаза, стоял двухэтажный дом из белого камня с арочными колоннами, подпиравшими террасу на втором этаже. Две раскидистые пальмы обозначали вход, над которым висело полотнище, похожее на флаг. С берега в воду уходила узкая полоска деревянного причала, на которой толпилось с десятков местных жителей. В центре поселка рыжим пятном выделялась вытоптанная центральная площадь с покосившейся деревянной церквушкой на краю. Стараясь рассмотреть детали, Гюнтер метр за метром осматривал деревню. По площади бродили несколько свиней и собак, не обращая друг на друга никакого внимания. К причалу, увеличивая толпу, подходили люди. В основном это были мужчины, одетые в одни брюки, с голым торсом и босиком. Но почти все они были вооружены, за поясами торчали рукоятки ножей или сбоку свисал массивный тесак.

— Интересная публика, — произнес Гюнтер, отойдя от перископа и давая молчаливое согласие посмотреть другим.

Первым подошел Герберт.

— Хотел бы я знать, как мы с ними будем договариваться? — произнес он, хмыкнув. — А взять у них есть что. Поросята были бы очень кстати.

Старший помощник не отпускал рукоятки перископа дольше других, наконец, уступая место механику, он подбил итог своих наблюдений:

— Деревня действительно странная. Никаких признаков электричества, тем более радиостанции. Никакой техники или других достижений цивилизации. Сказать, что это убогая рыбацкая деревня, нельзя — на берегу не видно ни одной рыбацкой сети. Как-нибудь уединившиеся отшельники? Маловероятно. Отшельники тихие и мирные, а эти головорезы, один страшнее другого. Не помешает понаблюдать за ними, а еще лучше провести разведку.

— Высадим десантную группу и загоним этот сброд в джунгли, — решительно заявил Герберт.

— Деревня может оказаться испанской, а они нейтралы, почти наши союзники. Нет, без разведки нельзя, — не сдавался Отто и, обращаясь к Гюнтеру, добавил: — Предлагаю ночью сделать вылазку на спасательной лодке и разобраться во всем на месте. Прошу, капитан, разрешить мне возглавить разведгруппу.

— Старпом прав, без разведки нельзя, — произнес задумчиво Кюхельман. — Смело и тупо мы уже наломали дров.

Герберт промолчал, почувствовав намек в свой адрес. Их злоключения начались после его бесшабашной стрельбы по пароходу.

— Дождемся полной темноты и сделаем вылазку, — продолжал размышлять командир. — Возглавит группу лейтенант Вагнер.

— Но, капитан... — попытался протестовать старший помощник.

— Отто, вы мне здесь пригодитесь. — Гюнтер жестом, не терпящим возражений, осадил старпома. И добавил, обращаясь к Герберту: — Подбери человек пять посильнее, готовьте снаряжение и оружие. Как стемнеет, всплывем, а после полуночи, когда на берегу уснут, вы высадитесь.

Он посмотрел на хронометр. По местному времени сейчас около восемнадцати часов, до наступления темноты осталось чуть-чуть.

Дышать становилось все тяжелее, стрелка указателя углекислоты остановилась рядом с красной чертой. Посмотрев на столпившуюся очередь у перископа, Гюнтер скрылся за шторой своей каюты. Хотелось спокойно подумать. Он раскрыл судовой журнал, чтобы записать события за прошедшие сутки. Сосредоточиться не давала разволновавшаяся интуиция. Похожее ощущение возникло рядом с потопленным пароходом: что-то очень важное упущено, чего-то он не знает или не заметил.

Гюнтер задумался, его не покидало чувство нереальности событий последних дней. Будто затянувшийся сон. Скоро он проснется, и реальный мир навалится, полный опасностей и тревог, с эсминцами и самолетами, но понятный и без разламывающих голову загадок.

За шторой слышалась какая-то возня. Вагнер спорил со штурманом, что-то заметив на берегу. Гюнтер выглянул.

— Посмотри, командир, местное начальство встречает корабль, — произнес лейтенант, освобождая место у перископа.

На причале стоял, выделяясь пестрым нарядом, высокий грузный бородач, ожидая, когда причалит первая шлюпка с каравеллы. На голове у него красовалась огромная красная шляпа с торчащим пером. Такого же цвета куртка с множеством пуговиц в два ряда опоясывалась широким ремнем, на котором висела сверкающая разноцветными камнями шпага. Широкие штаны были заправлены в высокие, выше колен, сапоги.

Гюнтер даже присвистнул от удивления:

— Да... чем дальше, тем интересней.

Шлюпка причалила. Первым выскочил на причал моряк в кителе с вензелями, Гюнтер его видел на палубе каравеллы. Бородатый обнял его как родного сына и повел в красующийся на возвышенности белый особняк.

Кюхельман посмотрел на заглядывающего ему в глаза Вилли и, пожав плечами, сказал:

— Ночью... все узнаем ночью.

Вернувшись к раскрытому бортовому журналу, Гюнтер задумался. Как сделать запись покорректней, ведь не видящий всего этого своими глазами чиновник в штабе Кригсмарине примет серьезный документ за записки сумасшедшего.

Работая над журналом и перебирая в памяти последние события, он не заметил, как пролетело время. Нехватка кислорода все сильнее давила болью на голову. Наконец, едва дождавшись, когда появятся первые звезды и тропическая ночь скроет остров, он дал команду на всплытие.

От мокрой рубки до темного силуэта скалы, нависавшей над входом в бухту, казалось, рукой подать. На берегу не было видно ни единого огонька, даже еще недавно мерцавший фонарь на каравелле был потушен. Свежий морской воздух спускался в лодку, вентилируя отсеки. Столпившись на ходовом мостике и перешептываясь, боясь спугнуть тишину, стояли вызванные командиром офицеры. У борта покачивался надутый спасательный плот.

Кюхельман инструктировал лейтенанта Вагнера:

— Высадитесь у входа в бухту слева. Там густые заросли, и вас не заметят. Не забудь

привязать лодку, и запомни — никакой стрельбы. Оружие применять только в самом крайнем случае, ваша цель — узнать, чей поселок и есть ли тяжелое оружие. Не рискуй, час вам на все, не больше.

Герберт молча кивал, привешивая к поясу подсумок с магазинами для автомата. Ему не терпелось поскорее отплыть к острову.

— Не торопись, подождем еще час.

Неожиданно рядом с кормой лодки послышался громкий всплеск. От неожиданности Вагнер вздрогнул.

— Что это было? — произнес командир, спускаясь с рубки и пытаясь рассмотреть корму.

Вместе со старпомом они пробежали по палубе, вглядываясь в темноту.

— Я ничего не вижу, — прошептал Гюнтер, всматриваясь в темную воду. — А ведь четко слышал всплеск.

— И я слышал, — так же шепотом подтвердил Отто. — Что-то упало в воду.

— Странно... Уж не гости ли к нам с острова пожаловали?

— С берега нас не видно, — с сомнением произнес старпом. — Может, рыба или животное?

Еще немного потоптавшись на корме, они двинулись к рубке, продолжая всматриваться в плещущие о борт волны.

Едва Гюнтер взялся за холодные поручни, чтобы подняться на мостик, как сверху спустился главный механик. Обычно спокойный и флегматичный обер-лейтенант был взволнован.

— Командир, Лоренц исчез!

— Успокойся, Эрвин. Мы все время были на мостике, покинуть лодку он не мог, поищи в отсеках.

— В том-то и дело, что он выбрался через кормовой торпедозагрузочный люк, — растерянно прошептал механик.

Гюнтер остановился, удивленно рассматривая Эрвина:

— Кто дал ему инструмент?

— Мои ребята застали Лоренца, когда он откручивал гайки, — виновато ответил главмех. — Говорят, крутил руками. Вернее, зеленой рукой.

Командир еще несколько секунд озадаченно смотрел на механика, затем, развернувшись, быстрым шагом пошел на корму. Подойдя к деревянному настилу, где был люк, он с силой, уперевшись ногами, потянул за рукоятки. Крышка поддалась, выпустив наружу свет из кормового отсека.

— Так это был он, — прошептал старпом.

— Но зачем? — произнес Эрвин.

— Почему ему никто не помешал? — раздраженно спросил Гюнтер, опуская люк на место.

— Его все побаивались. Последнее время он был очень странный, от одного взгляда мурашки по коже. Мои механики старались держаться от него подальше. А теперь только обрадовались, что Лоренца больше нет.

Гюнтер вспомнил черные, пронизывающие насквозь глаза Бруно. Действительно, даже у него от этого взгляда нарастало чувство тревоги, близкое к панике.

— Знать бы только, зачем он сбежал. Может, это измена и Лоренц хочет предупредить врага?

— Не думаю, — вмешался в разговор старпом. — Виной всему его болезнь и бойкот экипажа.

Кюхельман понимающе кивнул и, обращаясь к Вагнеру, сказал:

— Давай, Герберт, сажай свою группу в плот, дальше тянуть нет смысла. — И тихо добавил: — Да поможет вам всевышний.

Размашисто загребая воду руками, Бруно плыл со скоростью на зависть любому спортсмену-пловцу. Он даже не догадывался, что способен так стремительно двигаться, рассекая волны. Чувство, что вода — это родная стихия, пришло в его сознание, лишь только он провалился на глубину, спрыгнув с палубы лодки.

Рядом маячил утес, темным контуром закрывший на горизонте звезды. Стараясь не терять его из виду, Бруно сокращал расстояние с каждым взмахом руки. Наконец, почувствовав телом, как вода бурлит, обтекая огромные валуны, он остановился, нащупывая ногами каменистое дно, и нехотя побрел на берег. Узкая песчаная полоска отделяла джунгли от морского прибоя. Не раздумывая, Бруно раздвинул огромные листья и исчез в зарослях. Еще не решив, куда ему необходимо двигаться, он с шумом втянул воздух ноздрями и почувствовал, какой огромный и живой мир окружает его — под ногами и вверху на деревьях, на листьях и свалившихся сверху плодах. Но все это были мелочи, не опасные и не заслуживающие внимания. Чувство тревоги молчало. Зрение начало постепенно адаптироваться. Веки задрожали, сжимаясь, стремясь пропустить больше света, зрачки увеличились, принимая форму овала и расползаясь по глазным яблокам.

Теперь Бруно отчетливо видел все почти как днем. Он медленно оглянулся вокруг, поворачиваясь всем телом. Повсюду копошились насекомые, на ветках топтались испуганные и разбуженные птицы. На дереве у подножия утеса, рядом с лицом, Бруно увидел небольшую пятнистую змею. Он замер. До нее было не больше метра. Бруно внимательно рассматривал ее, прислушиваясь к себе, но по-прежнему никакой тревоги не почувствовал. Не обращая теперь на змею никакого внимания, он стряхнул ее, ухватившись за ствол дерева, и полез на скалу. Преодолев тридцать метров крутого подъема, Бруно поднялся на ровную площадку на вершине. Крошечное плато, не более пяти метров в диаметре, было старательно очищено от ползущей снизу растительности. Под ногами лежали сложенные аккуратной горкой ржавые металлические шары.

Внимание Лоренца привлек массивный предмет, назначение которого он не мог вспомнить. На деревянной, грубо сработанной станине лежал тонкий цилиндр из черного металла длиной почти с его рост. Бруно закрыл глаза, уходя в себя. Упрямая глубоко в подсознание слабая человеческая память теперь была ему необходима. И он вспомнил. Так выглядели старинные и несовершенные пушки. Еще раз внимательно осмотрев оружие, Бруно заметил под одним из двух камней, которые закрывали пушку со стороны моря, углубление и лежащие в нем несколько небольших мешочков, заботливо прикрытых листьями от дождя. Порох — тут же всплыла в голове подсказка.

Выставив ствол между двух камней, оружие смотрело в сторону моря, защищая вход в бухту.

Лоренц посмотрел по линии ствола и усмехнулся — в трехстах метрах отсюда стояла стояла подводная лодка, еще совсем недавно бывшая ему родным домом. В покачивающемся рядом с бортом надувной плот осторожно загружались темные силуэты.

С другой стороны, в бухте, стояла каравелла. Отвернувшись от моря, Бруно теперь пристально рассматривал поселок. Ни единого движения. Из одного из домов донесся одинокий собачий лай. Никем не поддержанный, он стих. И опять все поглотила тишина.

Еще не зная зачем, Бруно решил подойти к крайней, стоящей рядом с джунглями лачуге. Спустившись с утеса, он пошел по тонкой песчаной полоске, огибающей бухту, оставляя на песке следы босых ног. До поселка оставалось не более ста метров, когда неожиданно из джунглей донеслось рычание. Лоренц замер. Повернувшись вправо, в сторону листьев папоротника, скрывавших вход в зеленые дебри, он мысленно прощупывал скрытое от взгляда пространство. Реагируя на малейшую вибрацию почвы и веток, Бруно метр за метром исследовал ближайшие заросли. Ничего. Покачивались верхушки нескольких пальм под накатывающим с моря ветром, дрожали листья, сбрасывая капли росы, но движение неизвестного существа не определялось.

«Так мне его не взять», — подумал Лоренц, заглядывая внутрь себя и пытаясь определить, что у него еще есть в арсенале новых проснувшихся возможностей.

Эмоции! — всплыла подсказка. Он замер, настраивая мозг на прием необходимой информации, пытаясь представить, что сейчас видит и думает притаившийся объект опасности. Лоренц вздрогнул. Неожиданный всплеск голодной злости и неконтролируемой ярости окатил его чувства. Указывая на источник излучения, вдалеке на деревьях, появилось белое колышущееся пятно. Размытое и пульсирующее, оно удалялось, обходя уснувший поселок по большому кругу.

Теперь информации было достаточно; крупный и опасный хищник — классифицировал мозг Бруно полученные данные, одновременно обдумывая, что он может ему противопоставить. Но никаких вариантов не возникало, сознание предпочитало решать проблемы в момент их возникновения.

Понаблюдав еще немного за удаляющимся и исчезающим пятном, он встряхнул головой, обрывая связывающую с хищником нить, и пошел к границе поселка.

Не удивляясь, но с интересом Бруно обдумывал свои новые появляющиеся возможности, принимая их как само собой разумеющееся приложение к неожиданно свалившейся на него награде, имя которой — совершенство.

Не дойдя до крайней хижины десятков шагов, он остановился. Деревянное строение с широкими щелями в стенах стояло на самой границе между джунглями и деревней. Заднюю стену оплетали лианы, передняя, с входной дверью, смотрела на пристань.

Лоренц отчетливо почувствовал присутствие людей, их разделяла лишь тонкая преграда из почерневших досок. Что дальше? Он стоял, ожидая внутреннего импульса к действию, подобного тому, который заставил покинуть лодку и плыть к берегу. Но внутренний голос молчал. Подождав еще немного, Бруно свернул в сторону джунглей и скрылся в листьях папоротника. Под ногами зачавкала песчано-глинистая жижа. Спрятавшийся в высокой траве ручей приятно охлаждал ноги. Невольно повторяя путь хищника, Бруно двинулся против течения ручья, огибая по дуге поселок. Раздвигая в стороны цепляющиеся за тело лианы, он удалялся от морского прибоя, все глубже и глубже забираясь в буйные заросли тропической растительности.

Неожиданно он услышал рядом чье-то присутствие. Громкие и гортанные голоса выкрикивали что-то на незнакомом языке. Людей было как минимум двое, один говорил, почти срываясь на крик, другой отвечал тихо, но твердо. Казалось, они ожесточенно спорят, не замечая ничего вокруг. Бруно попытался разглядеть людей по направлению приближающегося звука. Но стена из стволов пальм была непроницаема. Раздвинув свисающие ветви, он вышел на небольшую поляну и остановился, замерев. С другой стороны к поляне, с треском разламывая сучья под ногами, приближались незнакомцы.

Бруно попробовал прощупать их эмоции. Теперь получилось гораздо проще. Сразу же сквозь деревья замаячили туманные, колышущиеся силуэты. Их было трое, но один был значительно ниже других. Целая буря чувств хлынула в голову Лоренца. Здесь были злость и ненависть, жажда крови и желание добраться к цели. Но самым сильным, забивая другие эмоции, был страх. Исходил он от меньшего пятна, колышущегося между двух других.

Ветви разошлись в стороны, и на поляне появились двое бородатых мужчин в высоких, измазанных глиной сапогах и широкополых мятых шляпах. Ругаясь, они волокли под руки связанного, почти голого человека. Вся его одежда состояла из грязного лоскута разорванной тряпки на поясе и пучка листьев, невероятным способом удерживающихся на бедрах. На шее виднелась туго затянутая петля, дальше веревка шла по спине и опутывала в локтях руки. Спускаясь к ногам, она заканчивалась огромным узлом на ступнях. Вытащив свою жертву на середину поляны, бородачи остановились, тяжело дыша. Серые рубахи были мокрыми от пота. Теперь Бруно стоял, скрыв свечение руки под курткой, в метре от них, но они его не видели. Это забавляло. Он их рассматривал и мог потрогать рукой, но для незнакомцев вокруг была непроглядная темнота. Бросив на траву пленника, мужчины опять начали спорить. Рассматривая широкое и короткое мачете на поясе одного из них, Лоренц

неожиданно встретился взглядом с лежащим на земле туземцем.

«Он меня видит!» — понял он.

Сделав шаг от дерева, со стволом которого он сливался в темноте, Бруно положил правую мерцающую руку на плечо стоящему к нему спиной мужчине.

— А-а! — истошно заорал бородатый и как подкошенный рухнул к ногам Лоренца. Слетевшая шляпа скрылась в траве.

От сильнейшего всплеска ужаса, ударившего в голову, Бруно поморщился. Он все еще продолжал прослушивать их чувства.

Второй выхватил зеленое от сока лиан мачете и угрожающе выставил перед собой, стараясь разглядеть появившийся темный силуэт. Наконец, рассмотрев, что перед ним человек, он с выкриком двинулся на Лоренца, размахивая своим оружием.

Его напарник, оправившись от страха, отползал и, упервшись спиной в ствол дерева, еще недавно скрывавшего Бруно, пытался встать.

Не шевелясь и рассматривая описывающее круги мачете, Бруно выставил вперед правую руку и сомкнул кисть на лезвии. Бородатый остановился, пытаясь вырвать свое оружие двумя руками, и, выпучив глаза, смотрел на светящиеся перед ним пальцы. После нескольких безуспешных попыток мужество окончательно покинуло его. Взвизгнув, он разжал руки и бросился в заросли, окружающие поляну. Крики и треск ломаемых веток переполошили спящие джунгли, подняв в небо стаи птиц.

Повернувшись к уже поднимавшемуся на ноги и упирающемуся спиной в ствол дерева второму мужчине, Бруно сделал шаг. Бородатый сжался, приготовившись к рывку вслед за товарищем. На мгновение опередив его, Лоренц выбросил вперед левую руку и сомкнул кисть на его шее, правую, все еще сжимающую за лезвие мачете, он поднес к перекошенному ужасом лицу. Бородач, вдруг тихо выдохнув, захрипел и обмяк, оседая на мокрую землю. От него неприятно пахло спиртом. Бруно с удивлением смотрел на торчащие из травы сапоги. Он видел, что человек жив, но не чувствовал никаких эмоций, чувства, переполнявшие еще секунду назад это тело, теперь будто выключили рубильником.

Переступив лежавшего лицом вниз мужчину и потеряв к нему интерес, Лоренц подошел к туземцу.

Он отчетливо почувствовал вспыхнувший в сознании импульс. Какое-то звено в цепи его действий замкнулось — он сделал правильный шаг. Перехватив за рукоятку мачете, Бруно рассек веревки, связывающие лежащее перед ним тело. Туземец уткнулся лицом в грязь, боясь повернуть голову, его сотрясала крупная дрожь. Страх парализовал его и мешал Лоренцу сосредоточиться. Бруно пришлось изрядно постараться, чтобы поставить туземца на ноги. Он стоял, согнувшись, и закрывал лицо руками, боясь взглянуть на своего спасителя. От него разило сильным мускусным запахом. Теперь Бруно мог рассмотреть дикаря. Оба уха были проткнуты остро заточенными деревянными иглами, лицо и тело пестрели красными узорами, нарисованными глиной, смешанной с кровью. Волосы делились на мелкие пряди, для крепости промазанные грязью. На смуглой шее отпечатался кровавый след от веревки.

Лоренц замер. Он вновь услышал чьи-то голоса. Теперь они едва прослушивались со стороны, откуда он недавно пришел. Бруно насторожился, напрягая слух. На фоне плещущих в берег волн тихо перешептывались несколько человек. Что-то знакомое слышалось в их голосах. Затем он понял, что это высаживаются на берег моряки с подводной лодки.

— Иди. — Он толкнул туземца в спину.

Дикарь не двинулся с места, еще сильнее задрожав всем телом. Бруно взял его за плечо и подвел к бреши в зарослях, еще не успевшей закрыться после появления незнакомцев. Еще раз толкнув туземца, он махнул рукой, указывая направление, и повторил:

— Иди.

Сделав несколько шагов, дикарь остановился, ожидая подвоха. Наконец, сообразив, что свободен, он часто закивал головой и несмело двинулся по едва заметной тропинке, раздвигая листья папоротника. Бруно шагнул за ним, стараясь не терять из виду смуглую,

измазанную бурой грязью спину. Сделав не более десятка шагов и постоянно оглядываясь, туземец неожиданно остановился, повернулся, приложил руку к груди и произнес:

— Муну.

Бруно остановился, на секунду задумавшись, скривился и ухмыльнулся. Дикарь пытается с ним знакомиться. Толкнув его в третий раз в спину, он повторил с металлом в голосе:

— Иди.

— И-иди, — растягивая и пробуя на вкус новое слово, повторил Муну. Теперь, посчитав, что церемония знакомства состоялась, он потрусил по тропе.

Бруно бежал сзади, сохраняя дистанцию в полтора метра. Туземец, оглянувшись и заметив, что для белого человека совсем не тяжело бежать рядом, заметно прибавил темп. Для него это был естественный способ передвижения по джунглям.

Тропа то исчезала вовсе, то переходила в широкие, затопленные разлившимися ручьями поляны. Свисавшие лианы путались под ногами, колючие ветви били по лицу и царапали кожу, оставляли красные полосы на теле.

Так они бежали уже больше часа. Бруно не чувствовал боли, хотя ноги кровоточили, правое колено было разбито и заметно почернело. Не было и одышки от изнурительного бега. Тело теперь само задавало собственный ритм, выжимая из мышц предельную нагрузку.

Неожиданно Муну остановился как вкопанный. Бруно едва не врезался в его спину.

Лицо туземца исказилось гримасой животного ужаса. Перестав дышать, он смотрел загнипнотизированным взглядом перед собой. На поваленном стволе, преграждавшем им дорогу, сжавшись для прыжка, замерла огромная пятнистая кошка. Поблескивая зелеными глазами и выпустив черные когти, она нервно покачивала хвостом.

Запоздало взорвалось в голове ярким огненным шаром чувство опасности. Бруно замер. Доверившись интуиции туземца, он прекратил прощупывать окружающее пространство, сосредоточившись на созерцании глубин собственного мозга. И теперь, впервые за последнее время, пребывал в растерянности, не зная, что предпринять. Не было времени классифицировать животное и обдумать меры противодействия. Секундный выигрыш во времени объяснялся легким замешательством зверя из-за того, что их было двое. Будь сейчас Муну один, лежать бы уже ему в траве с разорванным горлом. Но решение хищник уже принял, вздулись мышцы под пятнистой кожей. Обнажились белые клыки. Глаза сверкнули зеленой злобой.

Время для Бруно будто остановилось. Все! Сейчас могучая пружина из стальных мышц бросит пятнистую машину убийства им на грудь. Уходили последние доли секунд, а Бруно по-прежнему не знал, что делать. Как замороженный он смотрел в горящие хищной яростью глаза.

Дальше все произошло само собой. Стремясь опередить хищника, в голове проснулась неведомая сила. Импульс опасности увеличился на порядок, превратившись из огненного шара в полыхающее пламя, и, умело отраженный, будто зеркалом, стремительно рванулся в сузившиеся зрачки зверя.

Хищник замер. Звенящие от напряжения мышцы свело судорогой. Огонь в глазах погас, сменившись тусклым мерцанием страха и удивления. Не поняв откуда, но явно почувствовав угрозу своей жизни, зверь вжался в ствол дерева, с тревогой озираясь по сторонам. Утратив всякое желание охотиться, он прыгнул, пролетел мимо окаменевшего Муну и исчез в прогнувшихся ветках кустарника.

Бруно шумно выдохнул, чувствуя, как затихающими волнами колыхается, успокаиваясь, его мозг.

Взгляд туземца теперь излучал благоговение. Он рухнул лицом в траву, вытянув перед собой руки в направлении Бруно.

«Опять», — подумал со злостью Лоренц. Поведение дикаря начинало его раздражать. Он произнес ледяным голосом:

— Встань и беги.

Муну не понял незнакомых слов, но властный голос и красноречивый жест сделали свое дело. Он поднялся и, заискивающе взглянув на Лоренца, пошел вперед.

И вновь их хлестали ветви и лианы пытались накинуть петли на шеи. Муну бежал, уворачиваясь от летевших навстречу острых сучьев и загораживающих видимую только ему тропу шипастых кустарников. Бруно несся за ним, как многотонный локомотив, проламывая себе дорогу и не очень-то жалея собственное тело.

Теперь он постоянно прослушивал и прощупывал своими ощущениями пролетающие мимо джунгли. Пару раз он заметил и оценил как потенциально опасных крупных существ, лежавших на берегу мелкого водоема под широкими листьями водяных растений. Но такой мощный спектр чувств, исходящий от свирепой кошки, больше не встречался.

Когда чистая синева рассвета начала пробиваться сквозь густые кроны деревьев, Бруно неожиданно услышал далекий шелест прибоя. Он понял — они пересекли остров и теперь находятся на противоположном побережье, свободном от деревьев и усыпанном камнями. С другой стороны темной стеной высились джунгли.

От лавины света, обрушившейся сверху, Бруно на мгновение ослеп. Глаза конвульсивно задергались, изменяя форму и сужая зрачки. Когда зрение адаптировалось, Лоренц увидел около двух десятков свитых из толстых веток и обвязанных нитями лиан, будто птичьи гнезда наоборот, небольших хижин.

Из них несмело выглядывали похожие на Муну туземцы. Несколько дикарей, раскрашенных красной и голубой глиной, заняли центр поляны, угрожающе выставив перед собой длинные заостренные колья. Муну обошел их и направился к хижине, возле которой стоял туземец с длинными, заплетенными в многочисленные косички волосами. Тело его было раскрашено поярче других. Муну упал перед ним на колени и уткнулся лицом в траву. Раскачиваясь и подвывая, он начал рассказ о своих приключениях. Его соплеменники слушали, с нескрываемым трепетом поглядывая на Лоренца.

Бруно напрягся, пытаясь услышать общее настроение. Закрыв глаза, он обхватил голову руками. Толпа гулом ужаса и удивления отреагировала на его правую руку.

Нет, никакой опасности Лоренц не услышал. Здесь витала атмосфера первобытного страха. Он шагнул в сторону туземцев, и толпа тут же поспешила расступиться. Бруно пошел плавными, растянутыми шагами в сторону вождя, показывая всем пустые руки. Возле одной из хижин он заметил лежащего на траве ребенка с закрытыми глазами. Девочка, не старше десяти лет, еще была жива. По бледному лицу ползали жирные мухи. На распухом плече виднелись два отверстия с черными краями от змеиного укуса. С каждой минутой искры жизни угасали в маленьком смуглом теле. Никто из соплеменников не обращал на нее никакого внимания. Змеиный яд уже завершал свое дело, это было ясно всем, и с ней уже простились, позабыв о ее существовании.

Что-то шевельнулось в темных глубинах души Бруно. Он удивился. Нет, ему были абсолютно безразличны мучения девочки. Удивительно и неприятно было то, что на волю пытался вырваться слабый и хилый человеческий росток. Бруно считал, что со всем человеческим, путающимся у него под ногами на пути к совершенству, он уже покончил. Но волна жалости и человеческой слабости продолжала расти. Это становилось невыносимо. Посыпались образы, замелькали лица. Кажется, у существа, которое раньше владело этим телом, была сестра, похожая на обреченного ребенка. Голова раскалывалась от взбунтовавшегося человеческого «я». Сознание раздваивалось и терялось в болезненной борьбе с самим собой. Бруно чувствовал, что теряет опору, твердыню своего нового совершенного разума, с таким трудом созданного на жалком фундаменте слабого человека. Просчитав с математической точностью возможность угрозы столь желанному процессу мутации в совершенство, впервые мозг нового Бруно искал компромисс.

Да! Он уже многое умеет и знает. Да! Вероятнее всего, что он сможет помочь погибающему ребенку. И он сделает это! Но взамен человеческое существо, прячущееся в недрах его сознания, исчезнет без следа и навсегда. Закипавшая волна жалости замерла и покатила назад.

Сделка заключена.

Лоренц присел возле задыхающегося ребенка и накрыл рану зеленой ладонью. Еще не зная, что делать дальше, он закрыл глаза и увидел действие змеиного яда. Кровь сворачивалась, образуя сгустки, которые закупоривали кровеносные и легочные сосуды. Сердце из последних сил проталкивало густую кровь. Громадное внутреннее кровоизлияние стало причиной падения кровяного давления. Не зная медицинских терминов или состава змеиного яда, Бруно понимал, что так оно и есть. Рука задрожала, излучая широкий спектр частот, очищающих кровь и убивающих яд.

Лоренц сидел, дрожа от напряжения, в кругу обступивших его туземцев. Сосредоточившись, он не видел никого вокруг. Борьба за жизнь оказалась не такой простой, как показалось вначале. Солнце повисло в зените, когда он наконец понял, что победил. Бруно шумно выдохнул и открыл глаза. Первое, что он увидел, — широко раскрытые и мокрые от слез глаза ребенка. Что-то шевельнулось и легким дуновением прокатилось, исчезая, по росе на траве, по тонким стеблям красных цветов, разбросанных вокруг, по дрожащим листьям на ветру. Шевельнулось и затихло. Бруно понял — порвалась последняя связующая нить. Последние человеческие крохи его сознания погибали, растворяясь в небытии. Ему даже показалось, что новый чужой разум тронула легкая щемящая грусть.

Сделка состоялась.

Теперь ничего не стоит на его великом пути.

Он получил то, что хотел. Чистый разум, лишенный опутывающих чувств и эмоций. Мозг, изменяющий и совершенствующий себя. И четкая цель, определенная в двух главных для него словах — мутация в совершенство.

Лоренц встал и огляделся вокруг. Что он здесь делает? К чему эти окружающие его пигмеи? Но уйти не давал внутренний голос, посылая подсказки — где-то здесь находится недостающий элемент для общей картины под названием: формирование нового Бруно. Он должен его понять и найти.

Не обращая ни на кого внимания, Лоренц вышел на середину поляны, заменяющей туземцам площадь. Он чувствовал: внутри него происходит таинственное движение, будоражащие воображение процессы.

Окружающие лица смазались, кроны деревьев закружились и слились в сверкающий хоровод. Вселенная вновь наваливалась, вытесняя ненужные ощущения реальности. Засияли далекие миры, таинственные цивилизации манили и гипнотизировали.

Бруно сел, скрестив ноги, закрыл глаза, почти остановил дыхание и сердце. Тело приобрело каменную твердость. Обрушившийся дождь смывал кровь вместе с выпадающими волосами. Самые смелые туземцы отваживались потрогать его, но Бруно было все равно. Дистанция, разделяющая их, измерялась миллионами световых лет.

8

— Гребите левее, — шепотом командовал лейтенант Вагнер. — Вы что, не видите, мы не туда плывем. Держите направление на левый берег от входа в бухту.

— Герр лейтенант, здесь сильное течение. Нас сносит к скале, что справа от входа.

Герберт и сам видел бесполезность борьбы с течением. Четверо гребцов тяжело дышали, выкладываясь из последних сил. Легкую резиновую лодку неумолимо несло к шумящему берегу под темной скалой. Днище прошелестело о подводный камень, ударив в ноги сидящим в лодке. Набежавшая волна перебросила их через спрятанные под водой валуны, и нос лодки закрипел о песок.

— Приехали, — прошептал Герберт.

Вагнер с четырьмя матросами привязали лодку к одинокой пальме, торчащей из кустарника, и, проверив, чтобы не брэнчало оружие, осторожно вошли в джунгли.

Приблизительно представляя, в какой стороне поселок, лейтенант повел свой небольшой отряд через густые заросли. В непроглядной темноте приходилось продираться

ощупью сквозь толщу из сухих веток, связанных лианами, и вязких стеблей с огромными листьями. Герберт уже пожалел, что вместо автоматов они не взяли с камбуза топор и пару ножей для разделки мяса. Под ногами в траве, и над головой, в кронах деревьев, всюду слышались шорохи, возня от кипящей вокруг жизни. Вагнер чувствовал себя слепцом в мире зрячих. Он поднимал ногу и не видел, опустится она на мокрую траву или на голову какой-нибудь ядовитой твари.

Внезапно впереди кто-то вскрикнул. Герберт мгновенно замер, вспотевшей ладонью сжимая рукоять автомата.

— Тише, — прошептал он.

Но и без его команды отряд остановился, скованный страхом. Они простояли несколько минут, боясь шелохнуться, но выкрик больше не повторился.

Справившись с накатившим чувством паники, лейтенант осторожно пошел вперед.

Заросли стали реже, и они вышли на небольшую поляну. Над головой открылось звездное небо, и Вагнер облегченно вздохнул. Теперь хотя бы он мог видеть темные силуэты подводников.

— Отдохнем немного здесь, — шепнул он им.

Они стояли, тяжело дыша, но никто не решался присесть.

— Густав, это ты? — Герберт прикоснулся к одному из стоявших рядом матросов.

— Я здесь, герр лейтенант, — прошептал наводчик орудия.

Густав был самый рослый и сильный из его артиллеристов. И потому подбор своей разведгруппы Вагнер начал с него.

— Компас у тебя с собой?

— Нет, герр лейтенант. Вы приказали не брать ничего лишнего, только оружие.

— Да-а, — протянул Герберт. — Знать бы теперь, куда идти.

— Море шумит там, — прошептал Густав, махнув рукой назад. — Идти надо вперед и чуть левее.

Неожиданно один из моряков приглушенно вскрикнул. Вагнер скорее почувствовал, чем увидел, как у них в ногах зашевелилось что-то темное и крупное. Сердце бешено заколотилось. Подводники замерли и, затаив дыхание, наблюдали, как «что-то», тяжело дыша, поднимается и превращается в человеческий силуэт. Незнакомец тоже их увидел. Вагнер смотрел, как раздувается его грудь, с шумом набирая воздух.

«Сейчас закричит», — подумал Герберт и хотел сказать Густаву, чтобы тот зажал незнакомцу рот, но не успел.

Густав среагировал самостоятельно. В воздух взлетели его руки с зажатым автоматом, и четыре с половиной килограмма вороненой стали обрушились на голову незнакомца, который тяжело осел к ногам Вагнера.

— Густав, ты же его, наверное, убил, — произнес Герберт, склонившись над телом.

Густав виновато пожал плечами, затем облегченно вздохнул, услышав хриплое дыхание несчастного.

— Свяжите его, — скомандовал лейтенант. Заметив, что никто не двинулся с места, спросил: — У кого-нибудь есть веревка?

Ответом было молчание.

«Да... хорошо подготовились», — подумал он.

Зашуршали раздвигаемые ветки, и что-то холодное и мокрое ткнулось Герберту в ладонь. От неожиданности он вскрикнул, отдергивая руку. Поскуливая и пытаясь еще раз лизнуть, перед ним стоял огромный лохматый пес. Вагнер попятился и едва не упал, споткнувшись о растянувшегося на земле незнакомца.

— Сейчас, герр лейтенант, я его... — прошептал Густав, поднимая ствол автомата.

Но собака, почуяв неладное, исчезла, нырнув в кусты.

— Больше не появится, — удовлетворенно произнес Густав.

— Или появится, но только уже с хозяевами, — сказал кто-то у него за спиной.

«Все, хватит», — подумал Герберт. Испуг от появления пса был последней каплей,

смывшей его решительность.

— Берите его, — шепнул он, кивнув на силуэт у ног. — И бегом к лодке.

Подхватив за руки и ноги хрипящее тело, они поволокли его на шум прибоя. Подгонять никого не пришлось, Вагнер едва поспевал за моряками, торопившимися поскорее покинуть наводящие ужас джунгли.

Лодка была на месте. Бросив пленника на дно, они потащили ее в воду.

Когда лодка закачалась на волнах, завозился, приходя в себя, незнакомец. Герберт снял с головы Густава пилотку и заткнул пленнику рот.

Наконец резиновый нос уперся в стальной борт подводной лодки.

— Быстро вы обернулись, — удивленно произнес командир, помогая Вагнеру подняться на палубу.

— А это кто? — Старпом первый рассмотрел лишнюю фигуру в лодке.

— Наш трофей, — с гордостью ответил Герберт.

Пленник, выпучив глаза и двигая челюстями, пытался избавиться от пилотки во рту. Получив пару увесистых тумаков, он притих и, когда его передавали из раскачивающейся спасательной лодки на палубу, не сопротивлялся и покорно переставлял ноги по технологическим отверстиям в борту подводной лодки.

— Куда его, командир? — спросил Вагнер. — Внутрь?

— Нет. Принесите фонарь и отведите за рубку, чтобы с острова не было видно.

Матросы протащили пленника сквозь толпу любопытных и, усадив на палубу, привязали к трапу.

Старпом осветил его лицо фонариком и произнес:

— Чья пилотка? Заберите у него изо рта.

— Будет кричать, — уверенно констатировал Герберт. — Нам уже один раз пришлось его успокаивать.

— Как же тогда мы его допросим?

— Ничего, я думаю, обойдемся без крика. Ведь правда? — произнес командир, обращаясь к незнакомцу. — Вы понимаете немецкий язык?

И, не дождавшись ответа, выдернул закрывавшую рот пилотку.

Пленник кричать не стал. Он пытался отдышаться после вынужденного воздушного голодания. От него разило тяжелым сивушным перегаром.

— Фу-у, — сморщился и замахал рукой Отто. — Что они там пьют?

Жмурясь под лучом фонаря, незнакомец произнес несколько слов на незнакомом языке.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Гюнтер старпома. — На какой язык похоже?

— Кажется, португальский или испанский.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись от пришедшей им одновременно в голову мысли.

— Удо!

— Конечно! — Отто обвел взглядом стоявших вокруг и, не увидев доминиканца, скомандовал: — Быстро ведите сюда нашего черного радиста! Кстати, капитан, Удо уже неплохо освоил немецкий! Своими способностями он меня удивляет.

Пленник, ослепленный фонарем, затравленно озирался. Гюнтеру показалось, что сейчас он забьется в истерику и без крика все-таки не обойдется. Он с интересом рассматривал одежду незнакомца. В разорванной рубаше и неопределенного цвета шароварах ничего примечательного не было, но сапоги — высокие, с изломами на коленях, из толстой, красного цвета кожи, — такие Гюнтер видел впервые.

Наконец появился Удо. Уже зная, что от него требуется, он без лишних вопросов раздвинул двойное оцепление и, тронув пленника за плечо, обратился к нему на португальском, затем на испанском языке.

Но едва незнакомец рассмотрел Удо, как его лицо исказилось от злости. Сказав несколько слов, будто пролаяв, он готов был испепелить доминиканца взглядом.

Удо отшатнулся, как будто его ударили.

— Что он вам сказал? — спросил старший помощник.

Герреро молчал, сжимая кулаки.

— Удо, — обратился к нему старпом, беря под руку и разворачивая лицом к себе. — Что бы он вам ни сказал, вы должны нам переводить. Даже если он прошелся по вашей матушке, мы это тоже должны знать. Вы меня поняли?

Доминиканец кивнул, но продолжал молчать.

Отто начинал терять терпение.

— Так что же он вам сказал? Говорите дословно.

Удо проглотил ком в горле и с трудом выдавил:

— Не трогай меня, раб.

Командир со старпомом удивленно переглянулись.

— Где ты нашел этого рабовладельца? — спросил Гюнтер Вагнера.

— Рядом с поселком. Наткнулись в кустах. Спал, наверное, — смущенно ответил Герберт.

— Ладно, Удо. Бить не стоит. Во всяком случае, пока. Но, чтобы он стал разговорчивее, скажи ему все, что ты о нем думаешь, — обратился Гюнтер к доминиканцу и ободряюще похлопал его по плечу. — Даже спрашивать не буду, как ты его там крыть будешь. А кстати, на каком языке вы общаться будете?

— На испанском, — угрюмо ответил Удо.

— Значит, все-таки испанцы, — задумчиво проговорил Гюнтер.

С легким злорадством он наблюдал, как Удо, склонившись над испанцем и брызгая ему в лицо слюной, разразился словесной тирадой. Пленник пытался вставить пару слов, но победа была на стороне доминиканца. Удо с ненавистью шипел ему в ухо угрозы и оскорбления, и окончательно сломленный испанец умолк, объективно расценив баланс сил не в свою пользу.

Наконец, выговорившись, Герреро выпрямился с видом победителя и обратился к командиру:

— С чего начнем?

— Со знакомства, — ответил Гюнтер, пожав плечами.

Удо кивнул и спокойно, как ни в чем не бывало, обратился к испанцу. В ответ тот что-то недовольно пробурчал.

— Алонсо Красная Борода.

— Странные у них имена, — удивленно произнес Отто, разглядывая бороду. Ему она показалась очень даже черной.

— Кому принадлежит остров? — спросил Гюнтер.

— Этот пьяница сказал, что остров — владение испанской короны, — перевел доминиканец.

Говорить он пытался на немецком, но незнакомые слова вставлял на английском. От такого винегрета Кюхельман поморщился.

— Удо, переводите без ваших комментариев, мы сами разберемся, — произнес он. — Вы уверены, что верно перевели?

— Да, он так и сказал — «испанской короны».

— Спросите, есть на острове американцы или англичане?

Выслушав вопрос, испанец рассмеялся.

— Он сказал, что только сумасшедший англичанин сунет нос на Бенито, где ему сразу перережут глотку.

— Удо, переводите, пожалуйста, от первого лица, — вмешался старпом. — Значит, остров называется Бенито...

— Узнайте, есть ли на берегу радиостанция и кто у них главный? — спросил Гюнтер.

— Он говорит... — начал Удо.

Но старпом его прервал:

— От первого лица, Удо, от первого...

— Хорошо, — кивнул доминиканец. — На острове самый главный — губернатор дон Диего.

— А радиостанция?

Герреро пожал плечами:

— Он не понимает, о чем я его спрашиваю.

Гюнтер удивленно посмотрел на Удо:

— Ты, наверное, ему неправильно перевел?

— Я перевел правильно, — обиженно поджал губы Герреро. — Но он действительно не понимает, о чем я его спрашиваю!

— Тогда узнайте, какое у них есть оружие?

— Есть несколько мушкетов у охраны губернатора, — улыбнувшись, сказал Удо. — Пара пищалей есть у Амбросио, хозяина таверны.

— Что несет этот недоумок? — возмущенно произнес Гюнтер. — Он что, над нами издевается?

Кюхельман сжал кулаки. Он уже пожалел, что не позволил Герреро отвесить пару хороших оплеух наглому испанцу.

— Подождите, капитан, — остановил его старший помощник. — Удо, спросите у него, какой сейчас год?

— Не понял, Отто, что вы хотите сказать? — спросил удивленно Гюнтер.

Но Герреро уже задал вопрос и, услышав ответ, переспросил еще раз и теперь стоял, будто впад в ступор, с отвисшей челюстью.

— Ну?.. — не выдержал старпом.

Удо смущенно произнес:

— Бред какой-то. Испанец утверждает, что сейчас тысяча пятьсот семьдесят шестой год от Рождества Христова.

Повисла тишина, которую никто не решался нарушить.

Первым не выдержал Кюхельман:

— Это действительно бред! Вагнер притащил пропившего мозги пьяницу, а вы, Отто, и поверили? Вам бы только мистического дыму напустить.

Отвечать старший помощник не торопился. Задумавшись, он закрыл глаза, будто что-то вспоминая, и наконец произнес:

— Капитан, скажите, может ли безмозглый пьяница, оторванный здесь на островах от цивилизации, настолько хорошо знать историю, чтобы ответить на вопрос: кто в тысяча пятьсот семьдесят шестом году был королем Испании? Сомневаюсь, что и вы это знаете. Но так уж получилось, что в свое время я очень интересовался историей. И, если не ошибаюсь, в то время на престоле Испании был Филипп Второй. Спросите Удо, кто ими правит?

Испанец удивленно рассмеялся, будто у него спросили прописные истины.

Опешивший Герреро осевшим голосом переводил:

— Разве может кто-то не знать короля Испании, обладателя всех заморских владений Испании, Филиппа Второго, из династии Габсбургов? Единственного законного сына Карлоса Первого!

Отто слушал, кивая головой, затем произнес:

— А теперь спросите, кто на престоле Англии?

От такого вопроса испанец рассвирепел:

— Он даже говорить не хочет об этой старой деве — Елизавете Первой. Пусть род Тюдоров прервется на ней. А ее папаша Генрих Восьмой горит в аду!

— Все верно, — тихо произнес Отто.

Гюнтер мрачнел после каждого слова Удо. И будто для того, чтобы окончательно его добить, Отто спросил:

— Может ли испанец не знать, если мы все-таки в тысяча девятьсот сорок втором году, кто такой генерал Франко? — и, кивнув Удо, произнес: — Спрашивай.

От такого вопроса испанец надолго задумался, ерзая и пытаясь ослабить веревки.

Наконец Удо перевел:

— Когда он еще жил в окрестностях Толедо, у них был знаменитый бык Франко. Победитель всех праздничных коррид. Сеньор об этом Франко спрашивает?

— Но ведь этого не может быть, — произнес Гюнтер. — Скажите, Отто, ведь этого действительно не может быть?

— Но если все-таки на миг допустить, что это именно так, то взгляните, капитан, насколько понятны и логичны становятся все последние события.

С трудом пропуская сквозь себя услышанное, Гюнтер взглянул на Вагнера, ища поддержки у него. Но на лице у Герберта была написана полная растерянность.

— Что же нам теперь делать?

— Для начала надо с этим смириться, а потом уже думать, что делать, — ответил старший помощник. — Во всяком случае, проблему продовольствия, из-за которой мы здесь, вполне решить сможем.

— Вы думаете, это все из-за взрыва парохода?

— Не знаю, но думаю, что взрыв сыграл не последнюю роль. Необходимо еще раз все обдумать и сопоставить события.

В полном замешательстве Кюхельман отошел и скрылся в темноте. Старпом послушал, как шаги командира затихли на корме лодки, и пошел следом за ним.

— Отто, расскажите мне об этом времени, — произнес Гюнтер из темноты.

— Конечно, капитан. Я рад, что вы смирились с действительностью. Мне было легче, о чем-то подобном я начал догадываться раньше и был готов.

— Может, все-таки мы ошибаемся? Я даже склонен поверить, что так испанцы решают проблему содержания душевнобольных, изолируя их на необитаемом острове.

— А такое хорошее знание этого периода?

— Среди историков тоже есть сумасшедшие, — не сдавался Гюнтер.

— Нет, капитан. Сумасшедшие не разгуливают по морю на паруснике шестнадцатого века и не вооружаются мушкетами. Да и не объясняет ваша теория все загадочные события последней недели. — Отто положил руку на плечо командира и добавил: — Я не знаю, почему это произошло, не могу пока объяснить причину, по которой мы оказались здесь, но я почему-то уверен, что все это правда. Не скажу, хорошо это или плохо. Может, лучше было бы нам тогда всем погибнуть при взрыве. Но раз уж мы остались живы, давайте думать, как выжить в чужом для нас мире. А если сможем разобраться, как здесь оказались, то, возможно, сумеем отыскать дорогу домой.

— Вы действительно верите, что мы сможем вернуться в наше время?

— Почему нет? — улыбнулся старший помощник. — Я вижу, что вы все-таки поверили в невероятное — в то, что мы в тысяча пятьсот семьдесят шестом году. А почему не поверить, что мы сможем вернуться в тысяча девятьсот сорок второй? Если существует дорога сюда, должна быть и отсюда. Надо только поискать.

— Где вы предлагаете ее искать?

— Здесь. Но для начала нам необходимо многое понять и во многом разобраться. А уж потом, поверьте мне, мы обязательно узнаем, как нам вернуться домой.

Гюнтер кивнул, оптимизм Отто вселял в него уверенность, что и невозможное возможно.

— Хорошо... на все у вас есть ответ. Наверное, вы уже знаете, что делать дальше? — произнес Гюнтер, двинувшись назад к рубке. Холодный рассудок помог справиться с минутной растерянностью. — Брать штурмом поселок ради нескольких свиней глупо. Но и как объяснить здешним жителям, кто мы и откуда, даже не представляю.

— Да-а, — протянул Отто. — Пытаться объяснить, что мы из будущего, — только все запутать. Нас не поймут и не поверят. Можно попробовать сыграть на суеверии и невежестве этого времени.

— Объявить себя богами, — усмехнулся Гюнтер. — Или детьми бога?

— Нет. У христиан единственный Сын Божий — это Христос. Нам бы подошел образ

каких-нибудь полубогов, небожителей. Или небесных воинов? Точно! Наверняка в Библии есть упоминание о господнем воинстве, способном плавать на воде и под водой. А если даже и нет, ну что же — одной легендой станет больше.

— Уже светает... — произнес Гюнтер, оглядываясь на остров. — На том и решим. Надо подготовить команду, успокоить людей. Придумать красивую сказку. В общем, не мне вам объяснять, займитесь этим, Отто. А я поговорю еще раз с нашим испанцем, но уже в новой роли.

Он обошел рубку и протиснулся к привязанному испанцу. Обступившие пленника подводники, увидев командира, затихли.

Гюнтер обвел взглядом подсвеченные лучом фонарика осунувшиеся лица.

— Друзья мои, мои морские волки, — обратился он к окружающим, немного стушевавшись от непривычного для него пафоса. — Ситуация фантастическая, но в нее приходится верить. Во всяком случае, я поверил. Мы очутились в шестнадцатом веке. Как это произошло, я не знаю. Обратитесь к старпому, он лучше объяснит.

Гюнтер замолчал. Собственные слова казались невероятными, не верилось, что он их сам произносит.

— Чтобы выжить, нам всем придется сыграть роль мифических воинов, таких морских полубогов. Я надеюсь, что на короткое время.

— Но, командир, нам не поверят, — возразил, улыбнувшись, Вагнер. — Да и не получится, какие из нас боги? Может, просто высадить десант?

— Послушай, Герберт! Если будет необходимо сыграть чертей, я прикажу, и вы будете отрачивать хвосты, и у вас получится! — нервно произнес Гюнтер. — Десант ничего не даст, разве что толику продовольствия на несколько дней. Задача у нас глобальней: вернуться домой, в свое время. Смогли найти дорогу сюда, теперь будем искать дорогу отсюда.

Кюхельман не заметил, что повторил фразу старшего помощника. Затем, обернувшись к Удо, добавил:

— Ну, а вы что на меня смотрите, как на русалку, запутавшуюся в сетях Лорьянской базы? От вас сейчас многое зависит. Подберите челюсть, напустите на себя важности, загадочности. Вы ведь теперь почти божество.

— Из этого ничего не выйдет, — неуверенно промямлил доминиканец.

— Послушайте, Удо! Я понимаю, что в свете сложившихся обстоятельств ваша роль и ценность для нашего экипажа значительно возросла, но не настолько, чтобы спорить со мной! — голосом, не терпящим возражений, произнес Гюнтер. — Скоро рассвет, и нам надо спешить. Переводите, да так, чтобы он поверил, а с ним и остальные на острове.

Он наклонился к испанцу и спросил:

— Как там тебя?

— Алонсо... — подсказал Удо.

— Вот именно. Алонсо и еще какая-то борода.

Гюнтер скривился, почувствовав исходящий от испанца запах перегара.

— Ты доплывешь до берега?

— Он говорит, что ваши слова обидны, — перевел Удо. — Он — моряк и переплывал куда большие расстояния.

— Вот и хорошо. Скажи, что мы его отпускаем, пусть принесет своим радостную весть. На жителей этого заброшенного острова снизошла благодать. Их посетили воины повелителя всех морей и океанов. Повелителя, без воли которого ни один корабль не смеет распустить паруса, и ни одна волна не поднимется без его разрешения. Пусть губернатор и все жители острова готовятся принимать великих гостей, радуются им и выходят на берег для встречи. А мы, как только солнце озарит небо над джунглями, выйдем из-под воды и почтим вниманием радушных островитян.

Вагнер от такого красноречия командира удивленно выдохнул:

— Феноменально, Гюнтер! Даже я уже не сомневаюсь в своей мифической

родословной. Будь я на месте испанца, то растянулся бы перед нами в благоговейным трепете.

Но Алонсо, выслушав Удо, окинул скептическим взглядом фигуру командира и брезгливо сплюнул себе под ноги. Речь Кюхельмана особого впечатления на него не произвела.

«Не поверил, — подумал Гюнтер. — Здесь нужны эффекты поярче».

Прибавив басу собственному голосу, он проревел:

— Ты, паршивая собака, смеешь сомневаться в моих словах?! Одного жеста моей руки достаточно, чтобы море поглотило этот никчемный остров! Одного взгляда хватит, чтобы сгорели ваши трухлявые хибары на берегу! Ты сейчас поплывешь на берег и передашь мои слова губернатору и всем жителям острова, и не дай бог вам рассердить нас! А первым, на кого я обрушу свой гнев, будешь ты, Алонсо! Сейчас мы уйдем в морскую пучину, к повелителю и хозяину морей, а когда взойдет солнце, вернемся и подумаем, что делать с этим островом!

Гюнтер посмотрел вокруг, наслаждаясь произведенным на моряков эффектом, и, не желая выходить из роли, погрозил пальцем испанцу:

— Помни! Начну с тебя!

Удо, пытаясь подыгрывать командиру, делал страшные глаза и сипел низким голосом, полагая, что именно так говорят воины хозяина морей.

Алонсо втянул голову в плечи. Теперь он боялся даже взглянуть на Кюхельмана.

Гюнтер удовлетворенно кивнул и, превращаясь обратно в командира лодки, спокойно произнес:

— Все вниз, готовимся к погружению.

Вагнер перерезал веревки и вывел испанца на палубу перед орудием. Он указал рукой на остров, который возвышался над горизонтом, укрытый хлопьями предрассветного тумана.

Кюхельман еще раз погрозил пальцем Алонсо, нырнул вниз, с лязгом захлопнув люк.

Он обхватил перископ и развернул по курсу, выискивая застывшую на палубе фигуру испанца. Зашипел воздух, вытесняемый водой из балластных цистерн, лодка вздрогнула и начала погружаться. Гюнтер с улыбкой наблюдал, как Алонсо заметался по уходящей из-под ног палубе.

Лодка замерла на перископной глубине, над водой возвышался лишь стеклянный глаз.

Гюнтер наблюдал, как испанец, размахивая руками и поднимая тучу брызг, плывет в сторону острова. Течение подхватило его и потащило вдоль берега, унося на усыпанное огромными валунами правое побережье. Голова надолго исчезала под водой, и Гюнтер забеспокоился, что Алонсо может и не доплыть, особенно в таких огромных сапогах. Наконец испанец достал ногами дно и медленно побрел между камнями. Вышел из воды и, обессиленный, рухнул на песок.

Рассвет наступал с быстротой урагана, теперь были видны мельчайшие детали побережья. Гюнтер улыбнулся, оценив стойкость Алонсо, едва не утонувшего, но не сбросившего сапоги, и развернул перископ на вход в бухту. Ему показалось, что там произошло какое-то оживление, но какое именно, он не понял. Вращая резкость на окулярах, Гюнтер пытался рассмотреть причину своего беспокойства, и наконец понял, в чем дело. От скрытой в бухте каравеллы над утесом торчала лишь верхушка мачты. Теперь эта верхушка медленно двигалась к выходу из бухты. Вот показался бушприт с косым парусом, а за ним величественно вышло и само судно. На палубе кипела работа. Команда карабкалась на мачты и раскачивалась на вантах. Гюнтер еще раз залюбовался слаженными действиями моряков. Упали основные паруса, и каравелла, набирая скорость, устремилась на запад.

— Уходят, — произнес он, подзывая к окулярам старшего помощника.

— Да-а, — протянул Отто. — Недолго гостили. Но для нас это лучше, население острова будет по-сговорчивее. Для них эта каравелла — сила, мощь, оплот! Может возникнуть соблазн поиграть перед нами мышцами. И для нас не будет необходимости уничтожать такую красавицу.

— Да, парусник с полными парусами — это завораживает, — мечтательно произнес Гюнтер. Он вспомнил, как еще курсантом слушал свист ветра в вантах и прятался в тени парусов от обжигающего тропического солнца. — Жаль, что так и не рассмотрели названия. Наверняка что-нибудь воздушное и романтическое. Какое-нибудь прекрасное женское имя.

— Да вы романтик! — Отто с усмешкой посмотрел на него. — Вы растете в моих глазах.

— Срываюсь иногда, — смутился Гюнтер. — Давайте готовиться к высадке на берег. Вы подготовили команду?

— Да. Не знаю, все ли поверили. Молчат. Общая реакция — растерянность.

— А вы что хотели — ликования или научно-исторических споров?

Старпом промолчал. Гюнтер вновь развернул перископ в сторону Алонсо. Испанец, сидя на песке, поочередно задирал вверх ноги, выливая воду из сапог. Затем, покачиваясь, встал и скрылся в джунглях.

— Герр командир, вам завтрак в каюту принести?

Кюхельман оторвался от окуляров. За спиной стоял кок Дитрих. Одет он был в одни шорты, но с неизменным колпаком на голове.

— Давай в каюту. А чем угощаешь?

— Консервы, герр командир, и лимоны, — ответил с виноватым видом кок.

— Ничего, Дитрих. Скоро будут и мясо, и фрукты.

— Скорей бы, а то стыдно команде в глаза смотреть.

Кок переминался с ноги на ногу, не осмеливаясь задать вопрос. Наконец, решившись, спросил:

— Герр командир, старший помощник говорил странные вещи. Это правда?

— Похоже, что правда, хотя сам с трудом верю. Мы скоро высадимся на берег, а вот куда попадем? В мир шестнадцатого века или дурдом двадцатого, я затрудняюсь ответить.

Он опустил перископ и отправился в свою каюту, взглянул на хронометр. По местному времени сейчас было около шести утра.

«В такое время наносить визиты — дурной тон, — думал Гюнтер. — Выждать надо хотя бы часа три. Пока Алонсо проберется сквозь заросли в поселок и доложит о своих приключениях губернатору. Пока новость облетит и взбудоражит всех жителей. А потом, когда уляжется паника, и все свыкнутся с этой новостью, им потребуется время обдумать, как встречать и чем угощать дорогих гостей. Тут, пожалуй, и трех часов будет мало».

Время тянулось медленно. Моряки заглядывали в центральный пост, с ненавистью глядя на застывший хронометр. Наконец Кюхельман не выдержал и без пятнадцати минут девять поднял перископ понаблюдать, как хозяева острова готовятся к приему гостей.

Первое, что бросилось в глаза, — одинокая собака, бредущая по площади в поисках пищи. Не было толп народа на пристани, ожидающих явления чуда. Не было и праздничной суеты в ожидании дорогих гостей. Никто не гонялся за поросенком, чтобы подать его на стол, украсив пестрым гарниром.

Поселок будто вымер. Гюнтер уже решил, что испуганные жители ушли в джунгли. Но неожиданно дверь ближайшей к воде хибары распахнулась и на пороге появился, потягиваясь, ее обитатель. Он повернулся лицом к стене своего жилища и, недвусмысленно спустив штаны, приступил к обязательной утренней процедуре. Затем снова скрылся внутри, захлопнув дверь.

Гюнтер оглянулся в поисках Отто и, не заметив его, прорычал:

— Старпома ко мне, быстро!

— Я здесь, капитан, — мгновенно отозвался старший помощник, будто ожидал за переборкой.

— Взгляните.

Гюнтер с мрачным видом отошел от перископа.

— Не пове-ери-или... — протянул удрученно Отто.

— Не знаю. Я думаю о другом. Что, если ваши домыслы о шестнадцатом веке — это

бред в лунную ночь? Какими идиотами мы выставим себя перед испанцами. Да и перед командой тоже. Вся Европа будет хохотать над нами до конца войны! Тоже мне полубоги, воины повелителя морей, — передразнивая старпома, с сарказмом произнес Гюнтер.

— Подождите, капитан, не горячитесь. — Отто продолжал рассматривать остров. — Командуйте на всплытие, а там посмотрим. Поставьте себя на место губернатора. Я бы тоже не очень-то проникся доверием к рассказам неизвестно где пропадавшего всю ночь пьяного Алонсо. Какими бы суеверными они ни были, но даже для них это слишком.

— Хорошо. — Гюнтер кивнул механику. — Всплываем, Эрвин. Посмотрим, что будет дальше.

Он наблюдал за берегом в процессе всплытия лодки, но там по-прежнему ничего не происходило.

— Идемте наверх, — кивнул он Отто и Герберту. — А ты, Эрвин, держи лодку в готовности к срочному погружению. Не хотелось бы нежелательных сюрпризов, но готовыми надо быть ко всему.

Гюнтер поднялся на мостик. Горизонт был чист. Он осмотрел в бинокль побережье и наконец увидел хоть какую-то реакцию на их появление. На вершине утеса мелькнула человеческая фигура и исчезла, скатившись с вершины вниз.

За ними все-таки наблюдали!

Человек появился у основания скалы, пробежал вдоль пристани, размахивая руками и постоянно оглядываясь на море, устремился к белому особняку на возвышенности. Мелькнув между пальм, он исчез в темном провале дверей.

— К губернатору на доклад, — прокомментировал старпом из-за спины.

Отто с Гербертом по очереди передавали друг другу бинокль.

Через минуту наблюдатель появился вновь, но теперь уже в сопровождении еще двух человек. Некоторое время они разглядывали лодку, затем побежали вниз и скрылись среди деревьев, окружающих утес. В проеме арки дома появилась еще одна фигура. В ней Гюнтер узнал губернатора. В той же широкополой красной шляпе, на ходу поправляя ремень со шпагой, он широко шагал к центру поселка. Лишь один раз мельком взглянув в сторону стоящей напротив входа в бухту лодки, он выкрикивал команды кому-то невидимому. С берега донесся протяжный звон колокола. Гюнтер с трудом рассмотрел на террасе дома губернатора фигуру, раскачивающуюся в такт небольшому колоколу, подвешенному в одном из оконных проемов. В ту же минуту распахнулись двери окружающих хижин, выпуская наружу своих обитателей. Народ стекался на площадь, кольцом окружая губернатора. В толпе мелькнули несколько женских фигур в широких и длинных, до земли, платьях. Качнулся еще один колокол на верхушке церкви. Залаяли собаки, почувствовав общую тревогу. Толпа продолжала увеличиваться. Гюнтер видел в бинокль обращенные в его сторону смуглые лица. Навскидку он определил, что на площади собралось уже не меньше сотни человек. В основном это были мужчины, вооруженные длинными ножами и саблями. Некоторые держали в руках тонкие шесты с заостренными блестящими наконечниками и крюками, напоминающими багры.

Неожиданно все они, повинуясь единой команде, бросились врассыпную. Гюнтер обратил внимание, что это не паническое бегство, а каждый следовал своей четкой роли. Основная масса скрылась в зарослях вокруг поселка. Часть исчезла в хижинах, выглядывая из окон. На площади остался лишь губернатор и два охранника с кривыми саблями наголо.

Под красной шляпой в поднятых руках блеснуло стекло подзорной трубы. Кюхельман физически почувствовал взгляд губернатора. Теперь они рассматривали друг друга.

«Похоже, что о радушном приеме нет и речи», — подумал Гюнтер.

И чтобы окончательно развеять его сомнения, из одной хижины появились четверо мужчин, несущих на двух бревнах небольшую, на деревянном лафете старинную пушку.

Они несли ее на пристань, сгибаясь под непосильной тяжестью.

Глядя в бинокль, Вагнер присвистнул и прокомментировал:

— Нам не рады.

— Это уж точно, — подтвердил Гюнтер. — Они собрались держать оборону.

Его внимание привлекло движение на скале у входа в бухту. Обнаруживший их наблюдатель с помощниками появился на ее вершине.

Кюхельман никак не мог понять, чем они так усердно заняты. Понял только тогда, когда на утесе расцвел шар из белого дыма и донесся протяжный глухой хлопок. Видимое для глаз черное ядро медленно пролетело, описав дугу, и упало, подняв столб воды, метрах в пятидесяти от лодки.

— Все-таки шестнадцатый, — удрученно сказал Гюнтер. — Давай, Герберт, готовьте орудие. Теперь наша очередь ответить.

Вагнер метнулся к люку и прокричал команду, вызывая артиллеристов наверх.

Губернатор на берегу не отрывал глаз от подзорной трубы. Пушку наконец дотащили до причала и поставили жерлом к выходу из бухты. Бросив используемые как носилки бревна, двое пушкарей вернулись к хижине и вытащили оттуда ящики из струганных досок. Губернатор спустился к причалу и давал команды пушкарям. Глядя на лодку, он пытался определить дистанцию.

На утесе, похоже, тоже заканчивали подготовку пушки к повторному выстрелу.

Гюнтер, перегнувшись через ограждение мостика, смотрел на своих артиллеристов, волочивших по палубе ящик со снарядами. Наводчик Густав уже свернул со ствола заглушку и теперь, засучив рукава куртки, устанавливал на ствол прицел.

«Несколько минут они еще провозятся, — подумал Гюнтер. — Пушка на скале успеет, наверное, сделать еще один выстрел».

Он смотрел, как размахивает массивным деревянным молотом пушкарь на утесе. Очевидно, таким способом они меняли угол наклона орудия, пытаясь увеличить дистанцию полета ядра.

Никакого ущерба прочному корпусу лодки ядро не могло причинить. Могло, конечно, попасть в артиллеристов, но это было тоже маловероятно, и Гюнтер спокойно смотрел, как еще раз распухло дымное облако и, сорванное ветром, пронеслось над островом.

Не долетев до лодки и на этот раз, ядро упало лишь на двадцать метров дальше первого.

Вагнер нервно барабанил ладонью по ограждению мостика:

— Густав! Долго вы еще будете копать?! Или ждете, когда эти пещерные стрелки наконец пристреляются?

— Готово, герр лейтенант! — прокричал снизу Густав. Он стоял, задрав голову и закрываясь ладонью от слепящего солнца, пытался рассмотреть Вагнера на мостике. — Куда стрелять?

— Командир, с кого начнем? Снести эту стреляющую хлопушку? — оглянувшись на Гюнтера, спросил Герберт.

— Нет! Нехорошо начинать знакомство с жертв. Сделайте один залп по левому мысу входа в бухту. Там, кажется, никого нет.

— Правильно! — поддержал командира старпом. — Наша цель не воевать с ними, а попробовать подружиться.

Вагнер молча пожал плечами и крикнул Густаву:

— Видишь слева заросший мыс? Целься в пальму, что торчит на берегу.

Наводчик кивнул и уткнулся в прицел, двумя руками раскручивая рукоятки наведения. Ствол орудия послушно вздрогнул и, развернувшись вправо, устоял на опустевший поселок. Густав замер, разглядывая в оптику цель, затем грохнул выстрел. После невнятных хлопков старинной пушки грохот собственного орудия ударил по ушам стоявших на мостике. Оглушенный Кюхельман смотрел, как в воздух взлетели несколько сотен килограммов земли, перемешанной с травой и вырванными с корнями кустами. С такого расстояния промахнуться было невозможно — пальма, послужившая ориентиром, пролетела, разбрасывая порубленные ветви, и рухнула в центре бухты, подняв тучу брызг. Зазвенели о камни, высекая искры, осколки. Вода вокруг взрыва закипела от обрушившегося сверху

песка и позеленела от плавающих листьев.

Гюнтер поднял бинокль, желая посмотреть, как островитяне оценят их ответ. На скале возле пушки никого не было. Когда и куда исчез губернатор со свитой, он не успел заметить. Бросив на причале ящики и пушку, разбегались в разные стороны пушкари. Эффект оказался сверх ожидания. Даже выглядывающие из окон хижин головы теперь исчезли. Колышущиеся вокруг поселка заросли замерли. Затихли и оба колокола.

— Будто и не было никого, — сказал Отто.

— Что же нам теперь делать? — произнес Гюнтер. — После такого приветствия они нескоро из джунглей нос покажут.

— Хорошо бы как-то дать понять, что мы не в обиде, — ответил старпом. — Какой-нибудь миролюбивый сигнал подать.

— Не белый ли флаг вы собрались им показывать? — иронично заметил Гюнтер. — Хотя мне кажется, я знаю, что делать. Хуже не будет, так что попробовать можно.

Не отрываясь от бинокля, он бросил Вагнеру:

— Зарядите осветительный снаряд. Дистанцию выставьте так, чтобы сработал над поселком. Пошлем им звезду мира.

Герберт понимающе кивнул. Гюнтер потер биноклем переносицу и с сомнением добавил:

— Хотя кто его знает, как они расценят такой сигнал? Может, так запугаем, что вообще их больше не увидим. Одно я знаю точно — теперь никаких сомнений относительно нашей легенды у них не останется.

Он подождал, когда из люка вытащили ящик с осветительными снарядами, и, увидев, что заряжающий затолкнул заряд в ствол, зажал уши пальцами. Вновь хлопок, и мостик обдало кислым запахом пороха. Затмевая солнце, над краем поселка вспыхнула яркая звезда. Медленно опускаясь с высоты сотни метров, она проплыла, подхваченная ветром, над церковью, затем над домом губернатора и, угасая, скрылась в джунглях.

Вагнер часто заморгал глазами. Опрометчиво взглянув в бинокль на горящий осветительный снаряд, ослепленный, он теперь ничего не видел вокруг. Но, не желая пропустить интересное, спросил:

— Ну как, выходят?

— Боюсь, что теперь они не скоро покажутся, — вздохнув, ответил Гюнтер. — Наверное, перестарались.

— Не спешите, капитан, — тронул его за плечо старпом. — Взгляните!

На берегу показалась одинокая фигура. Размахивая длинным шестом, на конце которого была привязана белая рубаша, человек пытался привлечь к себе внимание.

Одиноким парламентаром показался Гюнтеру знакомым. Ну конечно же! Он узнал эти красные сапоги.

— Взгляните, да это же наш старый приятель, Алонсо!

— Да! — подтвердил Отто. — На переговоры они выставили его. Пошлем за ним?

— Нет, — возразил Гюнтер. — Готовьте спасательную лодку, теперь наша очередь для визитов. Со мной поплывут Удо, вы, Отто, и еще подберем четверых матросов покрепче. Эрвин, ты останешься за старшего. Ты, Герберт, держи расчет у орудия, чтобы они вас тоже видели. Если что — не церемоньтесь, но так, чтобы нас не задеть. Хотя я уверен, обойдемся без стрельбы. Испанцы испуганы, и воевать у них желание вряд ли возникнет.

Гюнтер спустился в свою каюту и, встряхнув мятый китель, надел его поверх майки. Достав из сейфа офицерский «Вальтер», протер его ладонью и вставил в кобуру на пояс.

— Построй свободный экипаж на палубе. Пока мы будем на берегу, пусть видят, что нас тоже не мало.

Эрвин кивнул и тихо, почти шепотом посоветовал отвести немного лодку против течения, чтобы Гюнтера вместе с группой не снесло опять на правый берег с камнями.

Гюнтер старался стоять на ногах на прогибающемся резиновом днище, рискуя свалиться за борт. Но уж очень хотелось предстать перед островитянами в полный рост, в белой капитанской фуражке, с суровым лицом всемогущего морского воина. Удо и Отто стояли на коленях, держась руками за кольца на надувных бортах. Старпом продолжал разглядывать в бинокль приближающийся берег. На шее у него, кроме бинокля, висел на ремне автомат. Удо оружия никто не дал. Красные борта лодки изгибались под перекатывающимися под днищем волнами. Четверо матросов, которых Гюнтер взял из торпедистов, старались веслами парировать раскачку. Но особо проворные волны ухитрялись перекатываться через борт и плескались внутри лодки. Кюхельман с раздражением смотрел на свои ботинки, набравшие воду, и на мокрые брюки старпома.

Матросы-гребцы сидели в шортах и майках со свастикой. У каждого на плече болтался автомат. Гюнтер приказал взять дополнительные магазины и пару ракетниц. Не верилось, что испанцы вновь захотят воевать, но один раз он уже ошибся, ожидая радушного приема. С непредсказуемым менталитетом шестнадцатого века необходимо было считаться. Не грохнет ли сейчас из кустов приближающегося берега мушкет, не оживет ли опять на скале пушка? Теперь накрыть их резиновую лодку она могла запросто.

Но сохранить лицо было очень важно, и он решил, что ни за что не присядет и не покажет, что хотя бы чуть-чуть боится. Чтобы как-то отвлечься и успокоиться, Гюнтер спросил старпома, ухватившись за его плечо при очередном крене лодки:

— Отто, а откуда вы так хорошо знаете историю?

— Здесь, капитан, как раз все просто. Мой отец учитель истории, и с детства события прошлого были основной темой для разговоров в нашем доме. Он мечтал, что я стану великим археологом, как Шлиман, и открою свою Трою.

Отто натянуто засмеялся, и Гюнтер заметил, что он тоже пытается скрыть свое волнение. Старпом говорил, не отнимая бинокля от глаз и неестественно громко.

— Но это была программа максимум. А как минимум отец хотел, чтобы я тоже стал учителем, а затем директором школы. Хотя сам вечно жаловался, что это скорее хобби, чем профессия, способная прокормить семью.

Неожиданно Отто осекся на полуслове и подал Гюнтеру бинокль:

— Взгляните, капитан! Это хороший знак.

Но Гюнтер и без бинокля видел, как из-за церкви появился губернатор и со всей своей свитой двинулся к причалу. Вслед за ним из домов, из зарослей стали появляться другие обитатели поселка. Губернатор вышел на пристань и замер, рассматривая приближающуюся лодку. Два охранника остановились перед причалом, держа в одной руке мушкет, в другой — короткую абордажную саблю.

— Ну, теперь хотя бы, пока на пристани губернатор, стрелять они не станут, — облегченно вздохнув, произнес Отто. Он вытер лоб и заулыбался.

Лодка прошла узкую горловину входа в бухту и теперь плыла по спокойной воде. Гребки весел стали реже, матросы, сидя спиной к движению, нервно оглядывались и ерзали, поправляя за ремни автоматы.

До пристани оставалось не больше двадцати метров, и Гюнтер теперь мог хорошо рассмотреть губернатора. Это был рослый широкоплечий мужчина. Красный камзол с двумя рядами сверкающих на солнце пуговиц только подчеркивал его массивную статью. Черная борода не торчала клочьями, как у Алонсо, а была аккуратно подстрижена и не скрывала лицо. Из-под шляпы смотрели цепкие глаза. В них Кюхельман не заметил ни тени страха или нерешительности.

«Все-таки он продолжает считать себя хозяином положения», — подумал Гюнтер.

Неожиданно, когда расстояние до пристани сократилось до нескольких метров, губернатор отстегнул от широкого ремня шпагу и поднял ее в обеих руках над головой. На солнце сверкнул многочисленными камнями эфес. Затем он положил ее у ног на

почерневшие доски причала. То же проделала и охрана губернатора, аккуратно положив на траву мушкеты и сабли.

Гюнтер подумал, что что-то подобное должен изобразить и он. Но выбрасывать пистолет в воду он не собирался, а потому кивнул губернатору, демонстрируя, что понял и принимает его миролюбивый жест, и показал свои пустые руки, разведя их в стороны.

Жители острова продолжали наблюдать за ними издали, не решаясь приблизиться.

Губернатор тоже кивнул.

«Он ведет себя со мной на равных, — подумал Гюнтер. — Необходимо переломить ситуацию, мы же все-таки воины из мифологии!»

Лодка уперлась бортом в причал. Моряки выпустили из рук весла и схватились за автоматы.

Кюхельман легко выпрыгнул на пристань, незаметно расстегнув кобуру. Он остановился в трех метрах от губернатора, скрестив руки на груди. Вслед за ним из лодки вылезли старпом и Удо и замерли позади командира. Гюнтер услышал, как за спиной щелкнул затвор автомата, похоже, нервы у Отто были на пределе.

Губернатор с интересом рассматривал одежду подводников, затем поднял глаза и встретился взглядом с Кюхельманом. Гюнтер почувствовал, насколько цепкий и пронизывающий взгляд у губернатора. Он едва не опустил глаза, вовремя спохватившись и поняв, что это было бы полное поражение.

Выдержав взгляд и продолжая молчать, Гюнтер справедливо полагал, что заговоривший первым признает превосходство противника.

Неожиданно губернатор широко улыбнулся, показав покрытые никотиновой желтизной зубы, и уверенно сделал шаг навстречу, переступив шпагу.

Продолжая улыбаться, он слегка поклонился и пророкотал несколько слов.

Гюнтер удивился, какой густой и низкий был у губернатора голос. В то же время он раздумывал, как вести себя дальше. Ответный поклон явно не соответствовал отношениям простых смертных и небожителей.

Попробовать разразиться праведным гневом, как с Алонсо? Но интуиция подсказывала, что сейчас такой номер не пройдет. Чувствовалась негибкая воля в черных глазах губернатора. Такого на испуг не возьмешь.

Гюнтер растерялся. Он вдруг понял, что не знает, что делать дальше. Мелькнула мысль: может, просто застрелить губернатора и дело с концом? Нет, это действительно было бы слишком просто, и неизвестно, чем бы еще закончилось, публика здесь не робкая.

От раздумий его оторвал Удо:

— Дон Диего говорит, что рад видеть на Бенито столь значимых и желанных гостей. Для них это большая честь.

— Это уже лучше, — ухмыльнувшись, сказал Гюнтер. — Переведи ему, что мы огорчены тем, что назначенный нами гонец Алонсо посмел не донести до ушей губернатора весть о нашем прибытии. Обычно своих врагов воины бога морей смывают гигантскими волнами или предают адскому огню. Но жителей Бенито мы своими врагами не считаем и великодушно прощаем неудачную шутку со стрельбой из пушки.

Гюнтер посмотрел на стоявшего невдалеке Алонсо, до сих пор не опустившего импровизированный белый флаг. Он был уверен, что Алонсо передал дону Диего весь их разговор дословно, но не хотелось загонять губернатора в угол, дав возможность свалить вину на нерадивого подчиненного.

Удо переводил, и Кюхельман видел, как бледнело губернаторское лицо, даже борода не смогла скрыть побелевшие щеки.

«Не такой уж ты и бронированный», — злорадно подумал Гюнтер.

Едва Удо умолк, как дон Диего с испанским темпераментом взорвался ответной речью. Герреро едва успевал переводить.

— Конечно, во всем виноват пьяница Алонсо, который своими пропитыми мозгами не способен запомнить даже пару слов! Мы очень сожалеем, что приняли дорогих гостей за

шныряющих в этих морях разбойников! Мы — мирные люди, почитающие Господа и испанского короля. Но здесь полно английских собак, желающих гибели любому испанцу. Да и французы с голландцами не лучше. Поэтому мы вынуждены видеть в любом незнакомце прежде всего врага, а уж только затем друга.

Слушая перевод Удо, Гюнтер удовлетворенно кивал. Теперь разговор шел по желаемому сценарию. Снисходительно принимая оправдания губернатора, он поднял глаза и будто натолкнулся на стену.

В глазах дона Диего не было и тени раскаяния или сомнения. Все тот же жесткий и изучающе-пронизывающий взгляд. Ни грамма страха или мистического трепета.

«Неужели играет? — подумал Гюнтер. — Не поверил ни единому слову и сейчас смеется в душе над нами, считая ряжеными клоунами. Неужели его ничем не прошибить?»

— Скажи ему, что нам тоже жаль, что пришлось показать свою силу, — произнес Гюнтер. — Но мы показали лишь ее малую часть.

Губернатор тоже покосился на прикрывающий вход в бухту мыс, еще недавно заросший зеленью, а теперь пустынный, с торчащими из земли корнями.

— Как нам вас называть? — обратился он к Кюхельману.

«Хороший вопрос», — подумал Гюнтер.

— Нас зовут идущими под водой, но вы можете говорить проще — подводники.

Отто удовлетворенно кивнул. Они этот вопрос не обговаривали, и он был доволен, что командир не стал выдумывать какую-нибудь мифическую ахинею, в которой легко можно завратся. Он тоже видел, что дон Диего вовсе не глуп и уж тем более не труслив.

Губернатор повторил незнакомое для него слово и спросил:

— Сеньоры подводники проделали долгий путь?

Гюнтер улыбнулся: что ни вопрос, то добыча информации.

— Расстояние для нас не имеет значения. Для нас также неважно — плыть по воде или под водой. Мы можем жить везде, но иногда выходим на берег, чтобы посмотреть, как живут простые смертные. Поговорить с ними, попробовать угощения людей.

Намек губернатор понял, он обернулся и крикнул несколько фраз Алонсо.

— Что он сказал? — шепотом спросил Гюнтер у Герреро.

— Приказал найти какую-то дону Дебору и выгнать всех женщин ей в помощь, а Алонсо взять помощников и ставить столы возле губернаторского дома.

«Вот так-то лучше», — подумал Гюнтер. Удивило только, что дон Диего не предложил пройти на остров, как это сделал бы радушный хозяин, а, отдав распоряжение, продолжал стоять, загораживая собой узкий причал.

Затем он, глядя на Кюхельмана, задал вопрос, от которого Герреро смутился.

Гюнтер уже заметил, что губернатор обращается к нему лично, не обращая внимания на переводчика, но, когда Удо перевел вопрос, он тоже немного растерялся.

— Почему главный подводник не знает язык испанцев, а говорит устами своего слуги, похожего на раба?

— Мы говорим на великом языке, недоступном для людей! — Гюнтер попытался изобразить гнев на лице. — И нам ни к чему знать примитивную человеческую речь!

Он решительно шагнул к губернатору.

Дон Диего спохватился и, попятившись, освободил проход, запоздало взмахнув рукой, приглашая гостей пройти на берег.

— Да, конечно! Вам это совершенно ни к чему. Идемте, сеньоры подводники, в мой дом, пока мои люди будут накрывать на стол.

— Я благодарен вам, губернатор, за гостеприимство.

Гюнтер прошел мимо брошенной пушки, не замечая отшатнувшихся от него охранников. Скривился, правда, при звуке предательски хлопнувшей воды в ботинках, но сделал лицо непроницаемым и произнес:

— Но хочу сразу предупредить, что сейчас по моему приказу на берег высадутся еще воины. Никакой опасности в этом для жителей острова нет, но я не хотел бы в одиночестве

наслаждаться вашим радушием.

— Да, я понимаю вас! Таких гостей, как вы, мы рады принимать в любом количестве, — произнес дон Диего, изобразив радость на лице. — Но не мог бы сеньор главный подводник сказать, сколько будет ваших воинов? Я должен указать плотникам, какой длины готовить стол.

«Разумно», — подумал Гюнтер и, поразмыслив, какую часть экипажа можно будет отпустить на берег, сказал:

— Вместе с моей свитой рассчитывайте на тридцать человек.

— О! Вы оставите свой корабль без экипажа или хотя бы охраны?

— Конечно, нет! — ухмыльнувшись, произнес Гюнтер. Для него не осталась незамеченной хитрость губернатора — тонкая попытка узнать общее количество его команды. — Я возьму лишь малую часть, остальные будут бдительно наблюдать за нами с моря.

Дон Диего с сомнением посмотрел на темный силуэт лодки, видимый в створе бухты. То, что не было парусов и корабль скорее был похож на огромное плавучее бревно, чем на известные ему корабли, плавающие в Карибском море, удивляло и заставляло с опаской относиться к пришельцам. К тому же этот взрыв на косе, по грохоту и силе похожий на взрыв доброй бочки с порохом, да еще эта огненная звезда над островом, при виде которой его воинство побросало оружие... И все же разместить на таком небольшом корабле больше двадцати, от силы тридцати человек невозможно. Он уже успел посчитать расхаживающих по палубе матросов — их было не больше двадцати пяти.

О том, что ночью у острова появилось неизвестное судно, губернатор узнал от Алонсо еще на рассвете. Пьяница рассказывал, конечно, странные вещи. И о фонаре, который сам зажигается, и о корабле, который утонул у него под ногами. Но когда тот начал рассказывать о светящихся руках, для губернатора уже не было сомнений, что Алонсо со своим дружкой Гонзало перебрали джина в кабачке у Амбросио, вместо того, чтобы патрулировать вокруг поселка и отлавливать дикарей, ворующих кур и свиней, для чего он их туда и отправил.

Но, всегда осторожный, дон Диего на всякий случай послал на утес наблюдателя смотреть за побережьем. Эмилио тоже что-то говорил о появившемся из-под воды корабле. Но он, дон Диего, не такой наивный, как окружающий его сброд, и прекрасно понимает, что такого просто быть не может. И скорее всего он знает, в чем разгадка — черный корабль стоял узким носом к берегу, и Эмилио его не видел, затем развернулся бортом, и Эмилио показалось, что он возник из-под воды. Еще раз, бросив скептический взгляд на темный горбатый силуэт, дон Диего пришел к выводу, что наверняка корабль приводится в движение веслами. И уже не первый раз пожалел, что Просперо, капитан «Черного паука», очень спешил. Сейчас бы с пушками его каравеллы они быстро отвадили бы непрошенных гостей.

Гюнтер с интересом посмотрел на задумчивое лицо губернатора и, повернувшись к своим морякам, продолжавшим сидеть в спасательной лодке, ткнул пальцем на двоих и приказал:

— Вы останетесь с нами, остальные возвращайтесь на лодку и передайте обер-лейтенанту Фишеру мой приказ! Пусть определит половину экипажа, которая сейчас ему не нужна, и отправит на берег. Лейтенанту Вагнеру даю добро тоже сойти, но артиллерийский расчет пусть дежурит у орудия. Мой разговор с губернатором вы слышали, перескажите его главному механику. Те, кто сойдет на берег, пусть вооружатся, но так, чтобы в глаза не бросалось. И пусть используют оставшиеся спасательные плоты.

Гюнтер замолчал. Он увидел, что дон Диего внимательно его слушает.

«Уж не знает ли он немецкий язык? — мелькнула мысль. — Нет, это невозможно. Просто по интонации пытается понять, о чем речь».

И, чтобы окончательно развеять сомнения, Гюнтер шепнул доминиканцу:

— Удо, молчите. — Затем, глядя в глаза дону Диего, громко крикнул: — Губернатор, сзади змея!

Нет, дон Диего не обернулся. Он удивленно посмотрел на Кюхельмана, затем на

Герреро, ожидая перевода, и, не дождавшись, спросил:

— Что сказал сеньор главный подводник? Он чем-то недоволен?

— Все хорошо, дон Диего. Я сказал, что рад вашему гостеприимству. А своим людям я приказал передать экипажу, что на берегу их ждет радушный прием, — произнес, улыбнувшись, Гюнтер.

Дон Диего остался доволен ответом и, ослабившись, сказал:

— Прошу вас, сеньоры. Наверное, ваши дворцы не сравнить с моим скромным жилищем, но все же дорогие гости могут считать мой дом своим домом.

— Наш дом — это океан, — многозначительно произнес Гюнтер, решив, что не помешает лишний раз напомнить губернатору, кто они такие.

Затем он с грустью подумал, что его фраза не так уж далека от истины. Эти средневековые испанцы темны, неграмотны и похожи на опустившихся бродяг, но они дома. А вот увидят ли великие сеньоры подводники когда-нибудь свои дома — это еще вопрос.

Губернатор по-своему истолковал пробежавшую по лицу Кюхельмана тень:

— Вы не переживайте, места всем хватит! А какую донна Дебора готовит пазлю! Сеньоры, поверьте, можно прожить долгую жизнь, а потом понять, что ты выбросил ее дикобразу под хвост. Потому что никогда не ел пазлю донны Деборы!

Засуетившись, как и полагается разволновавшемуся хозяину при встрече дорогих гостей, дон Диего повел подводников вверх по вытоптанной тропе к белому особняку.

Обернувшись, Гюнтер увидел, как охранники с хмурыми лицами подобрали с земли свое оружие. Один из них прошелся по причалу и поднял шпагу дона Диего.

«Два преданных пса, — подумал Кюхельман, — за своего хозяина готовы загрызть кого угодно и даже не обратят внимания, будет ли над головой противника светящийся нимб или рога дьявола». Один из них был таким же рослым и широкоплечим, как губернатор, только моложе. Гюнтера поразила второй охранник. До безобразия непропорциональный, невысокого роста — почти на две головы ниже своего хозяина, но невероятной ширины. Не той, которую дает избыточный вес, — под серой льняной рубахой не было и намека на круглый живот. Почти квадратный, будто приплюснутый сверху огромной кувалдой, охранник был широк за счет неимоверно растянутого в стороны скелета. Две массивные колонны-ноги не вмещались в сапоги, и голенища были распороты вдоль и стянуты шнуровкой.

Удивленный Кюхельман замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, разглядывая безобразную фигуру охранника.

Губернатор тоже остановился, довольный произведенным на гостей впечатлением.

— Говорят, что солнце дало всем людям по одной тени, а у меня их две. — Он захохотал, обрадовавшись получившемуся каламбуру. — Вы тоже обратили внимание на Томаса? Все на него смотрят с удивлением. А силы он неимоверной! Я даже простил ему его голландскую породу, так он мне понравился! И предан, как иезуитский фанатик. Но что же мы остановились, сеньоры? Идемте, идемте ко мне скорее, я угощу вас прекрасным молодым вином, пока будут готовить обед.

И дон Диего широким шагом проследовал в свой особняк, будто перспектива отведать вина с гостями для него стала важнее всего на свете.

У входа, перед колоннами, расположенными в виде округлой арки, Кюхельман вновь остановился, рассматривая испанский флаг. Некогда желтое, теперь выгоревшее полотнище свисало с вбитого в стену медного кольца. Добрую половину знамени занимал вышитый красной нитью орел, расправивший крылья.

— Я представлял себе испанский флаг немного иначе, — произнес Гюнтер.

— О... сеньоры! — вздохнул дон Диего. — Это вымпел с галеона «Нуэстра сеньора де ля Беатриз», на котором я прибыл в эти края еще сопливым юнгой. Это скорее грусть по молодости, чем символ принадлежности к испанской короне. — Губернатор опять вздохнул.

— Галеон утонул? — спросил Гюнтер.

— Нет-нет! — Дон Диего возмущенно затряс бородой. — Сейчас он принадлежит

моему сыну Карлосу. Скоро он будет дома, и вы своими глазами сможете увидеть, как прекрасна «Сеньора Беатриз». Хотя Карлос и переименовал корабль, для меня это не имеет значения. Но что же я держу вас на пороге?

И он шагнул в темный и прохладный коридор, взмахом руки зазывая за собой гостей.

После яркого солнца Гюнтер на миг ослеп, не представляя, куда идти. Затем он различил в проеме раскрытой двери хрупкую, невысокую девичью фигуру, с любопытством разглядывающую незнакомцев.

Темное платье обтягивало и без того тонкую талию и расширялось книзу объемным колоколом. Длинные волосы ниспадали на грудь. В глазах не было и намека на страх или смущение. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Он уже хотел обратиться к девушке, но дон Диего не очень любезно прошипел несколько слов, и она, обиженно поджав губы, исчезла, хлопнув дверью.

— Проходите за мной, сеньоры, — произнес губернатор, направляясь к лестнице в конце коридора.

Они поднялись на террасу, расположенную на втором этаже. Площадка была с двух сторон открыта для тропического солнца: с одной стороны ее подпирала стена дома, другая, с арочными окнами, обращенная к бухте, вся заросла виноградной лозой. В одном из оконных проемов Гюнтер увидел подвешенный на железной цепи колокол, по ободу которого шла выдавленная готической вязью надпись. Гюнтер скорее догадался, чем прочитал — «Нуэстра сеньора де ля Беатриз». У каменных перил, украшенных похожими на кувшины балясинами, стояли несколько громоздких столов с резными стульями.

— Присаживайтесь, сеньоры подводники, — сказал дон Диего и, показывая пример, первым уселся на заскрипевший стул.

Гюнтер невольно залюбовался открывшимся видом. С террасы губернаторского дома поселок был как на ладони. Рядом с особняком работали с десятков плотников. Постукивая деревянными молотками, они прилаживали струганные доски, на глазах превращая их в длинные столы. Поодаль возле церкви собралась толпа любопытных, стараясь заглянуть на террасу, чтобы рассмотреть, чем заняты гости губернатора.

С правой стороны зеленой стеной тянулись джунгли. Вдалеке возвышалась единственная гора острова.

Зацепившись за ее вершину, темнея и набирая силу, стояло одинокое облако. Где-то на краю поселка визжали перепуганные свиньи. Вслед за ними вперемешку с кудахтаньем кур доносился мощный женский голос, кого-то ругающий на мелодичном испанском языке.

Они сидели за столом, наслаждаясь солнцем и легким морским бризом.

Гюнтер разомлел в удобном стуле, так здорово было чувствовать под ногами твердую землю вместо постоянно уходящей из-под ног палубы, подставить нежному утреннему солнцу лицо после сырости отсеков. Он взглянул на сидевших напротив Отто и Удо и понял, что они чувствуют что-то подобное.

Появился один из охранников губернатора, неся в руках огромный кувшин с вином.

Кюхельман удивленно округлил глаза: объем кувшина был не менее десяти литров. Если это дон Диего считает разминкой перед обедом, то каков же будет обед?

Он строго взглянул на заулыбавшихся торпедистов, предвкушающих возможность выпивки. Матросы, поймав его взгляд, потупились и положили руки на лежавшие на коленях автоматы.

Губернатор тоже перехватил взгляд Кюхельмана и по-своему его истолковал.

Он демонстративно приказал налить в чашу только себе. Затем, улыбнувшись, сделал два больших глотка, показывая, что вино вовсе не отравлено, как могли подумать его гости, и после этого приказал охраннику наполнить остальные кубки.

— Угощайтесь, сеньоры. Конечно, вино — это баловство, любимое лишь аристократами, да причисляющими себя к ним капитанами. Это не обжигающий джин или прекрасная новинка — ром, но, для того чтобы утолить жажду, вполне сгодится.

И в подтверждение своих слов дон Диего одним махом влил в себя остатки вина из

своего огромного бокала и кивнул охраннику, поспешившему опять наполнить кубок.

Гюнтер повертел в пальцах тяжелую, на тонкой ножке чашу из бронзы и пригубил ярко-рубиновое вино. В винах он ничего не смыслил, но это ему показалось чуть заигравшим виноградным соком. Нет, таким напиться невозможно. Мысль о том, что губернатор пытается их спить, отпала сама собой.

— Скажите, дон Диего, как давно здесь это селение? — спросил Гюнтер, глядя на сверкающее в бокале солнце.

— Да уж, пожалуй, скоро с десяток лет будет, — ответил дон Диего. — Когда-то я надеялся здесь отсидеться несколько недель со своими людьми, пока английские собаки рыскали между островов, разыскивая нас. Но затем мы оценили все преимущества этого острова — в бухте мы укрыли галеон, и англичане его не заметили. Здесь было поначалу множество туземцев, и мы, засыпая, каждый раз загадывали: удастся ли проснуться? Караулы и засады не помогали, эти бестии ухитрялись подкрадываться незамеченными. И все же постепенно мы их истребили. Осталось, конечно, немного, но все руки не доходят. Да и джунгли их спасают: сунешься в эти дебри, и твои шансы еще немного пожить падают с каждым шагом.

Дон Диего, расслабившись, предался воспоминаниям, не забывая регулярно указывать охраннику на опустевший бокал. Он говорил медленно, делая паузы, давая возможность Удо переводить без спешки и ошибок.

— Да и не так страшны туземцы, как ужасны сами джунгли. Бросок каймана из болота я бы сравнил с пушечным ядром, попавшим тебе в ноги. А еще здесь тьма всяческих ядовитых насекомых, жаб, змей. Но самые опасные на острове твари — это ягуары. Чертовы кошки не дают нам житья с первого дня нашего здесь появления. Единственное, чего они боятся, так это грохота мушкета. Если кому-то из моих людей удастся подстрелить ягуара, я не скуплюсь на награду.

Губернатор громко рыгнул, ничуть не смущаясь, почесал живот и, ткнув пальцем в охранника, произнес:

— Это Чуи, а Томаса вы уже видели. Где-то с полгода назад обнаглевший ягуар бросился на стоявшего за изгородью в стойле быка. На счастье скотины, рядом оказался Томас. Он оторвал у кошки нижнюю челюсть, а потом долго бегал по поселку и крутил над головой дохлую тварь, держа ее за хвост. Вот это было зрелище...

Дон Диего осушил очередной кубок и, испытующе глядя в глаза Кюхельману, произнес:

— Так что, сеньоры, не раз подумайте, прежде чем шагнуть за пределы поселка. Потому что тогда я не дам и гнutoго песо за ваши жизни.

— Мы бессмертны, — не моргнув глазом, ответил Гюнтер, хотя для себя решил, что никакая сила не затащит его в джунгли.

— Этот клочок земли мы отвоевали огнем, — продолжил дон Диего, словно не услышав фразы Кюхельмана, — но, к сожалению, зола — отличное удобрение, и теперь джунгли наступают на нас с удвоенной силой. Самый востребованный здесь инструмент — это топоры.

Гюнтер встал и, перегнувшись через перила, посмотрел на темный силуэт лодки. На мостике блеснули стекла нескольких биноклей. За ними внимательно наблюдали, готовые в любую минуту оказать помощь. Отправленные назад матросы уже доплыли — спасательная лодка стояла привязанная к корпусу.

«Сейчас Эрвин определит состав группы для отправки на берег, — подумал Гюнтер. — Затем подготовит плоты, проверит снаряжение и перескажет обстановку на острове, о которой ему доложат прибывшие с берега торпедисты».

Учитывая дотошность главного механика, он это дело растянет не меньше чем на час, а то и два.

Недалеко от губернаторского дома, из-за черной хибары доносился душераздирающий пороссячий визг. В загоне, примыкающем к задней стене дома, подбрасывая в воздух комья

земли, металась крупная черная свинья. За ней гонялся мужчина в грязных парусиновых штанах и такой же грязной рубахе. В руке он сжимал широкий короткий нож, переделанный из сломанной сабли. Свинья была гораздо проворнее своего губителя, но мужчина все-таки умудрился легко ранить обреченное животное. Впрочем, это только придало свинье решительности, теперь она пыталась рылом сбить его с ног и втоптать в серую жижу.

— Ничего не может сделать этот глупый Лопе, — с раздражением произнес губернатор, глядя на неравную борьбу свиньи с человеком. — Даже поросенка заколоть и то не в состоянии.

И он презрительно плюнул вниз с террасы.

Гюнтер с жалостью смотрел на бедную свинью. В конце концов измученное животное само напоролось на нож, в этом не было заслуги Лопе, и, разбрызгивая вокруг фонтаны крови, свалилось в грязь. Дон Диего еще раз сплюнул, демонстрируя свое презрение. Затем он больно схватил за локоть Гюнтера и прошептал:

— Смотрите, смотрите, это того стоит.

В подступающих к загону зарослях мелькнула пятнистая тень. Вжимаясь в траву, ягуар прополз открытое пространство и скрылся в кустах. Теперь до хрипящей свиньи ему оставалось не более пяти метров. Из кустарника остался торчать лишь нервно подрагивающий хвост. Ничего не подозревающий Лопе, довольный собой, еще раз ударил свою жертву ножом в то место, где он считал, бьется ее сердце.

— Он что, хочет украсть свинью? — наивно спросил Гюнтер.

— Как бы не так, — ответил дон Диего. — Туземцы поклоняются ягуару как божеству и приносят ему в жертву людей. Так что их прикормили человеческим мясом, и, похоже, оно им понравилось. Между свиньей и человеком ягуар выберет безмозглого Лопе.

Губернатор азартно барабанил кулаками по перилам.

— Но посмотрите, сеньоры, как он это делает! Местные кошки создали свой способ охоты на людей. Они не рвут горло, а хватают зубами за голову и мощным рывком сворачивают шею.

— Вы что, не предупредите его? — обескураженно спросил за спиной Отто.

— Зачем? Он сам виноват. Да и не услышит, наверняка, оглох от поросячьего визга.

Торчавший из кустов пятнистый хвост замер, вытянувшись в струну. Ягуар ждал удобного момента.

— Вы должны его спасти! Это же ваш человек! — выкрикнул Гюнтер.

Губернатор то ли не понял его, то ли не услышал. Гюнтер глянул на Герреро. Удо, выпучив глаза, смотрел на ягуара. Кюхельман чувствительно ткнул его в бок:

— Не молчи, будто тебе уже горло перегрызли, переводи!

Удо, спохватившись, перевел фразу командира.

— Пустое, сеньоры, пустое, — азартно прошептал дон Диего. — Другим в назидание.

Он смотрел только на пятнистый хвост, ожидая рокового прыжка.

Гюнтер выхватил из кобуры «вальтер» и передернул затвор. Затем, не целясь, навскидку, дважды нажал на курок. Два сухих хлопка слились в один. Пули зашелкали по веткам кустарника и взвизгнули рикошетом от камней. Ягуар выпрыгнул, прижав уши, и исчез в зарослях.

Дон Диего как замороженный смотрел на дымящийся ствол пистолета, едва видимого в широкой ладони Кюхельмана.

— Невероятно, ствол один, а выстрела два, — удивленно произнес он и, протянув руку, добавил: — Позвольте взглянуть.

— Нет! — ответил Гюнтер, заталкивая пистолет назад в кобуру. — Наше оружие опасно для простых смертных!

Губернатор неохотно убрал протянутую руку.

— Но вы его не убили? — в раздумье спросил дон Диего. — А! Понял! Вы его смертельно ранили, и теперь эта тварь сдохнет подальше отсюда.

Обернувшись к застывшему за спиной Чуи, он сказал:

— Иди посмотри.

С видом ребенка, не получившего игрушку, он посмотрел на кобуру на поясе у Гюнтера и разочарованно произнес:

— Напрасно, сеньоры, вы подарили Лопе жизнь. Никудышный матрос, трусливый солдат, он не достоин того, чтобы из-за него лишаться такого зрелища.

Дон Диего презрительно скривился, вспомнив, что именно Лопе первым бросил саблю, увидав плывущую в небе звезду, подвешенную чужаками, и забился в кусты. Губернатор решил, что с Лопе он еще расправится. Чужаки могут подумать, что все его люди такие же бездари, неспособные не то что воевать, а даже зарезать свинью. Нет, такого позора он не простит, да и не нравился ему никогда этот Лопе.

Разочарованно вздохнув, дон Диего опустил в кресло. Теперь он внимательно рассматривал автоматы, висевшие на груди у матросов и лежавший на коленях у Отто. После стрельбы по ягуару он понял, что эти странные предметы тоже оружие.

Многое в чужаках было странным, многое пугало, но он видел и их слабость. Главный из них пожалел глупого Лопе, да и остальные с ужасом смотрели на затаившегося ягуара.

Это жалость, а жалость — это слабость. Эту прописную истину дон Диего знал с детства.

«Кто же эти чужаки такие? И откуда они взялись?» — задумавшись, ломал он голову.

В их сбивчивую сказку он не поверил сразу. Не потому, что никогда не слышал о воинах правителя морей, а потому, что вообще никогда не верил в подобные сказки. И даже когда пастор Соломон пытался завести с ним разговор о боге и раскаянии, он попросту отвесил ему пару хороших затрещин. А потом еще и погонял его по поселку, на радость его пастве. Да и в ожидающий его впереди ад он тоже не верил. Потому что знал: если бы где-то был дьявол и взглянул он на жизнь дон Диего, то не стал бы дожидаться его прибытия в ад, а еще при жизни прислал к нему на остров чертей с котлами и сковородками. Что же касается бога, то за свою долгую и буйную жизнь дон Диего скормил акулам немало капелланов, пасторов и прочих духовников — французских, португальских, голландских, да и испанских, случалось. Бывало, что, разгулявшись, его люди грабили и сжигали церкви на других островах. И ни разу не разверзлось небо, не ударила молния гнева и не испепелила страшного грешника дон Диего.

Так что эти сказки, сеньоры подводники, оставьте своим детям. Знать бы только, в какой стороне живут ваши дети и на каком языке говорят? Язык, кстати, показался ему знакомым. Когда-то он слышал такие же каркающие слова. Пусть их послушает корчащийся из себя святошу пастор Соломон. Этот трухлявый пень бывал в разных землях, может, и узнает, чей это язык. Много, конечно, было в чужаках загадочного, темного и непонятного. Они казались одновременно и сильными своей таинственностью, и слабыми, наивными как дети. Но когда дон Диего не мог чего-то понять, он всегда вспоминал давно произошедший с ним случай. На базарной площади заезжие комедианты смешили сбежавшихся зевак. Маленькая девочка с лицом взрослой женщины танцевала на канате на высоте колокольни. Затем сразу не понравившийся дону Диего толстяк с лицом, раскрашенным, как зад павиана, бросал ножи, вгоняя их вокруг отплясавшей на канате, а теперь привязанной к бревну девчонки. Толпа была в восторге. Потом толстяк пускал изо рта огонь и наконец достал длинную шпагу и загнал ее себе в горло по самый эфес. Удивленный дон Диего, понимая, что такого не может быть, потому что не может быть, вышел на помост и протянул факиру свою шпагу — на, мол, проглоти. Ободренный ревом толпы, он поймал попытавшегося удрать толстяка и заставил его взять в руки блестящую сталь. Как этот жирный боров изворачивался и пытался улизнуть! Наконец терпение дон Диего лопнуло. Рассвирепев, он понял, что его дурачат. Схватив факира за волосы, он все-таки воткнул ему в рот свою шпагу.

Чувство, что его обманывают, не покидало дон Диего и сейчас. С его лица слетела маска радушного хозяина. Он не замечал перешептывающихся и смотревших на него с удивлением гостей.

Из раздумья его вывел появившийся Чуи. Он молча пересек террасу и, поймав взгляд

губернатора, отрицательно покачал головой.

— Ничего? Нет ни крови, ни клочков шерсти? — удивленно спросил дон Диего. — Ты хорошо все осмотрел?

И, получив утвердительный кивок, он довольно ухмыльнулся и спросил у Кюхельмана:

— Сеньор, вы промахнулись. Как такое может быть?

Гюнтер беспокойно заерзал на стуле. Он даже и не думал целиться. Но даже если бы попробовал стрелять прицельно, то с такой дистанции и в скрытую в кустах цель попасть из короткоствольного «вальтера» невозможно. Но как объяснить ехидно улыбающемуся губернатору, почему эпический воин, способный взглядом сжигать острова, не смог попасть из могучего оружия в какого-то ягуара?

Он переглянулся с Отто. Старпом хотел подсказать какую-то версию, но Гюнтер неожиданно услышал собственный голос:

— Настоящий воин никогда не убивает ради убийства! Своей цели я достиг — я спас вашего человека от неминуемой гибели. Как командир армии, побывавшей не в одном бою, советую вам: не разбрасывайтесь своими людьми ради кровавого зрелища.

Гюнтер назидательно поднял палец вверх, будто учитель, отчитывающий несмышленного ученика. Ему казалось, что именно так должен говорить воин, стоящий на высшей ступени военного искусства. Однако не покидало чувство, что он переигрывает и получается как-то фальшиво. Но Гюнтер себя успокоил тем, что для темного шестнадцатого века сойдет.

Для дона Диего такие умозаключения оказались тяжеловесны. Выслушав перевод, он наморщил лоб, переваривая услышанное и неожиданно взорвался громовым хохотом:

— Лопе! Меня спасет Лопе!

Дон Диего хохотал со слезами на глазах.

— Да я ему не доверю курице отрубить голову, не то что прикрывать свою спину. Вы, наверное, считаете, что я команду стадом шутов! — И, так же неожиданно замолчав, он произнес стальным голосом: — Скоро вернутся мои сыновья, вот тогда, сеньоры, вы увидите настоящих воинов. Тех, кому я доверю свою спину. Тех, чьи паруса наводят ужас на корабли в Карибском море.

Сверкнув глазами, он глянул на Кюхельмана и подумал: «Вот тогда я и выломаю тебе зубы своей шпагой. Никому еще не удавалось безнаказанно дурачить дона Диего. Вот тогда я посмотрю на твое бессмертие, брехливая собака».

— У тебя не возникло чувство, что он нам угрожает? — спросил Гюнтер у старпома.

— У меня возникло чувство, что он не верит ни единому нашему слову, — откликнулся Отто.

Между тем лицо губернатора вновь растянула гостеприимная улыбка.

«Ничего, — подумал Гюнтер, — сила на нашей стороне, а здесь это, похоже, главный аргумент. Хочешь, не хочешь, а улыбаться будешь».

Чтобы скрыть раздражение, появившееся после случая с Лопе, он отвернулся и стал смотреть на работающих плотников. Стол длиной не меньше двадцати метров уже был готов. Чередуясь светлыми и темными досками, он был состыкован из старых потемневших столов с новыми, только что сделанными. Теперь плотники трудились над длинными скамьями. Командовал ими Алонсо, размахивая руками и задрав вверх растрепанную черную бороду.

— Скажите, губернатор, — спросил, не оборачиваясь, Гюнтер, — почему у Алонсо такая странная кличка — Красная Борода?

— Много пьет, ничего уже не осталось от прежнего Алонсо, — ответил дон Диего с сожалением.

Поднявшись из кресла и тоже взглянув на работу плотников, он добавил:

— А раньше хорошим рубакой был. Привычка у него была: как кого зарубит, так саблю о бороду вытирает. Когда-то мы с ним вместе в этих водах гуляли. Он даже у меня на корабле мастер-канониром был. Теперь только кличка и осталась.

Невдалеке от стола, из дома с распахнутыми дверями, поднимался столбом белый дым. Во дворе над костром на вертеле жарился поросенок. Запах жареного мяса уже добрался до террасы, и Гюнтер сглотнул подбежавшую слюну.хлопотали снующие туда-сюда женщины. Управляла всем кухонным хозяйством толстая, с волосами, собранными в пучок на голове, мулатка. И без подсказки Гюнтер понял, что это и есть пресловутая донна Дебора. Один из помощников принес деревянное корыто, полное забитых кур, и бросил у ее ног. Тут же подскочила одна из кухарок и, примостившись на краю корыта, принялась их ощипывать, разбрасывая вокруг перья и пух.

Поселок суетился в ожидании пира. Вокруг дома, отданного под кухню, ходила кругами, приносившая, добрая половина населения.

Рядом с домом губернатора Кюхельман увидел худую и длинную фигуру в черной сутане священника. Пастор Соломон переминался у дверей, заглядывая на террасу, стараясь перехватить взгляд донна Диего и явно рассчитывая на приглашение. Но губернатор его демонстративно игнорировал. Он лишь раз злобно взглянул на заискивающего пастора и отвернулся.

Только болтливого Соломона и не доставало. Еще и в сутану вырядился по такому случаю. Наверняка увидал с колокольни, что дармовым вином угощают, и уже топчется под дверью. Хорошо бы, конечно, чтобы язык чужаков послушал, но важнее сейчас спокойно все обдумать без Соломоновой трескотни.

— А где сейчас ваши сыновья? — обратился к губернатору Отто, выведя его из задумчивости.

Дон Диего будто ждал этого вопроса, лицо его смягчилось.

— Карлос сейчас с богатым уловом плывет домой. Вчера заходил в нашу гавань «Черный паук». Да вы его, наверное, видели? — Губернатор вновь испытующе посмотрел на Кюхельмана. Ему только сейчас пришло в голову, что если чужаки со вчерашнего дня крутятся вокруг острова, то вполне могли видеть каравеллу Просперо.

Гюнтер неопределенно кивнул, решив, что губернатору не стоит знать, что именно «Черный паук» привел их к острову.

— Просперо и Карлос вместе ушли два месяца назад к берегам Африки, — продолжил дон Диего. — Очень удачно сходили. Но галеон Карлоса тихоходней, да и наполнить трюм больше времени надо, вот он и отстал. Просперо сказал: много взяли и рабов, и слоновой кости. Жаль, что он очень спешил. В тесный трюм каравеллы и так много не взять, так еще рабы началидохнуть как мухи. Ему теперь надо срочно их распродать по плантациям на Ямайке, а так бы я вас с ним познакомил. Очень достойный кабальеро.

Гюнтер переглянулся с Отто. Старпом пожал плечами. Слово «работорговля», режущее ухо в двадцатом веке, здесь было вполне обычным и приличным занятием. Потому дон Диего и говорил о рабах, ничуть не смущаясь, будто разговор шел о сахарном тростнике или партии железной руды из Европы. Зато на Удо разговор произвел тяжелое впечатление. Доминиканец задвигал челюстями и запыхтел, раздувая ноздри. Возможно, он был потомком этих рабов, осевших на островах Карибского бассейна, и с болью слушал о мучениях своих предков, осознавая с горечью, что не много-то изменилось за сотни лет в отношении к нему подобным.

— Я волнуюсь о младшем, Пабло, — вновь заговорил дон Диего.

Гюнтер с удивлением заметил, что на лице у губернатора действительно появилась неподдельная тревога. «Неужели это каменное сердце еще способно о ком-то переживать?» — подумал он.

— Пабло уж три месяца как ушел к берегам Мексики. Может, вы, сеньоры, встречали бригадину с красным косым парусом впереди? — с надеждой в голосе спросил дон Диего.

Гюнтер с Отто отрицательно покачали головами.

— Ну ничего, Пабло выходил целым из разных передряг, — произнес, скорее для собственного успокоения, губернатор. — Он умен и хитер не по годам.

Затем, что-то вспомнив, дон Диего заулыбался и, повернувшись к гостям, весело

пророкотал:

— Я вам, сеньоры, расскажу историю, как Пабло добыл свою бригантину, и тогда вы поймете, каков хитрец мой сын. Тогда он только начинал самостоятельно выходить в море как капитан. За плату я нанял для него шхуну с командой. Дрянная была шхуна, старая, с обросшим дном, но Пабло радовался как ребенок. На ней в море далеко уходить было опасно, а он все равно радовался. Попытали они удачи у южных берегов Эспаньолы, и в первую же неделю плавания их наблюдатель на марсе увидел английскую бригантину с розой Тюдоров на парусах. Идти на такой шхуне против бригантины — гиблое дело, но уж очень она понравилась Пабло. Решил он рискнуть, но не бросаться сломя голову в погоню, а взять хитростью. Два дня они шли параллельным курсом, чтобы не спугнуть англичан, и потихоньку сближались. — Дон Диего остановился, многозначительно помолчав, поднял палец и произнес: — Но послушайте дальше, сеньоры, до чего додумался Пабло! Они закрыли пушечные порты тряпками, соорудили на палубе курятник. Половину своей команды Пабло упрятал в трюм, а часть второй половины передел в женское платье. На леерах развесили белье, и тоже большей частью женское. Устраивали танцы и якобы все, перепившись, падали и засыпали на палубе. Ни дать ни взять, идет небольшой торговец от острова к острову с пассажирами на борту и командой в несколько спившихся матросов. Такую комедию заложили перед англичанами, что те сами сближаться начали. Одичавшие за переход через Атлантику, они посылали «дамам» воздушные поцелуи и приглашали к себе на борт. А когда между кораблями уже можно было крюк добросить, Пабло выстрелил из носовой пушки, и перед изумленными англичанами предстала вся команда, вооруженная саблями и баграми. Ряженые дамы наставили на англичан мушкеты, и те все как один руки подняли. Вот таков мой Пабло! Не пропадет такой моряк в море. Слава разнеслась о нем по островам. Англичане везли большой груз специй, огромных денег стоил, так он все команде отдал, себе только бригантину оставил.

— А что с англичанами стало? — спросил старпом.

— Вы хотите узнать, отправил ли он их на корм акулам? Нет, сеньоры. Пабло не Карлос, — засмеялся дон Диего. — Это за кораблем Карлоса всегда ходят стайей акулы, потому что знают: он не даст им подохнуть с голоду. А Пабло высадил англичан на ближайшем острове, да еще дал мушкеты с порохом. Не знаю, правильно ли сделал. Я поначалу в ярости был, что он их не перерезал. Но вот странное дело... Карлос куда больше всяких искателей приключений перебил, не боялся и на военные корабли нападать, а не только на торговцев. Но слава идет по пятам за Пабло. Моряки с ним готовы за гроши в море идти, хотя он всегда жестко кодекс соблюдает. Ни драк, ни пьянок, ни баб у него на борту никогда нет. Даже в кости играть запрещает! А все готовы с ним хоть к черту на рога! А почему? — спросите вы. А потому, что все видят, что он капитан от бога! И это притом, что Пабло всего-то двадцать лет. Нет, не пропадет такой моряк!

И дон Диего гордо выставил на обозрение свой профиль, задрав кверху бороду.

Неожиданно ему в голову пришла мысль: «А почему это чужаки интересуются судьбой англичан? Опять проявление жалости? Или что-то другое? Сами-то они не англичане — это точно. Язык совсем другой, да и одежда на английскую не похожа. А вот союзниками могут быть вполне».

И опять дон Диего скривился от терзающих голову мыслей. Давно уже ему не приходилось столько думать. Чтобы как-то прояснить ситуацию, он решил от рассказов перейти к вопросам.

— А вы, сеньор, как считаете, Пабло правильно поступил? — обратился он к Кюхельману.

Гюнтер безразлично пожал плечами:

— Если ваш сын считает себя моряком и честным воином, то он поступил, как и положено настоящему капитану, ну а если он считает себя палачом, то он сделал глупость.

Едва сдержавшись, дон Диего почувствовал, что в нем закипает злость. Уж слишком легко этот чужак навешивает ярлыки. Он сам не одно английское горло перерезал, но

палачом себя никогда не считал.

— А сами вы, сеньор? Не раз я уже слышал от вас, что вы воины и бывали в боях! Вам-то приходилось топить корабли врага?

— Приходилось.

— И как же вы с ними поступали? Отдавали им корабельные шлюпки или с извинениями обещали их вернуть на родину? Вам удавалось воевать с врагом, не убивая его?

Гюнтер смущенно отвернулся. Губернатор сумел вывести его на больной и скользкий вопрос морали. Вопрос, от которого всегда можно прикрыться воинским долгом и интересами родины. А можно терзаться муками совести из-за каждой новой жертвы. Он знал, что любой подводник старается думать, что на транспорте, в который он вlepил торпеду, непременно плыли танки и самолеты, а не беженцы — женщины с детьми.

— Я всегда старался топить корабли и груз, а не команду и пассажиров. В отличие от ваших потешных пушек, мой корабль обладает таким оружием, что зачастую я топлю вражеский корабль за несколько миль и даже не вижу, что он вез.

Гюнтер чувствовал, что заводится. Этот пещерный пират пытается высмеять элементарные правила воинской чести. Да, война — грязное дело, но все же есть разница между честным солдатом и военным преступником.

— Если была возможность, я всегда давал время команде покинуть судно, прежде чем отправить его на дно, — Гюнтер понял, что его понесло, и сейчас он наговорит лишнего, но остановиться уже не мог. — Так уж повелось, что если есть война, то есть и враг. А с врагом не вино пьют, а воюют. Наша война идет на выживание, а не как у вас за бочку специй, но мы не наматываем кишки врагов вокруг своей шеи и не кормим их телами акул! И уж точно не развлекаемся, скармливая своих матросов ягуарам!

Дон Диего внимал каждому слову, половины не понял, но зато все запомнил. А еще он порадовался, что сумел вывести из себя надменного капитана чужаков, а это тоже слабость. Но ему был нужен ответ на другой вопрос.

— Ответьте, сеньоры, кто же ваши враги? — сделав ударение на слове *ваши*, спросил дон Диего.

— Возможно, это вас обрадует, но англичане и наши враги! А еще американцы, о которых вы, естественно, даже не слышали! А еще есть русские и австралийцы, греки и поляки! Я могу еще перечислять, но вы все равно ничего не поймете! Но, главное, упаси вас бог стать нашими врагами! Вот тогда уж точно я не дам гнutoго песо за ваши жизни!

Эмоциональная речь Гюнтера произвела впечатление на губернатора. Дон Диего сник. Глаза его забегали, он пытался спрятать растерянность. Кажется, он недооценил чужаков и сейчас дергает тигра за усы.

Свесившись через перила, губернатор заревел трубным басом на кухарок:

— Мы долго еще будем ждать? Где эта донна Дебора? Вечно она тянет, а потом горелое мясо подает!

Зато Удо был очень доволен. Он с наслаждением переводил гневную речь командира. Будто не Кюхельман, а он сам каждым стальным словом, как гвоздем, прибивал губернатора к столбу позора. Доминиканец расправил плечи и окинул снисходительным взглядом поселок. Затем, взглянув на бухту, он заметил три красных спасательных плота, следующих от подводной лодки к берегу.

— Командир, смотрите! — указал он пальцем на море.

Но первым плоты заметил дон Диего. Он даже успел сосчитать оставшихся на палубе лодки подводников. Их оказалось больше, чем он предполагал.

— Губернатор, мне необходимо встретить своих людей, — направляясь к выходу, сказал Кюхельман.

Вслед за ним из-за стола вскочили старпом с матросами.

— Да, конечно, — обгоняя Гюнтера, бросился вперед губернатор. — Я вас провожу!

На первом плоту, стараясь удержаться на ногах, в полный рост стоял Вагнер. Плот был перегружен и, тяжело осев, едва взбирался на волны. Гюнтер помахал лейтенанту с причала рукой. Герберт, стараясь не потерять равновесия, тоже подняв руку, ответил командиру. Плоты зашли в бухту и теперь, разогнавшись на спокойной воде, приближались к причалу.

Первым на пристань выпрыгнул Вагнер. Гюнтер улыбнулся, заметив, что у Герберта не только полные воды ботинки, но и брюки мокрые до колен.

— Командир, мы уже чуть стрельбу не открыли, — взволнованно произнес лейтенант. — Куда вы исчезли? Мы вас потеряли из вида и нигде не могли найти!

— Успокойся. Мы пили вино у губернатора. — Затем Гюнтер обернулся и, кивнув головой, сказал: — Познакомься, это и есть дон Диего.

Губернатор, догадавшись, что речь идет о нем, слегка поклонился, не сводя глаз с кобуры на поясе лейтенанта. Он уже заметил, что почти все моряки, сидящие в лодках, вооружены. Как действует это оружие, он уже видел. А вот как работает оружие, болтающееся на ремнях на шее, еще была загадка, но то, что это оружие, он не сомневался. Удивляло то, что у чужаков нет ничего похожего на сабли или шпаги.

Он понял — баланс сил резко качнулся в другую сторону. Если раньше еще можно было попытаться неожиданно убить или связать пятерых подводников, то теперь остается только наблюдать и ждать.

Дон Диего широко улыбнулся и произнес:

— Я счастлив приветствовать вас на нашем гостеприимном острове! Сеньоры подводники, все мы рады такой чести, но не сочтите за оскорбление — кухарки запаздывают. Еще совсем немного времени, и я как губернатор этого острова с почтением приглашу вас за стол разделить нашу радость по поводу прибытия на Бенито!

Дон Диего нагнул голову, скрыв красными полями шляпы свое скривившееся лицо. Его едва не стошнило от собственных слов.

За спиной губернатора с мрачными лицами стояли Чуи и Томас. А из-за их спин выглядывал, вцепившись двумя руками в крест на шее, пастор Соломон. Не далее тридцати метров от причала длинной, изогнутой шеренгой в три ряда стояло почти все мужское население острова. У кого-то сабли висели у пояса, а кто-то, не стесняясь, держал их уже наголо, готовый в любую секунду броситься на чужаков.

— Ты улыбайся, но кобуру держи открытой, — шепнул Гюнтер Герберту.

Но лейтенант и без подсказки командира уже заметил выражение «радушия» на бородастых лицах.

Оценивая степень опасности, он так же шепотом спросил:

— Так нам рады или не рады? А то я уже сомневаюсь.

— Правильно сомневаешься.

— Так, может, их просто перестрелять и дело с концом?

— Тебе бы только пострелять. Видишь, нам рады, — ехидно произнес Гюнтер. — Старались, накрыли на стол, а ты сразу — перестрелять. Еще успеем.

Уже все плоты выгрузились, и моряки едва умещались на переполненном причале. Увидев злую толпу встречающих, они недвусмысленно направили на испанцев автоматы. Щелкнули затворы.

«А ведь кто-то может не сдержаться и открыть огонь», — подумал Гюнтер.

— Дон Диего, — обратился он к губернатору, — прикажите вашим людям спрятать оружие, а то они не слышали ваших слов и не знают, как они счастливы нашему прибытию. Не испытывайте терпение моих людей.

Дон Диего со злостью крикнул с балкона:

— Спрячьте свои тесаки, идиоты! Вы что, не видите, что это приплыли гости, к приему которых мы готовимся уже несколько часов? — В очередной раз изобразил гостеприимство на лице и, прокашлявшись, пробасил: — Проходите, сеньоры! Поднимайтесь по тропе и присаживайтесь за стол. Пока готовятся блюда, я буду угощать вас вином. Мы с вашим

капитаном уже оценили вкус солнечного нектара, запутавшегося в виноградной лозе, и подружились. Так попробуйте вина и вы, сеньоры, в добрый знак начала нашей дружбы.

Гюнтер удивленно поднял брови — да дон Диего почти поэт. Ведь может, когда страшно. Он улыбнулся и предупредил Удо:

— Это переводить не надо.

Затем, повысив голос, начал инструктировать своих матросов:

— Напиваться запрещаю! Местные пьют вино как воду, и не вам с ними тягаться. Никому никуда не отходить, держаться всем вместе. Особенно опасны джунгли! Автоматы не снимать даже за столом. Не хочу сказать, что мы на вражеской территории, но здесь все не так. Ну, а сейчас, излучая дружелюбие, идем за стол. И помните, вина не больше двух кружек!

Кюхельман в шутку показал команде кулак и, повернувшись, пошел вслед за губернатором.

— Гюнтер, нам на лодке почудилось, что мы слышали выстрелы? — спросил шагающий рядом Герберт.

— Это я охотился на ягуара.

— Ты! На ягуара! Но зачем?

— Потом расскажу.

Губернатор сел в середине стола, приглашая присесть рядом Кюхельмана.

— Я сяду напротив, хотел бы видеть свой корабль, — возразил Гюнтер.

Дон Диего понимающе улыбнулся и кивнул. Чужаки осторожны, а возможно, и боятся.

Подводники, бряцая автоматами, начали рассаживаться за столом по обе стороны от своего командира.

— Герберт и ты, Вилли, — приказал Гюнтер, — сядьте напротив меня, рядом с губернатором, и смотрите, что делается за нашими спинами.

Губернатор встал и, высматривая среди столпившихся островитян самых, на его взгляд, достойных, рассаживал их по обе руки от себя. Остальные держались на почтительном расстоянии, с завистью наблюдая за счастливчиками, одаренными губернаторским вниманием.

Не успел дон Диего наполнить первый кубок и предложить тост за гостей, как из чадающей кухни потянулись вереницей кухарки с блюдами в руках. Они расставляли на столе вырезанные из дерева тарелки, круглые и овальные, больше похожие на тазики. Несколько бронзовых тарелок с тушками куриц, набитых фруктами, заняли центр, разделив стол на две половины. И наконец единственное серебряное блюдо, с еще дымящимся румяным поросенком, вынесла сама дона Дебора. Сопровождаемая голодными взглядами присутствующих, она поставила «лакомство» между губернатором и Кюхельманом.

Среди женщин была и хрупкая девушка, помогавшая накрывать на стол, которую Гюнтер уже видел в губернаторском доме. Дон Диего ее тоже заметил:

— Оставь, Кармен! И без тебя управятся. Иди садись сюда.

Губернатор указал ей на место между собой и Вилли.

— Это моя дочь, Кармен, — поймав взгляд Кюхельмана, пояснил он.

— Я не знал, что у вас есть дочь, — сказал Гюнтер.

— Ну-у... — замялся губернатор. — Она моя приемная дочь. Ее отец, мой лучший друг, давно погиб, и растил ее я.

— Это делает вам честь, — произнес Кюхельман, в очередной раз удивляясь противоречивости натуры дона Диего.

Кармен на вид было лет шестнадцать, не более. Типичная смуглая испанка с длинными черными волосами. Худая, почти мальчишеская фигура с тонкими руками и хрупкой шеей. Девушка была похожа на подростка, наряженного во взрослое женское платье.

«Да в ней, наверное, и сорока килограммов весу нет», — подумал Гюнтер и чуть не рассмеялся, увидев, как густо покраснел Вилли. Казалось, штурман сейчас перестанет дышать от стеснения.

Кармен, не смущаясь, разглядывала сидевших за столом подводников. С детским любопытством она уставилась на белую фуражку Кюхельмана с орлом на тулье. Затем очередь дошла до штурмана. Кармен с интересом окинула взглядом его длинную фигуру, пощупала тонкими пальцами ткань его куртки и подергала за пуговицы, отчего штурман теперь горел как красный семафор.

Кармен хотела что-то сказать, но ее перебил дон Диего. Взглянув на накрытый стол, он остался доволен его видом и проревел:

— Уберите это пойло для щенят! Не будем оскорблять жареного поросенка, запивая его вином! Давайте сюда напиток для мужчин!

Мгновенно исчезли кувшины. Вместо них прикатили просмоленный бочонок с джином.

Что-то мокрое тронуло руку Гюнтера под столом. Наклонившись, он увидел прижавшегося к его коленям огромного лохматого пса. Заискивающе глядя на Кюхельмана, он явно ждал костей. Вокруг стола, отталкивая друг друга, кружились еще несколько таких же лохматых и огромных чудовищ.

С хлопком вылетела пробка из бочонка. В кубки полилась мутно-розовая жидкость с резким запахом можжевельника.

— Погодите! — Дон Диего поднял руку. — Начать я хочу не с этого прекрасного напитка, а с того, который мне привез мой мальчик Пабло. И который долго томился в моем подвале, ожидая достойного повода.

На том конце стола, где сидели испанцы, воцарилась благоговейная тишина.

— Да! Я хочу угостить наших гостей волшебной новинкой, имя которой — ром! Чуи, ты знаешь, где он стоит. Неси его скорей сюда. Что такое джин, достойные гости, я думаю, знают и без нас. А вот ром, уверен, им пробовать не доводилось.

Гюнтер слушал перевод Удо, не особенно представляя разницу между ромом и джином. И почему вообще слово «ром» вызвало такое оживление за столом на половине губернатора? Но на всякий случай он восхищенно закивал. Напротив плотноядно потирал ладони пастор Соломон.

— Рожденный из сахарной патоки на тростниковых плантациях Ямайки и Эспаньолы, ром — самое лучшее, что смогла подарить нам эта благодатная земля, — с вдохновением продолжал дон Диего. — Когда я впервые его попробовал, то понял, что раньше пил телячье молоко, а не лекарство для моряков! В Европе даже не все короли знают, что это такое, а мы пьем... Да где же этот Чуи? Уж не присосался ли к моему бочонку! — Губернатор захохотал, довольный своей шуткой.

Сидевший рядом с лейтенантом Вагнером пастор тоненько захихикал и, улучив момент, когда дон Диего замолчал, ткнул в небо пальцем и крикнул, так, чтобы слышали на обоих концах стола:

— Ром — свидетельство того, что Господь желает нам счастья!

И, довольный, взглянул на губернатора, решив, что теперь он точно имеет право на свою долю рома.

Прижав к груди маленький бочонок, у стола появился Чуи. Вытащив двумя пальцами пробку, он наполнил кубок губернатора, затем Кюхельмана. Затем, стараясь не пролить ни капли, Чуи прошел вдоль ряда подводников, наполняя их стаканы.

Гюнтер обратил внимание, что из островитян ром достался только ближайшему окружению дона Диего. Остальные довольствовались джином.

Не торопясь сесть на место, губернатор поднял руку с кубком и, улыбаясь, произнес:

— Я благодарю чужеземцев за то, что они посетили наш богом забытый остров. За то, что сидят сейчас с нами за одним столом, а их пушки молчат. Никому еще не удавалось покорить Бенито огнем, но для дружбы наши сердца открыты.

«Красиво сказано», — подумал Кюхельман и, заметив обращенные на него взгляды, догадался, что должен сказать ответное слово.

— Спасибо! Спасибо за то, что на этом зеленом острове мы встретили новых друзей, а

не врагов. Потому что лучше любой битвы — это накрытый стол и радушие его хозяев!

Услышав перевод, испанцы дружно закивали, подняв вверх полные бокалы.

«Ну, пожалуй, хватит», — подумал Гюнтер, опасливо принохиваясь к янтарной жидкости в тяжелом кубке. Собравшись с духом и понимая, что от него ждут именно этого, он залпом проглотил тягучий ром. В горло вылился подслащенный расплавленный свинец. Гюнтер закашлялся под общий взрыв хохота. Слезы покатались из глаз. Легкие отказывались сделать хотя бы слабый вдох или выдох.

Вытянув вперед руку, он попытался нащупать на столе хоть что-нибудь, чем можно было бы сбить сжигающий трахею огонь. Вогнав пальцы в горячего поросенка, Гюнтер вырвал кусок мяса и запихнул себе в рот.

Громче всех хохотал губернатор. Казалось, он сейчас не усидит и свалится под стол.

— Конец моей печени, — в отчаянии прошептал Кюхельман.

— Что!? Что сказал ваш капитан!? — сквозь смех спросил дон Диего у Удо и, услышав ответ, захлебываясь смехом, изрек: — Ром не может испортить печень, потому что прежде он вышибает мозги!

Его слова утонули в хохоте.

С трудом придя в себя и чувствуя, что градус неумолимо рвется в голову, Гюнтер наклонился к старпому и Герреро:

— Не пейте. Этот ром не для наших мозгов. Пусть кто-нибудь из нас будет с ясной головой.

Вилли тотчас отставил наполненную до краев стеклянную чашу.

Кармен толкнула штурмана в бок и что-то спросила.

— Она спрашивает: тебе что, не нравится ром? Почему ты не пьешь? — улыбаясь, пришел на помощь Удо.

— Хочу еще немного пожить, — попытался отшутиться Вилли, переживая, что, отказавшись пить, он потеряет достоинство в глазах Кармен.

Выслушав ответ, Кармен звонко рассмеялась.

Вилли окончательно растерялся и потупился, пряча глаза. Но это еще больше развеселило жизнерадостную испанку.

Не осталась незамеченной его растерянность и для губернатора. Дон Диего насмешливо посмотрел на сконфуженного штурмана и, наклонившись к Кармен, что-то долго шептал ей в ухо.

Не допущенные к столу островитяне развели рядом костер. Губернатор пожаловал им еще одну бочку с джином. На огне вращалась туша с головой и рогами, еще недавно блеявшая козой. Пьяное веселье начинало набирать обороты.

Гюнтер заметил, что ром для губернатора все-таки слишком крепок. Дона Диего передернуло, он судорожно задвигал кадыком. Глаза его сошлись к переносице, нос полиловел.

— Эх! — махнул он пустым кубком. — Кто же придумал такое зелье? Я бы его сначала озолотил, а затем повесил!

Кюхельман посмотрел на свою команду. Кто-то все-таки осмелился и опустошил свой стакан, но в основном все набросились на еду. Виллок на столе не было, и моряки по примеру хозяев рвали мясо руками.

— А почему не пьют ваши тени? — обратил внимание Гюнтер на стоявших за спиной у губернатора Чуи и Томаса.

— Э, нет, — прищурился раскрасневшийся дон Диего. — Кто-то должен сегодня отнести меня в кровать и охранять мой сон.

Алкоголь начал действовать и на железный организм губернатора. Он с трудом шевелил языком, растягивая слова. Удо едва разбирал их, напрягая слух.

Гюнтер решил, что наступило время для делового разговора.

— Дон Диего, у меня к вам небольшая просьба. Так, мелочь... — произнес он, глядя на заляпанную жиром бороду губернатора. — Мой экипаж долго был в море, и запасы

продовольствия исчерпались. Не могли бы вы, так сказать, в знак нашей дружбы отправить парочку поросят на мой корабль? Чтобы и оставшиеся на вахте моряки оценили вашу щедрость.

— Капитан, наша дружба не знает цены и границ. Да мы обезьян будем жрать, а вам последнее отдадим! — закричал дон Диего, грохнув кулаком по столу.

Гюнтер внимательно посмотрел на губернатора — ему показалось, что он не так пьян, как хочет казаться.

— Я думаю, что до этого дело не дойдет, — произнес он, взглянув на огороженный загон свинарника. — У вас может стать на постой целый флот.

Дон Диего удовлетворенно кивнул, расценив сказанное как комплимент.

— Проверь, чтобы нагрузили полную лодку для наших гостей, — приказал он Чуи, — и пусть отвезут на их корабль.

— Нет-нет! — запротестовал Гюнтер. — Мои люди сами это сделают.

— Как хотите. — Губернатор безразлично пожал плечами.

Вдруг он вскочил с места и хлопнул себя по лбу, будто вспомнил что-то очень важное:

— Я знаю, чем мы еще можем вас удивить! И уж поверьте, такого вы не видели и никогда не увидите!

Дон Диего вылез из-за стола и попытался обнять за плечи Томаса.

«Уж не бороться ли он с ним собрался?» — подумал Кюхельман.

Дон Диего, хлопнув голландца по плечу, крикнул сидевшим вокруг костра:

— Ведите сюда быка! — а затем обратился к подводникам: — А пока, сеньоры, я расскажу вам занятную историю. Три года назад я выловил Томаса из воды, это случилось после того, как мы отправили на дно несговорчивый голландский барк. Такие здоровяки, как Томас, всегда мне были по душе, и его единственного мы оставили в живых. Томас на нас обиды не держал и быстро прижился, выучил язык. А от скуки придумал себе развлечение: взял маленького, только что родившегося теленка и каждое утро, взвалив его себе на плечи, обходил вокруг деревни. Бычок рос, а Томас его носил. Так три года и носит. Во-о-он та протоптанная тропа перед джунглями — это тропа Томаса!

Гюнтер увидел, как из-за церкви вывели здорового черного быка. Трое мужчин тащили его за широкий ремень на шее, стараясь соблюдать дистанцию и держаться от загнутых рогов подальше.

— Давай, Томас! Привели твоего теленочка! — засмеялся дон Диего.

Голландец с каменным лицом подошел к быку и отобрал ремень у вздохнувших с облегчением испанцев.

Животное, увидев хозяина, притихло, покорно опустив голову, привыкшее к многолетней процедуре.

Томас любовно похлопал быка по шее, почесал за ухом и, нагнувшись, протиснулся между его ног, оперевшись затылком в круглый живот. Руками он схватил быка за ноги.

Лицо голландца покраснело от напряжения, и потрясенный Гюнтер увидел, как оторвались от земли копыта. Вдох восхищения прокатился вдоль стола.

— Невероятно, — только и смог прошептать вскочивший Отто.

Томас, стараясь сохранять равновесие, двинулся со своей ношей к тропе, раскачиваясь при каждом шаге. На земле оставались глубокие следы от его ног.

Гремя автоматами, из-за стола выскочили подводники и с ошарашенными лицами пошли рядом с голландцем.

Теперь Гюнтер понял, какая кувалда раздавила тело Томаса, сделав его безобразно квадратным и широким. Такие развлечения сжали его скелет в росте, но невероятно раздвинули вширь, приспособив к нечеловеческим нагрузкам.

Раскачивая головой в такт шагам голландца, бык спокойно взирал сверху на разбегающихся в стороны людей.

Воспользовавшись суматохой, Кармен дернула за рукав Вилли и, улыбаясь, потянула из-за стола. Ничего не понимая, штурман беспомощно улыбался, шаря вокруг глазами в

поисках Удо. Капризно надув губы, Кармен произнесла несколько непонятных слов и звонко засмеялась, глядя на растерянного Вилли.

— Она зовет тебя посмотреть остров, — сказал неизвестно откуда появившийся доминиканец.

— Но ведь это же опасно!

— Я бы на твоём месте не думал об этом. — Улыбаясь, Удо подмигнул штурману. — Уверен, что охотиться на ягуара ты не будешь.

— Но я же... — Вилли хотел сказать, что не знает испанского языка, но, увидев смеющиеся глаза Кармен, покорно отошел от стола.

Как себя вести с девушками, тем более не понимая их речь, штурман не имел ни малейшего представления. Опыт по этой части у него был чисто теоретический — подслушанный в матросских кубриках. Да и то в основном это были байки о приключениях в портовых борделях.

Глядя на хрупкую девушку, вцепившуюся в его руку, Вилли не мог понять, что с ним происходит. Он чувствовал, что его лицо горит, а веснушки превратились в красные пятна, и от этого он еще сильнее смущался. Ему было неловко, что он такой длинный, и Кармен не достаёт ему даже до плеча, и что у него такие короткие рукава, потому что не нашлась на складе куртка для его долговязой фигуры.

В общем, Вилли мечтал сейчас лишь об одном — поскорее вернуться на лодку и забиться в самый дальний угол кубрика.

Кармен провела его мимо причала и, смело нырнув в заросли, потащила по еле заметной тропе вверх, на утес. Ветви беспощадно хлестали штурмана по лицу, и он с облегчением вздохнул, когда оказался на вершине. Сверху открылся потрясающий вид, и он замер с открытым ртом. С тридцатиметровой высоты бухта была как на ладони. Тянулся дым от костра и из кухни. Ровной линией красовался стол, за которым он только что сидел. Сопровождаемый улюлюкающей толпой, Томас уже заканчивал свой круг. Искрилось озаренное солнцем море. Натянув якорную цепь, стояла подводная лодка. На палубе сидела и лежала оставшаяся команда, рассматривая в бинокли, что творится на берегу. Вилли помахал им рукой, но его никто не заметил.

Вдалеке, отрезанный от поселка джунглями, белой свечой торчал маяк. В том, что это маяк, Вилли не сомневался, но почему он стоит в стороне, а не указывает на вход в бухту?

Кармен размахивала руками и рассказывала ему какие-то истории. Она запрыгнула на ствол пушки и теперь сидела, болтая ногами. И все говорила, говорила, говорила. Для ничего не понимавшего Вилли ее речь звучала как песня. Он понял, что это ее любимое место, и, по всей видимости, она частенько любовалась открывающимися отсюда красотами, одна, а теперь, когда появилась возможность поделиться с кем-то своим восторгом, Кармен просто светилась от радости. Увидав их, закружились рядом чайки, ожидая подачки. Внизу заревела восхищенная толпа — это Томас принес быка назад, к столу, замкнув круг. А прячущее верхушку горы облако уже потемнело и грозило вот-вот пролить свое содержимое на остров.

Наконец, выговорившись, Кармен умолкла. Затем, взяв штурмана за руку и указав на желтую полосу берега, она несколько раз повторила:

— Коста!

Неожиданно Вилли осенило. Она пытается учить его испанскому языку.

— Да! Да! Я понял, коста — это берег! Здорово! — Он радостно закивал.

— Алта мар. — Кармен широким жестом указала на море.

— Да! Я понял, это море! Это так просто! Давай еще! Я обязательно выучу твой язык и тогда мы сможем разговаривать!

Он повторял за ней новые слова и чувствовал, что от восторга не ощущает под ногами земли и готов летать наперегонки с чайками. Он слушал ее, и голова кружилась от ее казавшегося ангельским голоса. Он забыл, что их разделяют века и где-то в его времени идет война. Глядя на зеленые джунгли, он думал, что они очень красивые и совсем не опасные. Пусть даже там прячутся кровожадные туземцы и ягуары, он их не боится. Только бы эта

маленькая смеющаяся испанка была рядом.

Такого с Вилли еще не было никогда в жизни.

Он не знал своих родителей, его воспитывала полоумная тетка, из впечатлений детства ему запомнился только вечно урчащий от голода желудок да насмешки и подзатыльники одноклассников. Единственным близким человеком для него был седой, с добрыми, умными глазами директор школы Рольф Витцель. Как любой сирота, Вилли сразу почувствовал тепло, исходящее от этого улыбающегося и постоянно озабоченного проблемами детей старика, и всем сердцем потянулся к нему. Витцель по совместительству преподавал у них математику, и Вилли был готов вывернуться наизнанку, лишь бы заслужить его похвалу. Математику он всегда знал на один год вперед, хотя и стал из-за этого изгоем в классе. Когда пришло время покидать школу, Вилли с тоской считал оставшиеся дни. Мысль о том, что он расстанется с Витцелем, доводила его до слез.

Но за несколько дней до выпуска директор вызвал его к себе в кабинет и поинтересовался, чем мальчик хочет заниматься дальше. Вилли об этом даже не думал. Будущее представлялось ему чем-то темным и мрачным, с коротким и ужасным финалом. Тогда Витцель принял за него решение. Написав отличную рекомендацию, он отправил его к своему давнему знакомому в военно-морское училище унтер-офицерского состава в Фридрихсборге. Директор для Вилли был непререкаемым авторитетом, поэтому оспорить такое решение ему даже не пришло в голову.

После аварии на U-580 новоиспеченный унтер-офицер Вилли Айсман получил отпуск на две недели. В наглаженной форме, гордо выпятив грудь, украшенную знаком подводника, он бегом пустился с вокзала, размахивая вещевым мешком, будто школьным ранцем. Провинциальный городок совсем не изменился. Казалось, здесь даже не слышали о войне. Войдя во двор покосившегося теткиного дома, Вилли испытал волнение — он не был здесь целых два года. Дверь оказалась незапертой. Когда он ее открыл, в нос ударил жуткий спертый запах. Тетка лежала на кровати и, увидев Вилли, недовольно проворчала:

— Где тебя носит, негодный паршивец?

Сказала это так, будто он сегодня не ночевал дома, а не отсутствовал два года. Она не замечала его черной формы и фуражки подводника. Глядя, как тетка Марта пытается встать, продолжая бранить его, как тогда, когда он еще был мальчишкой, Вилли понял, что с головой у нее стало совсем плохо.

Вилли оставил вещевой мешок у тетки и пошел в школу увидеть директора Витцеля. В школе тоже ничего не изменилось — те же тихие коридоры, портреты немецких ученых и писателей на стенах. Тот же буфет за решеткой, через которую он просовывал нос и вдыхал запах сдобных булочек, не имея и пфеннига в кармане.

Неожиданно за одной из дверей он услышал знакомый голос. Вилли остановился и робко постучал.

Директор Витцель был ему рад без меры. Гордо расправив плечи, он представил Вилли ученикам так, будто это был его собственный сын.

Затем он попросил рассказать о подводных лодках и войне на море, о торпедных атаках и о том, чем Вилли занимается на лодке. При этом выразил уверенность, что отлично служить ему помогает отличное знание математики. Класс был выпускной, и мальчишкам вскоре предстояло делать свой выбор, где воевать, поэтому Вилли все слушали, затаив дыхание. При виде такого внимания к своей персоне он почувствовал вдохновение, и его понесло. Он приписывал такие подвиги своему экипажу, о которых читал только в чужих сводках и донесениях. Рассказывал, какую важную и нужную роль выполняет штурман, ведь без него ни один корабль не выйдет в море, а про океан и говорить нечего.

Среди учеников он заметил белокурую румяную девушку со значком гитлерюгенда на груди. Похоже, она не очень понимала, о чем он говорил, но, когда урок закончился, подошла к нему, сказала, что ее зовут Фрида, и попросила проводить ее до дома.

На память Вилли получил в подарок от класса тряпочного Микки-Мауса и с тех пор всегда носил его с собой. Лихо сдвинув фуражку на затылок, он повел взявшую его под руку

Фриду по безлюдной улочке их городка.

В длительные часы бездействия на берегу или в море Вилли мечтал, что, когда закончится война, он обязательно женится. Его избранницей непременно будет такая немка, какими должны быть, по мнению фюрера, все девушки Германии: белокурая, пышная и с большой грудью, чтобы смогла выкормить не одного воина для Рейха. Фрида была такой, как будто ее сам фюрер нарисовал, и Вилли с восхищением поглядывал на ее мощный, не по возрасту, бюст.

Мама Фриды, едва увидела его морскую форму, превратилась в самую любезность. Его угощали эрзац-кофе и плюшками с вареньем. Вопросы сыпались как из рога изобилия. Наконец Фрида выложила на стол коллекцию фотографий командиров подводных лодок, обладателей Рыцарского креста. Такие фото можно было купить в любой книжной лавке. Девушка спросила, когда они увидят в этом ряду его фотографию.

Вилли попытался объяснить, что он унтер-офицер и командиром лодки вряд ли когда-нибудь станет, но штурман — это тоже почетно и, возможно, он даже получит Железный крест второго класса или фотопортрет самого гросс-адмирала Денница с дарственной надписью.

Но мама и дочь вдруг потеряли к нему всякий интерес. Мама, зевая, сказала, что Фриде завтра рано вставать и Вилли, наверное, тоже пора. На этом весь его опыт общения с девушками и закончился.

Вернувшись в теткин дом, он с грустью понял, что здесь для него все чужое. Вроде бы и детство прошло в этих стенах, но было это в какой-то другой жизни.

Послушав немного, как храпит тетка, он взял вещевого мешок, выложил на стол половину своих отпускных марок и тихонько закрыл за собой дверь.

Ночной холодный ветер гнал листья по единственной мощеной дороге их городка. Вилли улыбнулся — с летящими листьями ему было по пути. Подняв воротник куртки, он направился на вокзал, подставив пробирающемуся под майку ветру спину.

Он понял, что настоящая его семья — это экипаж подводной лодки. Те, с кем он уже успел послушать разрывы глубинных бомб, с кем вместе задышался в смрадной утробе лодки, с кем разделил пока что единственную победу, отправив на дно английское судно. И те, с кем он испытал горечь потери при аварии U-580.

За весь путь к вокзалу Вилли ни разу не оглянулся.

И вот теперь, глядя, как смеется над исковерканными в его интерпретации испанскими словами Кармен, Вилли понял, что она абсолютно не подходит ни под один из его надуманных женских стандартов. Кармен казалась красивее всех немецких девушек, вместе взятых. Хотелось жить одним днем и не думать о том, что будет завтра.

Неожиданно на щеку упала крупная капля. Набравшая силу туча, спустившись с вершины на середину горы и расплываясь в стороны, пролилась бурным дождем. Над джунглями вспыхнула, играя цветами, радуга. Захохотав, Кармен схватила Вилли за руку и потащила вниз, к подножию утеса.

Спрятавшись от дождя под широкими листьями пальмы, они наблюдали, что делалось за столом. Успевшие уже изрядно набраться островитяне устроили пляску вокруг затухающего костра. Еле державшиеся на ногах музыканты пританцовывали, стоя в успевшей набраться луже. Один раздувал щеки и, выпучив посоловевшие глаза, терзал флейту. Другой, поднимая тучу брызг, колотил барабан.

Вилли с удивлением различал в веселящейся толпе серые куртки подводников.

Истосковавшиеся по отдыху матросы, будто сорвавшиеся с цепи псы, резвились наравне с пьяными испанцами, не забывая в перерывах приложиться к бочонку с джином, и уже не обращали внимания на суровые взгляды командира.

Раскрасневшийся Герберт плюхнулся на скамейку рядом с Кюхельманом.

— Никогда бы не подумал, что смогу так отплясывать под флейту и барабан, — тяжело дыша, произнес он.

Крупные капли дождя застучали по столу и мгновенно заполнили блюда с угощениями.

Под скамейкой образовалась огромная лужа, и Гюнтер чувствовал, что едва успевшие просохнуть ботинки намокают вновь.

Неожиданно появился человек в камзоле без рукавов и в брюках, оборванных по колени. Разбитые ботинки были привязаны к ногам веревками. Длинные волосы болтались жиденькими косичками. Без усов и бороды смуглое лицо индейца выделялось на общем фоне заросших физиономий испанцев. Он упал на колени перед бочонком с джином и, сложив руки лодочкой, пытался поймать качающуюся струю.

— Кто это? — удивленно спросил Гюнтер у губернатора.

— А... это Пио. — Дон Диего безразлично махнул рукой. — Он туземец. Любит выпивку, потому и бросил свое племя. Когда-то он нам здорово помог отслеживать таких же, как он, туземцев. Они даже поначалу охотились на него, ведь для них он предатель. Но Пио умеет хорошо читать следы, а еще лучше он их замечает. За это у него в племени было имя — Хвост Ягуара. Но мои ребята дали ему имя попроще. Кое-как приучили одеваться по-человечески, вот только никак не научат носить обувь. Жутко боится всовывать ноги внутрь башмаков, так и щеголяет, привязав их веревками. Пьянеет от одного стакана и не трезвеет несколько дней. Мои уж и забудут, что пили, а он все пьяный ходит. Это его моряки с «Черного паука» ночью напоили ради смеха. Видать, уже проспался.

Дождь набирал силу, но на него никто не обращал внимания.

«Пора заканчивать веселье, — решил Гюнтер. — Для первого раза хватит».

Команда на глазах превращалась в бесконтрольное пьяное стадо. Но мысль о том, что сейчас надо будет возвращаться из этого зеленого рая на лодку с ее тесными отсеками, портила Гюнтеру настроение, и он медлил отдавать приказ. С сожалением обведя взглядом появившиеся на столе новые блюда, Кюхельман посмотрел на низкую тучу над головой и решил: вот дождь закончится, тогда и отчалим. Надо только договориться о следующем визите и поставках продуктов на лодку. Но в голову вдруг пришла другая, сомнительная, но очень заманчивая мысль.

У самой границы джунглей он заметил длинный барак с ограждением из заостренных кольев, и сам собой родился план.

— Дон Диего, что это за крепость? — Гюнтер кивнул в направлении барака.

— Это наш первый дом на острове. За его стенами мы прятались от туземцев, пока не загнали их в джунгли.

— А сейчас там кто-нибудь живет?

— Нет. — Губернатор дразнил костью спрятавшегося под столом пса и даже не взглянул, куда показывал Кюхельман. — Сейчас там сено для коров да еще всякий хлам.

— Дон Диего, мы займем этот барак на время, пока будем здесь, — тоном, не терпящим возражений, произнес Гюнтер.

— Но... Сеньоры, там вам будет неудобно, — растерялся губернатор. — Лучше я выгоню для вашей команды моих бездельников из нескольких хижин, а лично вы, капитан, можете остановиться у меня.

— Нет! Это как раз то, что нам нужно.

Услыхавший конец разговора старпом отложил в сторону пороссячью ногу и повернулся к командиру:

— Идея неплохая, вот только можно ли им доверять?

— Установим вахту, распределим дежурства. Половина команды останется на берегу, остальные — на лодке. Затем будем поочередно менять людей. Так же и с офицерами. Здесь мы сможем держать под контролем губернатора, и нам не придется доказывать каждое утро свое превосходство стрельбой из пушки, если у него вдруг проснется боевой дух.

Гюнтер поднялся из-за стола и, не обращая внимания на поднявшего брови губернатора, двинулся вокруг пляшущей толпы.

— Идемте, Отто, осмотрим наше новое жилище.

Ему под ноги рухнул кто-то из команды. Кюхельман не успел разглядеть перепачканное глиной лицо. Матрос вскочил и нырнул в толпу танцующих испанцев и

подводников. Мелькнул лишь шеврон торпедиста.

«Таких действительно опасно перевозить на лодку, — подумал Гюнтер. — Половину растеряем по пути».

— Дон Диего, кажется, мы уже достаточно повеселились. Прикажите укатить бочонок.

Губернатор удивился еще больше. Красные глаза возмущенно округлились.

— Помилуйте, сеньор! Да мы еще и не начинали!

Гюнтер застонал, покачав головой.

Рядом, подпрыгивая в такт барабану, сидел Вагнер. Он торопился расправиться с тушкой фазана и присоединиться к общему веселью, но, наткнувшись на жесткий взгляд командира, едва не подавился.

— Мы со старпомом осмотрим нашу новую казарму. — Кюхельман сверлил взглядом виновато потупившегося лейтенанта. — А ты, Герберт, прекращай эту вакханалию и приводи в чувство команду.

Дон Диего вызвался на правах хозяина их проводить, с сожалением отдавая собаке недоеденный кусок мяса. Он тщательно вытер руки о бороду, поправил съехавший ремень со шпагой и, тяжело поднявшись из-за стола, пошел напрямик в сторону барака. Впереди него, расталкивая разгулявшуюся толпу, шли Томас и Чуи. За ними следовали Кюхельман со старпомом и Удо.

Забор из заостренных кольев в некоторых местах наклонился, подмытый частыми дождями, но в общем был все еще крепким и местами превышал рост человека. Массивные ворота с трудом сдвинулись под руками Томаса. Небольшой внутренний двор был завален корабельным хламом. В центре красовалась черная от смолы шляпка с проломленным дном, за ней из земли торчал ржавый якорь. Дверь в барак была открыта настежь, и в темном проеме виднелась присыпанная соломой разбитая корабельная пушка.

— Море иногда выносит на берег последствия кораблекрушений, а мы собираем их здесь, — объяснил дон Диего необычную коллекцию обломков кораблей.

Гюнтер задумался о том, как море могло вынести на берег якорь и пушку, но уточнять у губернатора не стал.

Внутри барак действительно был завален до половины соломой, и Отто едва справился с желанием рухнуть в эту мягкую гору и уснуть.

— Здесь вполне хватит места, чтобы разместить половину экипажа, — произнес он, разглядывая висящие с потолка корабельные гамаки. — Немного досок, чтобы заколотить окна и смастерить что-то похожее на койки, и получится фешенебельная гостиница.

Гюнтер кивнул, вполне довольный осмотром и соглашаясь с оценкой старпома.

— Это даже лучше, чем я мог предполагать, — обратился он к губернатору. — Мы немного здесь изменим обстановку иотремонтируем стены, но в целом все останется как было до нас.

— Как вам угодно, — ответил дон Диего. — Если понадобится помощь, мои люди в вашем распоряжении.

— Вы читаете мои мысли. — Гюнтер решил воспользоваться предложением. — Вашим плотникам наверняка не составит труда построить для нас отдельный причал поближе к этому дому. Так и у вас под ногами не будут путаться мои люди. И еще я хотел бы, чтобы вы предупредили ваших жителей, что на время нашего пребывания территория, огражденная забором, — Гюнтер чуть не сказал, что этот клочок земли теперь считается территорией Германии, но, спохватившись, закончил: — для них закрыта.

Дон Диего вновь удивленно поднял брови, но промолчал. Он поклонился, скрыв шляпой лицо, и зашагал прочь.

Кюхельман задумчиво посмотрел ему вслед.

— Отто, у вас не создается впечатление, что все пошло не так, как хотелось? Лично я представлял наши отношения с этими дикарями несколько иначе.

— Еще бы! Конечно, мы ожидали, что перед нами упадут на колени и будут молить о пощаде. Или, по крайней мере, начнут рисовать с нас иконы, но, сами видите, — не тот

случай. И, кажется, я понимаю, в чем дело. Наши историки описывают эти времена как темные и невежественные. Возможно, это и так. Но их не назовешь временем трусости и нерешительности. Не каждого офицера нашего штаба вы уговорите добровольно пересечь Атлантический океан на нашей надежной подводной лодке, а эти ходят по нему вдоль и поперек на таких судах, на которые без слез смотреть невозможно. Для них жизнь — копейка. Они легко отбирают ее у других, но и всегда готовы к тому, что завтра кто-то отберет ее у них. Они живут одним днем. Дожить до пятидесяти лет — это все равно что в наше время заслужить Рыцарский крест на шею. А чем мы им угрожаем? Тем, что отберем жизнь? Так они не очень-то этого и боятся. Сыграть на суеверии мы могли бы где-нибудь в Европе, а здесь они свободны.

— Что же нам делать?

— Здесь уважают силу, и пока мы их сильнее, нам опасаться нечего.

Гюнтер задумчиво кивнул. Затем он увидел в раскрытые ворота, как Герберт пытается утихомирить разгулявшихся подводников. Он выдергивал их за шиворот из толпы и ставил в строй. Тех, что были потрезвее, определял в первую шеренгу. А тех, которые уже успели порядком набраться, прятал за спины товарищей.

Гюнтер вышел за забор, поправил капитанскую фуражку и критическим взглядом оценил состояние своей команды. Первая шеренга, увидав его, попыталась встать по стойке «смирно», вытянув руки по швам.

— Я первый и последний раз прощаю вас за невыполнение моего приказа! — грозно произнес Гюнтер и хмуро сдвинул брови. — Того, кто еще раз напьется, я лишу схода на берег и определю на самую тяжелую работу на лодке!

Кто-то пьяно захихикал в заднем ряду.

Безнадежно махнув рукой, Гюнтер повернулся к Вагнеру:

— Давай всех в барак.

«Придется воспитательную работу перенести на утро, когда проснутся», — подумал он.

Подождав, когда вся команда зайдет в барак, Гюнтер подошел к старпому:

— Скоро стемнеет. Утром организуем смену на лодке, а сейчас надо запереть ворота и выставить вахту. Подумайте, Отто, кого можно определить на первую ночь.

— А что здесь думать? Вам, как командиру, такое дежурство по определению не положено, а из остальных, кто способен нести вахту, — это я да вот Удо.

Старпом, улыбнувшись, снял наручные часы с орлом на циферблате и вручил их доминиканцу:

— Держи, радист! В час разбудишь.

Довольный, что так легко решил проблему, Отто ушел в барак, отыскал среди бесчувственных тел свободное место и с наслаждением рухнул в ароматное сено, осуществив давно мучившую его мечту.

Солнце стремительно падало за горизонт. Дождь уже закончился и, испарившись, оставил лишь легкое напоминание о себе, чуть-чуть сбив жару.

Без поддержки моряков само по себе затихло пьяное веселье возле потухшего костра. Губернатор после беседы с Кюхельманом ушел в свой особняк и угрюмо озирает с террасы следы недавнего застолья. Донна Дебора с помощниками закончила уборку стола, сбросила остатки на землю объевшимся собакам и скрылась за дверью кухни подсчитывать потраченные продукты. Пастор Соломон, не рассчитав сил в борьбе с ромом и джином, позорно пал, запутавшись в сутане, и теперь спал, посапывая, на пороге церкви. Кое-кто еще пытался, подняв голову, прокричать тост в честь губернатора, но, не услышав поддержки, вновь прижимался щекой к земле и через секунду богатырски храпел.

Поселок затихал, постепенно засыпая. Лишь собаки, лениво развалившиеся среди спящих на поляне тел, чутко прислушивались к просыпающимся джунглям.

Единственными, кто с сожалением смотрел на скрывающееся за горой солнце и загорающиеся на темнеющем небе звезды, были Вилли и Кармен.

Гуляя, они уже не раз прошлась вокруг поселка по тропе Томаса. Вновь и вновь взбирались на утес, чтобы полюбоваться сначала радугой, затем ярко-зелеными джунглями, отмытыми дождем, потом смотрели на багровый закат и соревновались, кто первый заметит первую звезду. Вилли казалось, что он давно уже понимает Кармен. Понимает ее чувства и жесты, и для этого ему совсем не нужен испанский язык.

При первых признаках наступающей темноты Кармен беспокоилась, и Вилли понял, что время их свидания неумолимо истекает. Девушка смущенно улыбнулась, сделала попытку поцеловать его в щеку, но, не сумев допрыгнуть, рассмеялась и, подхватив путающееся в ногах платье, побежала к белеющему на вершине особняку губернатора.

Вилли смотрел ей вслед с глупой и счастливой улыбкой, чувствуя, что еще немного, и он взорвется радостным смехом, рискуя переполошить засыпающий поселок. Затем он окинул взглядом еле различимые силуэты домов и понял, что не знает, что ему делать дальше. В голову пришла тревожная мысль, что все вернулись на лодку, а его забыли, и теперь ему придется добираться вплавь. Да еще и достанется от командира за опоздание. Потом он вспомнил, что видел с утеса белую командирскую фуражку на краю поселка за забором. Заторопившись, пока окончательно не стемнело, Вилли попытался определить, в какой стороне находится этот забор. Наконец он его нашел и, боясь ошибиться, ударил несколько раз кулаком в ворота. С другой стороны послышалась возня, затем опять все стихло. Вилли отошел от ворот и с высоты своего немалого роста заглянул через забор. Отшатнувшись, он сдавленно вскрикнул. В упор на него глядели два светящихся белых глаза. Затем он облегченно выдохнул и чуть не расхохотался, сообразив, что это сверкают глаза Удо Герреро.

— А, вот и загулявший штурман вернулся. — Удо со скрипом вытащил засов и впустил Вилли во двор.

— Удо, дружище, как ты меня напугал.

Вилли сел рядом с доминиканцем на лежащее у ворот бревно.

— Как прошло свидание с Кармен?

— Она — чудо!

— О, неплохо для первого раза.

— Ты считаешь, что я потерял голову?

— Я считаю, что экипаж потерял штурмана.

Неожиданно Вилли осенило. Он схватил Герреро за плечо и жалобно взмолился:

— Послушай, Удо! Обучи меня испанскому языку, я буду старательным учеником! Хочешь, я отдам тебе складной нож? Он крепкий и еще совсем новый.

И Вилли принялся рыться в карманах в поисках ножа.

— Оставь, он тебе самому пригодится. — Улыбнувшись, Удо похлопал штурмана по плечу. — Я с удовольствием тебе помогу. Учить — это всегда интересно. Ты помогал мне учить ваш язык, теперь моя очередь отдавать долг.

Расположившись поудобнее на вытащенном из барака ворохе соломы, они просидели до утра. Удо позабыл, что должен был разбудить себе на смену старшего помощника. Вилли слушал и одновременно думал о том, как уговорить командира не отправлять его утром на лодку, а оставить на берегу. Наконец Удо, заметив, что Вилли уже ничего не запоминает из его урока, принялся рассказывать о своей родине и детстве, в котором, как и у Вилли, не было ничего хорошего. Наступил рассвет, пропел петух, а они все никак не могли расстаться, чувствуя, что теперь их связывают не просто общие интересы, а настоящая дружба.

11

Бруно открыл глаза. Он по-прежнему сидел, скрестив ноги, на поляне, загородив собой тропу, ведущую от хижин в лес. Сколько времени он провел в этой позе, он не мог предположить даже приблизительно. Рядом никого не было. Перед ним возвышались горкой бананы, кокосовые орехи и еще какие-то незнакомые фрукты. На заостренной срубленной

ветке были нанизаны две тушки птиц, распространяя запах паленого мяса.

Бруно внимательно осмотрел свое тело. Возникло ощущение новизны. Что-то изменилось, но что, он никак не мог понять. Зеленое свечение на правой руке не продвинулось ни на один сантиметр. Кожа на теле была гладкая, полностью лишенная волос, но это была все еще человеческая кожа. Еще раз взглянув на правую кисть, он заметил, что мизинец и большой палец почернели и свечение в них, казалось, вот-вот погаснет, а между тремя пальцами появились тонкие перепонки. Но все это было не то.

Наконец Бруно понял. Все вокруг себя он видел как бы сквозь прозрачную сетку. Изображение было разбито на небольшие мерцающие квадраты. Мгновенно пришло понимание, что теперь он может зрительно измерять расстояние до объектов и их размеры с точностью до миллиметров. Но вместе с этим пришло осознание, что процесс перерождения практически остановился. Он полностью исчерпал заряд энергии, полученный на дне океана. А что делать дальше и чего ждать — не было ни подсказки, ни ведущего чувства. С ленивым безразличием Бруно прощупал окружающее пространство. Ощущение опасности отсутствовало. Вокруг чувствовалось присутствие туземцев и нескольких безобидных животных, скрывающихся за деревьями на границе селения. Он попробовал послушать чужие эмоции, и тут же заколыхались вокруг размытые силуэты дикарей. Нет, ничего интересного он не почувствовал — ощущение голода вперемешку с жаждой и борьбой со сном. Запоздало ворвался в мозг мир звуков. Шумел прибой, и истошно кричала на ветке пестрая птица.

Неожиданно рядом с ним появился ребенок. Показавшаяся Бруно знакомой девочка заглянула ему в глаза и, радостно взвизгнув, побежала от хижины к хижине, мгновенно подняв на ноги все племя. Вокруг него образовалось плотное кольцо туземцев. Ропот благоговения перекатывался по кругу. Бруно сидел неподвижно, как изваяние. Не чувствуя ног, он ощущал себя вросшим в землю.

Как по команде, кольцо разомкнулось, и, опираясь на копье, как на посох, перед ним появился вождь. Из-за его спины выглядывала маска шамана с красными кругами вокруг прорезей для глаз. Лично удостоверившись, что божество проснулось, вождь положил перед собой на землю копье и, опустившись перед Бруно на колени, вытянул руки и утробным голосом протянул:

— И-иди!

С шумным выдохом опустилось на колени все племя. Вождь, заискивающе улыбаясь, поднял с травы гроздь бананов и протянул их Бруно. Продержав ее несколько минут и не дождавшись никакой реакции, он испуганно уткнулся лицом в землю. Уперевшись ему в ухо раскрашенной маской, что-то зашептал шаман. Одной рукой он дергал вождя за плечо, а в другой сжимал засушенную птичью лапку и указывал ею на правую руку Лоренца. Теперь и вождь обратил внимание на черные, отсыхающие пальцы. Указательный, средний и безымянный, напротив, стали длиннее и толще. От отпавших ногтей остались лишь темные точки. Фаланги исчезли, и пальцы теперь походили скорее на короткие щупальца с перепонками. Рука Бруно произвела на вождя сильное впечатление. Побледнев, он взволнованно заспорил с шаманом. Птичья лапка описывала в воздухе круги и указывала поочередно то на руку Лоренца, то на видневшуюся между ветвями пальмы вершину горы. Для пущей убедительности шаман от слов перешел к делу — принялся замысловато подпрыгивать и вращаться вокруг собственной оси. Наконец он театрально рухнул на траву и затих. Убедительность подобных доводов подействовал. Вождь, соглашаясь, часто закивал головой и, не поднимаясь с колен, попятился, покидая круг.

Бруно взирал на всю эту возню с безразличным спокойствием. Тело застыло, не дрогнув ни одной мышцей. Двигались только глаза. Они то чернели, нагоняя страх на туземцев, то, сужаясь, превращали зрачки в две узкие линии. Белки приобрели оранжевый цвет, а веки, потеряв ресницы, стали похожи на перепонки, с трудом прикрывающие округлившиеся глаза.

По команде вождя рядом с Бруно появилось несколько воинов. Соорудив из своих

копий что-то похожее на носилки, они застелили их сверху широкими листьями и обступили Лоренца с разных сторон. Понукаемые вождем, воины взяли Бруно под руки и бережно перенесли на носилки. Все племя вытянулось в длинную процессию и двинулось по тропе, ведущей к вершине горы. Впереди шел вождь. За ним, подвывая и распевая заклинания, семенил шаман, едва успевая уворачиваться от загнутых вождем веток. Следом шли шесть воинов, неся раскачивающегося Бруно. Он продолжал смотреть на происходящее без всякого интереса. Ветви хлестали по лишенному чувствительности телу и срывали последние клочья ткани, бывшие некогда одеждой. Зацепившись за сухой сук, отвалился с правой руки черный мизинец.

Но неожиданно, когда далеко внизу уже виднелась синева моря и до вершины горы осталось совсем чуть-чуть, что-то внутри Бруно будто перевернулось. Вспыхнула очередная подсказка — замкнулось еще одно звено. Очень важное и решающее.

Останься у него хотя бы капля человеческой чувственности или грамм эмоций, он бы не на шутку разволновался и, спрыгнув с носилок, бросился бы искать источник волнения. Но вместо этого разжались тонкие серые губы, обнажив безобразный и скривившийся рот, и из его горла вырвался мощный рев, перемешанный с булькающим хрипом.

Мокрые спины содрогнулись, воины с криками ужаса бросили носилки и ринулись в ближайшие кусты. Маска шамана слетела с головы и покатила вниз по тропе. Вслед за ней бежали ее хозяин и вождь, подминая под себя не успевшее разбежаться племя. Перепуганные туземцы, подгоняя друг друга воплями, мгновенно исчезли, оставив Бруно одного на тропе. Рухнув с высоты человеческого роста, он заревел еще громче, почувствовав, что цель уже рядом, но движение к ней остановилось. Попробовал оттолкнуться ногами и ползти вперед, но понял, что он теперь их не чувствует и они лишь тянут лишним грузом, не давая двигаться. Тогда Бруно вцепился в землю руками и пополз, помогая себе, изгибаясь всем телом. Отвалился большой палец, оставшись торчать из травы черной точкой. Поймав ритм движения, он осознал, что может легко двигаться, извиваясь как змея, и так ему даже очень удобно.

Еще, еще немного! Бруно кожей чувствовал близость заветного места. Будто жар огня манил и, согревая, заставлял вгонять в землю непослушные пальцы и ползти, подчинив себя только движению вперед. Дорогу преградили огромные камни. Он протискивался в щели, сталкивал с пути невероятно тяжелые валуны, выл, но продолжал отвоевывать метр за метром и приближаться к цели. Наконец он уткнулся головой в кустарник и, проломив сухие ветви, увидел перед собой чернеющую глубиной нору. Диаметр более полуметра, она уходила вниз и исчезала где-то в недрах каменной вершины. Не останавливаясь, Бруно скользнул в темноту. Мгновенно адаптировавшиеся глаза увидели растрескавшиеся и покрытые влажным мхом стены и каменный пол норы. По потолку сочилась вода и, собираясь в тонкие ручейки, исчезала в многочисленных щелях. Ползти стало легче. Бруно скользил по мокрым камням. Когда он преодолел с добрый десяток метров, дорогу ему преградила стена. Круглый, как правильный шар, гладкий камень плотно закрывал проход, не оставив ни единой щели. На серой поверхности выделялся глубокий отпечаток узкой ладони с тремя длинными и тонкими пальцами.

Почувствовав величие момента, Бруно на секунду замер и, повернувшись на левый бок, вложил оставшиеся пальцы правой руки в отпечаток на камне.

Он замер в ожидании. Но ничего не произошло. Чувство тревоги прокатилось судорогой по телу, и стены вздрогнули от рева отчаяния. И, будто услышав призыв, по камням пробежала вибрация. Где-то далеко в глубине что-то хрустнуло и отозвалось в норе мелкой дрожью. С потолка слетели капли и оросили спину. Загораживающий проход шар покатился внутрь, освобождая путь. Лоренц почувствовал, как мощный вихрь энергии просыпается рядом и тянет к себе, увлекая в могучий водоворот таинственных сил. Далее проход расширился и стал гладким, с зеркальным блеском. Стены мерцали фосфорным свечением, а из глубины вырывался длинными языками мягкий зеленый огонь. Лишь слегка оттолкнувшись руками, Бруно заскользил в центр обволакивающего его пламени. Он видел,

как на локтях почернела и вздулась лопающимися волдырями кожа, и слетела, обнажая зарождающуюся молодую зеленую ткань. Затем ощущение времени и реальности пространства потеряли для него смысл и значение. Мозг взорвался миллиардами звезд и, оторвавшись, улетел в бездну вселенной. Он вновь парил в бескрайнем космосе, но теперь все было гораздо ярче, мощнее и ближе.

Сколько прошло времени, Бруно не знал, но неожиданно он будто очнулся, осознав, что уже все позади, и он выползает из норы. Все, что ему было нужно, он получил, теперь стадия перерождения подойдет к концу, явив миру совершенное существо, будто бабочку из кокона.

Из зарослей за ним наблюдали десятки глаз, затуманенные благоговейным трепетом. Распластавшись на траве и боясь поднять взгляд, к нему подползали туземцы, имитируя движения явившегося им божества.

Бруно взглянул на них сквозь многогранную сетку разделенных на соты глаз и зашипел, выбросив вперед тонкий раздвоенный язык.

12

На берегу, возле причала из свежеструганных досок, натянув канат, покачивалась резиновая лодка. Двое моряков, ухватившись каждый за свое весло, молча ожидали командира. Кюхельман и старпом тихо разговаривали, стоя у дверей барака.

Уже прошла неделя их жизни на берегу, территория внутри забора приобрела ухоженный вид. Разбитые двери были отремонтированы и усилены. Просевший местами забор выравнивали и укрепили, вернув ему былую неприступность.

Чтобы подчеркнуть их замкнутость и самостоятельность, Гюнтер приказал повесить над дверью доставленный с лодки военно-морской флаг. Наученный опытом первого дня их пребывания на острове, он ограничил до минимума общение команды с испанцами, подчинив уклад жизни воинскому распорядку. Часть команды занималась заготовкой продуктов, наведением порядка в бараке и несла вахту. На заднем дворе установили импровизированный разделочный стол, сколоченный из обломков кораблей, и теперь кок Дитрих ежедневно был занят рубкой мяса и ощипыванием кур, отправляя на лодку перегруженные шлюпки с продуктами. Он не побоялся даже сделать небольшую вылазку в джунгли и собрать рядом с поселком несколько мешков кокосовых орехов.

Другая часть команды находилась на лодке, занимаясь проверкой и ремонтом всех механизмов, и ожидала своей очереди сойти на берег. Каждое утро происходила смена, прибывая на трех спасательных лодках к построенному для них испанцами причалу.

Выходить за забор разрешалось только небольшими группами, в светлое время и с разрешения офицера. Исключением был штурман.

Вилли постоянно находил для себя очень важное дело на берегу, и командир с улыбкой, понимая причину его озабоченности, всегда разрешал ему остаться. Осилев с помощью Удо и Кармен довольно сносно испанский язык, Вилли теперь мог выступать посредником. Его посылали к губернатору договариваться о поставках продуктов, и он мог растянуть это дело на несколько часов. Его видели гуляющим с Кармен, но никому и в голову не приходило как-то помешать им встречаться.

Гюнтер собирался отплыть на лодку, оставив за себя старшим Отто. Стоя на пороге барака, они обсуждали последние вопросы перед отбытием командира.

— Эрвин хочет поставить им что-то вроде ветряка и небольшую коптильню, — улыбаясь, произнес командир.

— Было бы неплохо, — согласился старпом. — Из-за него я не чувствую себя законченным дармоедом.

Главный механик Эрвин Фишер развил на острове бурную деятельность. Увидев здесь огромное поле для технической фантазии, он с головой ушел в заботы: чем бы еще помочь островитянам? Собрав все топоры, он заточил их в мастерской на лодке. Сплел из

пожертвованной из ремкомплекта тонкой капроновой нити рыбацкую сеть, чтобы внести разнообразие в рацион местного населения и подводников. Подобно фокуснику, wygrеб из кармана горсть болтов и гаек, затем под изумленное гудение испанцев показал, как наворачивать гайку на болт и как крепко можно соединить с их помощью две детали. Дон Диего недоверчиво взял в руку гаечный ключ, с нескольких попыток непослушными пальцами накрутил его на гайку и, как ребенок, радостно вскрикнул, когда после нескольких оборотов две стянутые крепкие доски треснули, будто спички. Эрвин хотел еще усовершенствовать пушку на утесе, приспособив ей винт для вертикального наведения и установив прицел, но этому воспротивился командир.

— А еще он просит пару бочек топлива, — продолжил Гюнтер. — Чтобы сделать границу между поселком и джунглями. Говорит, в пропитанной соляной земле расти ничего не будет несколько лет и отпадет необходимость постоянной вырубки.

— Я не агроном, но мне кажется, в этом есть смысл.

— Отто, ты что, действительно считаешь, что мы здесь пробудем еще несколько лет?

— Не знаю. Сейчас я даже не могу предположить, где искать наш путь домой.

— Да-а... — протянул удрученно Гюнтер. — Раньше твой оптимизм вселял в меня уверенность.

— Мы до сих пор не узнали ничего нового. — Отто пожал плечами. — Я жалею, что тогда на лодке невнимательно слушал Лоренца. Что он там увидел на дне? Возможно, разгадка в этом. Да и где сейчас Лоренц? Может, спросить у губернатора?

— Уже спрашивал. Никто ничего не знает. Лоренц как сквозь землю провалился.

— Хорошо бы поспрашивать туземца. Он единственный, кто не боится ходить в джунгли.

— Поспрашиваем. Обязательно поспрашиваем. Завтра вернусь и поговорю с губернатором. Может, поиск организуем. Хотя уже столько времени прошло.

— Возможно, Лоренц смог бы нам помочь.

— Дон Диего уверен, что его давно уже нет в живых. Но — чего не бывает. Ладно, Отто, я отправляюсь на лодку, а завтра подумаем, что нам делать дальше.

Старпом проводил командира до ворот и вернулся к дверям барака. Когда они разговаривали, Отто показалось, что за дверью кто-то был. Он резко дернул за ручку, но за дверью было пусто.

— Пауль, проснись, наконец! — Клаус безжалостно тряс за плечо друга.

— Клаус, отцепись. Мне сегодня ночью на воротах дежурить.

Но Клаус и не думал уступать. Он перевернул Пауля на спину и, схватив за нос, едва не свернул его, мотая голову друга по соломе и лишая последней надежды еще немного поспать.

— Просыпайся! — Клаус с жаром зашептал в ему в ухо. — Мы с тобой сегодня неплохо повеселимся!

Пауль приподнялся на локтях и с недоумением посмотрел на друга.

— Что ты еще придумал? Может, решил посвататься к донне Деборе и зовешь на свадьбу?

— Ха! Остряк! Есть идея получше. Мы пойдем в их таверну!

Клаус многозначительно подмигнул и указал пальцем в сторону поселка.

— Ты с ума сошел!

— Пауль, все продумано. Я слышал, сегодня за главного на берегу остался старпом, а он нас еще не всех даже в лицо знает. За бараком частокол пониже, поставим бочку и перелезем. Там дальше кусты, нас никто не заметит. Зайдем на пару часиков, промочим горло и назад.

— Даже слушать не хочу. — Пауль отвернулся, уткнувшись носом в солому.

— Я тебя когда-нибудь подводил? — Клаус больно ударил друга в затылок. — Если бы не я, узнал бы ты хоть один кабак в Лорьяне? Ладно, начальство ко мне несправедливо, но

почему же ты такая свинья?

Пауль сел и, взглянув в горящие глаза друга, понял, что его уже не остановить. Разве что если связать. Если Клаус почувствовал возможность выпить, то остановить его может только выпивка. Сопротивлялся Пауль уже скорее по инерции.

— Наши с тобой рожи старпому на мостике давно примелькались. Если мы исчезнем, он сразу заметит, и сидеть нам после этого безвылазно на лодке. А мне больше нравится свежим воздухом дышать, чем в кубрике твои вонючие ботинки нюхать.

— Ничего он не заметит. Мы ведь всего на два часа и назад. Давай, Пауль, вставай. Пошли, пока на заднем дворе никого нет.

— Старпом — это еще не все. По совести скажу, я больше опасаясь испанцев. Мне больше нравится смотреть на них через забор. Да и стемнеет скоро.

Неожиданно Паулю пришел в голову, как ему показалось, весомый аргумент.

— А чем ты собираешься расплачиваться с испанцами за выпивку?

— Не дрейфь, дружище! Ведь ты со мной. — Клаус снисходительно обнял Пауля за плечо. — Вот увидишь, будут наливать да еще благодарить! Не забывай, кто мы, а кто они. Мне просто хочется восстановить справедливость. В первый день наши здесь плясали, а мы что? А мы с тобой на них в бинокли глазели. Ганс говорил, джин был отменный. Хватит ломаться, давай поднимайся.

Задумавшись на минуту, Пауль наконец сломался:

— Ладно, пошли. Но только на час и по чуть-чуть. Не забывай, мне ночью дежурить.

— Уговорил! Я сейчас погляжу, где старпом.

Клаус вскочил, на цыпочках подбежал к двери и прильнул глазами к щели в дощатой стене.

— Пошли, старпом стоит на причале. Давай вдоль стены и за угол.

Они проскользнули за угол барака и подбежали к забору. На заднем дворе было пусто. Воровато оглядываясь, Клаус подтащил к забору бревно, на котором кок рубил туши.

— Давай ты первый, я помогу. — Он подтолкнул Пауля, опасаясь, чтобы тот не передумал.

Пауль встал на бревно и заглянул через забор.

— Послушай, а как мы вернемся назад? — заартачился он.

— Давай, давай! Что-нибудь придумаем! Скорее, а то кто-нибудь увидит.

Клаус схватил Пауля за ногу и попытался приподнять. Подтянувшись на руках, Пауль мешком перевалился на другую сторону. Сдавленно ругнувшись, он выбрался из колючего кустарника. Следом свалился Клаус.

— Приспичит же тебе. Посмотри, как я руки разодрал.

— Ничего, оно того стоит. — Клаус плотоядно облизнулся. — Я тебе раны джином промою.

Пригнувшись, они миновали забор, вильнув в джунгли, обогнули несколько хижин и, обойдя церковь так, чтобы их не было видно с берега, оказались на пороге таверны Амбросио. Перед дверью Пауль остановился.

— Может, там и нет никого?

— Есть, есть! Я видел. Вечером здесь уйма народу. Заходи.

— Клаус, может, вернемся? — взмолился Пауль. — Что-то у меня дурные предчувствия.

— Ты меня начинаешь раздражать! Отойди! Смотри, как надо.

Клаус отстранил друга, уперся руками в два бревна, подпирающие навес, и впечатал подошву в дверь. Помедлив пару секунд, он решительно шагнул внутрь. Из-за его плеча заглянул Пауль.

Помещение едва освещалось несколькими факелами на стенах. С десятков столов стояли в небольшом зале, оставив узкие неудобные проходы.

Клаус опытным глазом окинул таверну: за столами сидело не больше семи-восьми вполне трезвых испанцев, и натренированным чутьем понял — они пришли вовремя.

— Типичный каба́к, — восхищенно произнес он, — я о таком уже два месяца мечтал. — Затем, пригнувшись к витающему в воздухе спиртному аромату, он набрал полную грудь и проревел в темноту: — Ну, кто здесь напоит ваших защитников?

Из темноты на них возрилось несколько удивленных пар глаз.

Из-за массивной барной стойки выскочил хозяин таверны, небольшого роста, с круглой лысой головой. Со дня появления на острове чужаков он впервые увидел их в своем заведении. Даже в первый, разгульный для подводников день никто так и не узнал дорогу в его таверну, а потом чужаки редко выходили из-за забора. Амбросио с интересом разглядывал вошедших моряков.

— Клаус, они тебя не понимают, — прошептал Пауль ему на ухо.

— Ничего, поймут! Главное — чувствовать себя хозяином положения, а остальное приложится.

— Ты посмотри на их рожи. — Пауль кивнул на сидевшего в углу испанца с подбитым глазом и ссадиной на лбу. — Они, наверное, здесь дерутся. Так и нам достанется.

— Прекрати брюзжать! Что может быть лучше хорошей кабацкой пьянки? Только хорошая кабацкая драка!

Клаус подошел к Амбросио, улыбнулся и хлопнул его по плечу:

— Ну, что стоишь? Видишь, гости пришли. Не стесняйся, давай наливай! Что там у тебя есть? Я хочу джина!

Амбросио тоже улыбнулся и часто закивал, продолжая, однако, стоять на месте. Клауса это начинало раздражать.

— Пить! Пить! Понимаешь? Хочу джина! Вот дубина! Ладно, сейчас объясню.

Он подошел к столу, из-за которого выскочил Амбросио, и пошарил глазами в поисках чего-нибудь похожего на кружку или бутылку. Рядом с мокрой тряпкой стоял ковш, до краев наполненный темной жидкостью. Клаус схватил его за изогнутую ручку и сделал два больших глотка.

— Тьфу! Что за гадость! Это вода что ли?

Наблюдавшие за ним испанцы загоготали, хлопая от смеха ладонями по столам. Клаус понял, что совершил какой-то ляп и сейчас выглядит дураком. Он схватил Амбросио за рубашку на груди и, хорошенько встряхнув, зло прошипел ему в лицо:

— Послушай, болван, если ты сейчас не нальешь нам то, что пьют остальные, я выбью тебе зубы и тебя не будут понимать не только немцы, но и твои соотечественники!

Но Амбросио не шелохнулся, продолжая улыбаться еще шире.

— Смотри!

Клаус подошел к ближайшему столу, за которым сидел здоровый, с распухшим носом островитянин. В громадных, с черными ногтями ручищах он держал глиняную кружку. Клаус заглянул внутрь и, увидев, что там плещется еще больше половины, вырвал ее у него из рук. Улыбка на физиономии испанца сменилась немым изумлением. Клаус понюхал содержимое, уловил знакомый аромат и жадно выпил обжигающую горло жидкость.

— Вот! — радостно закричал он, поставив пустую кружку на стол. — Вот такого я хочу! Налей мне еще. — Клаус ткнул пальцем себе в грудь. — И ему, — указал он на Пауля.

Амбросио, продолжая улыбаться, жестом предложил друзьям сесть и скрылся за стойкой, из-за которой послышалось недвусмысленное бульканье.

— Так-то лучше, — произнес Клаус, гордо расправив плечи. — А ты сомневался.

Он хлопнул Пауля по плечу и толкнул его в зал.

— Идем во-он туда. Я вижу пустой стол. — Пауль указал в темный дальний угол.

— Э, нет! Если ты хочешь, чтобы тебя угощали, всегда садись на самое видное и почетное место. Вот это для нас в самый раз. — Клаус указал на стол испанца, у которого он опустошил кружку, и с грохотом отодвинул тяжелый стул.

— Здесь же занято. — Пауль кивнул на насупившегося испанца.

— Да брось. Это же свой парень.

Клаус почувствовал в голове алкогольную эйфорию и легкость, и им овладело веселое

настроение. Он засмеялся и, перегнувшись через стол, спросил испанца: — Как тебя зовут? Не понимаешь? Садись, Пауль, он нас будет угощать, вот увидишь. — Клаус подмигнул испанцу и спросил: — Так как же тебя зовут, амиго? Я не расслышал.

Испанец молчал. За соседними столами прислушивались к каждому слову чужака.

— А, да ладно! Не понимаешь и не надо. Эй, хозяин, где наш джин?

Возле стола появился Амбросио, поставил перед моряками две глиняные кружки и отошел к стойке.

Пауль повертел головой, встретился глазами с хмурым испанцем напротив и, почувствовав повисшую в воздухе напряженность, появившуюся с их прибытием, тронул Клауса за локоть:

— Ох, не нравится мне здесь. Давай зайдем в другой раз. Еще ребят захватим.

— Как ты мне надоел! Лучше выпей и успокойся. Мне тоже многое не нравится! Не нравятся одуряющая жара и влажность, от них у меня вся задница в фурункулах. Не нравится твое нытье! Не нравится, что наш командир держит нас за забором. Зато мне нравится здесь! И честное слово, если ты будешь продолжать брюзжать и портить мне вечер, я двину этой кружкой тебе в лоб!

От выпитого глаза у Клауса заблестели, щеки порозовели, а на лице заиграла самодовольная ухмылка.

— Кстати, о нашем командире. Кто первым заметил американский пароход? Вспомнил? Правильно, ты! А тебе хотя бы спасибо сказали?

— Но, Клаус! Мы же сигнальщики, это наша обязанность.

— Ох, умора! Ты уже говоришь как наш командир. Кстати, топить вражеские корабли — это его обязанность, но он за это получает кресты на грудь, оклад — не ровня нашему, и козыряют ему, едва завидят белую фуражку. — Клаус со злостью ударил пустой кружкой по столу и, развернувшись, прокричал в сторону хозяина: — Эй, Амбросио! Ты что, не видишь, что моя кружка пуста?

Пауль осторожно пригубил свой бокал, пробуя на вкус джин, пахнувший ягодами. Какими, он никак не мог вспомнить. После первого глотка по горлу потекло приятное тепло.

— Слушай, Клаус, а он крепкий. Его бы лучше чем-нибудь закусывать.

— Я тоже так думаю, но никак не пойму, что они едят.

Клаус взглянул на соседние столы, но, кроме кружек с джином, ничего не увидел. Лишь двое островитян, внимательно наблюдавших за ними, сосали какие-то черные стручки.

— Я понял. — Пауль отставил в сторону свою кружку. — Посмотри, как они пьют. По глотку, не больше. Наверное, джин — дорогое удовольствие, и с одним бокалом они могут просидеть весь вечер. Тогда и закусывать нет нужды.

— Ерунду ты говоришь. — Клаус показал Амбросио пустую кружку. — Просто еще рано. Вот увидишь, подтянется народ, станет веселее. Тогда и вынесут поросенка или фазанов. Ты, наверное, книжек не читал об этом времени. А я читал одну, правда, забыл название, но, как там пили и гуляли, хорошо помню. Подожди, все еще будет. Может, у них даже варьете есть, как тогда в Лорьяне.

— Да, конечно. А прима варьете — донна Дебора.

— Ха-ха-ха! Вот такой ты мне больше нравишься! — Клаус стукнул по столу кружкой, пытаясь привлечь внимание хозяина. — Сколько я буду ждать?!

— Не нальет он тебе больше ничего, — произнес Пауль. — Хочешь еще, изволь заплатить. Это не Франция, и тем более не Лорьян.

— А что Франция? Мы тогда с тобой хорошо погуляли и ничего не платили.

— Нас терпели только потому, что рядом была наша комендатура, а за окнами ходили наши патрули.

Пауль заметил, как из подсобной комнаты к Амбросио вышел чумазый мальчишка лет двенадцати с серьгой в ухе. Амбросио, наклонившись, долго что-то шептал ему, поглядывая на моряков. Мальчишка кивал, затем шмыгнул на улицу, плотно закрыв за собой входную дверь. Хозяин вновь стал за стойку. Взяв тряпку, он намочил ее в ковше, из которого отпил

Клаус, и принялся усердно тереть стол, не замечая поднятой руки Клауса.

Пауль едва сдержался, чтобы не засмеяться. Подмигнув, он спросил:

— Кстати, а как тебе помой с грязного стола?

— Чего?!

Тряхнув головой, Клаус проследил за взглядом Пауля, и его лицо покрылось красными пятнами.

— Он мне за это заплатит, — прошипел он, поднимаясь из-за стола.

— Перестань, никто в тебя эти помой силой не вливал.

Но Клаус уже ничего не слышал. Потемнев от злости, он подошел к Амбросио и смахнул ковш с водой на пол.

— Так ты надо мной посмеяться вздумал?

Он грохнул кулаком по столу, от чего подпрыгнул лежавший перед хозяином тяжелый, с лезвием длиной в три ладони, нож. Клаус перегнулся через стойку и схватил Амбросио за горло. Другой рукой он подхватил нож и приставил острое под левым дергающимся глазом испанца. По щеке к подбородку стекла капля крови. Хозяин таверны взвизгнул.

Из-за столов, с грохотом отбрасывая стулья, вскочили посетители. У некоторых в руках появились тесаки, размерами не уступавшие ножу в руках Клауса.

— Клаус, стой! — Пауль вскочил, испугавшись не меньше Амбросио. — Ты с ума сошел! Мы же живыми отсюда не выйдем!

Повернувшись к надвигающимся испанцам и подняв руки, он закричал:

— Сеньоры! Сеньоры! Погодите, мой друг погорячился. Тысячу извинений. Мы сейчас уходим! Клаус, немедленно брось нож! Сеньоры, это недоразумение!

Но Клаус уже и сам понял, что перестарался с воспитанием трактирщика. Он взглянул через плечо на застывших с угрожающим видом испанцев и отпустил Амбросио. Повертел в руках нож и нехотя воткнул его в мокрую поверхность стола.

— Как же мне не хватает сейчас моего любимого «парабеллума». А все твой командир, запрещающий носить оружие. Сам-то с «вальтером» не расстается.

Клаус недовольным взглядом окинул зал и увидел, поблескивающие в свете факелов ножи испанцев.

— Чего вскочили? Сказано же вам: погорячился я. Пошутил!

Он поднял перевернутый стул, придвинул его к столу и, натянуто улыбаясь, сел.

— Пауль, а ты чего торчишь столбом? Садись. У тебя джин еще не тронутый.

— С меня хватит, Клаус! Мы уходим.

— Вот теперь я не сдвинусь с места. Ты что, хочешь, чтобы нас посчитали трусами? Сядь, Пауль, и выпей, а то у тебя губы дрожат. Посмотри, эти ребята с чувством юмора и уже не в обиде. Садись. — Клаус пододвинул стул.

Пауль повертел головой и облегченно вздохнул. Испанцы уселись за столы, тихо перешептываясь между собой и лишь изредка поглядывая в их сторону.

— Клаус, хватит испытывать судьбу. Можешь допить мой джин и пошли отсюда.

— Не буду я ничего за тобой допивать. Мне и так нальют. Эй, Амбросио! — Приподнявшись, Клаус помахал рукой. Он не упустил из виду, как напрягся сидевший напротив испанец. — Успокойся, амиго. Я и на тебя закажу.

С двумя кружками в руках к ним подошел Амбросио. Улыбаясь, он принялся что-то долго рассказывать, заглядывая в глаза. Наконец, выговорившись, он попятился к себе за стойку.

— Ты что-нибудь понял? — Клаус поводил носом над бокалом, втягивая в себя аромат можжевельника.

— Кроме «сеньоры», ничего.

— Наверное, просит прощения. Это хорошо. Так и должно быть. — Клаус одним глотком выпил половину кружки. Тяжело выдохнув, он прослезился и, уперев себе в нос собственный кулак, шумно втянул воздух. — Нет, без закуски тяжело. Амбросио! Неси чего-нибудь пожрать! Вот досада, этот тугодум еще полчаса будет соображать, чего мы от него

хотим.

— Клаус, я тебя умоляю, допивай и уходим. У Дитриха наверняка для нас найдется ароматная курочка, ты же знаешь, я с ним на дружеской ноге. Обещаю тебе отличный ужин.

— Ничего мы от твоего Дитриха неждемся. Нас и здесь сейчас накормят не хуже, я тебе это обещаю.

Пауль обреченно застонал. Точивший его весь вечер червь тревоги теперь вырос до гигантских размеров, не предвещая ничего хорошего. Он уже хотел встать и уйти в надежде, что Клаус последует за ним. Но ноги, будто ватные, отказывались повиноваться, скованные паническим страхом.

А джин, влитый в Клауса в почти литровом объеме, уже начал свое дело. Раскрасневшееся лицо блестело от пота. Глаза горели дьявольским огнем. Всклопоченные мокрые волосы придавали ему сходство с растрепанным воробьем, только что вывалившимся из клубка дерущихся за гнездо птиц.

— Эй, амиго! — Тяжело дыша, Клаус перегнулся через стол. — Скажи ему, пусть принесет чего-нибудь пожрать. — Клаус красноречиво показал пальцем себе в рот. — Или ты тоже туп как пень?

Догадавшись по виду испанца, что тот ничего не понял, Клаус зло выругался и крикнул в зал:

— Вы все здесь безмозглые ослы! Но ничего, сейчас я преподам вам урок немецкого языка.

— Сядь на место, — взмолился Пауль.

Но было уже поздно. Клаус схватил испанца за бороду и, дернув его на себя, пьяно проревел:

— Вот тебе первый урок! Не сиди, когда с тобой говорит немец!

Недоумение на лице островитянина задержалось лишь на секунду. Затем его сменило выражение ярости, и кулак размером с перезрелую тыкву врезался Клаусу между глаз. Мелькнули над столом ботинки с надорванной подошвой, и взлетел в воздух уже пустой стул, на котором только что сидел Клаус. Проехав по полу до стены и сметая собой оказавшиеся на пути стулья, Клаус на миг замер, потеряв способность соображать, что с ним и где он. Впрочем, он тотчас вскочил на ноги и развернулся на месте, высматривая, в какой стороне его обидчик. Из разбитого носа струилась кровь. Он замахнулся ногой, пытаясь достать невидимого противника. Слетев, правый ботинок обнажил рваный носок и, стукнувшись в потолок, исчез под столами. Но это лишь подзадорило Клауса. Увидев, что испанцы вновь повыскакивали из-за столов, он заорал:

— Эй, вы! Не вздумайте вмешиваться! Это наше дело! Где ты, амиго?!

К удивлению Клауса, его поняли. По неписаному закону трактирных драк, двое всегда имеют право на мужской разговор с тяжелыми аргументами в руках.

Испанцы выстроились вдоль стен, с сомнением глядя на тощую фигуру чужака — выглядел он крайне жалко по сравнению с поднявшимся из-за стола и заслонившим собой выход двухметровым пушкарем Джакобо. Далеко не каждый на острове рискнул бы померяться с ним силой даже в шутку. Известный тем, что в драках он полностью терял контроль над собой, Джакобо мог спастись разве что перед Томасом или виртуозно владеющим кулаками Чуи. Но на остальных ему было плевать. Поэтому испанцы замерли с раскрытыми ртами, ожидая развития событий. Чем ответит удививший всех чужак, так легкомысленно оскорбивший Джакобо?

Клаус наконец сумел сфокусировать зрение и увидел перед собой угрюмо набычавшегося пушкаря.

— Вот ты где! Держи, амиго. — Он подхватил тяжелый стул и, поднатужившись, с разворотом запустил им в Джакобо.

Стул разлетелся в щепки, а Джакобо скривился от боли. Он решительно бросился на Клауса.

Но Клаусу хватило ума соблюдать дистанцию, дабы не пропустить еще один удар,

который он уже вряд ли бы выдержал. Он метнулся к стене и выдернул из кольца горящий факел с тяжелой медной чашей.

— Подходи, амиго! Я не выщипал тебе бороду, так подпалю! — азартно выкрикивал Клаус, размахивая факелом перед носом Джакобо и едва не задев голову притихшего и трясущегося от страха Пауля. И это тоже его развеселило. — Смотри, Пауль, как я сейчас затушу этот светильник об его физиономию!

Клаус выбросил вперед руку и чуть не угодил брызжущим горящим маслом факелом в бороду испанцу. Джакобо еле успел увернуться. Зрители изумленно загудели. Здесь еще не видели пушкаря в роли обороняющегося. Но Джакобо, похоже, это тоже надоело. Он оглянулся вокруг в поисках, чем бы и ему удлинить руку и достать, наконец, не в меру разошедшегося чужака. Не обнаружив поблизости еще одного факела, он подскочил к стойке, чтобы взять нож, но Амбросио предусмотрительно уже его убрал. Сверкнув глазами, Джакобо подхватил бутылку. Разбив ее о край стола, испанец кровожадно ухмыльнулся при виде получившейся стеклянной розы из толстого желтого стекла. Уже не способный от злости ничего говорить, он лишь рычал, вращая налившимися кровью глазами.

Пауль от страха перестал дышать. Зубы выбивали чечетку, а продолжавшие сжимать кружку руки расплескали джин по всему столу. Теперь он видел перед собой только маячившую лучиком за спиной Джакобо щель приоткрытой двери. Ноги неожиданно обрели упругость. Пауль выскочил из-за стола и ринулся к выходу.

Реакция Джакобо была мгновенной. Не раздумывая, он ударил разбитой бутылкой Пауля в живот. Пауль охнул и упал на колени. Серо-голубая рубашка окрасилась кровью от пояса до подбородка. Пауль вновь вскочил и бросился к спасительной двери. Не чувствуя боли, он дернул на себя ручку и, вывалившись на крыльцо, скатился по ступеням.

— Ты что наделал? — Клаус от удивления опустил руку с факелом.

До него вдруг дошло, что разбитым ухом или выбитыми зубами он не отделается. Эта волосатая обезьяна собирается его прикончить.

А он один, и помощи ждать неоткуда.

Джакобо, заметив замешательство противника, решительно двинулся в атаку.

Клаус отпрыгнул назад, толкнув под ноги испанцу скамейку. Адреналин, выплеснувшийся в кровь, нейтрализовал действие алкоголя. Шутки кончились. Началась борьба за жизнь, и Клаус действовал как машина — точно, четко и взвешивая каждое движение. Он швырнул в лицо испанцу потухший факел и перевернул стол. Вдоль стены образовался проход. Клаус схватил за рубашку одного из наблюдавших за дракой испанца и толкнул его под ноги Джакобо. Перепрыгнув через упавший стул, он оказался у стойки, рядом с перепуганным Амбросио. Дверь была близко, и у моряка появился шанс спастись бегством. Однако уходить просто так не хотелось. Клаус горел желанием отомстить за Пауля и напоследок хорошенько приложиться чем-нибудь тяжелым к физиономии испанца. Он схватил стул, заранее жалея, что в таверне низкие потолки и он не сможет сверху обрушить свое оружие на голову Джакобо, размахнулся и...

Неожиданно сзади ему на голову рухнула стена. Перед глазами поплыл, вращаясь, закопченный потолок. Мелькнуло бесстрастное лицо Томаса, затем он встретился взглядом с губернатором, и сверкнула серьга в ухе мальчишки, стоявшего у двери. Клаус во весь рост растянулся на грязном полу.

Тем временем Пауль метался между хижинами, истекая кровью. Растерявшись, он побежал вначале не в ту сторону, потом сбоку блеснула синь моря, и он сообразил — ему нужно туда. Живот одеревенел, а ноги начали наполняться пугающим холодом. Пауль пытался кричать, но из груди вырывался лишь слабый хрип. Пробежав мимо двух удивленных островитян, он увидел знакомый забор и обвисший морской флаг на крыше. Из последних сил выдавив нечто нечленораздельное, он рухнул на колени. Встать на ноги ему уже не удалось, и он попытался идти на четвереньках, с трудом переставляя руки. Ему показалось, что он слышит немецкую речь. Подняв тяжелую голову, он увидел раскрытые ворота и бегущих к нему моряков во главе со старшим помощником. Он обрадовался,

понимая, что теперь его спасут, и сознание тут же его покинуло.

— О, господи, — прошептал Отто. — Переверните его на спину.

Он всегда боялся вида крови и теперь справился с приступом головокружения.

— Это Пауль, — произнес один из подбежавших матросов. — Кто его так?

Отто лихорадочно соображал, как ему следует поступить. Доктор находился на лодке, а на последней спасательной шлюпке убыл командир.

— Несите его на большой причал! — приказал он морякам. — Там нас заметят. А я сейчас сбегая за ракетницей!

Пауля аккуратно, подхватив за плечи и колени, перенесли на причал испанцев и уложили на влажные доски. В воздух, разогнав наступающие сумерки, взлетела ракета.

— Отойдите, не загораживайте его собой. Пусть с лодки увидят, что у нас раненый. — Отто еще раз выстрелил из ракетницы и вместе с моряками принялся размахивать руками, пытаясь привлечь внимание.

Через минуту он увидел, как в раскачивающуюся у борта надувную лодку поспешно прыгивают темные силуэты. Отто облегченно вздохнул, различив среди них доктора.

Он взглянул на бледное лицо Пауля, на его окровавленную грудь и поспешно отвернулся, почувствовав, что еще немного, и он сам лишится сознания. Услышав за спиной крики, он обернулся и увидел стремительным шагом приближающегося губернатора. За доном Диего едва поспевала его охрана, Амбросио и толпа испанцев.

Первым на причал выпрыгнул доктор. Наклонившись над Паулем, он приподнял рубаху на животе и удивленно присвистнул:

— Чем это его так?

— Не знаю, — ответил Отто, стараясь не опускать взгляд вниз.

— Давайте его быстрее на лодку!

— Док, рана серьезная? — спросил Гюнтер.

— Конечно, серьезная! Да и крови он много потерял. Думаю, операция на всю ночь затянется.

— Хорошо. Везите его на лодку, а я здесь останусь, разберусь, как это случилось.

Подождав, пока перенесут Пауля и спасательная шлюпка отчалил, Гюнтер обратился к Отто:

— Рассказывайте, старпом.

— Да, собственно, и рассказывать нечего. — Отто растерянно пожал плечами. — Мы услышали за забором крик, выбежали, а он у ворот лежит.

— Как он там оказался? Вы его отправляли в поселок?

— Да нет же! И вахтенный у ворот говорит, что не видел, как Пауль выходил.

Вместе с Гюнтером на берегу остались Герберт и Удо. Лейтенант, заметив подошедшего губернатора, толкнул доминиканца:

— Спроси, может, они что-нибудь знают?

Но дон Диего сам уже начал рассказывать, не дожидаясь вопросов. Говорил он спокойно, с чувством собственного достоинства, лишь легкая бледность выдавала его волнение. Удо смущенно переводил:

— Дон Диего говорит, что двое наших пришли в таверну, много пили, требовали у Амбросио выпивку, угрожая ножами. Затем начали драться между собой. Переломали много столов и стульев, так что досталось и испанцам. Потом один ударил другого разбитой бутылкой в живот, а сам, испугавшись, убежал в джунгли. Во всем этом мы можем убедиться сами, если пройдем и осмотрим таверну.

— Кто был второй? — спросил Гюнтер у старпома.

— Не знаю. Но это легко выяснить, наши все здесь стоят. — Отто кивнул на моряков, жавшихся тесной кучкой у забора.

— Посмотрите, где Клаус, — вмешался Герберт. — Они с Паулем друзья...

Гюнтер вспомнил долговязого сигнальщика, всегда крутившегося рядом с Паулем.

Подойдя к столпившимся у ворот морякам, пробежал взглядом по лицам. Нет, Клауса среди них не было.

— Кто видел Клауса? — спросил он, не очень рассчитывая на ответ. Если бы кто видел, уже бы сказали. Он обернулся к губернатору:

— Удо, скажите ему, что мы хотим осмотреть таверну.

Дон Диего охотно кивнул, будто только и ждал такого предложения.

В таверне Гюнтер молча осмотрел следы погрома. В тусклом свете факелов перевернутые столы и стулья отбрасывали ломанные тени.

— У кого-нибудь есть фонарь?

— Да, у меня, — засуетился Отто и отцепил болтающуюся на поясе коробку со стеклянным глазом.

Вспыхнул яркий луч. Гюнтер склонился над пятнами крови на полу, увидел окровавленное горлышко бутылки с длинными острыми краями. На толстом стекле застыли свернувшиеся бурые капли.

Все, как и говорил губернатор, но Кюхельмана не покидало ощущение какой-то недосказанности.

— Удо, спросите у хозяина таверны, что здесь произошло.

Удо выслушал рассказ трактирщика и отрицательно покачал головой:

— Все то же самое. Слово в слово.

— Вот это мне и не нравится. Спроси, куда убежал Клаус.

Дон Диего с расторопностью, неожиданной для его грузного тела, выскочил из таверны и махнул рукой в сторону темнеющих стен джунглей.

— Скажи, что мы хотим пойти по его следу.

Гюнтер пнул ногой принимающего к кровавым пятнам пса.

— Отто, скажите, чтобы принесли все фонари, какие есть в бараке.

— Он говорит, — кивнул на губернатора Удо, — что сейчас стемнеет и идти в джунгли опасно, но для нас они соберут людей, разыщут туземца Пио. Он хороший следопыт и быстро найдет нашего матроса.

— Не нужно никого собирать, у нас своих людей достаточно. Хватит одного Пио, вон он уже давно здесь крутится.

— И еще, — продолжил Удо. — Дон Диего очень сожалеет, что погиб наш моряк. Он просил это обязательно вам перевести. Он удивлен, потому что такого не бывало даже среди его головорезов. А наш матрос будто озверел, хотел зарезать Амбросию, бросался на всех, будто сошел с ума.

— Ну ладно, хватит. Ты его осадил, пусть не очень-то возмущается. Тоже мне, монахи нашлись. И с чего это он взял, что Пауль погиб? Скажи, что наш доктор и не таких на ноги ставил.

Губернатор выслушал Удо с улыбкой и, изобразив на лице обиду, приложил руку к сердцу и горестно произнес:

— Сеньор, вам нет нужды говорить мне неправду. Я видел рану этого несчастного. Уверен, что он уже преставился. Мы все вместе с вами скорбим о случившемся.

— Тьфу ты! — чертыхнулся Гюнтер. — Говорю же вам, что он жив. Ранен, но с ним все будет хорошо.

На лице губернатора отразилось недоверие. Он задумался, наморщив лоб, и спросил:

— И как он? Что-нибудь говорил?

— Пока нет. Он без сознания. Но скоро придет в себя и все расскажет. А вы что, тоже были свидетелем этой драки?

— Нет-нет! Вашего матроса я видел, когда проходил мимо церкви, он едва не сбил меня с ног. Это было ужасно! Он сжимал вывалившийся живот в руках! Мне до сих пор не верится, что он может выжить.

Пришли моряки с фонарями. Двор перед таверной осветился десятком прыгающих лучей.

— Я вас понял, дон Диего. Наше с вами различие в том, что я верю, а вам не верится. А кто прав, рассудит наш доктор, — задумавшись, произнес Гюнтер. Червь сомнения шевельнулся в груди. Не переоценивает ли он возможности молодого хирурга? — Губернатор, я возьму вашего следопыта? Не думаю, что наш матрос мог уйти далеко. Наверняка где-нибудь спит в кустах. А в остальной помощи и ваших людях нет необходимости, мы сами справимся.

— Как вам будет угодно, капитан. — Дон Диего махнул рукой, подзывая Пио.

Гюнтер построил матросов короткой цепью с туземцем во главе. Свет фонарей уперся в стены зарослей, не отвоевав ни метра.

— Удо, спроси Пио: он видит следы Клауса?

— Да. Он говорит, что наш человек ушел туда. — Удо махнул в сторону джунглей.

— А я ничего не вижу, — произнес, подсвечивая себе фонарем, Герберт. — Если бы здесь прошел пьяный Клаус, то по проломленному пути мы смогли бы шагать строем, в две колонны.

— Я тоже не вижу следов, но, может, ветви быстро смыкаются, — с сомнением сказал Гюнтер, посветив фонарем себе под ноги. — Давайте поспешим за туземцем, а то я уже его не вижу!

Пио, как охотничья собака, пригнувшись и петляя, мелькал между кустами. Припав лицом к траве, он, казалось, действительно вынюхивает следы. Герберт восхищенно наблюдал за работой туземца, стараясь подсветить ему фонариком.

— Он что, по запаху слышит следы Клауса?

Удо неопределенно пожал плечами:

— Клянется, что видит каждый его шаг.

Неожиданно Пио выпрямился, держа в руках какую-то находку. Его перепачканная физиономия сияла от радости. Он поднес к лицу старпома болтающийся на шнурке черный ботинок.

— Что он нашел? — появился рядом Гюнтер.

— Да, это наш матросский ботинок, правый, — ответил Отто. — Клаус где-то рядом!

Но Пио неожиданно наотрез отказался идти дальше. Он сделал жалостливое лицо, пропел дребезжащим голосом невнятную тираду и попытался проскочить под рукой загородившего ему путь в поселок старпома.

— Удо, что он там бормочет? — возмущенно спросил Гюнтер, поймав за шиворот попытавшегося удрать туземца.

— Он боится идти дальше. Здесь был ягуар, это он унес нашего человека. Дальше идти нельзя. Ночью в джунглях хозяин — ягуар. Дальше идти — значит погибнуть. Пио дальше не пойдет.

— Какой ягуар? Да здесь нет ни одной поломанной ветки или смятой травы! — Гюнтер удивленно водил вокруг лучом фонаря. — Скажи ему, что мы не боимся ягуаров и он пойдет дальше вместе с нами.

Но Пио, выслушав, отрицательно покачал головой и вцепился руками в подвернувшийся ствол пальмы.

— У меня такое чувство, что он искал не Клауса, а ботинок, — произнес Отто.

— Да... Мне его внезапный страх тоже не нравится. — Гюнтер посильнее тряхнул Пио. — Удо, скажи ему, что если он дальше не пойдет, то я для него стану страшнее ягуара. Наш матрос явно где-то рядом.

Но не успел Удо и рот открыть, как туземец вдруг ловко выскользнул у него из руки, упал на четвереньки и, подпрыгнув, исчез в кустах.

— Куда?! — крикнул Гюнтер, глядя на колышущиеся ветви.

— Что же нам теперь делать? — растерянно спросил Отто.

— Давайте покричим, может, Клаус и отзовется. А не услышит, так проспится и утром сам придет.

Но ни утром, ни вечером Клаус не появился. Гюнтер еще несколько раз обходил с поисковой командой окрестности поселка, выискивая еще какой-нибудь намек на присутствие Клауса, но тот исчез бесследно. Моряки распугали криками всю окружающую живность и сорвали голоса, выкрикивая его имя, но все было тщетно — лишь однажды из джунглей им ответила гнусным хохотом гиена.

Сидя на бревне у ворот, Гюнтер ломал голову над последними событиями. Прибывший с лодки Эрвин сказал, что Пауль пока без сознания, его состояние стабильно тяжелое, но доктор борется за жизнь моряка.

Больше всего Гюнтер не любил неразрешимые загадки, запутанные ситуации и темные истории. Но судьба будто посмеялась над ним, втянув в такой водоворот событий, от которого голова шла кругом. И непонятное исчезновение Клауса только добавило головной боли.

Что с ними происходит? Может, все это только бредовое воображение его погибающего под бомбами эсминцев мозга? Или уже погибшего? Может, как раз так все и происходит? Человеческое существо выпадает из привычного мира, и даже не замечает этого, и мечется в воображаемой действительности? Может быть, на самом деле все они сейчас покоятся в расколотой утробе лодки, над их головами, вспенивая воду винтами, ходят эминцы и, свесившись с бортов, американцы разглядывают всплывающие вещи команды? Наверное, первым на поверхность выпрыгнул его гандбольный мяч, полученный в память о победе в тридцать седьмом на чемпионате флота. Гюнтер всегда держал его под койкой. Тот американцы удивятся такому сувениру.

Да, вот так, наверное, все и происходит — в том реальном и понятном мире он героически погиб, его Гертруда стала вдовой героя, а здесь на его голову валятся чугунные ребусы, на которые нет ответа. Ответ знает только все это затеявший его величество Всевышний.

— Герр командир. — Рядом переминался с ноги на ногу Вилли. Он долго не решался подойти, видя, что командир о чем-то напряженно думает. Но мелькнувшее возле губернаторского особняка зеленое платье требовало отчаянного подвига. — Дитрих просит поговорить с губернатором. Ему нужны еще куры. Главный механик обещал сделать коптильню, и кок говорит, что копченые они сохранятся дольше. Так можно я схожу поговорю?

— Иди, Вилли. Пусть хоть у тебя будет все понятно. — Погруженный в свои мысли, Гюнтер махнул рукой в сторону ворот.

— Что? — такой замысловатый ответ обескуражил Вилли.

— Иди, говорю. Твой губернатор в юбке уже высматривает тебя с террасы.

Вилли залился краской. Каждый раз, когда он придумывал какую-нибудь причину выскользнуть за ворота, командир легко разгадывал его ухищрения, не упуская случая поиронизировать по поводу их с Кармен отношений. Ну да, Вилли сам сходил к Дитриху и передал ему услышанные от главного механика пожелания, что неплохо было бы сделать коптильню. Вилли развил эту мысль перед коком в том смысле, что теперь, очевидно, не обойтись без кур для копчения. Дитрих, слушавший его пространные рассуждения вполуха, кивнул. Вилли этого было вполне достаточно, чтобы обосновать причину своего отбытия за ворота.

Довольный Вилли припустил вверх по тропе, резонно рассудив, что цель достигнута, а каким образом — это вопрос второстепенный.

Остановившись возле дома губернатора, он заглянул в полуоткрытую дверь и тихонько позвал Кармен.

— Юноша, двери моего дома всегда открыты для тебя.

От неожиданности Вилли вздрогнул. Задрав голову, он увидел перегнувшегося через перила террасы улыбающегося дона Диего.

— Вот кому я безмерно рад! Входи, мой мальчик. Ты, вероятно, удивишься, но сейчас я думал о тебе.

Вилли не поверил своим ушам: правильно ли он понял слова губернатора? Но лучезарная улыбка дона Диего не оставляла места сомнениям. Он хотел спросить, где Кармен, но решил, что это прозвучит невежливо. Обидеть губернатора Вилли никак не хотел. Тем более что дон Диего ему нравился. Он был похож на сказочного Санта Клауса — такой же большой, бородатый и румяный. Или на директора школы Рольфа Витцеля — такой же добрый и всегда улыбающийся. Ведь Вилли помнил, что именно дон Диего познакомил его с Кармен. Стоило ему их увидеть, прогуливающихся вместе вдоль берега, и губернатор неизменно махал им рукой и что-то кричал, что — Вилли не мог расслышать, но в том, что это были добрые пожелания, он был уверен. Кармен всегда замолкала, когда дон Диего появлялся рядом. Вилли, напротив, хотелось поговорить с губернатором, похвастаться лишним раз знанием испанского языка и услышать раскаты его могучего смеха.

«Он — истинный средневековый воин, — думал Вилли. — Такой же сильный, великодушный и мудрый».

Не раздумывая, он толкнул дверь и, увидев в конце коридора луч, освещавший лестницу, шагнул, нащупав рукой стену.

Вырвавшись из темноты на террасу, Вилли зажмурился от яркого солнца.

— Входи, входи, мой мальчик. Скрась одиночество старика.

Вилли запротестовал, с трудом подбирая слова, дескать, какой же вы старик!

— Спасибо за добрые слова. Извини, опять забыл, как тебя зовут. Но у вас такие странные имена.

— Меня зовут Вилли. Я бы хотел... — Вилли смущенно умолк. Он хотел спросить, где Кармен, но решил все-таки уделить минут пять беседе с доном Диего. Иначе он действительно прослышет невежей.

— Присядь, Вилли. Сейчас принесут вино.

— Я не пью.

— Скажи, мой мальчик, ты ведь любишь море? — Дон Диего развалился в кресле, не обратив внимания на реплику Вилли. — Понимаешь ли ты его голос, как понимаю его я?

— Да, конечно, наверное... — Вилли растерялся.

Иногда, когда он стоял на мостике в тихую лунную ночь, ему казалось, что в мире происходит какое-то волшебное преобразование и небо с океаном меняются местами. Это было так здорово, и хотелось, чтобы такое продолжалось вечно. Тогда он радовался, что он моряк и только ему доступно видеть такую красоту. Но когда бушевал шторм и голова у него беспомощно натыкалась на переборку у штурманского стола, а желудок угрожал вывернуться наизнанку, тогда он ненавидел все вокруг. И того умника, который придумал подводные лодки, и директора Витцеля, предопределившего ему такой путь, и себя за то, что еще умудряется оставаться живым в таких жутких условиях. Но сейчас Вилли казалось, что он очень хорошо понимает дона Диего.

— Я рад, что в твоём юном сердце горит тот же огонь, который уже долгие годы сжигает и меня. Ведь моряков, мой мальчик, связывают братские узы, которые порой бывают крепче семейных. Не часто выпадают на долю семьи такие испытания, которые каждый день обрушиваются на долю моряков, делая их стойкими, как железное дерево, и преданными морю так, как могут быть преданными только настоящие моряки. Далеко не каждая подружка тебя дождется на берегу, а море будет тебя ждать всегда.

«Какой он мудрый, — подумал Вилли, восхищенно глядя на дона Диего. — Он говорит такие вещи, о которых я только смутно догадывался. Обрывки своих мыслей я даже не смог свести в одну четкую нить, а он, будто мифический мудрец, просветил меня и наставил на широкий и прямой путь. Действительно, когда мы попали у берегов Англии под бомбы эсминца, а затем чудом ускользнули от него и остались живы, я был готов обнять по очереди всю команду, и не было для меня в тот миг никого роднее таких же перепуганных, как и я, товарищей».

Губернатор внимательно взглянул на Вилли:

— Давай посидим как моряки. Как морские волки, заглянувшие под хвост дьяволу и не

побоявшиеся бросить вызов ни штормам, ни морским чудищам. Настоящим морякам, встретившимся на скучном берегу, всегда есть что рассказать друг другу, чтобы разогнать тоску. Ведь верно?

— Дон Диего, я даже не знаю, чем могу вас удивить. Вы ведь провели в море столько времени, сколько я и на суше не прожил.

— Не скромничай, мой мальчик. За последнюю неделю уже довелось увидеть столько удивительного... Вот скажи, к примеру, как это сами собой загораются ваши светильники?

— Да нет же, дон Диего, — засмеялся Вилли. — Они не сами загораются, это мы их включаем. Понимаете, щелк — и они загораются, щелк — и опять гаснут. Как бы вам объяснить? А впрочем, я вам принесу и покажу, как он работает.

— Принеси, мой мальчик, принеси. Порадуй старика. — Губернатор, обрадовавшись, закивал головой. Он наполнил два бокала и один из них протянул Вилли. — Возьми, не обижай отказом. У настоящего моряка вместо крови в венах бежит вино.

Дон Диего довольно хохотнул, глядя, как Вилли, скривившись, сделал два больших глотка.

— Мне ваш капитан говорил, что у вас на корабле есть оружие, способное уничтожить корабль врага за несколько миль. Это верно? Или ваш капитан шутит? Не бойся, мне ты можешь доверить любую тайну. Моряк моряка никогда не предаст и не обманет.

— Да какая это тайна. Вы, наверное, спрашиваете о торпедах, так о них знали еще в Первую мировую войну. Если торпеда попадет в танкер или транспорт, то двести килограммов взрывчатки никому не оставят шанса на спасение.

— А ты можешь мне ее принести?

— Кого? — Вилли недоуменно уставился на губернатора.

— Эту... Торпеду.

Теперь захохотал Вилли:

— Ну что вы, дон Диего! Да ее краном нам в лодку грузят. Вы знаете, какая она тяжелая? Да ее, наверное, и все вместе торпедисты не поднимут.

— А как же вы ее в пушку заряжаете?

Вилли, закатив глаза, тяжело вздохнул.

— Ну да ладно с этой торпедой, — дон Диего поспешил сменить тему разговора. — Лучше расскажи мне, где и в каких краях ты бывал. Вдруг и я там был. Может, и встречались когда? И вообще, откуда ты родом?

Вилли задумался — с чего начать? Ведь, кроме Лорьянской бухты да немецких баз на Балтике, он нигде и не был. А в немногочисленных боевых походах видел только воду вокруг. Может, начать с родителей, которых он, впрочем, не помнил?

Неожиданно, будто подброшенный пружиной, Вилли вскочил из-за стола. В промежутке между балясинами, ограждающими террасу, он различил семенившую в неудобном огромном платье Кармен.

— Простите, дон Диего! — Лицо вновь предательски залилось краской. — Мы с вами еще обязательно поговорим. Не сейчас, попозже!

Губернатор, заметив Кармен, злобно сверкнул глазами и задвигал желваками, но, быстро совладав с собой, широко улыбнулся.

— Жаль прерывать такую душевную беседу. Но помните, мой юный друг, вы мне обещали! — прокричал он вслед сбегающему по лестнице Вилли.

Пробираясь по темному коридору к выходу, Вилли вспомнил, что так и не поговорил с губернатором о курах для копчения.

«Ладно, потом поговорю», — подумал он, но стоило ему открыть дверь и увидеть идущую ему навстречу Кармен, как он вновь позабыл о своем обещании командиру.

— Что ты здесь делаешь? — остановившись, спросила удивленная Кармен.

— Мы очень мило беседовали с твоим дядей! — весело ответил Вилли. — Здравствуй, дорогая моя!

Но Кармен его радости от встречи не разделяла. По ее смуглому лицу пробежала тень.

— Вилли, слушай меня и ни о чем не спрашивай. Просто поверь мне и все. — Кармен взяла его под руку и повела в сторону от особняка. — Держись от моего дяди подальше. Хорошо?

— Но почему? — Вилли попытался изобразить на лице праведный гнев. Но это у него не получилось, физиономию вновь растянула блаженная улыбка. Обижаться на Кармен он не мог даже в шутку. — Дон Диего очень добрый и умный. Если бы у нас были такие вожди и командиры, как он, мы бы уже давно войну выиграли!

— Ты многого не знаешь. Но ради твоего спасения пообещай мне, что ты больше никогда не придешь в этот дом и никогда не нарушишь своего обещания. Прошу тебя.

Кармен остановилась и, взяв его за руку, заглянула Вилли в глаза.

Вилли, растерявшись, замолчал. Улыбка сползла с его лица. В глазах Кармен читался неподдельный страх.

— Я тебе обещаю. Нет, я даже даю тебе слово! Но объясни мне, чего ты боишься?

— Еще не время. Поверь, чуть позже я тебе обо всем расскажу. А пока делай, как я тебе говорю. Так надо для нашего же с тобой блага. — Голос Кармен задрожал, казалось, еще чуть-чуть, и из ее глаз потекли слезы. — И первое, о чем я тебя умоляю: никогда не приходи один в губернаторский дом! И никуда не ходи вместе с доном Диего, куда бы он тебя ни позвал! Если он скажет, что об этом просила я, — не верь. Бойся его охраны — Томаса и Чуи. Особенно Чуи. Томас силен, но глуп и добр. А Чуи хитер и коварен. В бою на шпагах или кулаках ему нет равных, а с двадцати шагов он ножом легко попадает человеку в глаз. Мне кажется, что даже сам дон Диего его побаивается.

— Уф! — шумно выдохнул Вилли.

Эмоциональный монолог Кармен произвел на него впечатление. Он даже тревожно оглянулся: не подкрадывается ли кто-нибудь сзади с кривым ножом в зубах? Кровожадного Чуи рядом не оказалось, но из-за пальмы за ними наблюдала пара любопытных глаз. Это был мальчишка лет десяти-двенадцати с блестящей серьгой в ухе.

— Что ему от нас нужно? — удивился Вилли.

— Это Джил, он уже давно за нами крадется. Его ты можешь не бояться, — улыбнулась Кармен. — Мы с ним друзья. Ревнует, наверное. Кроме меня, у него никого нет. Жаль его — он сирота, и если я или донна Дебора его не накормим, то останется голодным. Не злись на него, пусть следит. Он добрый.

Вилли, рассмеявшись, пожал плечами — пусть следит. Джил напомнил ему его самого в таком же возрасте, когда он со своими малолетними друзьями следил за старшеклассниками, гуляющими парочками в парке, чтобы внезапно выпрыгнуть из-за дерева и истошно заорать на весь городок: «Жених и невеста!»

Они вновь поднялись на давно полюбившуюся скалу. Сколько раз они сюда ни забирались, у Вилли всегда замирал дух при виде открывающейся с вершины красоты. Он чувствовал, как в душе у него волнами разливается минорное настроение. Они могли, взявшись за руки, просидеть весь вечер, не сказав друг другу ни слова, но чувствуя ту близость, какую могут чувствовать лишь родственные души.

— Вилли, а в твоём мире люди живут счастливо? — неожиданно спросила Кармен.

— В моём мире идет война.

Они вновь замолчали. Кармен сидела на лафете пушки к нему спиной, и Вилли не видел ее лица, когда она снова спросила:

— А ты мог бы забрать меня с собой?

Спросила шепотом, но Вилли вздрогнул, как от раската грома. Он боялся думать о том, что в их отношениях нет будущего. Сколько еще они пробудут на острове, он не знал и не отваживался спросить об этом у командира. Сейчас, рядом с Кармен, он был счастлив, но стоило ему представить, что завтра прозвучит команда к отплытию, и сердце проваливалось в холодную бездну. Вилли растерянно молчал. Кармен по-своему расценила его молчание. Он увидел, как вздрагивают ее хрупкие плечи, и, вскочив с пушечного ствола, упал перед ней на колени. По лицу Кармен катились крупные слезы и, срываясь с подбородка, капали на

зеленые рукава. Испугавшись, Вилли не знал, что ему делать, и, поддавшись порыву, обхватил ее за плечи и прижал к своей груди. Тут уж Кармен, потеряв самообладание, громко разрыдалась и, всхлипывая, уткнулась лицом ему в куртку.

— Кармен, дорогая, умоляю, не плачь, не рви мне душу. — Вилли готов был сам разрыдаться. — Нет для меня никого роднее и желанней, чем ты. Забрать тебя с собой? Да даже в самых смелых мечтах я боялся об этом подумать. Но только где он, мой дом?

Кармен перестала плакать и теперь лишь тихо вздыхала, продолжая прижиматься к его груди. Он взял ее лицо в руки и, заглянув ей в глаза, с грустью сказал:

— Я открою тебе тайну, и ты меня поймешь... Мы не знаем, где наш дом. Мы заблудились, понимаешь? Как такое произошло, мы не можем понять, и как нам вернуться обратно, не знает никто. Командир и старший помощник все время думают над этим. Но я этому даже рад, потому что встретил тебя. Это правда, что мы с тобой из разных миров, но для меня это не имеет значения. И, даже если командир что-то придумает, клянусь, я останусь с тобой. Я ему все объясню, и он меня поймет. Ради тебя я даже готов служить твоему дяде. Буду ходить в море на ваших кораблях, а ты будешь меня ждать на берегу. Я ведь штурман и знаю то, что вашим штурманам предстоит узнать лишь через несколько веков.

— Глупый, глупый Вилли, — горестно вздохнула Кармен и, отвернувшись, стала смотреть на море. — Я ведь давно обещана кому-нибудь из сыновей дона Диего. А которому, я и сама не знаю. Скорее всего он отдаст меня тому из них, кто лучше перед ним выслужится.

Вилли показалось, что утес под ногами закачался и сейчас, расколовшись, рухнет в пролив, утопив его вместе с его мечтами в мутной воде. Он схватил Кармен за руки и закричал на немецком:

— Нет! Это неправда! Как же он может?! — и затем добавил уже спокойнее: — Я тебя никому не отдам. Мы уплывем с тобой с этого острова. Туда, где нас никогда не смогут найти ни губернатор, ни его сыновья.

С грустью, от которой у Вилли защемило сердце, Кармен ответила:

— Мне часто снится один сон. На красивом паруснике за мной приплывает смелый моряк в странных одеждах и забирает меня с собой. Огромный спрут пытается ему помешать, и я понимаю, что это мой дядя. Но мой спаситель огненным мечом отрубает ему щупальца и пронзает черное сердце. Когда я тебя увидела, то почему-то подумала, что это ты.

Кармен замолчала. Молчал и Вилли. Сумеет ли он быть равным рыцарю из ее снов? А ведь, возможно, придется помериться силами с губернатором и со всем этим суровым и мрачным миром. Слова Кармен больно ранили душу, перевернув сложившийся за последние дни прекрасный миф об этом мире.

— Наш остров насквозь пропитан злобой и ненавистью, — вновь заговорила Кармен, задумчиво глядя на гладкое искристое море. — Дон Диего держит всех в страхе. Здесь все его ненавидят. Ненавидят и боятся. Так же и он всех ненавидит и боится. Ночью у его дверей обязательно спит охрана, а все двери и окна закрыты на тяжелые засовы. Видишь тот маяк? — Кармен указала на белый столб, торчавший над обрывом у берега, вдалеке от поселка.

Вилли кивнул, он давно хотел спросить, почему маяк стоит в стороне от входа в бухту.

— Скоро закончится лето и наступит осень — время туманов. И тогда мой добрый дядя прикажет зажечь маяк. Посмотри на море — там вдоль всего побережья тянутся рифы и подводные камни, острые как ножи. Проходящие мимо корабли, сбившиеся в тумане с пути, с радостью идут на спасительный огонь и погибают, как мотыльки над костром. Течение выносит их обломки на берег, и мы ходим и собираем то, что выбросит море. Это ужасно. Дядя заставляет выходить всех, и меня тоже. Если бы ты это видел, Вилли. Волны выносят погибших, они мне потом снятся. Случается, что выплывают и живые. В основном это мужчины. Женщины и дети тонут, потому их так мало на острове. Малыш Джил выплыл.

Его родители погибли, а он еле живой доплыл, держась за обломок мачты. Я его выходила, и теперь он мне как младший брат. Сейчас он живет только одной мечтой, что вырастет и напьется крови дяди, перерезав ему горло. Мне он в этом признался, зная, что я никому не расскажу. И таких здесь много, дон Диего берет с них клятву верности в обмен на жизнь, но я бы не очень верила такой клятве. Да и дядя, наверное, тоже не верит, но ему нужны люди. Не оставляет он никаких шансов только англичанам. Их он ненавидит совсем уж люто.

Вилли казалось, что небо начинает давить ему на плечи и не дает дышать полной грудью. Теперь он понял загадку обломков кораблей, усыпавших двор вокруг их барака. Он подумал: «Как иногда могут различаться начало дня и конец!» Проснувшись, Вилли мечтал лишь об одном: как бы опять увидеть Кармен, и ходил счастливый и беззаботный, как новорожденный младенец. Все другие мысли отскакивали от него, как от стенки горох, не способные достучаться до его сознания и не заслуживающие внимания. Но стоило солнцу скатиться к закату, и вместе с ним перевернулся весь мир. Мрачные краски заполонили все вокруг. Теперь и закат не был так прекрасен, как раньше, а напоминал кровавые лужи, разлившиеся на серой глади моря. И джунгли не радовали глаз сочной зеленью, а глядели мрачно в ожидании очередной жертвы.

Тяжело вздохнув, Вилли поднялся. Что дальше делать, какие слова найти для Кармен? Чем ее успокоить, а еще бы лучше себя?

Окинув безразличным взглядом море, Вилли вдруг заметил приближающийся парусник. Форштевень уверенно резал волны, бушприт, как копьё, был нацелен на вход в бухту. На белом раздувшемся парусе желтел крест, обрамленный красным контуром.

— Кармен, взгляни, кто это?

Кармен вскочила и, взглянув на приближающийся корабль, помрачнела и произнесла со злостью:

— Это Карлос.

13

Галеон «Золотой бык» убирал паруса, замедляя движение. Позади остался полный опасностей долгий путь, и команда высыпала на верхнюю палубу, радуясь виду долгожданной зелени острова после унылых африканских песков. Украшавшая нос корабля скульптура тонкой резной работы, с позолотой по красному дереву, изображавшая прекрасную сеньору Беатриз, тянула руки в небеса, благодаря за успешное возвращение.

Карлос неподвижно стоял на носу корабля, разглядывая в подзорную трубу приближающуюся бухту. Его внимание привлекла черная линия с четким горбом в центре. Он никак не мог понять ее происхождение, но в том, что ее раньше не было, он мог поклясться. Карлос смотрел на подводную лодку с недоумением, ему она казалась гигантским бревном, загородившим вход в бухту.

«Каковы же должны быть его размеры?» — размышлял он, сравнивая утес с черной тушей лодки. Длиной это бревно превышало его галеон в два раза. Команда, притихнув, тоже удивленно рассматривала приближающуюся лодку. Когда до бухты осталось подать рукой, Карлос не на шутку встревожился. Даже без подзорной трубы на поверхности гигантского бревна он увидел людей. Они стояли неподвижно, глядя на идущий на них парусник.

«Это галера!» — осенило вдруг Карлоса. Чья она и откуда взялась, раздумывать было некогда. Мелькнула мысль, что, возможно, остров захвачен. Карлос уже набрал в грудь воздух, чтобы прокричать команду «Канониров к орудиям!» Но увидел появившуюся в проливе шлюпку и стоявшего в ней в полный рост отца в неизменной малиновой шляпе.

Облегченно вздохнув, он выкрикнул:

— Убрать паруса! Спустить якорь!

Дон Диего широко заулыбался, разглядев махавшего ему Карлоса. Перед носом галеона гребцы уперлись в весла, стараясь остановить движение шлюпки. По неписаной традиции, поравнявшись с деревянной скульптурой на носу корабля, губернатор вытянул руку,

коснулся ее и, погладив, с нежностью произнес:

— Ну, здравствуй, «Беатриз».

Молодцевато перепрыгнув на спущенный веревочный трап, дон Диего перебрался на борт галеона.

— Здравствуй, сын мой! Тебя так долго не было. Я уже начал беспокоиться, не случилось ли с тобой какая беда. Как прошло плавание?

— Здравствуй, отец! Сказал бы даже, что неплохо, если бы рабы не дохли как мухи. Я тебе обо всем расскажу, но прежде ответь, что это? — Карлос указал трубой в сторону подводной лодки.

— Есть о чем рассказать. — Дон Диего многозначительно замолчал, но затем, встрепenuвшись, продолжил: — Оставь корабль на своего помощника, он у тебя шустрый малый, справится, а мы с тобой давай на берег. Нам надо о многом поговорить с глазу на глаз.

И, не дав Карлосу опомниться, губернатор спустился назад в шлюпку.

Дождавшись сына и дав команду гребцам проплыть на обратном пути рядом с лодкой, дон Диего сказал:

— Смотри внимательно, Карлос. Это корабль. Очень странный корабль. Говорят, он может плыть под водой.

— Отец! Вы что здесь, все джина перепились?! — засмеялся Карлос. — Уж ты-то никогда не верил всяким сказкам и выдумкам.

— Вот именно, мой мальчик. Если об этом говорю я, то отбрось все сомнения и слушай. Тебе еще предстоит многому удивиться. А сейчас смотри внимательно и запоминай любую деталь. Чужаки не пускают осмотреть их корабль, и такая возможность выпадает редко.

— Чужаки? — Улыбка сбежала с лица Карлоса.

— Да, мы их называем чужаками, а они себя зовут «идущими под водой». Посмотри на их пушку, мощь ее ужасна. Сейчас я покажу тебе результат всего лишь одного ее выстрела. Пока от них нам угрозы нет, даже кое-какая помощь. Но это ненадолго. Эх, пришел бы еще Пабло. Где его носит? Тогда бы мы их быстро в бараний рог скрутили.

— Отец, ты ждешь их нападения?

— Их нападения? Нет! — засмеялся дон Диего. — Мы на них нападем!

Но тут же он осекся, сообразив, что преждевременно сказал лишнее. Гребцам его планы знать вовсе не обязательно.

Дон Диего поспешил поправить себя:

— Нет, конечно, если они будут вести себя мирно, то и мы их не тронем. А пока смотри, Карлос, внимательно, остальное обсудим дома.

Дон Диего еще раз выругал себя за такой обидный промах. Свои планы он еще не доверял никому, ожидая сыновей, и надо же так глупо проговориться! Он начал рассказ с момента, когда ранним утром его разбудил Алонсо. Карлос, слушая, угрюмо молчал. И даже когда отец, сидя на террасе перед кувшином с вином, уже выговорился, он продолжал молчать. Уж очень невероятным было услышанное.

— Вечером я приглашу их капитана отметить твое прибытие. Гляди и слушай его внимательно — врага надо знать в лицо.

— Отец, зачем тебе это? Пусть уходят. Вдруг они действительно близки к богу морей? Что тогда? Гнев его будет беспощаден.

— Ну и глуп же ты, Карлос! — Дон Диего удивленно уставился на сына. — О каком боге ты говоришь? Ты наслушался сказок Соломона? Так я тебе скажу: плюнь на эти бредни! И чем раньше ты это сделаешь, тем крепче ты будешь стоять на ногах, будь то суша или море.

— Не скажи, отец. Кто-то же владеет всем этим? — Карлос рукой указал на море. — Кто-то посылает попутный ветер в паруса и наказывает жестоким штормом. Когда мы отошли от берегов Африки, налетел жуткий ураган. Двоих матросов смыло за борт так

быстро, что мы даже не успели заметить, как это произошло. Я уж было подумал, что это конец. Мы взывали к богу и владыке морей, а затем принесли в жертву раба. И поверь, отец, лишь только мавр исчез в волнах, как шторм тут же начал стихать.

Дон Диего грустно вздохнул. Всем хорош был Карлос — силен, жесток, отчаян до безрассудства, прекрасный моряк и беспощадный к врагам воин, способный в одиночку напасть на английский караван и своей яростью рассеять его по морю. Бросаясь на абордаж, всегда первый перепрыгивал на вражескую палубу, но мог спастись перед глупой приметой или, как ему казалось, роковым знаком. Дон Диего понимал причину этих суеверий и злился от собственного бессилия. Когда он отобрал восьмилетнего Карлоса у его матери, портовой девки, к тому времени уже спившейся и потерявшей всякий интерес к сыну, то поручил его воспитание пастору Соломону. Кое-как знающий латынь, а еще хуже испанскую письменность, Соломон преуспел в рассказах всяческих детских страшилок. Рассказывать их он мог часами и, найдя в лице Карлоса благодарного слушателя, старался вовсю. Занятый грабежами побережья и охотой на торговые корабли, дон Диего не сразу заметил результат обучения пастора. Но когда понял, в кого превращается сын, то, не жалея кулаков, «отблагодарил» Соломона, а Карлоса определил юнгой к себе на корабль. С тех пор прошло более пятнадцати лет, сын превзошел отца по размаху грабежей и жестокости, но зерно суеверия, посеянное полуграмотным пастором, проросло и мешало, как считал дон Диего, достичь Карлосу той славы, которой он был достоин.

— В чем ты видишь божий промысел? В том, что они одеты не так, как мы? Или в том, что их речь не похожа на нашу, а скорее похожа на карканье ворон? Кровь у них такая же алая, как у нас, и питаются они не божьим духом.

— Но, отец, ты же сам показывал мне, чего стоит одна их пушка.

— Вот именно — пушка, а не гром и молнии с небес, как это водится у богов. Это очень хорошая пушка, но всего лишь пушка. Их корабль может двигаться без парусов и плыть под водой, но это всего лишь корабль. И я хочу, чтобы этим кораблем командовал ты! Тогда ни один галеон не проскочит через Карибское море без нашего ведома. Да что там Карибы! Мы сможем выдвигать требования королям! Все порты на Эспаньоле обложим данью, а торговля будет идти только по нашим правилам. А еще, наконец-то, изгоним англичан. Вот что я тебе предлагаю.

Карлос задумался. Ход мыслей отца ему понравился. Жажда власти и любовь к богатству погасили тлеющие в его душе сомнения. Он сам не заметил, как принялся обдумывать план уничтожения чужаков и захвата их корабля.

— Все же мы очень мало о них знаем, — произнес он.

— Что ты еще желаешь узнать?

— Много. К примеру, как управлять их кораблем?

— Карлос, чужаки не показывают нам свой корабль, потому что боятся. Боятся, что мы поймем — управлять их кораблем просто. Проще, чем твоим галеоном.

— А откуда они пришли? Мы ведь до сих пор этого не знаем.

— Думаю, что ответ и на этот вопрос я знаю. — Дон Диего наморщил лоб, разглаживая бороду. — Чужаки светлее нас кожей и мучаются от жары. Это не их широты. Они откуда-то с севера. Но не с того севера, где живут варяги и который нам известен. А с того, который гораздо дальше. Я не верю в модную сейчас сказку, что земля круглая. Где-то есть ее край. Так вот, Карлос, чужаки оттуда. Сам я не видел, но знал капитанов, которых заносило туда, где в воде плавают огромные ледяные горы размером с наш остров и волны высотой с эту скалу. Они не достигли края земли, но подошли к нему очень близко, а еще они рассказывали, что там тоже есть суша. Оттуда чужаки, Карлос, оттуда. Я уверен. Они научились строить неизвестные нам корабли, придумали мощное оружие, но они такие же люди, как мы. Каким-то ветром их занесло сюда, и они испуганы и растеряны, хотя и стараются этого не показывать.

— Все же я предпочел бы не торопиться.

— Карлос, я не призываю тебя немедленно схватиться за шпагу, но и ждать мы больше

не можем. К сожалению, я не знаю, что их удерживает у нас. Может, поломка корабля или еще что-то. Но скоро я обязательно это узнаю. Это шанс, Карлос, который судьба дает раз в жизни. Не упusti его. Помни — ты можешь медлить, но время медлить не станет.

Дон Диего замолчал, выжидающе глядя на сына. Он видел, что Карлос уже принял решение, но хотелось, чтобы он об этом сказал сам. И тогда губернатор решил разыграть перед сыном козырную карту:

— Впрочем, ты можешь отказаться. Поможешь людьми и пушками с «Беатриз», и на том спасибо. Я предложу корабль чужаков Пабло, думаю, он раздумывать не станет.

— Отец! Твои сомнения мне обидны! Пойми, все так неожиданно. Ты этот план вынашивал неделю, а я только сейчас о нем услышал. Мне нужно все обдумать.

— Ерунда, я уже обо всем подумал.

Дон Диего разлил по бронзовым бокалам вино и с улыбкой поглядел на сына. Нет, Карлосом управлять легче, чем Пабло. Пабло умен, строптив и любит сам принимать решения. В нем чувствуется благородная кровь, доставшаяся от матери.

Да, Карлосом управлять легче. Хотя он и пытается изображать из себя франта, носит дорогую, усыпанную бриллиантами шпагу, пьет на манер испанских дворян-капитанов только вино и щеголяет белым бантом на шее, но все равно в каждом его неловком движении, в мешковатой фигуре сказываются порочные корни его матери.

Сейчас дон Диего уже с трудом мог вспомнить ее имя. Много воды утекло с того дня, когда молодой удачливый капитан заглянул в портовую таверну, чтобы прогулять награбленное, и встретил там ее. Барбара была старше его и уже тогда тянулась к джину, как пчела к меду. Но это не помешало Диего сгрести ее в охапку и после пьяной ночи принести как трофей на свой корабль. Наплевав на кодекс пиратской чести, он страстно увлекся красавицей Барбарой. Команда недовольно роптала, но в обмен за свое безрассудство Диего снисходительно прощал на борту «Беатриз» беспробудное пьянство, азартные игры и поножовщину. Так продолжалось до тех пор, пока он не заметил, что раздавшийся живот Барбары не может скрыть ни одно из ее широких платьев. Сунув ей в руки мешочек, набитый серебряными талерами, Диего высадил Барбару в первом попавшемся порту и постарался поскорее о ней забыть, с головой окунувшись в лихие пиратские будни. Лишь через год случайно он узнал, что у него родился сын.

От воспоминаний губернатора отвлек возглас Карлоса:

— Что я вижу! Тысяча чертей! Кто это рядом с Кармен?

— Остынь. Это штурман чужаков. Опять забыл его имя! — Дон Диего лениво взглянул на идущую по тропе парочку. — Не изображай из себя влюбленного павлина. Никуда эта девчонка от тебя не денется. Ты возьмешь ее так же, как я взял мать Пабло или твою. Только не разыгрывай передо мной жгучую испанскую страсть, иначе испортишь мне все удовольствие от этого молодого вина. Да и опасаться тебе нечего — этот молокосос боится даже пальцем к ней прикоснуться.

— Ушам своим не верю! Отец! Это ты мне говоришь?

— Да, я! И даже больше тебе скажу, это я ей приказал заигрывать с чужаком.

— Ты?!

Глаза Карлоса округлились. Он едва не задохнулся, возмущенно уставившись на отца.

— Ты, наверное, меня плохо слушал?! — Дон Диего повысил голос и нервно отодвинул бокал. — Это не простой матрос, это их штурман! К тому же он выучил наш язык. Карлос, он для нас бесценен и, к нашей удаче, наивен и глуп, как молодой осел. А Кармен — это та морковка, которая приведет его к нам в стойло. Я его тебе обязательно отдам, но позже, когда посчитаю нужным. Вот станешь капитаном корабля чужаков и тогда получишь все! Славу, богатство, власть, и Кармен с ее красноухим воздыхателем в придачу. Я даже отдам тебе то, что ты уже давно просишь, — любого из моих телохранителей на выбор. Только подними свой флаг на их мачте!

Мгновенно, так же, как и вспыхнув, Карлос потерял интерес к Кармен и, отвернувшись, спросил:

— Отец, а что получишь ты?

— То же, что и ты. — Дон Диего улыбнулся. — Пойми, Карлос, чем меньше остается лет, тем ты их больше ценишь. Я уже стар для абордажной драки. Этим будешь развлекаться ты, но я опытней, умнее и хитрее. Вести тебя от победы к победе, видеть ужас на лицах врагов при одном упоминании твоего имени, видеть рабское заискивание губернаторов, которые раньше охотились за мной, — вот что мне нужно. У ацтеков есть такая мудрость — «Войну всегда ведут молодые, а выигрывают старики». Ты ее поймешь, когда доживешь до моих седин. А сейчас ты будешь моей безжалостной рукой, поставившей этот далекий от Европы, но очень богатый край на колени. Рукой длинной и беспощадной. Не отнимая друг у друга ничего, каждый из нас получит то, что он хочет. Слушайся меня, Карлос, и все будет так, как я тебе обещаю.

Задумавшись, Карлос смотрел, как команда приводит в порядок снасти «Золотого быка». Галеон стоял у входа в бухту, подобрав паруса и опустив на дно якорь. За борт летел мусор, накопившийся после долгого плавания. Двое матросов с трудом перебросили через борт черное тело. Еще один раб не вынес предназначенной ему участи.

— Посмотри, отец. Вон полетели в море еще сто моих песо. — Вздохнув, Карлос кивнул на свой корабль. — И так весь путь домой.

— Не о том ты говоришь. Отправь на борт бочонок с водой да помоев с кухни Деборы, и они протянут еще неделю. Ты бы лучше почаще поглядывал на корабль чужаков.

— То, о чем ты говоришь, отец, очень заманчиво. Но когда это произойдет, ты и сам не можешь сказать. А я сейчас вижу, как превращается в пыль результат моих двухмесячных скитаний. И с командой мне тоже чем-то рассчитывать надо. Дай мне три дня, я пройду вдоль берегов Эспаньолы, распродам по плантациям рабов и тут же вернусь. А чужаки никуда не денутся, подождут еще неделю.

Дон Диего, нахмурившись, замолчал. Доля здравого смысла была в словах Карлоса, но очень уж не терпелось осуществить задуманное. Но больше всего огорчало то, что он не знал планов чужаков. Сколько у него еще есть времени, действительно было загадкой.

— Чуи! — Дон Диего подозвал сидевшего в стороне охранника. — Узнай, где их капитан. — Отпил вина, потянулся и, повернувшись к сыну, пояснил: — Я назначил человека следить за их капитаном. И теперь всегда знаю, когда он на берегу, а когда на корабле. Они живут строго по часам, и это тоже нам на руку. Чужаки предсказуемы. Я уже выделил среди них тех, кто ими управляет. Достаточно их убрать, и остальные превратятся в беспомощных детей.

Карлос стоял к нему спиной, губернатор не видел его лица, но для него оно всегда было раскрытой книгой. И потому молчание сына дону Диего не понравилось. Он решил, что можно ослабить нажим на Карлоса и тон железного командира сменить на добрый, отеческий.

— Я всего минуту был на «Беатриз», но остался доволен. Ты молодец, галеон в отличном состоянии. Я не жалею, что когда-то отдал его в твои руки.

— Отец, мой корабль называется «Золотой бык». И мы с тобой уже говорили об этом. — Карлос не смог скрыть, что похвала отца ему понравилась. — С прежним названием можно было рассчитывать лишь на любовное приключение. А меня интересует совсем другое. То, что правит нашим миром. Чем у тебя его больше, тем ты ближе к вершине этого мира. Меня интересует золото, а потому мой корабль называется «Золотой бык». Да и набила всем оскомину у этих берегов твоя «Беатриз». Где только услышат это имя, сразу бросаются в погоню.

Разгоравшийся спор прервал появившийся Чуи. Подождав, когда на него обратят внимание, он доложил:

— Наблюдатель сообщил, что капитан пока на борту, но готовится отплыть на берег. Шлюпка с их корабля сейчас отчалит.

— Пошли. — Дон Диего вскочил из-за стола и потащил сына к лестнице.

Спускаясь по тропе к причалу, губернатор заметил, что шлюпка чужаков уже

приближается к берегу.

— Смотри, Карлос, они плывут не к своему причалу, а к нашему. Это визит. И быось об заклад, причина тому — твое появление.

Среди прочих Дон Диего заметил в шлюпке черное лицо переводчика чужаков. Он позволил себе улыбнуться. Чужаки явно собирались с ним разговаривать.

«Что, сеньоры? — злорадно подумал дон Диего. — Вы тоже почувствовали, за кем теперь сила? То ли еще будет».

Чуи ловко подхватил брошенный конец и намотал на опору причала. Первым, как обычно, на причал выпрыгнул капитан. Карлос во все глаза уставился на него. Так близко чужаков он еще не видел. С капитаном они были приблизительно одного возраста и даже одного роста. Но остальные матросы, задержавшиеся в шлюпке, походили скорее на безусых мальчишек. Команда «Золотого быка» смотрелась куда старше, опытней и сильнее. Но больше всего Карлоса поразило присутствие за спиной капитана рослого крепкого мавра. Как опытному ювелиру, который может с первого взгляда увидеть достоинство крупного алмаза, или умелому наезднику, способному мгновенно признать достоинства арабского скакуна, так и работорговцу Карлосу достаточно было секунды, чтобы оценить стоимость мавра чужаков.

— Ты не говорил, что у них есть рабы, — шепнул он отцу на ухо.

— Это их толмач. Знает наш язык. При нем лишнего не болтай.

Мавр, знающий испанский язык! Да ему цены нет! Карлос с восторгом рассматривал Удо.

— Приветствую вас, сеньор капитан. — Дон Диего протянул руку для рукопожатия. Он уже обратил внимание, что чужакам это нравится, обменявшись рукопожатием, они становятся дружелюбнее и сговорчивее.

— И я вас приветствую, губернатор. — Гюнтер внимательно посмотрел на Карлоса. — Представьте нас друг другу. Который из сыновей порадовал отца своим прибытием?

— Вы догадливы, сеньор. Это действительно мой сын Карлос.

— Не надо быть очень догадливым, чтобы это понять. Карлос очень похож на вас.

Дон Диего польщенно улыбнулся.

— Капитан, я приглашаю вас разделить мою радость по поводу прибытия сына. После исчезновения вашего матроса вы как будто сторонитесь нас. Уж не обвиняете ли вы моих людей в этом?

— Нет, губернатор, я верю, что наш матрос опрометчиво ушел в джунгли и, возможно, погиб. А что до визитов к вам, то поверьте, много дел. И, кстати, я очень вам благодарен за помощь, которую вы оказываете нам. Мы не сторонимся вас, это — недоразумение, которое я с удовольствием исправлю. Этот вечер мы готовы провести в вашей компании.

Губернатор посторонился, приглашая подводников пройти с причала на берег.

— А как ваш раненый? Он выздоравливает и что-нибудь рассказывает?

— Нет. Наш доктор борется за его жизнь и ни на минуту не оставляет одного. Но матрос по-прежнему не приходит в себя.

— Ужасный случай. — Дон Диего опытным взглядом окинул моряков, сопровождавших капитана. Сосчитал имеющееся у чужаков оружие и, поравнявшись с Гюнтером, сочувственно произнес: — Я прикажу нашему пастору молиться за его здоровье.

Карлос между тем не отрывал глаз от Удо, переводившего беседу капитана и губернатора. Когда Герреро прошел мимо него, работорговец залюбовался его кошачьей походкой и играющими мышцами. Черная кожа отливала на солнце синевой, будто шкура дорогого вороного коня.

Карлос догнал доминиканца и, схватив за руку, развернул лицом к себе. Ощупав удивленному Удо мышцы на бицепсах и плечах, он остался вполне доволен.

— Капитан! — крикнул Карлос в спину удаляющемуся Кюхельману. — Отдайте мне своего мавра! Я дам вам за него двух африканцев.

— Что такое? — удивленно спросил Гюнтер насупившегося Удо. — Что он говорит?

— Предлагает вам за меня двух рабов.

Дон Диего грозно глянул на сына:

— Уймись, Карлос!

— В чем дело, отец? Я предложил малую цену?

Губернатор двинулся к сыну, собираясь силой оттащить его от Герреро.

— Не понимаю, почему два кабальеро не могут совершить выгодную сделку? — удивился Карлос. — Почему вы смеетесь, капитан?

Удо начинал закипать. Растерянность на лице сменилась злобой. Широкие ноздри раздулись, как у раненого быка. Любое упоминание о рабстве вызывало в его душе бурю негодования. Как знать, может, сейчас на этом галеоне мучаются его соотечественники? Когда, увлекшись, сын губернатора оттянул пальцами его нижнюю губу, чтобы получше разглядеть зубы, Удо взорвался. Перехватив руку, он с хрустом ее вывернул, заставив Карлоса согнуться в унижительном поклоне.

— Что?! — отпрыгнув в сторону и собираясь обнажить шпагу, проревел Карлос.

Вовремя оказавшийся рядом дон Диего схватил сына за руку, заставляя упрятать блеснувшее лезвие в ножны.

— Капитан! Я дам вам трех африканцев, только отдайте мне этого наглеца! — Покрасневший Карлос задыхался от ярости. — Такие, как он, — причина бунтов. На его руках нет кровавых мозолей, а на спине — следов кнута. Вы плохо смотрите за своим рабом. Это непозволительно! Отдайте его мне!

— Что он хочет? — спросил Гюнтер, удивившись эмоциональной речи Карлоса.

— Предлагает трех рабов. У него их полный корабль.

— Ты пользуешься успехом, — попытался пошутить Гюнтер, но, взглянув на пылающее лицо Удо и догадавшись, чего стоит доминиканцу сдерживать себя, задумчиво произнес: — Похоже, визит не удался.

Затем, заметив выпученные глаза и красноречивый жест Карлоса, сжимавшего шпагу, добавил:

— Скажи губернатору, что, пожалуй, мы зайдем в другой раз. У нас появились дела на берегу.

И, не дав возможности ответить, Гюнтер направился к барaku, увлекая за собой свою свиту.

Дон Диего мрачно глядел в спины удаляющимся подводникам.

— Дался тебе этот мавр, — злобно прошипел он Карлосу.

— Отец! Почему ты не дал мне его зарубить!

— Эх, Карлос. Когда ты уже научишься отделять мелкое от главного?

Дон Диего задумался. Такого оборота он не ожидал. Сегодня за столом он надеялся узнать у чужаков ответ на важный вопрос: сколько времени они еще собираются оставаться на Бенито? Но все испортил Карлос. Надо его до поры куда-нибудь отослать, чтобы окончательно не спутал все карты.

— Карлос, ты, кажется, хотел заняться продажей своих рабов? Я предлагаю тебе вариант получше. Туземцы обнаглели. Они воруют наш скот уже даже днем. Возьми два десятка своих людей и проводника Пио. Пора с ними покончить. Найдите и не оставьте от них даже следа. Тех, кто покрепче, продашь на плантации. Восполнишь свои потери.

— Отец, но за туземца мне не заплатят и четверти стоимости африканца. — Карлос удивленно посмотрел на дону Диего. — Если они хотя бы что-то стоили, я бы не плавал к Африке, а прочесывал местные джунгли.

— Не спорь. Это лучше, чем ничего. Я ведь не зря сказал, что туземцы обнаглели. Пио говорит, что они нам угрожают. У них появилось какое-то божество, и с его помощью туземцы собрались изгнать нас с острова. Ерунда, конечно, но я не хочу, чтобы в самый важный момент, когда мы нападём на чужаков, они помешали нам. Ты сделаешь так, как я сказал, и завтра утром выступишь со своим отрядом. Так будет и тебе на руку, и мне спокойней.

Карлос понимающе кивнул:

— Но пообещай мне, отец, что когда мы разобьем чужаков, то их мавр будет мой. — Злоба вновь исказила лицо Карлоса. — Я с него живьем сниму кожу, а затем обсыплю солью!

— Хоть сахаром, мне все равно, — вздохнул дон Диего. — Только не забывай о главном и не разменивайся на мелочи.

Они уже подходили к особняку, когда Карлос неожиданно вспомнил:

— Отец! А что чужаки говорили о своем бессмертии?

— Пустое, они уже и сами об этом молчат.

— Не потому ли молчат, что не хотят, чтобы мы об этом знали?

— Карлос, ерунда это, сказки. Видел бы ты, как визжал их матрос с распоротым брюхом. Бессмертные так не трясутся за свою шкуру. Сейчас его жизнь висит на тонкой нити, крепость которой зависит лишь от их лекаря.

— Так сказал их капитан, но ведь ты сам не видел этого матроса?

Дон Диего остановился и устало посмотрел на Карлоса. На миг задумавшись, он наконец произнес:

— Хорошо. Идем. Есть у меня для тебя еще один сюрприз.

Он решительно толкнул дверь особняка.

Лишь немногие знали, что подвал под своим домом дон Диего использовал не только для сохранения в прохладной сырости бочонков с вином и джином.

В каменные стены подземелья были вделаны бронзовые кольца, на которых удобно было подвешивать неугодных губернатору пленников и недовольных его властью островитян.

Люди на острове иногда исчезали, но их пропажу списывали на прожорливость джунглей. И действительно, изуродованные тела через некоторое время находили недалеко от поселка. Но об истинной причине гибели людей можно было только догадываться.

Не пустовала губернаторская темница и на этот раз.

— Два дня тебе хватит, чтобы разделаться с туземцами, а я пока присмотрю за твоими рабами. — Дон Диего снял со стены факел и указал на узкую дверь под лестницей. — Заходи. — И, пропустив вперед Карлоса и Чуи, плотно задвинул за собой засов. — Затем три дня тебе, чтобы распродать туземцев с африканцами на Эспаньоле. Ну, а я за это время подготовлю все для нападения на чужаков.

Карлос вглядывался в темноту. Услышав скрип двери, кто-то внизу завопил и громко застонал. Затем подвал загудел от криков на незнакомом языке. Тусклый свет факела вырвал из темноты фигуру человека, висевшего на вытянутой правой руке. Кровоточащая кисть была стянута металлическим обручем и зацеплена за одно из колец в стене. Ступни пленника едва касались пола, и он, вытянувшись, стоял лишь на пальцах ног. По необычной одежде Карлос сразу узнал в нем чужака. Всхлипывая и выкрикивая осипшим голосом невнятные фразы, пленник пытался рассмотреть своих мучителей.

Узнав губернатора, он удивленно затих. Затем в его глазах загорелась надежда, возможно, он принял вошедших за своих спасителей.

— Вот один из тех, в чье бессмертие ты веришь. — Дон Диего поднес факел к лицу пленника. — Он вызывает у тебя страх и трепет? Нет? У меня он вызывает лишь отвращение. Посмотри на его штаны, он обмочился в них уже не один раз. Я притащил его сюда в надежде, что он хоть чем-то будет нам полезен. Но толку от него никакого. Нашу речь не понимает. Сколько Чуи ни пытался чего-нибудь от него добиться, все без толку. Ни жесты, ни слова до него не доходят. От пыток сразу впадает в истерику. Жаль, но он бесполезен. Пусть хотя бы послужит тем, что вселит в тебя, Карлос, уверенность в нашем деле.

Дон Диего повернулся к охраннику:

— Приступай.

Чуи достал из сапога нож с тонким длинным лезвием и гладкой костяной рукояткой. С

полным безразличием на лице он приблизился к чужаку и вогнал лезвие ему в ногу, выше колена. Из раны бурым ручьем кровь устремилась вниз по голени и, срываясь с пятки, расплзлась темной лужей.

Довольно ослабившись и растерев между пальцами кровь, Чуи обернулся к губернатору:

— Как? Подольше или сразу?

— Кончай его. — Дон Диего махнул рукой и направился к выходу. — Ночью вынеси в джунгли. Гиенам тоже жрать надо. А через пару дней случайно найдем что останется, покажем чужакам.

Карлос пристально всматривался в окровавленное лицо. Ему всегда был интересен этот момент — когда жизнь в человеке угасает. Он пытался увидеть, как душа покидает тело, об этом очень интересно рассказывал Соломон. Пленник уже не кричал, а лишь слабо хрипел, безвольно повиснув на руке. И когда лезвие скользнуло между ребер, он лишь тихо вздохнул и, дернувшись, затих.

«Опять не увидел», — с досадой подумал Карлос и пошел вслед за отцом на свет факела.

Такого страшного похмелья в жизни Клауса еще не было. Одеревеневшее тело уже ничего не чувствовало. Но мозг взрывался от боли в тщетной надежде, что все это пьяный и бредовый сон. И скоро он проснется где-нибудь в сточной канаве, но живой и здоровый. И побредет куда-нибудь, как обычно, в поисках, чем бы похмелиться. Но пробуждение не наступало. Затем он почувствовал, как что-то холодное и страшное тянется к его сердцу и, как безжалостная змея, вонзает в него зубы. И уже, будто со стороны, он увидел собственные конвульсии, а затем на него навалилось полное безразличие ко всему, что творилось в этом мире.

14

Жаркое тропическое утро мало чем отличалось от полдня. Разве что солнце жгло затылок, а не макушку. Облезлые уши Вилли, не способные укрыться в коротких волосах, горели. Спасительная тень от забора помогала мало. Воздух накалялся, превращаясь в тугую вату, противно забивающуюся в рукава и под застегнутый на все пуговицы китель.

Быстрым шагом Вилли прошел к соседней лачуге и замер в ее тени. Чувствовал себя он немного неловко. Впервые Вилли покинул барак, ни с кем не договорившись и не спросив разрешения. Но, посомневавшись совсем недолго, он в борьбе с собственной совестью остался бесспорным победителем, уложив ее на обе лопатки под тяжестью многочисленных аргументов.

«Ну, во-первых, — размышлял Вилли, — ни командира, ни старпома на берегу нет. За старшего до вечера остался главный механик. Обер-лейтенант Фишер доставил с лодки какой-то важный узел генератора и, собрав вокруг своих механиков, занят его ремонтом. Разобранными деталями и запасными частями завален весь задний двор. Отвлекать в такой момент главного механика было бы преступлением.

Во-вторых, он вышел совсем ненадолго. Исключительно в исследовательских целях. С полчаса назад он увидел на другом краю поселка толпу островитян в блестящих железных доспехах. Узнать, в чем там дело, он просто обязан. И, наконец, в-третьих, Кармен здесь совершенно ни при чем. Покинул казарму он по служебной необходимости, а не ради амурных встреч».

Тут Вилли грустно вздохнул. После вчерашнего разговора с Кармен половина ночи без сна показалась пыткой. Когда на острове появился Карлос, Вилли пытался проследить каждый его шаг. Глядя через щель в заборе, а затем наблюдая с крыши барака, он видел, что с Кармен они даже не встречались. Карлос все время провел вместе с отцом. Разве так ведут себя влюбленные мужчины, ожидая встречи со своей избранницей? Нет, не так. Вилли, к

примеру, поступил бы иначе: пять минут на встречу с отцом, а все остальное время посвятил бы Кармен. Вилли улыбнулся. Ход собственных мыслей ему понравился. Конечно, все не так мрачно. Но почему Кармен нигде не видно? Наверное, просто потому, что она хочет его подразнить. Ведь всем известно, что девчонки сами не могут объяснить, что творится в их головах.

Вилли поймал себя на мысли, что шарит взглядом между лачугами в поисках знакомого зеленого платья. Нет! Он должен быть твердым и хотя бы до вечера не показывать, что он раскусил Кармен. Ну конечно, она хочет, чтобы он ее поревновал. Да и как может быть иначе? Вилли вспомнил безмерное обаяние донна Диего. Разве может он так жестоко пошутить над ним? А Карлос? Да он же лет на десять старше Вилли, а о Кармен и говорить нечего. Не может быть, чтобы его могла заинтересовать такая юная девушка.

Довольно улыбаясь, Вилли перебежками передвигался от дома к дому. Нет, он не прятался, только вот, наверное, вовсе не обязательно, чтобы его видели из барака. Он вернется и потом сам все расскажет.

Теоретически допуская, что у него все же могут быть соперники, сегодня Вилли постарался выглядеть ярче и эффектнее. Перенюхав весь одеколон, которым подводники стирают с тела соль, он остановился на синем флаконе с мощным запахом укропа. Мятую пилотку сменил на пилотку боцмана, выпросив ее на время. Вшитая струна придавала ей щегольской вид, а новая блестящая кокарда сверкала орлом за десяток метров. Тщательно вычищенный китель и брюки, на которых двумя монетами он навел стрелки, должны были, по мнению Вилли, произвести на Кармен неизгладимое впечатление.

Неожиданно послышался отчетливый лязг металла по металлу. Звон доносился с той стороны, где он недавно видел испанцев, облаченных в доспехи. Спустившись с небес на землю, Вилли подумал, что ему придется чем-то обосновать свой уход из барака. А потому следует все-таки взглянуть, что там происходит, чтобы позднее гордо принести ценную информацию командиру.

Неохотно свернув с направления, на котором он рассчитывал «случайно» наткнуться на Кармен, Вилли побрел на звук железа, доносившегося из-за крайнего дома, стоявшего на границе с джунглями. Выглянув из-за угла, он удивленно замер. К обычной одежде островитян, порой граничащей с лохмотьями, Вилли уже успел привыкнуть. А вот такого обилия блестящих доспехов ему видеть еще не доводилось. Метрах в тридцати от него толпились испанцы в стальных шлемах, бряцающая висевшими у пояса тонкими длинными мечами. Дон Диего в неизменной малиновой шляпе беседовал с испанцем в сверкающем на солнце шлеме. Вилли узнал Карлоса. Тонкая кольчужная сетка плотно обтягивала руки и грудь, закрытую еще и панцирной кирасой. Широкие, в желтую полосу штаны, рыжие сапоги выше колен. На поясе сверкала драгоценными камнями шпага с витиевато закрученной гардой. Рядом с Карлосом стоял Алонсо. Красная Борода держал в каждой руке по огромному, в рост человека, мушкету. На этом фоне туземец Пио выглядел тощим и запущенным ребенком. Из прорех в разодранном камзоле выглядывали ребра.

Внезапно кто-то дернул Вилли за руку. Вилли обернулся — не сводя глаз с орла на кокарде, на него глядел мальчишка... Вилли напряг память — как же его зовут? По-испански его имя означало то ли теленок, то ли ягненок. Правильно — козленок!

— Здравствуй, Джил, — улыбнулся Вилли.

Мальчишка с нескрываемым восхищением посмотрел на горящие пуговицы кителя, затем схватил Вилли за рукав и потянул за собой.

— Что случилось, Джил? Куда ты меня тащишь?

Джил молча продолжал растягивать ему рукав.

Вилли уж подумал, что, возможно, мальчишка немой. Но тот вдруг, прижав рот ладонью, тихо прошептал:

— Иди за мной, — показал расшитый бисером платок Кармен и юркнул в кусты.

Вилли с тоской взглянул на начищенные ботинки, на стрелки на брюках, но, согнувшись, все же раздвинул колючие ветки. Вскоре они оказались на песчаной линии

прибоя. Волны набегали, оставляя на камнях белую пену. Держа в руках туфли и оставляя на мокром песке следы босых ног, по берегу прогуливалась Кармен.

Вилли удивленно замер.

— Я пришел. Кармен, ты меня звала?

Оторвавшись от созерцания пенных волн, испанка бросилась к нему, возмущенно восклицая:

— Вилли, я ведь тебя просила не ходить одному! И не подходить к дону Диего! Почему ты глух к моим просьбам?

— Я всего лишь на минуту, — растерянно оправдывался Вилли.

Страх на лице Кармен показался очень натуральным. Так играть ради того, чтобы подразнить, было невозможно. Потупившись, Вилли невнятно пробормотал:

— Меня никто не видел. Я прятался.

— Если увидела я, то видели и другие, — вздохнув, сказала Кармен. — Прошу тебя, делай так, как я скажу. Прислушайся к моим словам. Позже я все расскажу и ты поймешь, почему я так боюсь за тебя.

Голос Кармен вновь задрожал, и Вилли, почувствовав вину, поспешил перевести разговор на другую тему:

— Там я видел людей в доспехах, зачем они так оделись?

— Это Карлос уходит охотиться на туземцев.

— На туземцев? — удивился Вилли. — А зачем?

— Чтобы накормить и напоить их! — с иронией ответила Кармен. Детская непосредственность симпатичного чужака вызывала у нее улыбку. А порой удивление: как он умудряется выживать в таком суровом и жестоком мире? — Дон Диего приказал Карлосу перебить всех дикарей. Всех! От детей до стариков!

— Зачем? — не понимал Вилли. — И откуда ты это знаешь?

— Об этом все знают.

Вилли задумчиво брел рядом с Кармен. Неужели он так безнадежно глуп и слеп? Неужели он совсем не разбирается в людях? Юная Кармен гораздо мудрее и умнее, чем опередивший ее на века в своем развитии Вилли! И все же ему не верилось, что дружелюбный, всегда с улыбкой на лице губернатор на самом деле — кровожадное чудовище. Какую опасность может он представлять для Вилли? Нет, все не так. Не вяжется! Но зачем Кармен его обманывать? Ей он верит без оглядки.

Он заметил в кустах лохматую голову мальчишки.

— Он опять следит за нами. — Вилли указал на спрятавшегося мальчишку.

— Джил! Прекрати, — беззлобно крикнула Кармен. — Идем отсюда. Здесь мы видны с галеона. Не хочу, чтобы нас видели вместе.

Вилли всегда удивлялся, как удается Кармен находить тропинки в непролазных джунглях. Вот и сейчас, сунув босые ноги в туфли, она исчезла в зарослях, будто призрак, прошелестев тяжелым платьем.

Вилли бросился вслед за ней, лишний раз убедившись, что в джунглях Кармен ориентируется не хуже, чем в многочисленных оборках своего платья.

Они вышли на окруженную широкими листьями поляну, и Кармен села на поваленный ствол пальмы. Сквозь яркую зелень проглядывала стоящая неподалеку хижина. Слышались невнятные голоса проходивших где-то рядом испанцев. Действительно, его спутница очень хорошо знала окружающие поселок джунгли. Они могли тихо разговаривать и наблюдать за всем, что происходит в этой части селения, их же не видел никто.

— Присядь, Вилли, — сказала Кармен. — Здесь нас не заметят.

— Кого ты боишься?

— После каждой нашей с тобой встречи дон Диего устраивает мне допрос. Не хочу, чтобы он видел нас вместе.

— Он тебя допрашивает? — Вилли удивленно уставился на Кармен.

— Он требует, чтобы я пересказывала ему все, о чем мы с тобой говорили.

— А зачем ему это знать?

Кармен тяжело вздохнула, удивляясь непонятливости Вилли.

— По его вопросам я вижу, что дон Диего замышляет что-то недоброе. Его интересует все. Что ты говорил, что рассказывал о себе. Кто вы и откуда. Зачем вы здесь появились. Потому я и волнуюсь за тебя, Вилли. Я хорошо знаю нашего губернатора. Если он что-то задумал, то наверняка это что-то ужасное. Только поэтому и не устаю тебе повторять: держись от него подальше.

Вилли недоверчиво взглянул на Кармен, но промолчал. Вступать с ней в спор не было никакого желания.

Неожиданно за спиной зашелестели ветви. Не успел он оглянуться на шум, как почувствовал, что с головы исчезла пилотка. Перепрыгнув через ствол лежавшей пальмы, по поляне пробежал Джил, радостно зажав в руке свой трофей. Юркнув в кусты, он исчез, появившись вновь возле видневшейся рядом кухни.

— А-а-а! — Вилли едва не задохнулся от такой наглости. — Стой, воришка!

— Не надо, — дернула его за рукав Кармен, усаживая на место. — Джил вернет твою вещь.

«Если бы мою», — подумал Вилли, не представляя, как он будет оправдываться перед боцманом.

— Он еще совсем ребенок. Я ему скажу, и он обязательно вернет, — успокаивала Кармен, заметив, как он расстроился.

Но Вилли уже взял себя в руки. Натянуто улыбнувшись, он произнес:

— Пустяки. У меня еще есть. Пусть поиграет и вернет.

Окончательно успокоившись, он спросил Кармен, возвращая ее к прежней теме разговора:

— Чем мне может угрожать дон Диего? Он против нас бессилен.

— Он бессилен против вас всех вместе. Бессилен против вашего корабля. Но ты, Вилли, против него и его охраны беспомощен. Боюсь, что ему надоест расспрашивать меня и он захочет поговорить с тобой сам.

— Да уж говорили мы с ним. И, как видишь, я жив и здоров.

— Он может разговаривать совсем по-другому... — Кармен осеклась на полуслове.

Рядом в листьях мелькнула малиновая шляпа. Испугавшись, она удивилась правильности пословицы: «Вспомни дьявола, и он тут как тут».

Вилли услышал треск в кустах и подумал, что это, наверное, Джил возвращается с пилоткой, но шум, который создавало то, что ломилось через чащу, скорее ассоциировался с продирающимся сквозь джунгли носорогом.

Он удивленно вскочил. Листья папоротника разошлись в стороны, и на поляне появился губернатор со свитой.

— Так вот где прячется молодежь! — захохотал дон Диего. — А я думаю, куда подевалась Кармен? По умению спрятаться ей всегда не было равных! А потом гляжу, от кого это так удирает пройдоха Джил? Он даже от меня так не бегал.

Довольный собой, губернатор подошел к Вилли и, не обращая внимания на испуганную Кармен, хлопнул его по плечу.

— Вы с самого начала были мне симпатичны, молодой человек!

«Вы мне тоже», — едва не вскрикнул Вилли, но вовремя прикусил язык, перехватив мрачный взгляд Кармен.

— Взгляните на этого юношу, — обернулся дон Диего к Томасу и Чуи. — Он не пьет даже вина! Вы еще такого найдете на нашем острове? Даже паршивец Джил и тот наверняка попробовал стаканчик-другой.

Томас с интересом посмотрел на Вилли. Чуи презрительно скривился.

— Когда я об этом узнал, то сразу понял, что он мне понравится, — продолжал дон Диего. — Запомните, парни: выпивка — проклятие человека. Она заставляет нас драться с соседом. Она заставляет нас хвататься за мушкет, чтобы застрелить его, но она же не дает

нам в него попасть!

Губернатор снова захохотал. Вилли смущенно улыбался. Он не мог понять, то ли дон Диего шутит, то ли действительно его хвалит, ставя в пример своей охране. А еще он чувствовал себя неловко оттого, что они с Кармен скрывались от всех за стеной кустов и теперь их разоблачили, будто нашкодивших котят.

Вилли взглянул на притихшую Кармен, пытаясь всем своим видом сказать, что ее страхи напрасны, с губернатором он в прекрасных отношениях.

— Дон Диего! Мне очень приятно, что вы такого высокого мнения обо мне! — Вилли решился ответить на похвалу. В конце концов, подумал он, молчать просто невежливо. — Мне так нравится у вас на острове. Поверьте, я очень рад, что познакомился с вами и здешними жителями! Вы все необыкновенные и прекрасные люди!

Дон Диего удивленно поднял брови. Кармен скривилась, как от надкушенного лимона.

«Ты еще целоваться к нему полезь, — угрюмо подумала она. Все ее слова, все уговоры и просьбы оказались напрасны. — До чего же Вилли непроходимо глуп!» Девушка попыталась встретиться с ним взглядом, чтобы показать, что нужно молчать, но Вилли уже не замечал ничего вокруг.

— Ваш остров — это рай на земле!

— Мой юный друг, так оставайтесь с нами! — Дон Диего постарался изобразить на лице безмерное радушие. — У меня найдется для вас работенка. И в долгу не останусь. Для преданных и нужных людей мне золота не жалко!

— Ха! — Вилли радостно хлопнул себя по ноге. — Ведь именно это я и говорил.

Он с триумфом посмотрел на Кармен.

— Я бы с радостью! Но поймите меня, дон Диего, это не так просто. Я военный человек, унтер-офицер! Присягу давал. Но я обязательно поговорю с нашим командиром. Он очень умный и добрый. Уверен, что смогу его уговорить разрешить мне остаться с вами.

— Да, да... Ваш капитан... — задумался дон Диего. По его лицу пробежала тень. — Как его здоровье? Да... и как себя чувствует ваш раненый матрос?

— Спасибо, что беспокоитесь, но я давно уже не был на лодке. Знаете, на берегу дел хватает. Но я слышал: доктор жаловался, что нужен госпиталь. У него нет нужного оборудования. Но Пауль жив, и я верю, что наш док справится.

— Пастор Соломон молится за его здоровье. Я ему приказал.

— Спасибо, дон Диего. Я всегда знал, что у вас доброе сердце.

— Пустое... — Губернатор вновь задумался.

Обнаружив в кустах чужака, да еще и штурмана, на которого он давно положил глаз, он подумал, что на ловца и сам зверь прибежал. Из этого молокососа он вытянет все, что ему нужно.

Понятливый Чуи уже зашел за спину Вилли, ожидая команды хозяина.

Смущало лишь то, что во второе случайное исчезновение своего моряка чужаки так просто не поверят. Дон Диего колебался. Был риск все испортить.

К тому же щенячий восторг Вилли окончательно сбил его с толку. Решив еще повременить, чтобы подумать и прийти к правильному решению, губернатор спросил:

— Чем вы так напугали Джила? Он едва не сбил с ног донну Дебору.

Вилли принялся рассказывать, что, когда сзади затрещали кусты, он сам испугался, потому что решил, что это какое-то дикое животное.

Дон Диего, кивая, улыбался.

— Притащи сюда мальчишку, — приказал он Чуи.

— Не надо, дон Диего! Уверен, что Джил сам вернет пилотку. Мне и Кармен об этом говорила.

— Этот негодник должен быть наказан!

— Наказан? Но помилуйте, за что?

— Не спорьте, мой юный друг. Хорошая взбучка пойдет ему только на пользу.

— Дон Диего, прошу вас, не нужно никаких взбучек. Я рассказал вам это лишь для

того, чтобы мы вместе посмеялись над маленьким проказником.

Губернатор нервно поиграл желваками. Он очень не любил, когда кто-то пытался ему перечить.

«Надо все-таки запихнуть его в подвал», — подумал он, прикидывая, как это сделать лучше, чтобы никто не заметил.

Неожиданно он заметил торчавшую из-под куртки Вилли кобуру. Точно из такой сумки капитан чужаков выхватил свое оружие, когда стрелял в ягуара!

Дон Диего расплылся в широкой улыбке:

— Да к дьяволу этого Джила! Хороший подзатыльник еще никому не пошел во вред. А скажи мне, мой друг Вилли, тебе нравится вот эта превосходная шпага?

С этими словами губернатор вытащил из ножен прямой и сверкающий полированной сталью клинок.

— Ее ковали не какие-нибудь горе-кузнецы с Эспаньолы, а знаменитые мастера из Толедо!

Вилли зачарованно следил за игрой солнца в драгоценных камнях на выпуклой гарде. Длинная, в полтора метра, с тонким лезвием, шпага притягивала взгляд. Рукоять длиной в двадцать сантиметров, обтянутая шершавой, как наждак, кожей, заканчивалась округлой каплей противовеса.

Конечно же, Вилли нравилась шпага дона Диего. Ведь это был не какой-то музейный экспонат, неизвестно откуда добытый, а самая что ни на есть настоящая шпага шестнадцатого века.

— О-о! Я вижу блеск в твоих глазах! Меру мужественности юноши определяет его любовь к оружию!

Дон Диего рассек воздух, взмахнув перед застывшим Вилли стальным клинком.

— Если хочешь узнать, в кого вырастет маленький мальчик, — понаблюдай, как он смотрит на оружие. Этот взгляд сразу скажет — быть ему купцом, священником или воином! В твоих глазах, Вилли, я вижу огонь воина!

— Я в восхищении от вашей шпаги, дон Диего! — не кривя душой, ответил Вилли.

— Мой мальчик, другого ответа я от тебя и не ожидал! — Дон Диего вновь хлопнул его по плечу. — Шпага — это не грубый меч, способный лишь раскалывать шлемы да дрова. Шпага наделяет руку той волшебной виртуозностью, на которую способно только оружие, отрицающее грубую силу. Да, она не способна разрубить тяжелые доспехи, зато дьявольски хитра и всегда найдет щель в этих доспехах!

Губернатору и самому понравилась произнесенная им тирада, в которой он невольно сформулировал собственные жизненные принципы. Никогда он не рубил доспехи, идя на пролом. Разить в щели и только в щели — был его девиз по жизни.

— Вилли! Ты хотел бы, чтобы эта шпага стала твоей?

— Я... — Вилли растерялся. — Да за такой подарок я хоть к черту на рога!

— Хорошо сказал. Знаешь, я бы с радостью подарил ее тебе. Но оружие нельзя дарить! Его можно завоевать, купить или обменять на другое оружие. Завоевать ты у меня его не сможешь, даже если бы захотел. — Почему-то после этих слов у губернатора по спине вдруг пробежал мерзкий холодок. Проснувшаяся интуиция вскрикнула так громко, что дон Диего даже испугался. С трудом справившись с неведомой откуда взявшимся страхом, он продолжил: — А продать ее мне и в голову не придет. Но мы могли бы произвести честный обмен.

— Но у меня нет ничего достойного, что я мог бы вам предложить.

Вилли вспомнил о складном ноже в кармане, но предлагать такую мелочь за роскошную шпагу ему показалось стыдно. Да и оружием такой нож можно было назвать с большой натяжкой.

— Не скромничай, юноша. Отдай мне то, что ты носишь на своем поясе, а я отдам то, что висит на моем ремне.

Вилли удивленно осмотрел себя, не понимая, что могло так заинтересовать губернатора. Продолжая растерянно улыбаться, он покачал головой.

Тогда дон Диего ткнул пальцем в торчавшую кобуру.

— Ах, вот вы о чем! — засмеялся Вилли. — Но там у меня ничего нет. Наш командир требует, чтобы офицеры и унтер-офицеры носили оружие, но я хожу с пустой кобурой. Признаюсь вам честно: пистолет оттягивает мне брюки, да и не люблю я его — вдруг выстрелит!

В ответ на недоверчивый взгляд дона Диего Вилли задрал куртку и, раскрыв, продемонстрировал пустую кобуру.

— Это вы напрасно, молодой человек. — Губернатор разочарованно убрал шпагу в ножны. — Оружия нельзя бояться, иначе не оно будет твоим слугой, а ты превратишься в его раба.

Вилли задумался. Ему нравились поучительные речи дона Диего. Они казались такими мудрыми. Но чем он огорчил губернатора, Вилли так и не понял.

Его размышления прервал пронзительный крик. Сквозь кусты продирался Чуи, волоча за шиворот упиравшегося Джила. Вытащив мальчишку в центр поляны, охранник бросил его к ногам губернатора.

Джил попытался вскочить и броситься бежать, но тяжелый губернаторский сапог наступил ему на спину, придавил к земле, не давая даже шевельнуться.

— Вшивый щенок! Как ты посмел так опозорить меня перед гостями?!

— Что вы делаете?! — встрепнулся Вилли.

От волнения он начал путать немецкие и испанские слова. Но губернатор теперь не обращал на него никакого внимания. Распалаясь, он избивал мальчишку ногами, приговаривая:

— Паршивец! Будешь знать! Будешь знать, как воровать!

Джил с плача перешел на вой.

— Дон Диего, прекратите немедленно! — закричал Вилли.

Он рванулся к губернатору, но в ту же секунду на его плечо упала железная рука Чуи, сдавив так, что Вилли скривился от боли.

— Что здесь творится? Скажи ему! — Вилли обернулся к Кармен, ища у нее поддержку.

Кармен стояла, закрыв лицо руками. По бледным щекам текли слезы. С момента появления губернатора она не произнесла ни слова. Она уже знала, чем закончится наказание Джила.

Вилли же, напротив, казалось, что все это какая-то грубая и злая шутка. Не может быть, чтобы такое происходило на самом деле! Вот сейчас Джил встанет, и они вместе с доном Диего расхохочутся над перепуганным Вилли, как ловко они его разыграли.

После его выкрика внимание на Кармен обратил и губернатор.

— Пошла вон отсюда! — вращая налитыми кровью глазами, прорывал дон Диего. И, увидев, что Кармен не шелохнулась, рявкнул: — Томас, уведи ее!

Голландец с удивительной для его габаритов нежностью взял Кармен под локоть и почти умоляюще прошептал ей на ухо:

— Сеньора, идемте. Вам лучше не видеть всего этого. Помочь вы ему уже не сможете.

Кармен разрыдалась.

— Да уведи ты ее, наконец! — закричал дон Диего.

Его лицо побагровело от злости, глаза горели сумасшедшим огнем.

В очередной раз, с остервенением ударив Джила ногой под ребра, он прохрипел:

— Раньше надо было рыдать, когда воровал. Где головной убор, который ты украл?

— Отпустите его! Не воровал он ничего! — закричал, дернувшись, Вилли, но рука Чуи еще сильнее сдавила его плечо. — Я ему подарил эту проклятую пилотку!

Дон Диего, поймав правую руку Джила, вывернул ее так, что захрустели суставы.

— Говори, какая рука воровала?! Эта?!

Джил, уже ничего не соображая от боли, задыхался.

— Н-е-е-т! — срывающимся голосом закричал Вилли.

Будто в замедленном сне он увидел, как правая рука губернатора тянет из ножен шпагу. Жуткая догадка, что сейчас он станет свидетелем того, что будет преследовать его всю оставшуюся жизнь, парализовала мозг.

— Нет, — прошептал он, пытаясь вырваться и схватить дон Диего за руку, уже обнажившую шпагу, которой еще несколько минут назад он восхищался, которая была для него символом рыцарства и благородства, за которую он был готов броситься сломя голову в темень шестнадцатого века, стоило ему лишь представить себя на капитанском мостике бригадины, с широким поясом и ножнами на боку.

С шелестом, рассекая воздух по дуге, клинок понесся к своей цели. Легко, будто и не почувствовав препятствия, он отсек тощую детскую руку. Дон Диего брезгливо поднял вверх отрубленную кисть.

— Так будет с каждым, — сказал он, мрачно взглянув на Вилли.

Брызги крови из жуткого обрубка залили сапоги губернатора и обрызгали траву вокруг. Джил закричал так громко, что дон Диего поморщился, а сердце Вилли оборвалось, ухнув в черную бездну. Джил крутился волчком, безумными глазами глядя на то, что осталось от его руки.

С досадой посмотрев на запачканные сапоги, дон Диего отошел и швырнул кисть в кусты.

Неимоверным усилием Вилли вывернулся из рук телохранителя и упал на колени рядом с Джилом.

— Дайте что-нибудь! — закричал он сорвавшимся голосом. — Дайте ремень, нужно затянуть рану! Его еще можно спасти!

— Ты так думаешь? — спросил дон Диего, склонившись над хрипящим Джилом. — Ты прав, чужак. У этого щенка хорошо сворачивается кровь. Как говорил мой лучший друг Фернандо: никогда не оставляй мстителей!

Вилли вновь услышал знакомый шелест рассекаемого воздуха и замер. Продолжая стоять на коленях, он, окаменев, глядел на лежавшую перед ним отрубленную голову с залитой черной кровью серьгой в ухе.

В голове стоял нестерпимый гул. Вилли чувствовал, что сейчас его вывернет наизнанку. Встав на ноги, он поискал невидящим взглядом дон Диего.

— Чудовище, — еле слышно прошептал Вилли.

По его лицу текли слезы.

— Чудовище! — закричал он, встретившись наконец взглядом с губернатором. Закричал так, что тот в изумлении отступил на шаг. — Вы все — нелюди! Вы даже не звери, вы — нелюди!

Дон Диего не понял слов чужака, говорившего на своем языке. Но ярость, исказившая лицо, была понятна без слов. Он кивнул головой Чуи.

— Он же был ребенок! Ты убийца! — Вилли направил на губернатора указательный палец. — Вы все убийцы! Я все расскажу нашему командиру! Мы вас в порошок сотрем!

Взглянув под ноги, Вилли забился в приступе истерики. Рядом с мертвым мальчиком валялась окровавленная пилотка. От слез Вилли почти ничего не видел, и зубы так стучали, что не давали произнести что-нибудь внятное.

Ухмыльнувшись, Чуи взял его за рукав, разворачивая к себе лицом. Дальше должно произойти обычно: удар в подбородок или в грудь, затем он свяжет бесчувственное тело и с наступлением темноты перенесет в подвал губернаторского особняка. Даже скучны. Но, взглянув на перекошенное лицо Вилли, Чуи слегка опешил. Столько злобы он не видел даже в глазах попавшегося в яму ягуара.

Впервые в жизни Вилли сжал кулак для драки. Неумело размахнувшись, он ударил телохранителя в глаз. От удивления у Чуи отвисла челюсть. На какое-то мгновение он замешкался.

— Вы все ответите за это! — крикнул Вилли, и не успели Чуи и дон Диего опомниться, как он исчез, нырнув в заросли.

Петляя между хижинами, не замечая, куда он идет, Вилли кричал шарахающимся от него испанцам:

— Все ответите! Все!

Он натыкался на стены, спотыкался, падал под ноги островитян и, вскакивая, истошно голосил:

— Он ведь был совсем ребенок!

Перед глазами упорно стояло жуткое зрелище отрубленной головы Джила. Звон в ушах перерастал в набат и разрывал голову. Опомнился Вилли, лишь когда вновь уперся в зеленую стену джунглей. Оглянувшись вокруг, он понял, что даже не представляет, в какой части поселка находится. Рядом стояла покосившаяся хибара с огромными щелями в стене и опутавшими крышу лианами. Утес с пушкой на вершине торчал с другой стороны поселка. Где-то здесь должен быть их барак. Тяжело дыша, Вилли побрел вдоль границы джунглей. Впервые он пожалел, что у него нет привычки носить с собой пистолет. Он был уверен, что не задумываясь разрядил бы в губернатора всю обойму. Постепенно Вилли начал различать под ногами упавшие ветки и ползущие по поверхности корни деревьев. Переступая их, он тряс головой, пытаясь унять, стряхнуть навязчивый звон в ушах, и потому не сразу услышал, что кто-то упорно его зовет.

— Сеньор! Сеньор! — надрывным шепотом пытался обратить на себя внимание Вилли выглядывающий из-за угла испанец. — Сеньор, подойдите ближе, здесь нас никто не увидит.

— Зачем? — Вилли с подозрением посмотрел на незнакомца.

— Сеньор, я давно иду за вами. Мне нужно с вами поговорить.

— Мне не о чем с вами разговаривать. Беседуйте с вашим губернатором-людоедом!

Вилли шагнул в сторону, намереваясь обойти незнакомца по большой дуге.

— Прошу вас, тише, сеньор. — Испанец вышел из-за угла, и Вилли увидел его босые ноги. — Нас могут услышать. — Он с опаской оглянулся по сторонам и прошептал: — Я знаю, что случилось с вашим матросом.

— Что? — смысл сказанного не сразу дошел до воспаленного мозга Вилли.

— Да, я был в тот вечер в таверне и все видел.

— И что ты видел?

— Сеньор, это я расскажу вашему капитану.

Вилли удивленно осмотрел босоногого испанца. Он не был похож на подручных губернатора. Мысль, что это ловушка дон-а-Диего, отпала сама собой. Какого-нибудь оружия у незнакомца не было. В заискивающих глазах читались страх и надежда.

— Ты все можешь рассказать мне, а я обязательно передам командиру, — сказал Вилли.

— Нет, сеньор. Я расскажу вашему капитану все, что знаю, а он пусть пообещает, что заберет меня с этого проклятого острова. Меня устроит любая земля, где есть люди и правит закон, а не пиратский кодекс нашего губернатора.

— Так ты хочешь, чтобы я отвел тебя к командиру?

— Не сейчас. Вечером, когда стемнеет, я подойду к вашим воротам и назову свое имя. Запомните, сеньор, меня зовут Элой. Вы впустите меня, и тогда я все расскажу. Поверьте, мне есть что рассказать об этом острове и его губернаторе. — С этими словами Элой исчез, мелькнув тенью вдоль стены хижины.

Вилли немного постоял, обдумывая предложение незнакомца, а затем побрел в сторону барака, благо вдалеке уже виднелась его крыша.

Дон Диего полулежал в кресле, вытянув ноги и шурясь от яркого солнца. В последнее время терраса особняка превратилась в его любимое место. Отсюда открывался отличный вид на корабль чужаков и на стоявшую на якоре «Беатриз». Также был виден барак с загадочным флагом над крышей — стоило лишь слегка повернуть голову, и он мог наблюдать за всеми перемещениями чужаков. И что самое главное — здесь хорошо и спокойно думалось. А подумать губернатору было над чем.

Штурман улизнул. И что самое обидное, дон Диего впервые за последние лет двадцать растерялся. Растерялся от неожиданной и странной реакции Вилли на, казалось бы, пустяковый эпизод. Нет, он не ругал себя за вспышку неконтролируемой ярости. Такое с ним бывало часто. Особенно в драке или в бою. Он даже гордился собой, что может так взрываться. Ярость в бою ничем не хуже отваги. Сначала у него было желание просто выпороть Джила, но затем кровь хлынула в глаза и все вокруг окрасилось в красный цвет.

Штурман улизнул, и, как он поведет себя дальше, оставалось только догадываться. Досадно, поскольку дон Диего возлагал на знакомство с Вилли большие надежды. Достаточно было притащить его в подвал, и за ночь можно было узнать о чужаках все. А пока те искали бы очередного своего пропавшего товарища, вернулся бы Карлос, и тогда мечты губернатора обрели бы реальность.

Впрочем, не так все безнадежно, продолжал размышлять дон Диего. Штурман по-прежнему у него на крючке, наживкой на котором Кармен. Придет в себя, утрет сопли и опять будет топтаться под стенами его дома.

Напротив губернатора сидел Чуи. Боясь шелохнуться, чтобы не помешать хозяину думать, он рассматривал собственные сапоги. Внезапно его чуткий слух уловил частый топот бегущих ног. По тропе к дому губернатора бежал старый Гомес.

— Хозяин, — тихо окликнул дон Диего Чуи, кивнув в сторону приближающегося испанца.

Гомес, подбежав к дому, махнул рукой, привлекая к себе внимание.

Губернатор поднялся и, оперевшись руками в перила, недовольно спросил:

— Чего ты там сипишь, старая развалина?

— Сеньор! Измена! Вас хотят убить!

— Тише! Не ори. Поднимись вверх.

— Да-да. Я сейчас, я мигом.

Гомес с трудом поднялся по крутым ступенькам и, задыхаясь, выдавил:

— Я все слышал. Это измена!

Дон Диего, скривившись, плеснул в кружку вина из кувшина и поставил на стол.

— На... хлебни и успокойся, а то ничего не пойму, что ты несешь.

Гомес глотал, судорожно дергая кадыком.

— Благодарствуйте, сеньор. Вы не пожалеете, что угостили старого бродягу. Я самый преданный ваш слуга.

— Да говори уже, наконец, что ты услышал! — Дон Диего начинал злиться. — Если ты вздумал дурачить меня, чтобы опохмелиться, я вышвырну тебя через перила.

— Нет-нет, сеньор! Сейчас. Никак не отдышусь. — Гомес схватился за грудь, не сводя жадных глаз с кувшина. — Моя хижина стоит на самом краю поселка, да вы наверняка знаете. Она уже совсем стала ветхая, и по ночам я слышу, как под стенами рычат эти проклятые кошки.

— Ах ты, облезлая обезьяна! Да ты вздумал испытывать мое терпение?

— Не бейте меня, сеньор! — взмолился Гомес. — Я сейчас вам все расскажу. Так вот, сегодня через стену я услышал, как один из наших плел заговор против вас с чужаком. Вот Иуда! В мое время ему бы отрезали язык и заставили проглотить.

— Кто это был?

— Я знаю, как его зовут! Он сам назвал свое имя. Сеньор, позвольте еще глоточек вашего прекрасного вина. Последний раз я пил такое вкусное вино, когда мы с капитаном Гонзало напали...

— Говори, кто это был! — взревел дон Диего.

— Это был Элой!

— Элой? Это который? — наморщил лоб губернатор.

— У нас на острове один Элой, сеньор. Он так и сказал чужаку: запомни, меня зовут Элой! Это тот, который, когда вы его спасли, вытащив из воды, не мог понять, почему должен давать клятву верности вам, если он уже присягал испанскому королю.

— Да, припоминаю.
— А я сразу поклялся отдать за вас жизнь.
— Ты ее сейчас отдашь, если не прекратишь нести всякую чушь. Так о чем они говорили?

— Надо было вам его еще тогда заколоть, сеньор. Он так и сказал чужаку: все знаю про нашего губернатора и все расскажу капитану.

— А что он знает? Не говорил?

— Говорил, сеньор, говорил. — Гомес согнулся в раболепном поклоне. — Я как раз только начал обедать. Добрейшая донна Дебора позволила мне забрать кости с кухни, и я хотел...

— Да говори ты уже по существу!

— Да-да. Значит, я обедаю, а они шепчутся за стеной. А я ведь все слышу! Старый Гомес хоть и стар, но ухо у него по-прежнему остро! Слышу, Элой говорит: видел, что тогда случилось в таверне, и знаю, куда подевался ваш матрос. Заберите меня с собой, а я вам все расскажу.

— Собака, — прошипел, покраснев от злости, дон Диего.

— Сеньор! Позвольте глоток вина. Я так торопился к вам, что не успел запить свой обед. И теперь у меня дерет от костей все горло.

Дон Диего, презрительно скривившись, посмотрел на сморщенное, заросшее лицо и плеснул в дрожавшую кружку из кувшина. Подождав, когда Гомес, едва не подавившись, проглотит вино, спросил:

— Что он еще рассказал?

— Ничего! Сеньор, сегодня ночью он собрался идти к чужакам.

— Где его хибара, ты знаешь?

— Конечно знаю, сеньор! Вон та крыша возле свинарника.

— Хорошо. Иди и следи за ним, чтобы он никуда не удрал. А мы сейчас подойдем.

— Все сделаю в точности, как вы приказали, сеньор.

«Что за напасть? День не задался с самого утра», — мрачно подумал дон Диего.

— Идем, Чуи, посмотрим на нашего ренегата. Сегодня у нас хлопотный день.

Губернатор поправил съехавший ремень со шпагой, встряхнул шляпу и разгладил бороду. «Надо вжиться в роль судьи, — подумал он. — Сурового, но справедливого судьи».

Хотя приговор был ему известен наперед.

«Надо собрать толпу бездельников, — продолжал размышлять дон Диего. — Пусть посмотрят, как расправляются с предателями. Чтобы впредь другим неповадно было».

— Где Томас?

— Внизу, хозяин.

— Пусть соберет зевак, им это будет интересно.

Расставшись с чужаком, Элой заперся и лег на топчан, набитый соломой. Дело сделано, оставалось лишь дожидаться, когда солнце заглянет в щель в двери, и можно считать, что день закончен. Элой в полудреме закрыл глаза и довольно улыбнулся. Скоро этому осиному гнезду придет конец. Ему бы только добраться до Гаваны. Там правит наместник испанского короля, которого дон Диего боится как огня. Стоит ему узнать о Бенито, и губернатора повезут отсюда в кандалах и с петлей на шее. Если прежде не вздернут на подходящей пальме.

Элой довольно потер руки. Грядет возмездие, грядет!

К хрюканью и визгу поросят в соседнем свинарнике прибавился многоголосый гул. Свиньи вдруг заговорили невнятным человеческим голосом. Элой удивленно открыл глаза, прислушался. В глухом ропоте он ясно услышал, как ругается дон Диего. Вскочив, Элой припал к щели в двери. Рядом с хибарой толпились человек двадцать. Впереди, ухмыляясь, стоял губернатор.

Элой бросился к окну. Его заметили. Из кустарника, протянувшегося вдоль стены, не

особо скрываясь, выглядывали три головы.

— Выходи, предатель! — загудел за дверью голос дона Диего. — Что ты там делаешь? Прячешь свою блохастую шкуру?

Губернатор засмеялся, довольный своей шуткой.

Элой на секунду замер, затем бросился переворачивать топчан.

— Выходи, или мы сейчас зажарим тебя, как поросе... — Дон Диего осекся на полуслове.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Элой. Он был бледен, но в глазах не было страха. Дон Диего отступил на шаг, завороченно глядя в дюймовое отверстие ствола направленного на него мушкета. Сглотнув подкативший к горлу ком, он изобразил на лице улыбку и севшим голосом пророкотал:

— Опустим мушкет, Элой. У тебя всего лишь один выстрел, а нас посмотри сколько.

— Мне достаточно одного! Прежде чем твои шакалы набросятся на меня, я успею прострелить твоё мерзкое брюхо. Меня такая цена вполне устроит, а вот готов ли к этому ты?

— Не дури, Элой! — Дон Диего сделал ещё один шаг назад, инстинктивно пытаясь затеряться в притихшей толпе. — Мы пришли всего лишь поговорить с тобой, а ты сразу за мушкет. Так гостей не встречают. И, кстати, не тот ли это мушкет, который мы искали прошлым летом? Мушкет, который пропал у моего сына Карлоса?

— Он самый. — Элой покрепче прижал к плечу приклад. На нем не было наплечника для уменьшения силы отдачи. «Да это и ни к чему, — подумал он, — после выстрела останется жить недолго».

— Я знаю этот мушкет, — задумчиво произнес дон Диего, не в силах оторвать взгляд от шестигранного ствола. — Он не даёт осечек. Хороший мушкет.

— Хороший, — согласился Элой. — И стреляю я хорошо. Так что, думаю, губернатор, у нас обоих сегодня не очень удачный день. Мы вместе предстанем на суд Господа.

Элой прицелился в голову дона Диего, зажмурив левый глаз.

— погоди, погоди! Не горячись! — Дон Диего сжался в ожидании выстрела. — Ты решил уйти к чужакам? Это твоё право! Я даже не буду спрашивать, почему ты так решил! Давай просто поговорим. Уверен, что мы можем ещё отложить наш судный день.

— Все юлишь, старая лиса! Между нами всего десять шагов, так что шансов у тебя, губернатор, нет, а у меня уж и подавно. — Элой наслаждался растерянностью дона Диего. Он решил ещё потянуть время. Палец, сжимавший курок, расслабился и отошел в сторону. — Так о какой отсрочке ты говоришь?

Губернатор облегченно вздохнул. Он выиграл несколько секунд, а больше ему и не было нужно.

— Я предлагаю тебе, Элой, испытать судьбу! Всегда ведь интересно, как к тебе относится её светлость фортуна? Ты ведь любишь играть в кости, Элой? Уверен, любишь. Так сыграй сейчас по-крупному, или ты смелый лишь с мушкетом в руках? Против судьбы мушкет бессилен.

— О чем ты говоришь?

— Вот серебряный талер. — Дон Диего поднял в руке крупную монету и показал толпе. — Бросим его, и пусть дальше с ним играет хозяин нашей жизни — случай! Ляжет кверху герцог Сигизмунд — иди к своим чужакам, коль они тебе нужнее, чем мы.

— А если нет? — Заинтригованно Элой уставился на блестящий кругляк в пальцах губернатора.

— А если нет? — Дон Диего, наморщив лоб, задумался. — Ты меня ставишь в тупик. Не знаю, что тебе и предложить. Скажи я — отдай мушкет, ты не согласишься и опять начнешь мне угрожать. А это меня не устраивает. Из оружия у меня лишь шпага, а остальные и вовсе безоружны. Получается так, что ты хозяин положения! Что же нам делать?

Дон Диего театрально выдержал паузу, а затем, махнув рукой, громко крикнул:

— А-а! Играть так играть! Забирай тогда этот талер и свою шкуру в придачу! Иди хоть

к чертям, хоть к чужакам. Мне все едино.

Элой чуть опустил ствол и удивленно спросил:

— А в чем же тогда игра? Ты хочешь меня отпустить?

— Да пойми ты, недотепа Элой! При чем здесь ты? Ведь играют не за выигрыш, а ради самой игры. Мне, например, интересно узнать, кого изберет своим хозяином этот талер. А ты узнаешь, стоит ли тебе играть с судьбой в карты.

И, не дав задумавшемуся Элою ответить, дон Диего подбросил монету. Серебряный талер плюхнулся и скрылся в траве.

— Взгляни, Чуи, что выпало нашему везунчику Элою.

Губернатор даже не взглянул, где скрылась монета. Будто гипнотизируя, он смотрел то на мушкет, то в глаза его хозяину.

Чуи ухмыльнулся. Он понял игру дон Диего. Они уже как-то в нее играли. В этой игре главная роль отводилась ему, и Чуи был готов.

Лениво, будто нехотя, он вышел вперед и медленно склонился над монетой. Затем так же неспешно его правая рука пошла по большому замаху, намереваясь протянуться к серебряному диску. Пальцы плавно прошли по голенищу сапога и подхватили костяную рукоятку ножа. В тот же миг, будто сжатая пружина, Чуи выпрямился, с глухим выдохом выгоняя воздух из легких.

Несколько секунд бездыханное тело Элоя продолжало стоять, задрав в небо мушкет. Из глазницы торчал, мрачно поблескивая желтой костью, кинжал. Качнувшись и выронив мушкет, Элой рухнул на прогнившие доски порога.

— Ну вот и все, — усмехнулся дон Диего. — Еще есть желающие уйти к чужакам? — крикнул он в толпу.

Желающих не было.

«Дрянной день», — сокрушался губернатор, растянувшись в сапогах на широкой дубовой кровати. С самого утра все не так. Как начался день паршиво, так и заканчивался. Сколько еще таких Элоев бродит по острову, которые только и ждут момента, чтобы всадить ему нож в спину или выстрелить из-за угла из украденного мушкета? Дон Диего угрюмо смотрел в окно на кроваво-красный закат. Душу тяготило недоброе предчувствие.

«Хоть бы у Карлоса все прошло удачно», — подумал он.

Не заметив как, дон Диего уснул. И снилось ему, будто вывалился он за борт «Беатриз», а никто не заметил его исчезновения. И волочится дон Диего позади несущегося на всех парусах галеона, успев ухватиться за болтающийся в воде канат. Захлебываясь и рассекая головой волны, он подтягивается к корпусу корабля и стучит кулаком по деревянной обшивке. Но вдруг кто-то хватает его за ноги и свинцовой гирей тянет под воду. Дон Диего оборачивается и с ужасом видит обхватившего его сапоги безголового Джила! Тот ногтями впиывается ему в ноги и, перебирая руками, подбирается к его шее. Из последних сил дон Диего подтягивается к борту корабля и колотит кулаком по дубовой обшивке, разбивая в кровь пальцы. Уже от рук остались одни кровавые обрубки, но он стучит, стучит и стучит... Проснувшись в холодном поту, дон Диего тупо уставился в окно. Он и не заметил, как пролетела ночь. За стеклом всю хозяйничал рассвет.

В дверь кто-то упорно стучался.

— Кто там? — крикнул губернатор, нащупывая под подушкой массивную рукоятку пистолета.

— Хозяин, откройте!

— Что стряслось, Чуи?

— «Беатриз» исчезла!

— Что?! — взревел дон Диего, распахивая настежь дверь.

Он оттолкнул в сторону охранника и взлетел по ступеням на террасу.

Утро дышало свежестью. Туман, отступая, исчезал в джунглях. Накричавшиеся за ночь гиены затихали, расползаясь по норах. Поселок еще спал. Спали и чужаки в утробе своего

корабля, уже успевшего слиться с местным пейзажем, будто он был здесь всегда. Все было как обычно, все на своих местах. Не было только одного, отчего у дона Диего волосы встали дыбом, — не было еще вчера вечером стоявшего на рейде галеона!

15

— Ступайте за мной, сеньор, — Алонсо услужливо отогнул упругую ветку.

Отряд Карлоса растянулся на добрую сотню шагов. Идти приходилось по чавкающему под сапогами болоту. То и дело кто-нибудь срывался на громкие ругательства, с трудом вытаскивая из засасывающей жижи ногу. Поднимающиеся с мокрых листьев тучи мошкары лезли в рот и нос. Забирались под доспехи и прилипали к потной шее.

Проклиная все на свете, Карлос шагнул в проложенный Алонсо проход.

— Этот дикарь решил нас погубить, — со злостью произнес он, глядя на Пио.

Имитируя повадки охотничьей собаки, туземец рыскал в десяти шагах впереди. Он то припадал к земле, шумно раздувая ноздри, то, замирая, всматривался в густые листья на пути следования. Довольный, что ему разрешили на время похода отвязать с ног башмаки, Пио прыгал по хлюпающему болоту, как по твердой земле, делая несколько больших зигзагов, пока бряцающий доспехами и оружием отряд испанцев успевал продвинуться на несколько шагов.

— Это точно, — поддакнул Алонсо. — Мне уже давно не терпится выбить ему зубы. Уже вечер, а мы все никак не доберемся до деревни туземцев. Сдается мне, что мы вообще ходим по кругу.

— Ничего, скоро мне все это надоест и я подвешу нашего дикаря за его собачий нос на ближайшем суку.

— Ха-ха! За собачий нос! Хорошо сказали. Ваш отец тоже большой шутник. Помню, мы решили разжиться золотишком на Мексиканском побережье. Только вошли в джунгли и сразу наткнулись на деревню ацтеков. Дон Диего приказал подвесить за ноги их вождя за то, что они спрятали от нас золото. Вот потеха тогда была. Мы окружили их лагерь и взялись за мечи. У меня несколько дней после этого болела рука, а зазубрин на лезвии было столько, что я их стачивал целую неделю. Жаль, что золота мы так и не нашли, да и не было его, наверное.

Они вышли наконец на открытую, с твердой почвой поляну. Карлос облегченно вздохнул:

— Передохнем здесь.

— Сеньор, я был у вашего отца мастер-канониром. — Алонсо положил в траву мушкет и сам рухнул рядом. — Я был хорошим мастер-канониром, возьмите меня к себе на борт. Клянусь, вы никогда об этом не пожалеете!

— У меня есть мастер-канонир не хуже тебя.

— Возьмите меня хотя бы простым канониром или даже матросом!

— Прекрати канючить, Алонсо, — рассмеялся Карлос. — Стоит пустить тебя на один день на «Золотого быка», и его винный погреб назавтра будет пуст.

— Нет, сеньор! Я пью потому, что совсем скисаю на берегу. А в море я всегда трезв, ну разве что в какой праздник или от угощения капитана.

— Попросись тогда к Пабло, раз уж ты такой трезвенник.

— Нет, — задумался Алонсо, — к Пабло не пойду. Слышал, что он не дал своей команде выпить в день Богоматери из Канделярии, потому что на следующий день собирался напасть на чей-то шлюп. А по мне, так с похмелья воевать еще лучше — злее будешь. А еще рассказывали, что он запретил пить в Великую пятницу, ну а это уж и вовсе грех. Нет, к Пабло не пойду.

Алонсо задумался. Затем его голову посетила какая-то мысль, и он, лукаво взглянув на Карлоса снизу вверх, произнес:

— Я вот что хочу сказать, сеньор, раз уж вы вспомнили о своем брате. Рабы — это,

конечно, хорошо, но уж очень хлопотное дело —дохнут по пути, да и цены на них зависят от сезона. Другое дело —погулять вдоль берегов Америки и напасть на зазевавшееся судно с золотом или сходить в глубь материка и пощипать какой-нибудь город туземцев. Вот у кого золота горы. Знаю я несколько таких мест. За раз можно ох какой куш сорвать!

— Нет, Алонсо. — Карлос с сомнением покачал головой. — Лет тридцать назад так бы и было. А сейчас в джунглях больше испанцев и англичан, чем туземцев. Говорят, уже видали и французов. Галеоны возят золото только под охраной военных кораблей. Жаль, да только прошли веселые времена.

— А вот Пабло так не считает!

— Что ты хочешь сказать?

— Ваш брат никогда не говорит, куда уходит и что собирается делать, а вот его первый помощник проговорился, что хотят они устроить засаду англичанам в джунглях. С их кораблями в море тягаться трудно, а напасть на растянувшийся караван с серебром и золотом где-нибудь в горах — это легко. У Пабло везде есть осведомители. Он не скупится им платить, и ему донесли, что до сезона штормов англичане торопятся вывезти кучу золота в Европу. Лазутчики видели, как две недели дымила кузница, где переплавляли индейские побрякушки в золотые слитки.

Карлос задумался. Тихушник Пабло действительно никогда не делился своими планами с ним и даже с отцом. На все вопросы у Пабло был один ответ: расскажешь о деле, прежде чем его сделаешь, и можешь сидеть дома, потому что ничего не получится. Таков закон жизни.

— Брехня это все! — ответил уверенно Карлос. — У Пабло команда вдвое меньше, чем у меня. Чтобы напасть на англичан, везущих золото, нужна сила. Нужны люди, нужны пушки! Это все болтают те, кто хотел бы узнать планы Пабло, да не узнал. Мой брат любит рискнуть, но он не дурак, чтобы самому сунуть голову в петлю.

— Наверное, вы правы, сеньор. Может, и болтают почем зря. Да только я вам точно скажу — есть еще места, где не ступала нога европейца. И золота там, как навоза в нашем свинарнике. Доверьтесь мне, сеньор Карлос, и трюма вашего галеона не хватит, чтобы вывезти все богатства, какие я вам помогу найти.

Карлос молчал. До него доходили слухи о несметных сокровищах в глубине материка. Но в большинстве случаев слухи оставались только слухами. А те, кто им поверил и пытался найти, навсегда исчезали в джунглях.

Подбежал Пио и приложил палец к губам:

— Тише, хозяин. За нами следят.

— Кто? — Карлос удивленно завертел головой, всматриваясь в обступившие их стеной джунгли.

— Прошу вас, хозяин, тише. Замрите, будто вы ничего не знаете. Я видел только одного. Он охотник, а не следопыт. Это хорошо — он плохо следит, и я его сразу заметил.

— Где он? — прошептал Карлос, скосив глаз из-под шлема.

— Сейчас он идет рядом, между нами и болотом.

— Его нельзя упустить. Он предупредит туземцев, и они разбегутся по острову!

— Хозяин, вы мудры, как сменивший от мудрости цвет кайман. Прикажите своим людям развернуться. Мы прижмем его к берегу и поймаем. Только запретите стрелять — племя уже недалеко и грохот мушкетов могут услышать.

Карлос развернул растянувшийся отряд цепью в сторону болота. Под сапогами вновь захлюпала вязкая жижа. Постепенно заросли стали реже, и взгляду предстала застывшая гладь болота. Вдоль берега из кустов начали появляться блестящие шлемы испанцев. Карлос всматривался в колышущийся тростник, но никого вокруг, кроме своих солдат, не заметил. На противоположном берегу, на небольшом клочке суши, неподвижными бревнами грелись на солнце два десятка крупных и мелких кайманов. Еще столько же замерли в болотной тине, выставив из воды глаза и бугристые спины.

Его тронул за локоть Пио и показал взглядом на торчавший в десяти шагах от берега

крупный куст, усыпанный мелкими красными цветками. Карлос долго всматривался в спутанные ветки, не понимая, что хочет сказать проводник. А потом вскрикнул от удивления. В немыслимом цветочном орнаменте он рассмотрел застывшую фигуру туземца. Индеец стоял по пояс в воде, закрыв глаза, видна была лишь часть его спины да правая щека с замысловатым рисунком в виде растянутого ромба. Карлос рассмеялся — вот так дикари! Не будь рядом Пио, отряд мог бы пройти мимо куста, чуть ли не наступая на голову туземцу, но никто бы его не заметил — так искусно индеец слился с цветами и листьями. Даже рисунок на спине создавал иллюзию тянущихся из воды веток.

— Все ко мне! — взмахнул Карлос шпагой, подзывая к себе солдат. — Взгляни, Алонсо. Сумей ты так прятаться, уже давно бы разбогател, воруя золото у англичан.

— Если бы я умел так прятаться, то был бы туземцем, а не пушкарем, — недовольно проворчал Алонсо. — Вот только как нам теперь его прикончить, если стрелять нельзя?

— Ничего. Теперь он от нас никуда не денется. — Карлос довольно разминал пальцы. — Сейчас бы багор или копье.

Но, взглянув на столпившийся вокруг отряд, понял, что ничего похожего ни у кого нет. У большинства были короткие абордажные сабли, да кое у кого пистолет или мушкет.

— Он хороший охотник, — не сводя глаз с застывшего туземца, произнес Пио.

— С чего ты взял?

— Взгляните, хозяин, на рисунок на его лице. Это знаки доблести и отваги. Еще немного, и он станет воином охраны самого вождя!

— Уже не станет. — Карлос обернулся, высматривая, кого бы послать в болото зарубить туземца.

Дикарь открыл глаза. Поняв, что он разоблачен и скрываться уже нет смысла, а путь на берег отрезан, индеец достал из куста тонкое короткое копье и, подняв его над головой, пошел в глубь болота. Вода дошла ему до груди, а затем скрыла плечи. Его путь обозначился поднимающимися со дна пузырями болотного газа да сорванными водорослями.

Карлос удивленно смотрел на удаляющуюся голову и поднятые вверх руки с копьем. Такого решения от туземца он не ожидал.

— Всегда хотел посмотреть, как жрут людей эти твари, — сказал довольно Алонсо, глядя на кишачий крокодилами противоположный берег.

— Да, жуткий конец даже для дикаря, — поддакнул кто-то сзади.

Все затихли, глядя на приближающегося к греющим на солнце кайманам туземца. Вот он уже поравнялся с ними, прошел мимо, медленно двинулся к берегу. Из воды показалась его грудь, затем болото ему стало по пояс, но по-прежнему ничего не происходило, ни одна рептилия даже глазом не повела в его сторону.

— Почему они его не трогают? — недоумевал Карлос.

Бредя по колено в воде, индеец уже выходил на берег, переступая через неподвижные туши.

— Он — хороший охотник, — ответил Пио.

— И что? От этого у кайманов пропал аппетит?

— Охотники моего племени умеют говорить с кайманами, гиенами и даже с ягуарами.

— Да бред это все! — нервно выкрикнул Карлос. — Обожрались, вот и спят, ничего вокруг не замечая.

Стрелять на таком расстоянии уже было бесполезно.

Он глянул на тянущееся справа и уходящее в глубь джунглей болото. Такая же картина была и слева. Догнать туземца вдоль берега не было никакой возможности. Надежда напасть на племя рассеялась, как дым в руках ураганного ветра.

— Теперь скрываться бессмысленно! Веди, Пио, прямым путем, и чем быстрее ты нас приведешь, тем больше получишь от меня джина по возвращении. — Карлос оттянул с шеи кольчугу, поняв, что остаток пути придется завершить изнурительным бегом. Бегать он не любил всегда, а уж в доспехах да по джунглям — и подавно. — Никому не отставать! Дьявол! Если не успеем, я всех вас в рабство продам вместо туземцев! — И первым бросился

вслед за Пио.

Болотный тростник сменился бамбуковой рощей. Длинные прочные листья цеплялись за кирасу. Взлохмаченная борода Алонсо была утыкана обломанными ветками и измазана зеленым соком. Размахивая перед собой короткой саблей, он проклинал проводника, бамбук, норовящий хлестнуть по лицу, и свою беспутную жизнь. Но Пио, будто нарочно, бросался в самую гущу спутанных листьев. Карлос чувствовал, что сердце у него сейчас выскочит из груди и не удержит его даже кольчуга. Пот струился из-под шлема и заливал глаза. Оборванные листья липли к щекам и норовили забраться в рот.

— Не отставать, — попробовал прохрипеть Карлос, но тут же об этом пожалел. Выдохнув, он уже никак не мог вдохнуть. — Пио, мерзкий дикарь, я тебя зарублю! — просипел он, размазывая по лицу пот.

Но бамбуковые заросли внезапно оборвались, и он, с разгону врезавшись в стену колючего кустарника марабу, понял, что настоящие трудности только начинаются. Тяжело дыша, он остановился. Радовало только то, что кусты едва доходили до груди и теперь хотя бы была видна впереди голова Пио.

— Стой, — из последних сил выдохнул он.

Туземец остановился и, обернувшись, широко улыбался, выставив напоказ белые зубы.

«Да он издевается над нами, — подумал со злостью Карлос. — Нет, я его точно зарублю».

Бежать по кустам марабу было невозможно, и Карлос побрел, ориентируясь на прыгающую голову Пио, раздвигая в стороны руками колючие ветки.

— Лучше выдержать бой с английской армадой, чем так изводить себя, гоняясь за туземцами, — стонал сзади Алонсо. — Ни ногой я больше в эти дебри! Ни ногой!

Теперь досаждала другая напасть. Длинные колючки, проникая сквозь кольца кольчуги, больно втыкались в руки.

«Да, ловить мавров в песках Африки проще, — подумал Карлос, — а дохода куда больше. А здесь еще неизвестно, чем окупятся эти мучения. Дались мне эти туземцы, — продолжал он ругать себя. — Я-то предполагал, что это будет легкая прогулка».

Но всему бывает конец. Закончились и колючие кустарники. Теперь вокруг росли королевские пальмы. Ярко-зеленые листья папоротника мягко стелились под ногами. Влажной пылью взлетала в воздух роса и, вознаграждая за испытанные мучения, приятно холодила лицо.

Карлос провел по листьям ладонью и протер залитые потом глаза.

За одной из пальм его поджидал Пио. Туземец будто и не проделал этот марафон вместе со всеми. Припав к стволу и ровно дыша, он всматривался в сплошную стену деревьев. Слышался далекий шелест прибора.

Карлос остановился рядом с Пио, качаясь от усталости, схватил его за плечо:

— Скажи, что мы уже у цели, иначе я тебя задушю.

— Тише, хозяин. Племя рядом.

— Ты уверен, что они здесь? — Кроме таких же пальм, как сбоку и сзади, Карлос ничего впереди не видел.

— Они там, — махнул рукой Пио. — На острове есть места, где ручьи с питьевой водой, возле которых становится племя. Здесь одно из них. И охотники всегда охотятся рядом со стойбищем, чтобы добытого зверя не отобрал ягуар.

Подождав, когда подтянутся остальные, Карлос выстроил измученный отряд цепью и, обнажив шпагу, дал команду идти вперед. Два десятка с трудом переставлявших ноги солдат обнажили сабли и двинулись медленным шагом в указанном направлении.

Путь вновь преградили кусты, но, раздвинув их, Карлос увидел просторную вытоптанную поляну и разбросанные в хаотичном порядке, свитые из толстых веток хижины туземцев. В центре поляны догорал костер. Повсюду валялись обрывки листьев, недоеденные куски мяса и костяные украшения туземцев. Но ни одного дикаря в селении не было. Карлос заглянул в каждую хижину. Нет! Никого!

— Не успели! — С досады он разрубил перед собой шпагой воздух.

— Да ну их к дьяволу, — прохрипел Алонсо. — Сеньор, я объясню губернатору, что вашей вины в этом нет. Как-нибудь в другой раз мы их обязательно выловим. Давайте передохнем, подстрелим и зажарим дикую свинью и пойдем обратно.

— Пио, как давно туземцы ушли из лагеря? — Карлос презрительно взглянул на Алонсо, не удостоив его ответом.

Проводник, нагнувшись, покружил по поляне и ответил:

— Совсем недавно, хозяин. Мы были уже рядом, когда они ушли.

— А куда они бежали?

— Туда, хозяин. — Пио указал рукой вдоль берега.

Карлос застыл в раздумье — может, действительно, плюнуть на дикарей и вернуться назад? Солнце уже садилось, а в темноте преследовать туземцев — гиблое дело.

Он взглянул на своих солдат и спрятал шпагу в ножны. Эту ночь они вполне могут провести здесь, а утром пойдут домой.

— Хозяин! Взгляните сюда! — позвал его Пио, став на четвереньки у тропы, по которой ушло племя.

— Что ты там нашел? — неохотно подошел к нему Карлос. Азарт погони перегорел, и теперь он настроился отдохнуть, поесть, поспать и возвращаться домой. Сняв с пояса флягу с вином и отхлебнув половину содержимого, он наклонился, куда показывал Пио. — Ну и что здесь? Следы?

— Хозяин, взгляните, как глубоко отпечатались ступни. Шесть сильных воинов несут тяжелую ношу. Они идут медленно, делая небольшие шаги, потому что им очень тяжело. Они даже не отгибали ветки, а ломали их. То, что они несут, — большое и тяжелое. Племя ушло вперед, а они отстали.

— Золото, — прошептал Карлос. От этой догадки усталость улетучилась как дым. — Они уносят золото! — закричал он, хлопнув по спине вскочившего с травы Алонсо.

Глаза его вспыхнули хищным огнем. Он вновь выхватил шпагу и, потрясая ею над головой, радостно выкрикнул:

— Они где-то рядом! Гора золота рядом с нами! Так чего же мы ждем? Пио, паршивый ты пес! Хватай след и веди нас быстрее к богатству!

Пио, пригнувшись еще ниже к траве, засеменил мелкой трусцой, вглядываясь в следы на тропе.

Приказывать бежать теперь никому не пришлось. Испанцы неслись напролом, сминая кусты и обгоняя проводника, каждый надеялся первым догнать туземцев с золотом.

Через четверть часа погоня дала свои результаты. Отставший вместе с Алонсо Карлос выбежал на песчаный берег протянувшегося от побережья тихого и заболоченного залива. Деревья и кусты отступили, и под ногами шелестела поднимавшаяся не выше колен трава. Издалека увидев неподвижные спины солдат, Карлос остановился, пытаясь разглядеть, что смогло их остановить. Его отряд замер вытянутым кругом.

— На что вы там рты раскрыли? — крикнул он, стараясь восстановить дыхание.

Четверо испанцев расступились, и Карлос увидел нескольких туземцев, ошестинившихся копьями. Пио ошибся. Индейцев было не шесть, а семеро. Шесть молодых здоровых дикарей выставили перед собой длинные копья и тем самым удерживали дистанцию между ними и окружившими их испанцами. По-звериному рыча и выбрасывая вперед длинное древко, они пытались что-то спрятать за спинами. Рядом стоял раскрашенный туземец с топором в руках, сделанным из длинной палки и привязанного к ней острого камня. И без подсказки Пио Карлос догадался, что это вождь.

— Молодых вяжите! — крикнул он, мгновенно оценив, что, пожалуй, за них можно взять очень неплохую цену. — А раскрашенную обезьяну пристрелите. А где золото?

Но никто не проронил ни слова и не пошевелился.

— Вы что там, оглохли все?! — грозно выкрикнул Карлос и двинулся на застывших испанцев. Но тут же вновь остановился, будто натолкнулся на ствол пальмы. Рука сама

потянулась к эфесу шпаги. — Господи, что это?

Между кружившимися туземцами Карлос неожиданно увидел то, что так яростно они защищали. На лежащих в траве носилках восседало жуткое существо. Гладкая кожа светилась мягким фосфорно-зеленым светом. Массивное туловище стояло вертикально, оперевшись в брусья толстыми трехпалыми лапами и коротким широким хвостом. Две верхние лапы были тоньше, но длиннее и безвольно свисали вдоль тела. Три тонких пальца соединялись друг с другом перепонками. Но удивительней всего была та часть тела, которая должна быть на месте головы. Из покатых плеч, без какого-либо намека на шею, торчал полукруглый нарост, усеянный, будто сотами, многочисленными шестигранниками.

«Ну и фантазия у дикарей! — усмехнулся Карлос. — Чтобы выстругать из дерева такое чудище, нужно недюжинное и большое воображение».

— Чего вы уставились на этого истукана! — прикрикнул он на своих солдат. — Вы еще пляску вокруг него устройте! Вяжите туземцев и уходим.

— Хозяин, оно живое, — еле слышно, дребезжащим голосом простонал Пио.

— Пио! Ты что, нанюхался болотного газа?

Карлосу вдруг показалось, что одна из лап индейского божества качнулась и вновь повисла вдоль тела.

— Дьявол! Эта жаба шевелится! — удивленно протянул из-за спины Алонсо.

— Стреляй, — прошептал Карлос.

Но Алонсо не выполнил приказ. Раскрыв рот и схватившись двумя руками за бороду, он замер, выпучив глаза.

— Стреляй, Алонсо!

Карлос увидел, что несколько шестигранников на полукруглой голове изменили цвет с бледно-серого на фиолетовый. В тот же миг он почувствовал на себе пронизывающий, гипнотизирующий взгляд.

— Стреляй!

Карлос с разворота ударил Алонсо кулаком в плечо.

Очнувшись, Красная Борода подхватил мушкет, на который опирался, как на посох, и, за секунду прицелившись, выстрелил. От удара прикладом в плечо Алонсо опрокинулся на спину. Тяжелая свинцовая пуля размером с лесной орех с шипением пронеслась между двумя туземцами и ударила в фосфорную кожу чуть ниже головы существа. В стороны полетели зеленые брызги.

Карлос успел увидеть, как в один миг изменился цвет чудовища: оно вдруг стало оранжевым. Затем ему показалось, что в грудь его лягнул дикий осел. По ушам ударил раздражающий голову визг. Кираса на груди загудела от мелкой вибрации. Потом Карлос осознал, что лежит на спине, потому что над ним качались верхушки пальм. Голубое небо затянулось чернотой, и он закрыл глаза, потеряв сознание.

Очнулся Карлос от нестерпимой боли в груди. Вместо пальмовых веток перед глазами тряслись и мелькали стебли папоротника. Он громко застонал. И тут же тряска прекратилась. Его бережно опустили и помогли опереться спиной на широкий ствол дерева.

— Ну слава богу, сеньор, вы живы! А то несу вас и не слышу — дышите или нет? — Едва не касаясь бородой, ему в лицо заглядывал Алонсо.

— Что со мной?

— Не знаю. Я вас осмотрел, ран нигде нет, но у вас все время шла изо рта кровь.

Словно в подтверждение его слов Карлос закашлялся. Он вытер губы и с ужасом посмотрел на свою алую ладонь.

— Где мы?

— Если бы я знал. Да и какая разница, лишь бы подальше от того проклятого места.

— А та тварь? Я ведь видел, как ты в нее попал!

— Уползла.

— А где остальные?

— В живых остались только я да вы.

— О господи, — прошептал Карлос. — Что же это было?

— Не знаю. Когда появился этот гул и вы упали...

— Какой гул? Мне показалось, будто что-то взорвалось.

— Нет, был гул. Я хорошо слышал, это был страшный рев, в то же время похожий на визг. У меня от этого звука не то что волосы на голове, даже борода встала дыбом. Я упал, потом выглянул из травы и увидел, что все наши лежат вперемежку с туземцами. А эта огромная жаба сползла с носилок и исчезла в кустах. Когда я подошел поближе, чтобы посмотреть — не остался ли кто живой, то, знаете, сеньор, такого я не видел, даже когда взорвалась бочка с порохом на нашем причале четыре года назад. У всех из ушей и изо рта хлестала кровь, но что самое жуткое — ни у кого не было глаз. Они полопались и вытекли. Страшное зрелище, а уж я-то повидал на своем веку. Если бы вы не застонали, то я и вас бы принял за погибшего.

Карлос вновь закашлялся кровавой пеной. Любое движение отдавалось острой болью. Он оглянулся. Вокруг стеной высились, спутавшись кронами, секвойи. Нет, это место ему не было знакомо.

Быстро смеркалось. Еще полчаса — и вокруг невозможно будет различить соседние деревья.

— Зачем ты снял с меня кирасу? — Карлос ощупал грудь. — И куда делась моя шпага?!

— Кирасу я снял, потому что искал у вас раны. А шпага? А шпага, наверное, потерялась. — Алонсо безразлично пожал плечами. — Да не переживайте, сеньор! Сейчас самим бы выбраться.

— Почему мой пистолет у тебя за поясом?

Карлос попытался встать, но тут же, сорвавшись на болезненный хрип, тяжело сел.

Удивленно осмотрев себя и будто впервые увидев пистолет, Алонсо, улыбнувшись, ответил:

— К чему он вам, сеньор? Впору подумать, как выжить, а не выяснять, кто у кого чего взял. Вы же руку поднять не можете, не то что стрелять.

— Верни его мне! — приподнявшись на локте, потребовал Карлос.

Алонсо злобно сверкнул глазами и, с неохотой вытащив пистолет из-за пояса, протянул его рукояткой вперед.

— Я же только для вашей защиты.

Внимательно осмотрев ствол и сдунув с кремня прилипший мусор, Карлос взвел замок и направил пистолет в грудь Алонсо.

— Как видишь, я смог поднять руку. Так же я смогу и выстрелить. Ответь мне, Красная Борода, что ты задумал?

— Сеньор! Без меня вам не выжить. Уберите пистолет! Не люблю, когда в меня целятся. Задумай я что дурное, не стал бы ждать, когда вы очухаетесь.

— Ладно. — Карлос убрал пистолет за пояс. — Ты, кажется, хотел поступить ко мне в команду. Помоги мне, Алонсо, и я сделаю тебя кем ты захочешь. Хочешь главным канониром, так и будет. Захочешь первым помощником, я сделаю тебя первым помощником, только спаси меня.

— Сеньор! Слово? — радостно заулыбался Алонсо.

— Слово кабальеро!

— Я бы дотащил вас и так, отец ваш в долгу бы не остался. Ну, а уж теперь я из кожи вылезу, а вас спасу! Нам бы только эту ночь пережить, а за день мы как-нибудь доковыляем. Донна Дебора знает сотню лечебных отваров и мигом вас на ноги поставит. А уж там мы с вами повоюем. Думаю, самое место мне — быть у вас первым помощником! Повешу на пояс шпагу, на голову надену черную шляпу!

— У чужаков хороший лекарь, — перебил его Карлос, вновь скривившись от боли. — Они мне помогут, только бы отец не успел с ними рассориться. — Он схватил Алонсо за руку и прохрипел: — Помоги и считай, что ты уже в моей команде!

Красная Борода засуетился, стараясь поудобнее усадить своего нового капитана. Неожиданно он увидел, как между деревьев мелькнула пятнистая тень и сверкнули два светящихся глаза.

— Дьявол! Этого только нам не хватало! Нужен большой костер. Сеньор, дайте ваш пистолет, я высыплю порох и разожгу огонь. Проклятые кошки, они выследили нас!

— Не морочь мне голову, Алонсо! Пистолет останется у меня. Так и мне будет спокойней, и ты не передумаешь вытаскивать меня отсюда.

— Клянусь, сеньор! Я только что видел там ягуара!

В противоположной стороне, куда показывал Алонсо, послышалось громкое рычание.

— Их уже двое, — взволнованно крутил головой Красная Борода. — Они чуют вашу кровь.

Карлос тревожно огляделся вокруг.

— Почему они идут за нами? Ведь там для них осталась гора мяса!

— Кошка дохлую мышь жрать не станет. Они хотят поохотиться, а мы отличная дичь. Их будоражит запах вашей крови.

— Далась тебе моя кровь. Помоги лучше встать. Надо уходить, костер не поможет.

— Сеньор, далеко мы не уйдем, они боятся огня. Верните мне ваш пистолет!

— Алонсо, я сказал — нет! Вспомни, как в прошлом году эти твари утащили поросенка с костра вместе с вертелом. Надо идти! Мы найдем болото без крокодилов и отсидимся в нем до утра. В воду они не полезут.

Карлос снова ощупал свою грудь. Ран действительно не было. Откуда же такая боль? Без пояса, исчезнувшего вместе со шпагой, кольчуга висела короткой юбкой. Он задрал край и потрогал оголившийся живот. Боль тут же отозвалась во всем теле.

— Дьявол! Что эта тварь со мной сделала?

Приподнявшись, Карлос просунул руку за спину — что так давит ему на поясницу? Под кольчугой на кожаном поясе штанов в ножнах из шкуры гиены он всегда носил с собой букану. О ней-то он и забыл!

Сделанная из поломанной сабли, с лезвием длиной в две ладони, она была отточена до остроты бритвы. Карлос чаще использовал ее не как оружие, а как инструмент для бритья.

«Алонсо ее не нашел, — подумал он, — это хорошо. Всегда приятно иметь козыри в рукаве».

Ему показалось, что в десяти шагах от него мигнули два зеленых глаза.

— Быстрее уходим! Да помоги же ты мне, наконец, встать!

— Зря вы, сеньор, мне не доверяете. — Алонсо подхватил Карлоса под мышки, помогая подняться. — Я ведь вижу — не меньше ягуаров вы опасаетесь меня.

— Не болтай, идем. Пока совсем не стемнело, они не решатся напасть. Надо успеть найти место, где можно отсидеться до утра. А с пистолетом мне действительно спокойней. Пристрелим одну кошку, может, у других охота пропадет. Я тебе верю, Алонсо, но и ты мне верь. Пусть пистолет будет у меня, а тебе хватит твоей сабли.

Алонсо молча кивнул. Закинув руку Карлоса себе на шею, он потащил его подальше от кустарника, на открытую поляну.

— Времени у нас мало, — произнес он, озираясь. — С болотом это вы хорошо придумали. В воду они действительно не сунутся. А еще лучше узнать, в какой стороне море. Логово туземцев было на самом берегу. Вот где только это логово? Отсиделись бы до утра в водичке.

С трудом переставляя ноги, Карлос повис на плече Алонсо. Голова раскалывалась от боли. Он чувствовал, как с каждым шагом силы покидают его. Задышавшись и постоянно сплевывая наполнявшую рот кровь, Карлос вцепился пальцами в кожаный воротник, сдавив шею Алонсо.

Красная Борода недовольно сопел, но молчал. В сгущающихся сумерках он все же наметил путь, свободный от зарослей, и старался не потерять его из виду.

— Эх, они от нас не отстанут, а все эта кровь. — Он брезгливо поморщился, когда

Карлос вновь зашелся кровавым кашлем и выплюнул кровавый сгусток ему на рукав. — С дыханием ее запах далеко разносится!

Ничего не ответив, Карлос устало свесил голову. В темноте очертания деревьев то расплывались, то сплетались с плавающими перед взором кругами. Он чувствовал, что еще чуть-чуть, и он опять потеряет сознание.

Им удалось пройти не меньше сотни шагов, когда Алонсо вдруг увидел впереди прижавшийся к стволу пальмы темный силуэт с горящими глазами.

— К черту! — выкрикнул он, отталкивая от себя Карлоса и выхватывая саблю. — С меня хватит! Они здесь повсюду!

Ягуар нервно дернул хвостом и, развернувшись, скрылся в зарослях. Кольцо вокруг них сжималось.

Карлос рухнул в траву.

— Ты что? Ты же обещал, — прохрипел он, застонав от боли. — Стой, Алонсо!

— Первый помощник — это хорошо, да только не выбраться нам двоим отсюда. — Алонсо склонился, пытаясь рассмотреть лицо Карлоса. — Им нужен ты. Они чувствуют твою кровь. Не переживай, я всем расскажу, как ты геройски погиб, сражаясь с туземцами.

Красная Борода протянул руку и выдернул из-за пояса Карлоса пистолет.

— Я бы застрелил тебя, чтобы ты не мучился, да только вернуться домой с пистолетом у меня шансов больше, — хихикнул Алонсо. — А впрочем, не переживай. Ягуары убивают быстро и живьем тебя жрать не будут. Прощай, кабальеро, с болотом ты хорошо придумал, я так и поступлю.

— Постой. — Карлос попытался приподняться на локтях. — Помогите мне хотя бы сесть.

— Это можно. Это я для тебя сделаю, так и быть. Ты был изрядная сволочь, мало кто скажет о тебе вдогонку хорошее слово, но я знал многих, кто был хуже тебя. Так что помогу, и мне пора, а то уже слышу, как голодные кошки в затылок дышат.

Алонсо подтащил Карлоса к стволу и прислонил спиной.

— Так тебе будет удобней встретить свой конец.

Карлос заерзал, со стоном просовывая за спину правую кисть. Нашупав рукоять буканы, он из последних сил широко взмахнул перед собой рукой.

«Совсем сил не осталось, — с горечью подумал он, — раньше с такой легкостью голову отсекал...»

— Теперь они почуют твою кровь, — хрипло засмеялся Карлос.

Алонсо отступил на шаг назад, удивленно глядя на свою окровавленную грудь. Закачавшись, он одной рукой схватился за шею, стараясь заткнуть рану, другой, размахивая в воздухе, пытался найти опору. Отступив еще на несколько шагов, Красная Борода поднял пистолет, собираясь направить его на еле различимый в темноте силуэт. Но руки у него уже онемели, и пистолет вдруг стал весом с корабельную пушку.

Пошатнувшись, Алонсо грузно осел, щедро поливая траву кровью.

Вцепившись пальцами в землю, будто боясь с ней расстаться, он затих, уставившись перед собой стеклянным взглядом.

Карлос подобрался к нему на четвереньках, поднял выпавший из рук Красной Бороды пистолет и натужно прошептал:

— Это тебе за сволочь, а за остальное получишь от них, — и кивнул в сторону кустов, откуда слышалось рычание ягуаров.

Тяжело поднявшись на ноги, Карлос побрел к темнеющей между кустами тропе.

— Не буду тебе мешать, Алонсо. У тебя еще очень много дел, — разговаривая сам с собой, он с удовлетворением отметил, что боль почти утихла, и идти удастся даже быстрее, чем с помощью Красной Бороды.

Отойдя на двадцать шагов, Карлос обернулся и прокричал в темноту:

— Тебе еще надо накормить целую стаю ягуаров!

И, расхохотавшись, тут же закашлялся, схватившись за откликнувшуюся болью грудь.

Теперь надо идти! Идти, не останавливаясь, и как можно быстрее. Потрогав для

уверенности рукоять пистолета и засунув поглубже в ножны окровавленную букану, Карлос решительно двинулся в сторону от кустов с уже не скрывающимися ягуарами. Он шел напролом, не разбирая в темноте дороги. Снова уткнувшись в кустарник, Карлос пошел вдоль него, ощупывая его, как стену. Под ногами хлюпнула вода. Неожиданно за спиной раздался жуткий крик. Значит, Алонсо был еще жив, когда за него взялись ягуары.

На секунду остановившись, Карлос усмехнулся:

— И здесь ты ошибся, Красная Борода, — сначала жрут, затем убивают!

Вопли за спиной придали ему сил. Несколько шагов даже получилось пробежать, прежде чем до Карлоса дошло, что из-под сапог разлетаются брызги. Он удивленно остановился. Вода!

Действительно, под ногами журчал холодный ручей. Набрав полные ладони, Карлос плеснул себе в лицо. Зачерпнув еще, отпил, чувствуя приятный холод, пробежавший по воспаленному горлу. На вкус вода была пресная. Это был один из многочисленных ручьев, бравших начало из нашедших выход на склоне горы подземных вод, свой путь он должен был закончить, или вырвавшись в море, или затихнув в каком-нибудь болоте. И тот и другой вариант, повышая шансы на спасение, Карлоса устраивал, поскольку надеяться на то, что ягуарам хватит одного Алонсо, не приходилось. Эти кровожадные кошки будут преследовать его хотя бы из охотничьего азарта.

Карлос пошел, прислушиваясь к всплескам воды под ногами, моля Бога, чтобы только ручей не исчез в какой-нибудь трещине в земле.

Несколько раз хлюпанье под ногами прекращалось, и тогда он топтался вокруг в полной темноте, стараясь вновь нащупать потерянный путь.

Спустя час изматывающей ходьбы, уже из последних сил вытаскивая из жидкой глины сапоги, Карлос почувствовал, что идти становится труднее. Вода теперь доходила до колен, опутывающая сапоги трава пыталась свалить с ног. По лицу хлестнул упругий стебель тростника.

«Болото!» — догадался Карлос.

Раздвинув спутанные листья, он шагнул вперед и провалился в болотную жижу по пояс. Испугавшись, сделал еще два неуверенных шага, с усилием переставляя ноги по дну.

Тростник закончился, вода стала чище, и идти стало легче. Но теперь глубина увеличилась и болотные цветы тыкались в шею. Еще немного продвинувшись вперед, он уже хотел повернуть назад, как вдруг нащупал впереди плотный ком спутанных веток и водорослей. Вцепившись в него, он подтянулся и уткнулся грудью в мягкую, как подушка, болотную растительность. Карлос остановился, пытаясь понять, что это может быть. Потыкал в разные стороны, куда мог достать руками, и догадался: такие плавающие островки он уже видел. Сбившиеся из болотной тины, сломанных веток и тростника, они торчали из воды холмами, иногда размером с корабельную шлюпку. В жаркий день на них любят греться змеи, но сейчас об этом Карлос даже не вспомнил. Подтянувшись, он попытался заползти на островок. Ветки погрузились в воду, но выдержали. Теперь ползти стало немного легче. Подняв край плавающего холма и навалившись грудью, Карлос вдруг понял, что на последний рывок сил у него не осталось. Начинаящее замерзать тело отказывалось повиноваться, всосавшиеся в ил сапоги намертво приковали ноги ко дну, а онемевшие пальцы, вцепившись в опутанные водорослями стебли тростника, не могли разжаться. Глаза слипались, не давала уснуть лишь боль от уткнувшейся в грудь и продавившей кольчугу ветки. Назад на берег ему тоже не дойти, он просто рухнет под воду и захлебнется болотной жижей. Карлос не мог понять, сколько он уже так стоит, чувствуя, как жизнь капля за каплей уходит из тела.

Какой нелепый конец! На него вдруг накатила щемящая волна отчаяния. Он понял, что способен, конечно, простоять ночь, а может, еще и часть дня, если не станет завтраком для крокодилов, но дальше — все! Конец! И какой бесславный. Уж лучше бы тогда вместе со всеми. От жалости к себе Карлос взвыл, слезы полились по щекам щиплющими потоками. Отчаяние! Отчаяние выхватило из памяти один эпизод. Ни с того ни с сего Карлос вдруг

вспомнил, как в один из походов к Африке они наткнулись между разбросанных в пустыне камней на небольшое племя мавров. Быстро и слаженно окружив их, его команда за четверть часа перевязала все племя, но с одним потенциальным рабом вышел казус. Молодой крепкий мавр, зажатый между двух сторон хижинами, а сзади огромным камнем, яростно отбивался, выставив перед собой длинное копье. Бросившийся на него с саблей матрос тут же был ранен и едва успел отползти. Боцман поднял мушкет.

— Не стреляй! — остановил его Карлос.

Уж очень ему понравился этот невысокий, коренастый и очень крепкий негр. Такому самое место на сахарной плантации.

Выхватив шпагу, Карлос сам попробовал обезоружить его, пытаясь сначала отрубить костяной наконечник копья. Но не тут то было. Мавр оказался еще и отличным воином. Он исполнил замысловатое вращение копьем, и выбитая из рук шпага взлетела в воздух, вращаясь, как бумеранг, над головами изумленных матросов. Карлос едва сдержался, чтобы самому не схватиться за мушкет.

— Измотайте, но свяжите! — отступив, дал он команду.

Затем, глядя, как вот уже полчаса пытаются связать непокорного негра, Карлос удивленно воскликнул:

— Где он только силы берет?

— В отчаянии, — подсказал первый помощник.

Но сейчас, застряв в болоте, Карлос чувствовал, что отчаяние отбирает у него последние крохи силы.

— Господи! — взмолился он. — Я так редко отвлекаю Тебя своими просьбами. Уж не припомню, когда и вспоминал о Тебе последний раз! Но сейчас взываю к Тебе! Не дай мне закончить свою жизнь так никчемно, подобно застрявшей под корягой жабе! Если уж пришел мой час, пошли мне гибель, достойную воина!

Карлос попробовал представить, как Бог на небе пытается рассмотреть в болоте его застывшую голову. Но почему-то не получалось, а вместо этого всплыла незамысловатая фраза: погибает тот, кто сдается. Где он мог ее услышать? Наверняка от отца. У него таких всегда мешок в запасе. Вспомнив об отце, Карлос подумал, что тот наверняка отправится на его поиски. И что же он увидит? Подохшего в вонючем болоте, будто осел, провалившийся в яму с дерьмом, своего сына! Ну уж нет! Заскрежетав зубами и зарывав по-звериному, Карлос отпустил ветки и вновь вцепился в покачнувшийся холм. Захрипев от напряжения, он пополз вперед, удивляясь, откуда взялись силы. Ноги выскользнули из сапог, и Карлос, будто освободившаяся от хвоста ящерица, выбрался на островок. Почувствовав опору, он тут же уткнулся лицом в мокрые листья и забылся то ли бессознательным сном, то ли сонным беспмятством.

Очнулся он от холода, сковавшего погруженные в воду ноги и забравшегося под остывшую за ночь кольчугу. Солнце еще не поднялось, но свет уже разогнал ночную тьму и мягко рассеивался в ползущем над водой легком тумане. Подняв голову, Карлос огляделся вокруг. Он лежал на небольшом, с трудом державшемся на плаву зеленом островке. Рядом он увидел еще несколько таких же торчащих из воды холмиков. Заболоченный берег дальше превращался в широкое и чистое озеро. Сзади, всего в десяти шагах, в озеро впадал ручей, по которому он сюда и пришел. А рядом, на свободном от тростника клочке суши, поскуливая, толкали друг друга несколько серо-пятнистых тел. Карлос дернулся, инстинктивно поджав ноги. Он совсем рядом с берегом! Ему казалось, что в воде он прошел не меньше полусотни метров.

На расстоянии вытянутого в руке багра, высунув истекающие слюной языки, сидели шесть гиен, жадно пожирая его глазами.

От такого соседства Карлос заворочался, и от его островка побежали круги, всколыхнувшие застывшую гладь озера. Перевернувшись на спину, он попробовал сесть, но чуть не опрокинулся, еще сильнее притопив холмик.

А гиены от близости столь легкой, но недоступной добычи громко и взволнованно

скулили, не решаясь ступить в воду.

Неожиданно с разных сторон озера, почувствовав возню Карлоса, потянулись, выставив над поверхностью глаза и черные спины, болотные крокодилы. Первыми рядом оказались небольшие рептилии размером чуть больше метра. Но, несмотря на размеры, хищной злобы им было не занимать. Карлос попытался отползти подальше от края островка, тот от этого еще сильнее раскачался, привлекая новых рептилий. Карлос с ужасом увидел, как один крокодил нацелился явно на его босую ногу. Карлос выдернул из-за пояса пистолет и, не целясь, спустил курок. Замок глухо щелкнул, но выстрела не последовало. Прележав всю ночь в воде, пистолет превратился в бесполезную железяку. Взвыв от досады, Карлос швырнул его в приближающуюся бугристую спину. Неожиданно левая рука дернулась и с хрустом вывернулась из плеча. В тот же миг жуткая боль, взорвавшись в руке, сотрясла все тело.

— А-а-а! Дьявол!

Завалившись на спину, Карлос увидел, как незаметно подобравшаяся сзади рептилия, с легкостью раздирая кольчугу и рукав камзола, треплет его руку.

Брызнула кровь, расплываясь по воде бурыми кругами и приводя в бешенство остальных крокодилов. Вода вокруг Карлоса кипела. Он выдернул руку из окровавленной пасти. Небольшая метровая туша, перевернувшись, свалилась с островка, блеснув белым брюхом. И тут же на нее навалились остальные, хватая зубами трепыхающиеся лапы и хвост. Выдернув из-под себя толстую ветку, Карлос столкнул пытающегося взобраться на остров крокодила. Но, взглянув чуть дальше на озеро, он вздрогнул от ужаса. Медленно и степенно, не обращая внимания на дерущуюся в воде мелочь, к нему приближались несколько огромных рептилий. Широкие черные головы рассекали озерную гладь, выставив на поверхность холодные зеленые глаза. Таких и бревном не оттолкнешь, не то что веткой. В отчаянии Карлос крутил головой, пытаясь найти путь к спасению. Внезапно он заметил, что не слышит рычания и жалобного тявканья гиен. Берег был пуст. Но тут же появилась и разгадка. Тростник разошелся в стороны, и вышли три туземца с расписанными узорами лицами. Взглянув на Карлоса, они мгновенно оценили его безнадежное положение. Дикарь достал из-за спины сплетенную из лиан веревку и один конец дал своему напарнику. Не обращая внимания на извивающихся и дерущихся вокруг крокодилов, он шагнул в воду и медленно побрел к Карлосу. Едва ли не расталкивая кишасих кайманов, туземец привязал второй конец к островку и пошел назад, помогая товарищам тянуть веревку.

Карлос обессиленно рухнул на спину.

«Спасибо, Господи! Я понял Твою шутку, — с горечью подумал он, уставившись в синее небо. — Ты не отдал меня тем, кто сожрал бы меня, разорвав на мелкие части. Зато теперь я во власти тех, кто, перед тем как съесть, хотя бы зажарит, соревнуясь друг перед другом в кулинарных способностях. Ты великий шутник, Господи!»

За последние часы на долю Карлоса выпало столько боли и испытаний, что теперь на борьбу за жизнь сил уже не осталось. Им овладело полное безразличие. Он лежал, закрыв глаза, и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем. С полной апатией Карлос слышал, как его перенесли на берег, уложили на прогнувшиеся носилки и понесли, раскачивая в такт шагам. Ему вдруг показалось, что он лежит в шлюпке, где-то посреди океана, потому что отчетливо слышался крик чаек. А потом он провалился в черную бездну.

16

Дежуривший на воротах Густав вскочил с бревна, на котором сидел, греясь в лучах утреннего солнца. В деревянные створки ударили так, что запор едва не вылетел из петель. Ворота зашатались под градом ударов. Из-за забора донеслись громкие испанские ругательства. Глянув в щель, Густав увидел губернатора с неизменной охраной, а за его спиной нескольких островитян в лохмотьях.

— Вам, наверное, нужен командир? — растерявшись, спросил он.

Но в ответ услышал еще более замысловатую ругань красного от злости и брызжущего слюной дон Диего.

— Да-да! Я сейчас его к вам вызову! — Густав бросился к бараку, радуясь, что командир сегодня на берегу и ему самому не придется выяснять, что нужно испанцам.

Не успев добежать до двери, он увидел командира, возвращавшегося с заднего двора. Рядом с ним шел лейтенант Вагнер. Похоже, они тоже слышали гулкие удары губернаторских сапог в ворота.

— Герр командир! Там пришли испанцы, что-то хотят.

— Слышу. Разыщи мне Удо.

Гюнтер подошел к воротам и, скинув засов, открыл их нараспашку. Дон Диего на секунду замолчал, но только затем, чтобы снова взорваться серией еще более мощных ругательств. Таким губернатора Кюхельман не видел еще ни разу. Топая ногами и потрясая кулаками, он, казалось, сейчас бросится в драку.

«Где же Удо?» — ничего не понимая, озираялся Гюнтер.

На шум высыпал весь барак. Матросы удивленно таращились на губернатора, но доминиканца среди них не было.

— Чего это он так разошелся? — спросил Герберт.

— Если бы я знал.

У Герберта за спиной висел автомат. Он демонстративно перекинул его через руку, переместил на грудь и щелкнул затвором. Но даже этот жест не утихомирил губернатора. Дон Диего, видя, что переводчика нет, безнаказанно крыл капитана чужаков последними словами, демонстрируя явившимся с ним испанцам свою смелость.

— Может, стрелнуть разок, хотя бы поверх голов? — разозлился Вагнер.

— Нет, давай сначала узнаем, в чем дело! — Гюнтер вертел головой, высматривая среди матросов черную физиономию. Затем, не выдержав, крикнул: — Куда подевался Герреро?

Моряки переглянулись. Оказалось, что вечно путающегося под ногами доминиканца с утра никто не видел.

— Герр командир, может, я смогу вам помочь? — отделился от толпы штурман.

— Вилли! Чего же ты ждешь? — Гюнтер совсем забыл, что у него теперь есть два переводчика с испанского. — Объясни мне, что ему нужно? Но Удо я все равно хочу увидеть! Разыщите его!

— Герр командир, губернатор тоже хочет его видеть, — перевел Вилли.

— Что? — не понял Гюнтер. — Весь этот крик из-за Удо? Он хочет видеть Удо? Зачем?

— Наверное, пришел предложить новую цену, — усмехнувшись, произнес Герберт. — Теперь нам предложат пятерых рабов. Командир, это отличная возможность пополнить экипаж!

Не удержавшись, Вагнер громко захохотал. Дон Диего возрился на него с удивлением, а затем вновь принялся размахивать руками и выкрикивать ругательства.

— Дон Диего говорит, что у них исчез галеон, — перевел Вилли.

— Вот как? — теперь уже удивился Гюнтер. — Странные вещи творятся на вашем острове, губернатор. У меня пропал матрос, у вас — галеон. А от нас-то вы что хотите?

Дон Диего покраснел и, набрав полную грудь воздуха, возмущенно выкрикнул:

— Ваш мавр украл «Беатриз»!

— Удо украл корабль? Что за бред! — рассмеялся Гюнтер.

— Мои люди видели! — Губернатор ткнул пальцем в стоявших сзади испанцев. — Ночью они были на причале и видели, как кто-то переплыл залив и уплыл в море.

— Но при чем здесь Удо?

— А при том, капитан, что у этого пловца была черная голова! Это был мавр! Ваш мавр, капитан!

— Ну... — усмехнулся Гюнтер. — Ночью все кошки черные.

— Что? — не понял пословицу губернатор, но, не утруждая себя размышлениями над

непонятной фразой, продолжил: — А вот эти двое — матросы с галеона. Эти две ленивые собаки спали, вместо того чтобы охранять корабль, для чего их там оставили. Но ничего, они еще от меня получат! А потом еще от Карлоса, когда он вернется. Так вот, они рассказывают интересные вещи. Их просто вышвырнули за борт! Но перед этим они видели вашего мавра! Что скажете, капитан? Вам нечего сказать? Так скажу я! Вы — воры! Неблагодарные воры!

Дон Диего, очевидно, еще очень многое хотел сказать, но неожиданно ударившая по ушам автоматная очередь прервала на полуслове. Пороховые газы полетели ему в лицо, сорвав с головы шляпу. Стоявшая позади них пальма обрушила на землю срезанные пулями листья и ветки. Испанцы бросились врассыпную, оставив губернатора и его охрану в одиночестве. От загрохотавшей над головой очереди дон Диего впал в ступор. Челюсть у него отвисла, а глаза вылезли на лоб. Красное, готовое лопнуть от повышенного кровяного давления лицо приобрело белизну мела.

— Извини, командир, не сдержался, — виновато произнес Герберт. — Но кто-то же должен был остановить этого наглеца!

— Предупреждать надо. Я из-за тебя чуть не оглох. Никогда так больше не делай без команды.

— Ну, прости, Гюнтер, сорвался.

Дон Диего продолжал стоять как истукан. Пришедший в себя Томас несмело тронул его за локоть. Но губернатор не шелохнулся.

Вагнер удивленно заглянул в остекленевшие глаза дон Диего.

— Что с ним?

— Шок.

— М-да, неудобно как-то вышло. Ну хорошо, я так понимаю, сеньоры, что аудиенция окончена! — обратился Гюнтер к охране губернатора. — Дону Диего надо отдохнуть. Помогите ему. А позже, в спокойной обстановке, мы обсудим наши вопросы.

Когда за испанцами были закрыты ворота, он с усмешкой повернулся к лейтенанту:

— А если бы у него сердце не выдержало?

— Да кто ж знал, что он так обидится! — засмеялся Герберт.

— Посмотрел бы я на тебя, когда вот так, в упор, над головой, да еще если ты не знаешь, что это такое.

— Виноват, исправлюсь, — склонил голову Герберт.

— Да ладно. Может, действительно следовало поставить губернатора на место. Как думаешь, мог Герреро выкинуть такой номер?

— Да я уверен, что именно он это сделал! Я даже представляю, каким образом. Потому что если бы это был кто-то из местных, то спящих матросов обязательно бы прирезали. А вот просто выбросить за борт — это вполне в духе Герреро. Силы и ума ему не занимать, а уж решительности и подавно. Достаточно поднять якорь, и течение унесет галеон в море. Затем, выпустив из трюма рабов и возглавив их, можно плыть куда хочешь. Разобраться с парусами для Удо не такая уж и сложная задача.

— Возможно, все так и было, — кивнул, соглашаясь, Гюнтер. — Вопрос теперь в том, что нам дальше делать? Собери экипаж.

— А что его собирать, все и так здесь.

Гюнтер осмотрел лица подводников. Все, кто в этот день был на берегу, стояли перед ним. После стрельбы Вагнера даже те, кто спал, выскочили во двор.

Между тем Вилли через щель в заборе наблюдал, как дон Диего, с трудом переставляя ноги, поддерживаемый с обеих сторон Чуи и Томасом, тяжело шел по тропе к особняку.

«Вот так-то, губернатор! Это вам не детей губить!» — злорадно подумал он и хотел крикнуть вдогонку что-нибудь обидное, но неожиданно осекся.

В толпе женщин возле кухни он увидел Кармен.

Зеленое платье мелькнуло среди пестрых нарядов и исчезло. У Вилли защемило сердце. Они не виделись уже два дня. Два долгих, выброшенных из жизни дня. Сегодня утром Вилли

намеревался выбраться за пределы барака и разыскать Кармен, но воспоминание о произошедшем с беднягой Джилом сделало ноги свинцовыми, и он уткнулся носом в соломенный матрац, не в силах заставить себя подняться. Но сейчас, когда он вновь увидел ее, в голове будто включился математический счетчик, просчитывая возможности оказаться по ту сторону забора.

— Штурман, ко мне! — прервал его мысли командир. — То, что я буду говорить, тебя касается в первую очередь.

У Вилли неприятно кольнуло в груди. Такое персональное внимание к его персоне не предвещало ничего хорошего. Потупившись, он встал в строй под сочувственные улыбки товарищей.

— Слушайте мой приказ! — набрав полную грудь воздуха, крикнул Гюнтер. — С этой минуты я запрещаю покидать нашу территорию! Я запрещаю любые контакты с местными! Вахту удвоить и здесь, и на лодке. Вы все видели, что нашей дружбе, похоже, пришел конец. Жаль, потому что мы к этому еще не готовы. Мы сильнее их, но мы здесь гости, а не хозяева. Нам следует покинуть остров. Я сейчас отправлюсь на лодку, будем думать со старшим помощником, что делать дальше. За меня остается лейтенант Вагнер. Приказываю быть в постоянной готовности! Но без явной угрозы оружия не применять. Любой шаг только с разрешения второго помощника! А я, в свою очередь, запрещаю ему выпускать кого-нибудь за забор!

У Вилли пересохло во рту. План самовольной отлучки за пределы барака разлетелся вдребезги. Попробовать разжалобить командира показалось ему абсолютно безнадежной идеей. Столько металла в голосе Гюнтера он давно уже не слышал.

Все разбрелись по койкам. Командир ушел на причал. Только Вилли продолжал стоять под палящим солнцем, поникший под тяжестью невеселых дум. Почему мир устроен так несправедливо? Не сегодня завтра они уплывут, а он даже не сможет попрощаться с Кармен! И вдруг до него дошло — так ведь это же навсегда! Он больше никогда ее не увидит!

У Вилли потемнело в глазах. Губы задрожали. Он подошел к щели в заборе, выискивая среди разноцветных платьев зеленое. Но Кармен возле кухни уже не было. Неожиданно он увидел ее немного в стороне, рядом с границей джунглей. Она стояла одна. У Вилли бешено заколотилось сердце.

Кармен ждала его! А что же он! Что ему делать?

Вилли окончательно растерялся. Нарушить приказ командира — о таком он даже подумать не смел. Но ведь совсем недавно он обещал Кармен навсегда остаться с ней! Оставить экипаж и остаться в ее времени!

Да, но обещать — это одно, а держать ответ за обещанное — совсем другое.

Воспитанный на беспрекословном подчинении командирам, Вилли не смел ослушаться. Он понимал, что такие мысли преступны, и отчаянно гнал их из головы. Но они терзали его, не давали ему покоя.

«Черт возьми, и командир бывает не прав!» — возникла вдруг крамольная мысль.

Вилли вспомнил, что ему ответил командир, когда услышал рассказ о несчастном Джиле и мяснике-губернаторе. Вилли был уверен, что не успеет он еще рассказать эту жуткую историю до конца, как возмущенный командир объявит общую тревогу и, притащив за шиворот дона Диго на центральную площадь, жестоко его накажет.

Но, к его величайшему удивлению, командир ответил:

— Это их мир, и мы в нем чужие.

Вилли был потрясен таким ответом. Тогда он впервые усомнился в справедливости решений командира.

Боясь признаться себе в том, что он собрался сделать, вжав голову в плечи и воровато озираясь, Вилли побрел на задний двор, еще не отдавая себе отчет, чего он хочет больше — чтобы там кто-нибудь был и его план сорвался или чтобы ему никто не помешал.

Завернув за угол и остановившись, на миг задумался. Двор был пуст — решение принято!

За стеной барака слышался смех: матросы играли в карты. Путь был свободен. Вилли вдруг почувствовал себя рыцарем, пробивающимся сквозь полчища врагов и непреодолимые препятствия к своей любимой. Хотя пока что единственной преградой на его пути был покосившийся забор. Здесь он был немного ниже, чем у ворот, а в одном месте вообще едва доходил ему до груди. Щеки Вилли покрылись малиновым румянцем, и он уже без колебаний перемахнул через забор.

Пригнувшись, он пошел вдоль забора, перебирая руками почерневшие бревна, свернул за угол, затем промчался через открытое пространство и прижался спиной к крайней хижине поселка, к стене которой уже вплотную подступали джунгли. Убедившись, что его никто не заметил, Вилли пробежал вдоль опутанных лианами жиденьких кустов и спрятался за углом соседней лачуги. Это место показалось ему знакомым. Ах да, вспомнил Вилли, здесь он повстречался с испанцем Элоем. И еще он вспомнил, что совсем забыл рассказать об этой встрече командиру.

«Успею еще, — подумал он. — Тем более что испанец так и не пришел. Передумал, наверное».

Услышав возню и хрюканье поросят, он двинулся на звук, держась за длинные горизонтальные бревна, ограждающие небольшой двор. Неожиданно рядом кто-то захрапел и гулко затопал. Вскрикнув, Вилли отшатнулся, едва не бросившись бежать. Сердце ухнуло вниз и бешено застучало где-то рядом с желудком. Через забор к нему тянулся огромный черный бык. Не в силах от испуга даже рассмеяться, Вилли с трудом перевел дух. Он узнал это рогатое чудовище, потому что быка Томаса знали все. Утерев вспотевший лоб, Вилли двинулся в сторону свинарника, где обычно работала Кармен. Почувствовав по характерному запаху, что цель рядом, он осторожно раздвинул кусты и выглянул. Всего в десяти шагах от него и впрямь стояла, разговаривая с пожилой испанкой, его возлюбленная. Обрадованный, что он все-таки ее нашел, но одновременно и расстроившись оттого, что она не одна, Вилли замер. Под брюки вверх по вспотевшим ногам полезли мелкие насекомые. Стараясь не шелохнуться и не выдать свое присутствие, он осторожно глянул вниз и увидел, что наступил на муравейник. Расценив это как еще одно свалившееся на него испытание, Вилли стойчески прикусил губу, ожидая, когда Кармен останется одна. Наконец испанка подняла деревянное ведро, вылила воду в желоб и неспешно пошла на зов донны Деборы.

— Кармен, — шепотом позвал Вилли. — Кармен!

Девушка удивленно оглянулась.

— Я здесь. — Вилли наполовину вылез из кустов.

Он радостно улыбнулся и помахал правой рукой. Левой он пытался отцепиться от впутавшейся в волосы колючей ветки.

— Вилли? — Кармен испуганно завертела головой. — Что ты здесь делаешь?

Вилли, смутившись, покраснел. Он немного не так представлял их встречу после двухдневной разлуки. Преодолев столько препятствий, пойдя на нарушение приказа командира, рискуя попасть в лапы мстительного губернатора, он по меньшей мере рассчитывал, что она радостно бросится ему на шею. А так получалось, что и не ждала она его вовсе. И уединилась совсем не для того, чтобы он, проламываясь сквозь колючие кусты, помчался к ней навстречу, а лишь для того, чтобы почистить несколько дурацких корнеплодов и бросить их поросятам. Как все прозаично!

— Кармен, подойди сюда. — Вилли попытался справиться с растерянностью. — Нельзя, чтобы меня кто-нибудь видел, — зашептал он, осторожно оглядываясь вокруг и полностью выбираясь из кустов.

— Как ты здесь оказался? Я ведь только что видела тебя рядом с вашим капитаном и матросами!

У Вилли радостно подпрыгнуло сердце. Значит, она все-таки следила за ним!

Он схватил ее за руку и увлек в густые заросли папоротника. Остановившись между оградой стойла быка и хрюкающими за спиной поросятами, он еще раз оглянулся. Немного смущал исходивший от свинарника жуткий аромат, зато здесь было безопасно. С одной

стороны стеной стояли джунгли, с двух других надежно прикрывали от посторонних глаз деревянные стены.

— Я пришел, потому что понял: самая большая пытка — это разлука с тобой!

— Ты весь исцарапан! — Кармен коснулась пальцами красных полос на его щеках.

— Для измученного тоской рыцаря нет преград! — Вилли постарался вложить в свои слова максимум пафоса.

— Вилли! — засмеялась Кармен. — Рыцарей уже лет двести как нет.

— Рыцарь — это не доспехи, это состояние души!

Ее лицо стало грустным, опустив голову, она надолго замолчала.

А Вилли переполняли эмоции. Но, с чего начать разговор, он решительно не понимал. Всегда стеснясь передать свои чувства, он вдруг понял, что сделать это на испанском языке гораздо проще и легче. Язык, выпестованный кавалерами в серенадах под балконами возлюбленных, казалось, был создан для признаний в любви. С горечью он отметил, что прагматичный немецкий — это язык команд и высказать то, что так рвалось изнутри, на родном языке у него не получится. В эйфории Вилли набрал полную грудь воздуха и вдруг невпопад ляпнул:

— Командир сказал, что скоро мы уйдем отсюда.

Кармен продолжала молчать. Она отвернулась, потому что у нее предательски увлажнились глаза.

— Я не знаю, что мне делать. Раньше все казалось так просто! Я был уверен, что останусь с тобой навсегда. Командир поймет меня, а сейчас я даже боюсь заговорить с ним об этом!

— Может, так будет лучше, — тихо сказала Кармен.

— Что?! — Вилли решил, что ослышался, но по молчанию девушки понял, что она прогоняет его! В одночасье воздушный замок рухнул.

Он был подавлен и растерян. Он все придумал! Придумал то, чего никогда не было. Никогда Кармен не питала к нему никаких чувств!

— Я знаю, Вилли, что скажи я сейчас — останься, и ты так и сделаешь. — Ее голос задрожал. — Но я никогда не попрошу тебя об этом. Потому что, как только твои товарищи уплывут, ты не проживешь здесь и дня. Ты хороший, добрый, чуткий, а на этом острове — это слабость, а не сила. Я буду помнить тебя всегда. Получить еще один день счастья ценой твоей жизни — это страшное преступление! Знать, что ты где-то есть, — мне этого достаточно. Это та маленькая искорка, которая будет согревать меня всю оставшуюся жизнь. Ты мой рыцарь, которого я не забуду никогда.

Кармен уже не скрывала градом катившихся слез. Из всегда казавшейся строгой, не по годам серьезной и умной барышни она вдруг превратилась в расплакавшегося ребенка. Он и сам был готов разрыдаться от несправедливости жизни. Он только сейчас понял, что она для него значит.

Рядом вдруг послышались шаги.

Встреपenuвшись, Вилли прижал девушку к стене, закрыв собой, и замер, боясь лишний раз вздохнуть.

Из кустов вышел Томас, которого Вили боялся даже больше, чем губернатора. От одного вида безобразно огромной фигуры, лица с широченными скулами и кривым расплуснутым носом у него мурашки бежали по спине.

Томас прошел мимо них всего в двух шагах, отворил скрытую в кустах калитку и вошел в стойло к заволновавшемуся при виде хозяина быку.

Протоплазма! Ему нужна протоплазма! Живая, малоподвижная и доступная!

Проламываясь сквозь преграждавшие путь ветки, подминая и скользя по траве мощным телом, он двигался вперед, сокрушая все на своем пути. Ему нужна протоплазма. Он ощущал ее повсюду. Но, проворная, чувствующая опасность и быстрая, она была недосягаема. Многоуровневое сознание, вышедшее после ранения из сумеречного состояния, двигало его

вперед. Белыми пятнами вокруг мелькала и исчезала протоплазма. Сетчатое зрение фиксировало дистанцию, скорость, размеры целей, но громоздкое тело не успевало за ними.

Первый уровень сознания, подчиненный инстинкту самосохранения, требовал немедленной добычи для восполнения растроченной энергии и ликвидации ранения.

Второй уровень, прощупывая вокруг расстояние гораздо дальше, чем было доступно первому, отчаянно сигнализировал об одиночестве, окружающем его. Это было опаснее, чем отсутствие необходимой протоплазмы. Это сводило к абсолютному нулю его существование.

Третий уровень пока спал. Предназначенный для приема огромной информации и не получая ее, он находился в безучастно дежурном состоянии и не растрачивал попусту бесценную энергию.

Он вдруг на секунду замер. Впереди малоподвижной массой двигалось множество пятен протоплазмы. Загребая и подбрасывая в воздух комья земли мощными, короткими, трехпалыми лапами, он бросился вперед, набирая скорость.

Вилли, прижав к себе Кармен, стряхнул с головы закрывавший глаза широкий лист. Теперь ему хорошо была видна широкая спина голландца. Немного смущало, что, подглядывая из кустов, он вроде как шпионил за Томасом. Но о том, чтобы выйти и обнаружить себя, нечего было и подумать. Затем чувство смущения сменило удивление. Томас гладил быка за ухом, разговаривал с ним, толстыми короткими пальцами расчесывал челку на лбу. О чем он говорил, Вилли не понял, но, когда Томас поцеловал быка в мокрый нос, Вилли чуть не вывалился из своего укрытия. Он был потрясен. Грубый, будто вырубленный тупым топором из болотной коряги, с обожженным и обветренным лицом, Томас, оказывается, был способен испытывать нежные чувства. И к кому? К рогатому, слюнявому, обросшему жесткой шерстью существу!

Ни о чем не подозревающая Кармен попыталась ослабить его объятия.

— Тише, — зашептал Вилли. — Он сейчас уйдет.

Томас порывлся в карманах и достал кусок сахара. Бык тут же смахнул его длинным языком и от удовольствия легонько боднул Томаса в грудь. Томас громко рассмеялся.

Позабыв об осторожности, Вилли залюбовался этой идиллией, когда вдруг рядом снова затрещали ветки. Казалось, танк или как минимум носорог прокладывает себе дорогу. Стволы деревьев раскачивались, как гнущаяся под ветром трава. Раздалось громкое шипение, затем последовал рев. Треснула и повисла на лианах пальма. Вилли не выдержал и, схватив Кармен за руку, потащил ее на открытое место. Томас тоже услышал шум и выскочил из стойла. Он ничуть не удивился при виде Кармен и Вилли. У штурмана даже мелькнула мысль, что телохранитель губернатора знал об их присутствии. Но тут кусты разошлись под мощным напором в стороны, и Вилли в ужасе попятился. Изрыгая гулкое шипение, из джунглей выползло существо с коротким толстым хвостом и гладким зеленым телом. Вместо головы у него был бугор, усыпанный многочисленными, меняющими цвет шестигранниками.

Существо замерло. В нижней части нароста появилась узкая щель, откуда высунулся длинный раздвоенный язык.

Первым опомнился Томас.

— Сеньора, сюда! — выкрикнул он и сгреб Кармен вместе с Вили в охапку, закрыв их своим телом.

Чудовище раздумывало не более двух секунд, затем, приняв решение, отвернулось и, нацелившись на стойло быка, медленно поползло в избранном направлении. Вилли видел, как уперся его нарост в ограждение и толстая доска прогнулась, как тонкий стебель бамбука.

Томас понял, что теперь в опасности его любимец. Выкрикивая голландские ругательства, он бросился искать какое-нибудь бревно, чтобы ударить или хотя бы оттолкнуть чудовище. Но ничего подходящего под ногами не оказалось.

Затрещала ограда. Почувствовав угрозу, бык заметался. Услышав его жалобное мычание, Томас бросился вперед к чудовищу и, схватив его за короткий хвост, попытался

оттащить в сторону. Но пальцы скользили по зеркально гладкой поверхности. Тогда он навалился на него сверху и, обхватив толстое туловище руками, сцепил пальцы в замок. Покраснев от напряжения и жутко скривив лицо, Томас оторвал чудовище от земли. Короткие лапы, как заведенные, продолжали молотить воздух. Томас еще сильнее сдвинул выгнувшееся под руками зеленое тело. Его толстые, короткие ноги елозили в навозной жиже, растекшейся вокруг свинарника.

Вилли, как загнипнотизированный, смотрел на отливающие лиловым шестигранники и извивающийся тонкий язык. Вдруг существо, потеряв опору и осознав тщетность борьбы, затихло, растопырив перепончатые лапы с тремя когтистыми пальцами на каждой. Затем цвет его кожи начал изменяться. Быстро проскочив светло-желтый и розовый цвета, гладкая змеиная кожа вдруг вспыхнула цветом сочного апельсина.

— А-а!.. Дьявол! — вскрикнул Томас, судорожно разжимая руки. — Оно жжется!

Грузная туша рухнула, обдав его грязными брызгами и подняв тучу мух. Тут же под ней зашипела вода, окутав существо облаком серого пара.

Томас с удивлением смотрел на свои покрасневшие ладони. Но, пока его любимцу угрожала опасность, отступать он и не думал. Вцепившись в толстую жердину ограды, он выдернул ее, готовый к продолжению схватки.

Но чудовище уже потеряло к нему интерес. Выбросив вперед тонкий язык, оно зашипело и, загребая лапами липкую грязь, поползло в сторону сбившихся в кучу свиней. Ограда треснула, и усыпанная лиловыми шестигранниками голова протиснулась в щель, втаскивая вслед неуклюжее тело.

Сбивая друг друга с ног, поросята с визгом бросились врассыпную.

Застывшее на несколько секунд чудовище дернулось и с непредставимой для его массы проворностью бросилось наперерез стаду. Одним броском преодолев несколько разделяющих их метров, оно впилось когтистой лапой в черную, заросшую густой щетиной спину самой крупной свиньи и сбilo ее с ног.

Застыл и Томас, так и не успев пустить в ход свою жердину.

Вилли содрогнулся. Он ожидал увидеть что угодно — огромные зубы, разрывающие свою жертву, фонтаны крови из ран. Но зеленое существо неожиданно будто вывернулось наизнанку. Раскрыв неестественно широко беззубую пасть, оно обдало свинью от загривка до розового брюха мутной слизью.

Истошный визг жертвы подстегнул наблюдавших за расправой поросят. Сорвав с петель раскрытую дверь, они бросились внутрь свинарника, ища спасения за хлипкими стенами. Но очень быстро визг начал стихать. Брыкавшиеся в неравной борьбе копыта задергались в конвульсиях. Затем, слабо хрюкнув, свинья затихла.

— О, господи, — прошептал Вилли, закрывая ладонью глаза Кармен.

От того, что он увидел дальше, к горлу у него подкатил приступ тошноты. Туша свиньи на глазах превращалась в кровавый студень. Торчавшие прежде черные уши обвисли бесформенными тряпками и, будто раскисшие, стекали по обезображенной голове. Чудовище припало раскрытой пастью к свиному загривку и с хлюпающим чавканьем всасывало плоть.

Томас перекрестился, шепча голландские молитвы.

Очнувшись, Вилли дернул за руку Кармен и, не разбирая дороги, потянул ее напролом, через кусты.

— Бежим, — осипшим голосом выдохнул он.

Потрясенная Кармен не сопротивлялась.

Когда они наконец остановились, руки у Вилли дрожали крупной дрожью, выкатившиеся от страха глаза блуждали по обступившим вокруг веткам. Тяжело дыша, он пытался отцепиться от впившихся в китель колючек.

— Что это было? — спросила бледная Кармен.

— Я думал, ты мне скажешь, что за твари обитают на вашем острове!

— Вилли, я не знаю, что это, — растерянно ответила девушка.

— Кармен, этот монстр вылез из ваших джунглей! И это ваших свиней он жрет... Ты еще скажи, что это мы вам его привезли.

За деревьями синело море. Он потащил Кармен на песчаный берег. Оглядевшись вокруг, выбирая, в какую сторону бежать дальше, Вилли увидел отчаливающую спасательную шлюпку и в ней старшего помощника с командиром.

— Вот досада! — прижался он вновь к кустам, испуганно соображая, успели их заметить или нет. — Мне нужно скорей назад!

— Идем. Я тебя отведу.

Теперь уже Кармен потянула его за рукав.

Вилли снова оглянулся и вдруг увидел вдалеке, на горизонте, торчавшую спичкой из моря мачту. Сам корабль еще скрывался за дрожащей чертой слившихся неба и моря, но паруса уже просматривались, и у Вилли возникло впечатление, что они горят красным пламенем.

— Посмотри! — остановил он Кармен.

— Это Пабло вернулся, — ответила она, лишь на миг взглянув на море.

— С чего ты взяла?

— Его красный кливер виден за много миль. Идем.

Вилли не запомнил, как он перелез через забор. Он думал только о том, что он больше никогда не увидит Кармен. Возвращение командира вместе со старшим помощником могло означать лишь одно: они скоро уйдут.

Растянувшись на клочке соломы и уткнувшись носом в колючее сено, он слышал, как дежурный встречает командира. Слышал, как командир спрашивает о нем, но Вилли был ко всему безразличен. В душе была такая бездонная пустота, что, заглянув в нее, Вилли взывал от собственного бессилия.

17

После потрясения, испытанного у ворот барака, дон Диего слег. Он лежал на подушках, которые стащила из всех комнат и заботливо уложила ему под спину донна Дебора. Рядом на столе стоял таз, в котором кухарка смачивала тряпку и обтирала его лицо. Дон Диего стонал и мял рукой грудь, у него пошаливало сердце.

Тихонько скрипнула дверь, и в комнату неслышно проскользнул пастор Соломон. Учуяв запах заваренного донной Деборой зелья, он поморщился.

— А тебе чего надо? Не дождешься, когда я сдохну? Уж не исповедовать ли ты меня пришел? — недовольно заворочался дон Диего. — А это ты видел?! — И он показал пастору здоровенный кукиш.

— Успокойся, Диего. Я всегда говорил, что ты меня переживешь. — Соломон поставил на стол кувшин. — Я принес тебе настойку на меду. Мне лично всегда помогает, хоть с похмелья, хоть от какой другой хвори.

— Ладно, Соломон, мне не так уж и плохо. Просто надо отлежаться. Проклятые чужаки!

Пастор улыбнулся одними краешками глаз, но промолчал.

— Уж не думаешь ли ты, что я их испугался?!

Пастор улыбнулся шире, но вновь промолчал.

— А... — безнадежно махнул рукой дон Диего. — Позови ко мне лучше Чуи.

«Все не так! Все идет не так! — думал губернатор, глядя в окно на промелькнувшую сутану пастора, отправившегося искать его охранника. — Все планы тают, как следы от сапог на песке прибою».

Его не покидало чувство, что он ошибся с самого начала. Надо было напасть на чужаков в первый же день, когда их, пьяных, можно было брать голыми руками вместе с капитаном. А оставшиеся на корабле передохли бы с голоду. Или... да мало ли еще какие возможности могли бы возникнуть. Надо было лишь действовать, а не выжидать. Правильно

говорят: величайший враг хорошего плана — это мечты о наилучшем плане. И что он теперь имеет — да ничего! Чужаки настороже и вот-вот уйдут! «Беатрикс», на чьи пушки он так рассчитывал, исчезла. Исчез и Карлос.

Карлос! Тяжелый камень шевельнулся в груди. Давно уже ему пора было вернуться.

От мрачных предчувствий дон Диего закрипел зубами. А все эти чужаки! Как он их ненавидит!

— Да где же, наконец, Чуи? — Дон Диего в сердцах грохнул кулаком по столу.

Донна Дебора подняла на него удивленный взгляд и поспешила вновь намочить тряпку, по-своему истолковав вспышку ярости губернатора.

— Где ты пропадаешь? — проворчал он, заметив заглянувшего в открытую дверь Чуи.

— Хозяин, там Томас! Он рассказывает удивительные вещи о страшном животном, выползшем из джунглей!

— Перестань, Чуи. Кто может быть страшнее на этом острове, чем я?

Слова телохранителя пролетели мимо ушей погруженного в свои мысли губернатора. Дон Диего сел, свесив ноги с кровати, и, отмахнувшись, как от назойливой мухи, от донны Деборы, позвал к себе охранника:

— Подойди ближе, мой мальчик. На тебя только и надежда! Болит у меня душа за Карлоса. Давно ему пора вернуться. Чувствую, недоброе что-то стряслось.

Губернатор приложился к принесенному Соломоном кувшину и, скривившись от приторно сладкого вкуса растворенного меда, протянул руку.

— Помоги встать. Ты вот что сделай, Чуи. — Дон Диего оперся на подставленную ладонь. — Возьми с десятков людей и идите по их следам. Дождей не было, их путь вы проследите и без проводника. Выступайте немедленно! Поторопись, мой мальчик, может, каждая минута для них стоит жизни. Найди Карлоса, и я щедро отблагодарю тебя! Конечно, я сам должен идти искать сына, да только не ходок я сейчас. Ты сам видишь.

И губернатор вновь погрузился в тяжелые думы.

Чуи немного потоптался на месте и, расценив молчание хозяина как команду действовать, поклонился и беззвучно исчез в дверях.

Все не так. Сейчас бы вернулся Карлос из джунглей, а Пабло из плавания, и все еще можно было бы повернуть в свою сторону.

Дон Диего вновь лег на кровать и закрыл глаза. Кухарка, решив, что он хочет спать, подхватила таз и тоже ушла. Хорошо. В тишине и одиночестве думалось лучше.

В последнее время он только и делал, что думал, как придворный мыслитель. Даже голова уже привыкла и больше не болела от напряжения мозгов.

Если чужаки думают, что запугали его, то напрасно. То, что они показали в действии свое оружие, конечно, шокировало, но потом, оправившись, дон Диего представил это оружие в своих руках, и мечты вновь заставили часто забиться его сердце. Сильны чужаки! Но любая сила пасует перед хитростью. Их оружие внушает страх, но и разжигает желание обладать им, притягивая, как магнит стрелку компаса.

Дон Диего вновь с маниакальной целеустремленностью недооцененного стратега принялся разрабатывать очередной план.

Были бы сейчас рядом его сыновья! Нападать на чужаков надо ночью! Карлос бы со своими людьми напал на барак, а Пабло высадился бы на их корабль. В темноте их можно брать голыми руками. Ведь и дураку видно, что чужаки, запираясь на засовы и прячась за стенами, боятся темноты как дети.

Постепенно дыхание губернатора замедлилось и он задремал. Тишина и спокойствие стерли мрачные мысли, разгладили лицо, и дон Диего улыбнулся. Ему лишь отсрочили за плохое поведение подарок, так бывало, но потом обязательно подарят. В конце концов всегда получалось так, как он хотел.

Неожиданно он вздрогнул — показалось, что скрипнула входная дверь. На пол полетела подушка, обнажив черный пистолетный ствол. Но не успел он схватить его, как в комнату влетел пастор Соломон:

— Диего! Хватит валяться! Сынок твой вернулся!

— Хвала господу! Карлос жив!

Соломон немного смутился:

— Диего, вернулся Пабло.

— Пабло?!

Дон Диего накинул на плечи расшитый камзол и принялся шарить взглядом в поисках невесты куда заброшенной шляпы.

— Ты видишь, Соломон! Господь на моей стороне! Он услышал меня! Теперь я точно знаю — скоро вернется и Карлос. Да куда я ее дел?!

Пастор нагнулся и выудил из-под кровати малиновую шляпу с пером, облепленным паутиной.

Нахлобучив на голову пыльную шляпу, дон Диего оттолкнул в сторону попытавшегося помочь ему встать Соломона и выбежал в распахнутые двери. Сощурившись от ударившего в глаза солнца, он радостно улыбнулся.

Конечно, это «Летящая лань» Пабло! Ее он бы узнал из сотни бригантин. Паруса, наполненные свежим ветром, клонили корабль на правый борт, едва не черпая воду.

«Странно, — подумал дон Диего. — Уже рядом вход в бухту, а паруса не убирают».

Улыбка сошла с его лица. Вот бригантина пронеслась рядом с кораблем чужаков, и, лишь когда до тихой глади бухты осталось совсем немного, он увидел, как паруса затрепетали, потеряв ветер.

«Пабло спешит, — задумался губернатор. — И, очевидно, тому есть причина».

Он надел камзол, расправил бороду и двинулся к причалу встречать сына.

Не успели натянувшиеся якорные канаты остановить корабль в центре бухты, как за борт плюхнулась шлюпка, и в нее посыпались гребцы вместе с капитаном.

Заметив Пабло, дон Диего немного успокоился, но, увидев, как он подгоняет гребцов, тоже едва не побежал к берегу.

— Уж не черти ли за тобой гонятся?! — крикнул он, довольный, что сумел обогнать сына и первым добрался до причала. — Я в замешательстве! Не вижу, за кем ты гонишься, но и от кого бежишь, тоже не вижу! К чему такая спешка, Пабло?

Шлюпка ударилась в просмоленные бревна.

— Опасаюсь, отец, что те, кто нас преследует, не заставят себя долго ждать!

Молодое, безусое лицо Пабло расплылось в широкой улыбке. Черная бандана на голове, стянувшая длинные волосы, придавала ему лихой вид пирата. В отличие от Карлоса, Пабло никогда не стремился походить на испанского гранда. Терпеть не мог шляп, шпаге предпочитал короткую абордажную саблю, а расшитым вензелям камзола — белую рубаху и широкий кожаный ремень. Он и так знал, что благородных кровей ему в избытке досталось от матери, а подчеркивать свое происхождение считал излишним.

Дон Диего обнял сына, похлопал его по плечу и, хитро прищурившись, спросил:

— Сынок, а от кого ты бежал?

Пабло густо покраснел:

— Отец! Я торопился, чтобы успеть предупредить вас и подготовиться дать отпор. Да, за мной гонятся англичане, но, поверь, на то у них есть сильные причины. В трюме моей «Лани» находится сундук, полный золота, и еще пять с серебром. И заметь, отец, это их сундуки!

— Так... — кивнул дон Диего. — Больше ни слова! Идем быстрее домой, там все расскажешь.

— Кто это? — Пабло сделал пару шагов и замер, он только теперь заметил с интересом разглядывающих бригантину подводников.

— Пошли домой, Пабло, новостей столько, что ночи будет мало. Ты схватываешь быстро, не так, как Карлос, так что успеем и поговорить, и встретить твою погоню.

— Карлос дома? Почему я его не вижу? — Пабло, еще больше удивившись, оглянулся на море. — А где «Золотой бык»?

— Эх, сынок, если бы ты знал, сколько у меня накопилось вопросов, на которые я хотел бы получить ответ! Что твои англичане! Уверяю тебя, Пабло, скоро ты напрочь о них забудешь. Горизонт чист, скоро стемнеет, ночью они наш остров не найдут, так что время есть. И с чего ты решил, что они вообще нас найдут?

— Найдут... — Пабло нервно задвигал челюстью. — У них в руках мой штурман Гаспар и боцман Васко.

— Так... — Дон Диего остановился на полпути и озадаченно почесал бороду. — Я уж подумал, что сюрпризы есть только у меня, но, похоже, ты тоже привез отцу подарок. Сколько кораблей идет по твоему следу?

— Один.

— Один?! — Губернатор удивленно посмотрел на сына, затем, не сдержавшись, громко расхохотался. — Ты испугался одного корабля англичан?!

— Я никогда никого не боялся, но всегда реально рассчитывал силы! Этот один стоит нескольких. У него на борту сотня солдат десанта.

— Что за корабль?

— Зовется «Пеликан», три мачты, двадцать пушек. Капитан — некто Фрэнсис Дрейк. Говорят, молодой, но очень дерзкий англичанин.

— Никогда не слышал.

Дон Диего дернул ручку массивной двери.

— Ну, вот мы и дома. Соскучился, наверное, по этим стенам?

Пабло неопределенно пожал плечами. Разочаровывать отца не хотелось, но находиться больше чем неделю на острове всегда было для него в тягость. Никаких чувств к этому особняку он не испытывал, а окружающий отца сброд вызывал у него брезгливость. Ветер в парусах, приключения, погони, пушечная пальба и лихой абордаж — его интересовало только это.

— Идем наверх. То, что я тебе расскажу, — невероятно, и лучше все видеть своими глазами. — Дон Диего подтолкнул сына в темный коридор. — Проходи, Пабло. А я пока спущусь в погреб за кувшинчиком прохладного вина.

— Ну вот теперь, сын, ты знаешь все. Чуи я жду к утру, молю господу, чтобы вернулся с Карлосом. Что намерены предпринять чужаки, можно только догадываться. Ты вернулся как нельзя кстати. Теперь я готов выслушать тебя.

Как и обещал дон Диего, рассказ его затянулся, и уже несколько часов солнце на небе замещала полная луна. Пабло сидел притихший, за все время не проронив ни слова. Время от времени поглядывая на горящий фонарь на корабле чужаков да на освещенные ворота их барака, он не мог не признать, что на фоне невероятных событий, случившихся, пока он был в море, его рассказ покажется блеклым, а приключение — заурядной прогулкой.

Но в том, что англичане явятся сюда завтра днем, а может, уже на рассвете, он был уверен. И если чужаки были чем-то диковинным и загадочным и пока что не опасным, то английские солдаты представляли собой вполне реальную угрозу.

Не удержавшись, Пабло поделился с отцом своими опасениями.

Дон Диего понимающе кивнул:

— Вчерашний день прошел, сегодняшний — наш, наступит ли завтра — одному Богу известно. Уверен, что у нас еще достаточно времени. Есть у меня одна мысль, но сначала рассказывай ты. Итак, я слушаю.

— Отец, все как обычно, — смущенно начал Пабло. — Мои лазутчики донесли, что английский отряд удачно поживился в панамских джунглях. Им удалось разграбить один из городов ацтеков. Все, что им доставалось, они переправляли небольшими караванами на побережье и отправляли в Англию. На один из таких караванов я и решил напасть. На одном из горных перевалов мы устроили засаду. Англичан было немного. Бросив навьюченных золотом и серебром ослов, они бежали. На радостях мы уже праздновали победу, не зная, что это была только голова каравана. И вскоре появилось около сотни их солдат. Теперь бежать

пришлось нам. Мы отстреливались, путали следы, но золото не бросили. Гаспар и Васко были ранены. Идти они не могли, и тогда я решил спрятать их в пещере, пообещав позже вернуться. Но когда мы поднялись на следующий перевал, то увидели, что англичане их нашли. У них были проводники из туземцев!

— Почему ты их не добил?! — Дон Диего нервно вскочил, едва не опрокинув стол.

— Отец! Васко не один год мне служил верой и правдой! А Гаспар вообще мой друг!

— Что ты знаешь о дружбе? Теперь своих друзей ты отдал в лапы врагам. А уж англичане — мастера на пытки! Уверен, что не прошло и часа, как они уже знали, где искать украденное золото.

Пабло виновато кивнул.

— Англичане на удивление быстро организовали погоню. Не успели мы добраться до бригантины, а в море уже рыскал их корабль. С моими восемью пушками бросаться на их галеон было бы непроходимой глупостью. А тягаться в скорости с моей «Летающей ланью» они не смогли.

— Непроходимой глупостью была твоя жалость! — Дон Диего уперся руками в перила и вглядывался в темноту перед домом. Рассмотрев чей-то темный силуэт, он крикнул: — Эй! Кто там? Сходи разбуди донну Дебору и скажи: пусть идет ко мне! — Затем, повернувшись к Пабло, добавил: — На рассвете переставь бригантину под самый утес. Тогда с моря ее не увидят.

— Отец, я был уверен, что мы дадим бой! Я — корабельными пушками, а вы с берега.

— Дадим, дадим, — проворчал дон Диего. — Да только, что уже смог, ты сделал. Теперь слушай меня. Сейчас победа больше зависит от моего красноречия и мастерства моей кухарки, чем от твоих пушек.

Пабло промолчал. Задумавшись, он посмотрел на отца и произнес:

— Я понял тебя. О красноречии ты вспоминаешь лишь тогда, когда говоришь о чужаках. Ты хочешь просить помощи у них?

— Да... — Губернатор с уважением посмотрел на сына. — От матери тебе досталась не только излишняя жалостливость, но и цепкие мозги. А это неплохо. Главное — их не растерять. А от прочей шелухи ты избавишься с годами.

Дон Диего хотел еще что-то сказать сыну, но увидел в темноте белое пятно ночной рубахи.

— Дебора, это ты?

— Я, сеньор.

— Ты вот что, Дебора! — Дон Диего свесился через перила. — Подними себе в помощь пару бездельников, пусть заколют поросенка. И сделай, девочка моя, из него к утру такого ароматного красавца, чтобы у меня слюни потекли по подбородку. С зеленью и чесночком, с подливкой и с корочкой румяной! Ну, не мне тебя учить. Ступай, ягодка моя, займись делом!

Глядя на удаляющуюся донну Дебору, губернатор задумался. О чем он говорил? Ах да!

— Мать твоя, Пабло, была редкая умница. Я даже иногда робел перед ней. Бывало, только подумаешь, что ей сказать, а она уже все знает.

— Я ее совсем не помню. И ты никогда не рассказывал. Слышал, что ее отец был знатным грандом...

— Ни к чему это тебе. А впрочем, до рассвета еще далеко, слушай. Да, знатным вельможей был ее батюшка. Мать твоя, Мария, рассказывала, что в молодости он даже заслужил право не снимать шляпу перед королем. Но потом попал в опалу, обнищал, продал земли и решил попытать счастья в Новом Свете. Да, на их беду, уже я в этих водах гулял. Вот и пересеклись наши пути. Мне тогда было все равно, кого грабить — хоть англичан, хоть братьев-испанцев. А отец ее долго отбивался и не желал сдаться. Разозлил меня очень. Я их тогда всех на дно отправил, только дочь его пощадил. Красива Мария была, хоть картины пиши. Я от нее вовсе голову потерял. Купил ей дом на Эспаньоле. Мечтал, что будет меня ждать да радостно встречать с добычей. Но строптива твоя мать была безмерно. Все мне простить не могла, что родни ее лишил. Немного поутихла, когда ты родился. Меня

ненавидела, а тебя обожала. Тряслась над тобой, как над бесценной вазой. Все портреты твои вышивала, аж тошно было. Я-то все реже у нее появлялся, сам знаешь — море затягивает. А один раз вернулся, а ты сам уже иглой шьешь! Тьфу! Позор один! Ладно уж, что грамоте тебя обучала, да все молитвы вы с ней распевали. Ну а после этого на тебя осталось только платье надеть! Как я тогда бушевал! Ну и решил забрать тебя с собой. Мы тогда как раз логово на Бенито основали. Я уже Карлоса сюда перевез, к Соломону на воспитание, и тебя хотел. Вот только море в тебе разбудило такую страсть, что до сих пор тебя с палубы не выгнать. И команда тебя признала сразу. Вспомни, ведь тебе платили не как положено юнге — половину доли, а полную долю, как полноценному матросу! И не потому, что ты капитанский сын, а потому, что пользы от тебя было больше, чем от иного матроса. А ведь тебе было всего восемь годков. Я, если хотел тебя найти, сразу голову на мачты задираю. Бывало, в шторм с ног валишься, а в трюм тебя не загнать, вместе со всеми канат тянешь...

— А что с ней случилось? — перебил отца Пабло.

— С ней? Не знаю... Поговаривали, что, когда я тебя забрал, она то ли утопилась, то ли отравилась.

Дон Диего насупился, уж очень ему не понравился вопрос Пабло.

— А может, ты жалеешь, что не остался со своей матерью? Натянул бы на себя рясу и бился бы сейчас лбом о пол в какой-нибудь деревенской церкви или пристроился писарчуком на фазенде местного плантатора. Ты об этом жалеешь?!

Губернатор пытался рассмотреть в темноте лицо молчавшего сына. Он ожидал, что Пабло будет спорить и переубеждать, что отец не прав. Но Пабло продолжал упрямо молчать. И от этого дон Диего начинал злиться:

— Не молчи! Ты хотел узнать о своей матери? Ты узнал. Но если ты затаил на меня обиду, потому что пальцы и нитки тебе дороже ударов волн в борт корабля, то об этом я имею право знать! Говори!

— Я совсем не помню ее лицо, — со вздохом произнес Пабло. — Помню руки. Когда она учила меня грамоте, то водила пальцами по буквам. Я помню тонкие и длинные пальцы. А еще я помню, что когда ты забрал меня на корабль, то обещал, что мы будем приплывать к маме. Ты меня обманул.

— Не носи вздор, Пабло! Ты, как и Карлос, не видишь главного! Учю вас, учю — не мельчите, будьте выше мелочей. Ставьте перед собой такие цели, чтобы дух захватывало! И шагайте к ним через трупы, друзей и кровавые пузыри на собственных ладонях! А мелочи оставьте тем, кто душонкой мелок.

— Не так давно ты говорил, отец, что мелочей не бывает, — усмехнулся Пабло.

— Ничего ты не понял. И не лови меня на слове. — Дон Диего рывком развернул сына лицом к себе и, сверкнув глазами, произнес: — Вот ты пожалел Гаспара, спасти его решил. Друга пожалел! И что же? А то, что Гаспар сейчас проклинает тебя! За те пытки, на которые ты его обрек. За то, что он стал предателем и сейчас ведет врагов к нашему острову, и за то, что ты, его друг и капитан, оказался таким слабым и жадным! Жадным на пулю, о которой он сейчас мечтает. А если бы ты был выше этих мелочей, то сейчас со мной делил бы добычу, а не думал, как ее защитить от англичан, призывая отца на помощь.

Дон Диего налил себе полный бокал вина. Выпив залпом и уже успокаиваясь, он продолжил:

— Много говоришь о дружбе. Ты мне о любви еще начни рассказывать! А настоящий друг не знает таких слов. Они у него костью в горле становятся. Был у меня настоящий друг.

— Да знаю я эту историю! — скривился Пабло. — Фернандо, отец Кармен. Его убили в бою, а ты в память о вашей дружбе взялся ее растить. Уж не раз слышал, отец.

Пабло посмотрел на разгорающийся костер перед кухней. Спорить с отцом не хотелось. Но иногда ему казалось, что в своих наставлениях и учениях отец так увлекается, что теряет чувство реальности и вся его словесная ахинея, построенная на противоречиях, граничит с маразмом.

— Ничего ты не знаешь. — Дон Диего улыбнулся, довольный, что сумел добиться от

сына хоть какой-то реакции и отвлек от воспоминаний о матери. — Я полдня провалялся в кровати, а ты сна не заслужил. Так что придется тебе выслушать и эту историю. И заметь, ты ее услышишь первым. Никому не рассказывал, да, видно, старею. Часто Фернандо вспоминаю, не хватает мне его. Ну так слушай.

Дон Диего с наслаждением развалился в заскрипевшем кресле и, улыбнувшись, начал рассказ:

— Из всего, что ты знаешь, правда только то, что Фернандо был отцом Кармен и моим другом. Настоящим другом. В то время, когда я только приплыл в эти края, он уже успел побывать в плену у англичан и люто после этого их ненавидел. Хотя был всего на год меня старше. Эту ненависть я взял у него в наследство. Все мы с ним делили поровну — и добычу, и потери, все пополам. И даже корабль позже был у нас один на двоих. Оба считали себя капитанами и никогда об этом не жалели. В кабак только вдвоем. А как мы с ним дрались! Бывало, нахлещемся джина так, что на ногах стоять не можем, упремся спина к спине, и никто нас одолеть не может. Только кулаки наши в разные стороны разлетаются да зубы свои и чужие. Эх, Пабло, позадиристей мы были, чем вы с Карлосом. Единственное, за чем мы ревностно следили, чтобы в бою один другого не обогнал да врагов больше не нарубил. А еще: больше, чем себя, друг друга оберегали. Бывало, сам саблей отбиваюсь, а по сторонам смотрю — не целится ли кто в Фернандо. И он также. Баб никогда не делили, и в этот огород друг другу не заглядывали — это было святое. Несколько лет так вместе повсюду и плавали, пока не попали в крепкую передрагу. Увязались за нами испанцы. Да так увязались, что куда тем англичанам. Матерые конкистадоры! За золото готовы зубами глотки рвать! А шлюп наш еле на плаву держался. Дно обросло, паруса ядрами разорваны, не уйти. Думали бой дать, да куда там. Команда наша — два десятка портового отребья, от одного вида блестящих доспехов от страха тряслись. Да и больше их было раза в три. Решили мы тогда с Фернандо на сушу выброситься и в джунглях скрыться. Солнце уже садилось, и берег рядом был, наверное, спаслись бы, да только в спешке и сумерках не заметили, что все побережье утыкано рифами. Крепко мы тогда сели на камни. Дно пробито, в трюме вода, шлюп наш ко дну не пошел только потому, что между рифами застрял. Решили вплавь до берега добираться, но испанский капитан разгадал наш план. Высадил солдат на шлюпках и отрезал нам путь к спасению. Оказались мы в кольце — в море галеон стоит, на берегу костры горят. Испанцы не торопятся, видят, что деваться нам некуда. Близко не подходят, боятся тоже на камни сесть. Да и пушек наших опасались, не знали, что пороховой погреб уже под водой у нас был. Стали они на якорь и прислали к нам парламентаря с предложением — если команда к утру выдаст капитана, то сохранит себе жизнь. А капитана подвешат в железной клетке у входа в порт на устрашение другим. Казнь, я тебе скажу, Пабло, жуткая и позорная. Железные обручи стягивают тебя так, что ни рукой, ни ногой не пошевелить. А чайки клюют твои глаза, голову, тело. И висишь так несколько дней, пока с жизнью распрощаешься. Но и после этого еще не все. Обмажут смолой, чтобы еще года три провисел на устрашение другим, пока кости из клетки не посыплются.

Дон Диего умолк. От долгого рассказа у него запершило в горле, и он потянулся к кувшину.

— И что же было дальше? — Пабло поспешил опередить отца и наполнил его и свой бокалы.

Он с сожалением взглянул на приближающийся рассвет. От усталости не осталось и следа. Эта история его заворожала. Он никогда не задумывался, что у отца могла быть и другая жизнь. Пабло всегда представлял его полулежащим в любимом кресле и разглагольствующим о том, как им с Карлосом жить да что им делать. Да еще гоняющим сброд, который он собрал на этом острове, чтобы почувствовать себя губернатором.

— Не томи, отец, рассказывай.

Дон Диего улыбнулся.

— Хотели мы в ответ вернуть отрубленную голову парламентаря, но не тут-то было. Видим, заволновалась наша команда — понравилось им предложение. Молчат, а на рожах

написано: только и ждут, чтобы наброситься, связать и выдать испанцам. И тогда Фернандо сказал им: «Если уж суждено нам последнюю ночь быть вашими капитанами, то вот вам приказ: достать из трюма все вино и джин, что у нас осталось, и пить всю ночь, а на рассвете мы сами сдадимся испанцам!» Обрадовались иуды, потому что боялись нас и знали: не одного из них зарубим, прежде чем смогут с нами справиться. А мы вдвоем закрылись в каюте и тоже пили, вспоминая нашу прошлую жизнь и прощаясь друг с другом. Я так привык прикрывать спину Фернандо, что и сейчас переживал не за себя, а за него. И тогда я предложил — пусть он выдаст себя за матроса и спасется, а капитаном пойду я. Как он съездил тогда мне кулаком по зубам! А потом потребовал, чтобы с матросами ушел я. Он на год старше, и я имею полное право прожить еще как минимум год. Конечно, я отказался. Да и не верилось, что наши предатели промолчат. И висеть бы нам тогда обоим в клетках, украшая какой-нибудь порт. Тогда, Пабло, я совершил поступок, смысл которого до сих пор не пойму: то ли это было единственное правильное решение, то ли самая страшная в моей жизни ошибка. Незаметно я насыпал яд в кружку Фернандо. Долго ждал. Никак не могла отравить пробовать его могучий организм. И только за полночь изо рта хлынула пена. Тогда Фернандо все понял. Вначале рассвирепев, он бросился на меня с кулаками, но затем вдруг расхохотался и показал спрятанный сзади за поясом кинжал. Он тоже собирался освободить меня от мук. Да только опередил я его. Как он хохотал! Давился, и плевался пеной, и хохотал. А потом схватил меня за камзол и уже заплетающимся языком молил, чтобы я забрал к себе и оберегал его малолетнюю дочь, если удастся мне живым остаться. Пабло, я был потрясен! Никогда Фернандо не рассказывал мне о своей дочери. А я даже и представить себе не мог, что он может так кого-то любить. Фернандо! Да в пролитой им крови утопиться можно было! И вдруг — нежно любимая дочь. Он уже затих, а я все не мог в себя прийти. Разбудил он во мне что-то. Вспомнил я вдруг, что и у меня есть сыновья, хотя до этого, каюсь, о вас очень редко вспоминал. О многом я тогда, сидя рядом с ним, передумал. А когда наступил рассвет, вышел я к команде и заорал: берите меня, собаки продажные, мне теперь ничего не страшно! А они друг к дружке жмутся да глаза прячут. Глянул я, а испанцев-то и нет. Потом узнал, что братство с Тортю напало на испанский город Кампече, что рядом был на побережье. И губернатор прислал люгер с приказом капитану: все бросить и идти на помощь. Так я жив и остался. Не знаю, может, и пираты меня спасли, да только уверен я, что это Фернандо мне помогал уже с того света. А команду я не простил, всех помню и, если с кем повстречаюсь, в долгу не останусь. Одного поймал, так в клетке подвесил, захотелось посмотреть, что меня ожидало. Ты знаешь, Пабло, впечатляет. Особенно когда язык от жажды вываливается, а чайки тут как тут. Как-нибудь попробуй, если захочешь, чтобы враги твое имя шепотом произносили. Все, о чем просил Фернандо, я сделал. И его дочь нашел да и вас к себе забрал... Много воды с тех пор утекло, а для меня все как вчера.

Дон Диего встал с кресла, потянулся, разминая затекшие руки, посмотрел на донну Дебору, присматривающую за поросенком на вертеле, и, прищурившись, взглянул на поднимающееся из моря солнце. На секунду замерев, он даже не удивился появившейся на горизонте точке.

— Как по писаному: и появились в море зловещие паруса. — Он потянулся к лежавшей в кресле подозрной трубе. — Недолго держались твои друзья, вон и гостей уже нам привели.

— Это наверняка Васко сломался. Уверен, Гаспар держался до последнего.

— Так быстро они могли появиться, если их вел твой штурман. А впрочем, какая теперь разница, кто из них предатель. Думаю, что оба. — Дон Диего приник к трубе. — Корабль хорош! Чтобы держать такие мачты и огромные паруса, нужен хороший корпус. Да... это англичане, вижу их флаги. Ну что же, полюбоваться рассветом они нам не дали, так хотя бы поблагодарим их за спокойную ночь. Иди, Пабло, и делай все, как я сказал. Прижми свой корабль к самому утесу, глубины вам там хватит. А я к Деборе за подарком чужакам.

Губернатор удивленно посмотрел на двор вокруг барака. Обычно в это раннее время тихий и сонный, сейчас двор был заполнен снующими серыми рубашками. Среди них

мелькала и белая капитанская фуражка.

— Идем, Пабло, нам обоим следует поторопиться. — Дон Диего вновь посмотрел на увеличивающуюся точку на горизонте, затем на подводников, выстраивающихся цепочкой от причала к бараку, и, вспомнив, что он умеет не только лежать в любимом кресле, но и бегать, если нужно, бросился к ступеням террасы, на ходу подхватив шляпу и затягивая ремнем раздувшийся от вина живот.

Как прекрасно раннее тропическое утро! Гюнтер наслаждался прохладой, жалея, что прежде он всегда упускал этот миг, пробуждаясь уже тогда, когда солнце немилосердно жгло кожу, загоняя подальше в тень. Прохладный сырой воздух с моря врывается в бухту и разгонял выползший ночью из джунглей туман. Красный колеблющийся диск, показавшись из-за горизонта, стремительно взлетал ввысь. «Еще немного, — подумал Гюнтер, — и от этого прохладного блаженства не останется и следа». Миг рассвета здесь всегда краток. Гюнтер надеялся, что коротким окажется и время их пребывания на этом острове. Вчера, посоветовавшись с Отто и Эрвином, они пришли к мнению, что пора покидать этот зеленый рай. Старший помощник уверял, что разгадка всего таится в Мексиканском заливе, там, где их атаковал самолет и взорвался пароход, и Гюнтер не смог с этим не согласиться. Продовольствием они были загружены так, как будто только что вышли из Лорьяна в начале плавания, с той лишь разницей, что раньше над штурманским столом раскачивались гроздь бананов, а теперь — сетки с кокосами. Вновь свое прямое назначение сохранил лишь один галюн, второй был забит самодельными колбасами и копчеными окороками. Запасались с расчетом пересечь Атлантику, поэтому Гюнтер не препятствовал коку Дитриху, когда тот сумел втиснуть ему под койку с десятков копченых кур.

Ничего не препятствовало их плаванию, разве что волновала своей таинственностью неизвестность. Это волнение почувствовала и команда. Притихшие, с хмурыми лицами, матросы, выстроившись цепью, передавали в спасательные шлюпки все, что еще недавно они перевозили в барак с лодки. Молчал и Отто. Еще вчера, яростно отстаивая свою правоту, он не сомневался в своих догадках, а теперь его терзали сомнения. Он взял на себя большую ответственность, не оставив права на ошибку.

Будто опасаясь нарушить рассветную тишину, все работали молча, поэтому Гюнтер еще издали услышал нестройный топот ног. Из-за дома появился губернатор. За ним пестрой толпой шло все женское население острова. Рядом с доном Диего широко шагал Томас, зажав под рукой небольшой черный бочонок. Но больше всего удивило Гюнтера то, что губернатор нес перед собой на вытянутых руках. На сверкающем серебряном блюде красовался румяный поросенок, источающий аромат жареного мяса. Заметив губернаторскую процессию, прекратили работу матросы.

Дон Диего остановился в трех шагах от Кюхельмана, склонился в низком поклоне и громко произнес:

— Приветствую вас, наши самые лучшие и желанные друзья! Пусть Господь мне будет свидетель, нет у нас ближе друзей, чем вы. Лишь только встало солнце, как я от избытка чувств не смог удержаться, чтобы не порадовать ваш взор этим красавцем на подносе. А каков аромат! Сеньоры, это чудо, а не аромат! — Дон Диего громко рассмеялся. — Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не впитаться в него зубами!

Вилли, переводя слова губернатора, не верил собственным ушам. Дон Диего ли это говорит? И правильно ли Вилли его понимает?

Дон Диего между тем продолжил:

— Давайте забудем о мелких недоразумениях между нами! Взгляните на это синее небо — на нем нет ни облачка. Так не нам ли это пример? Пусть и наша дружба будет столь же безоблачной, как это небо.

Не сразу нашелся, что ответить, и Гюнтер. Увидев губернатора, он подумал, что тот идет к ним с очередным обвинением, но такой оборот событий его обескуражил.

— Дон Диего, я удивлен вашим вниманием и не пойму, что послужило тому поводом.

— А разве друзьям нужен повод? Взгляните на эту бригантину, это вернулся мой Пабло! Вот вам и повод.

Гюнтер на миг задумался. Догадываясь, что губернаторскому словоблудию есть другая причина, нежели прибытие сына, он спросил:

— Говорите прямо, что вы от нас хотите?

Улыбка сбежала с лица дон Диго. Он понял: облик рубахи-парня с капитаном не проходит.

— Хорошо, сеньор! Это вопрос настоящего мужчины, и я отвечу вам тем же. Я не зря вам указал на корабль моего сына. Но если вы обойдете эти джунгли, закрывающие от вас море, то увидите еще один корабль.

Губернатор посмотрел по сторонам, ему мешал говорить оттягивающий руки поднос. Решительно сунув поросенка в руки удивленному старпому, он обратился к Кюхельману:

— Это корабль врагов. Безжалостных и жаждущих нашей крови врагов! Взгляните на этих безвинных женщин. — Дон Диго указал рукой на собравшихся за его спиной толпу испанок в разноцветных платьях. — В чем они провинились перед ними? Лишь в том, что в их жилах течет испанская кровь! И сейчас я взываю к вам о помощи.

Губернатор дождался, когда Вилли переведет его слова, и с немым вопросом заглянул в глаза Кюхельману. Выдержав паузу, он продолжил:

— Совсем недавно к этому берегу пристал странный корабль. На нем удивительные люди, умеющие то, что мы и представить себе не могли. Но им нужна была помощь! И мы, не задавая лишних вопросов, пришли к ним на помощь, поделившись последним, что у нас было. Так скажите, капитан, вправе ли мы теперь просить помощи у них? Но прежде чем ответить, взгляните на этих женщин, потому что, если вы откажете, никто из них не доживет до вечера.

Гюнтер поднял руку, прерывая темпераментную речь губернатора:

— Если уж вы так с нами откровенны, то, может, объясните, почему вы решили, что это враг и почему они плывут к вам?

Дон Диго смутился — стоит ли все рассказывать?

— Это английский корабль, выследивший бригантину моего сына. Англичане всегда славились своей жадностью. И сейчас они узнали, что Пабло добыл тяжким трудом несколько сундуков с ценными побрякушками. Да, сеньоры, на корабле моего сына находятся пять сундуков с серебром. Есть еще и золото. Помогите расправиться с англичанами, и мы щедро поделимся с вами. И еще: вы можете оставаться у нас сколько угодно, мы этому будем только рады. Нам горько видеть, что вы собираетесь нас покинуть.

Гюнтер ухмыльнулся. Наконец-то все стало на свои места.

— Что скажете, Отто? — повернулся он к старпому.

— Перед вами трудный выбор, капитан. Но, как бы вы ни решили, я сочту это решение правильным и единственно верным.

— Я слышу слова старшего помощника, а что мне скажет Отто Клубер?

— Спору нет, Гюнтер, мы перед ними в долгу. Губернатор прав, они дали нам возможность отдохнуть и время подумать. Где-то я слышал поговорку, что долг платежом красен. Думаю, это как раз наш случай.

— Хорошо. Герберт, что ты скажешь?

— Командир, что до меня, я не против записать на счет нашей лодки еще один английский корабль. Ха-ха, узнать бы только его тоннаж. Какая разница, где топить англичан — в нашем времени или за четыреста лет до него?

Гюнтер кивнул, в таком ответе второго помощника он даже не сомневался.

— Вилли, переводи. Скажи, что мы поможем им и спасем остров и его жителей. Платы нам от них никакой не нужно. Дон Диго прав: лучшая плата за помощь — это взаимная помощь. Но после этого мы уйдем. Хотя о предложении губернатора будем помнить. Кто знает, вдруг еще придется вернуться.

Выслушав капитана, дон Диго просиял.

— Виват нашим друзьям! — закричал он толпе.

— Пусть поможет им святой Себастьян и Пресвятая Богоматерь из Канделярии! — закивали женщины.

Губернатор между делом взглянул на бухту: «Летящая лань», спустив паруса, уже стояла, прижавшись бортом к утесу, а Пабло с командой шел на шлюпках к берегу. На вершине утеса пушкари сбрасывали ветки, прятавшие пушку от глаз с моря.

«Ну, вот и слава богу», — подумал дон Диего. Он был рад, что так легко смог уговорить чужаков ввязаться в драку с англичанами. Да и хотелось посмотреть, чего они стоят в бою.

Он кивнул Томасу. Голландец, заулыбавшись, передал бочонок в руки Вагнеру.

Гюнтер по молчанию губернатора понял, что разговор окончен, и, обернувшись к застывшим матросам, скомандовал:

— Заканчиваем погрузку! Отто, проверьте, чтобы ничего не забыли. А я с первой партией на лодку. Взгляну, кого нам губернатор приготовил в жертву.

Дон Диего подмигнул ему:

— Капитан, покажите этим свиньям торпеду!

— Что? Да... вы даром времени не теряете, — удивленно протянул Гюнтер. — Вас хоть в команду бери, — засмеялся он и запрыгнул в лодку.

Лишь только шлюпка вышла из залива, Гюнтер направил окуляры бинокля на приближающийся парусник. До корабля оставалось еще не менее трех миль. На мачтах развевались белые флаги с красными крестами. Цейсовские линзы приблизили паруса настолько, что Гюнтер рассмотрел раскачивающихся на вантах людей.

Ступив на лодку, он увидел, что из бухты потянулись и остальные шлюпки. Рвалась последняя нить, связывающая их с островом. С берега за ними наблюдал в подзорную трубу губернатор.

Спустившись в центральный пост, Гюнтер скомандовал боевую тревогу.

Волнующей слух музыкой, передавая волны дрожи по корпусу, застучали дизели. Загremели и зажужжали механизмы. Из люка рубки на ходовой мостик доносились команды. Лодка оживала. За кормой взлетела пена, и от носа, разбегаясь в стороны, потянулись две волны. Свободная команда высыпала на верхнюю палубу и, передавая друг другу бинокли, глазела на приближающийся галеон. Теперь до него было рукой подать. Выждав, когда они с парусником окажутся на одном расстоянии от входа в бухту, Гюнтер дал команду: «Средний ход!» — и повел лодку в море, подальше от камней и малых глубин, оставляя галеон между торчавшей глыбой утеса и пенистым следом за кормой.

На берегу, наблюдая за чужаками и англичанами, выстроилось все население острова.

Пушка на скале молчала, хотя галеон был как на ладони. Все замерли. Дон Диего, растолкав толпу на причале, жадно следил за передвижением кораблей, вдавив трубу в глаз.

Подводная лодка развернулась носом к острову и замерла. Капитан парусника тоже понял, откуда теперь для него исходит главная угроза. Галеон медленно разворачивался, стараясь подставить противнику ошестинившийся пушками борт.

На мостике Гюнтер наблюдал за неуклюжими маневрами парусника.

— Отто, готовьте первый торпедный аппарат.

— Капитан! Вы хотите уничтожить его торпедой?

— Вы же слышали просьбу губернатора. Давайте покажем зрителям представление. Почему бы не оставить в истории след, подарив ей еще один миф?

Старпом пожал плечами и нырнул в рубку. Вскоре из люка загremели его команды.

Гюнтер принял к тяжелому биноклю, закрепленному на тумбе, превратив теперь его в прибор управления стрельбой. Выкрикнув пару команд на вычислитель параметров атаки, он посмотрел на галеон. Чтобы в таких условиях промахнуться, нужно очень постараться. Не оставив себе времени на размышления над терзавшими его сомнениями, Гюнтер скомандовал:

— Первым, пли!

Лодка вздрогнула, выплюнув серую сигару, и от ее носа стремительно потянулся след из бурлящих пузырей. Белая дорожка, добежав за двадцать секунд, уперлась в корпус галеона. Англичане тоже ее заметили и с любопытством наблюдали, свесившись через борт. Затем они перебежали на другую сторону и теперь смотрели на удаляющийся след в сторону берега. Белая нить, протянувшаяся от подводной лодки, пробежавшая под галеоном, уперлась в нависавший над входом в бухту утес. Тридцатиметровая каменная глыба сначала задрожала от страшного удара в основание, затем исчезла в поднявшемся на сотню метров столбе воды и, разбрасывая в стороны облепившие ее деревья, начала рассыпаться на глазах изумленных испанцев. В воздух, вращаясь, взлетела пушка вместе с пушкарями. Над бухтой прокатилась взрывная волна и, тряхнув причал, сбросила в воду губернатора вместе с его окружением. Поднявшие невообразимый крик женщины, путаясь в платьях, стали разбегаться по домам. Оглушенный взрывом Пабло упал лицом в песок. Рядом, поднимая фонтаны брызг, падали камни. Вскочив на ноги, Пабло сквозь дым пытался рассмотреть бригантину. От того, что он увидел, у него перехватило горло, не давая сделать вдох. Огромные каменные глыбы падали на палубу «Летящей лани», переламывая, как спички, ребра ее шпангоутов и раздирая борта. Мачты рухнули и теперь, запутавшиеся в парусах, плавали в воде. Вскоре о бригантине напоминали лишь редкие обломки да несколько пустых бочек.

Гюнтер спокойно наблюдал, как рушится утес. Со времен сотворения эта скала не знала такой встряски и теперь разваливалась, как картонный домик.

— Отто, какая глубина была выставлена на торпедо? — спросил Гюнтер поднявшегося на мостик старпома.

— Семь с половиной. Стандарт...

Выставленная на всех торпедах стандартная глубина была рассчитана на прохождение торпеды под днищем корабля и срабатывание магнитного взрывателя. Деревянного корпуса галеона магнитный взрыватель просто не заметил. Здесь необходимо было изменить глубину хода торпеды, чтобы сработал контактный взрыватель от удара о борт. Об этом старший помощник даже не вспомнил.

— Помогли... — протянул удрученно Гюнтер.

Галеон продолжал неуклюже поворачиваться, потеряв в парусах ветер. Когда его бушприт оказался направлен на лодку, нос корабля окутался белым дымом. Два ядра, прошелеstes рядом с рубкой, подняли фонтаны по правому борту.

— Они пытаются кусаться, — прокомментировал Отто.

— Да, как ни странно. А ведь видели, что мы сделали со скалой. Им бы впору удирать...

— В носу на таких парусниках ставят всего две пушки и, как правило, малого калибра, но сейчас он развернется бортом и тогда о безопасности придется подумать нам.

— Удивительное время, — задумчиво произнес Гюнтер. — Здесь никто ничего не боится.

— Капитан, что прикажете? Попробуем еще одной торпедой или готовить пушку?

Отто озабоченно наблюдал за разворачивающимся в трехстах метрах галеоном, в пушечных портах которого блестели стволы пушек.

— Не успеем. Вызывай зенитчиков.

— Расчет к зенитному оружию! — проревел старпом в рубку.

«Удивительное время, удивительные люди, — думал Гюнтер. — Мы перед ними ландшафт меняем, а они будто и не замечают этого. Сколько губернатора ни пугали, а по-настоящему страха в глазах я так ни разу и не увидел».

Рядом загремели зенитчики, вытаскивая на мостик железный короб с двадцатимиллиметровыми снарядами. Один уперся плечами в мягкие упоры и развернул паутину прицела на галеон. Второй, раскрыв затвор, заправлял тяжелую широкую ленту.

Гюнтер поднял бинокль и увидел глядевшего на него в подзорную трубу капитана.

Плотный здоровяк с очень широкими плечами, вьющимися каштановыми волосами и острой бородкой. Встретившись взглядом, англичанин опустил трубу, и Гюнтер увидел веселые голубые глаза. Беззвучно прокричав команду, капитан вновь закрыл глаза трубой. У Гюнтера мелькнула мысль, что англичанин сейчас поднимет руку и помашет ему, демонстрируя свое презрение к опасности.

Как бывало и прежде, он испытал уважение к смелому противнику. Такие люди всегда гибнут в первую очередь. Чаще завидное долголетие демонстрируют трусы. Природа несправедлива — для улучшения человеческой породы должно быть все наоборот.

— Бей по парусам. Срежь мачты, — дал он команду зенитчику.

Гюнтер решил, что восстановит справедливость и оставит в живых капитана и его бесстрашный экипаж. Да и не покидало чувство, что губернатор грубо их использует. Еще не зная, как выйти из этого положения, Гюнтер хотел, чтобы и волки и овцы остались целы.

Не успел он договорить, как его слова поглотил грохот орудия. На мостик градом посыпались желтые гильзы. Снаряды величиной с банан яркими нитями понеслись к галеону. На палубе подпрыгнули, разлетаясь в щепки, бочки и ящики с корабельным снаряжением. На средней мачте вспыхнул нижний парус. Но тут же четверо матросов, взлетев по веревочным лестницам, срубили его и сбросили за борт. От разорвавшегося снаряда вспыхнула бухта с толстым пеньковым канатом. И сразу же рядом возник матрос с ведром и затушил разгорающееся пламя.

«Поразительно, — глядя на английскую команду, думал Гюнтер. — Никто не прыгнул в панике в воду, никто не бежит к спасательной шлюпке. Напротив, деловито, будто им каждый день приходится перестреливаться с подводными лодками, пушкарки выглядывали в порты поверх стволов, прикидывая на глаз расстояние, и с фитилями в руках готовились сделать первый залп».

Дергаясь всем телом вместе со стволами орудия, зенитчик выкрикивал ругательства, пытаясь удержать галеон в сетке перекрестия. Гюнтер наблюдал, как превращались в щепки резные борта. Затем рядом с галеоном из воды поднялись фонтаны, и теперь снаряды исчезали в трюме корабля на уровне ватерлинии.

«Возьми выше!» — хотел он прокричать зенитчику. Но в ту же секунду, разламывая корабль на две части, в небо взлетел огненный смерч. Яркий шар пламени и дыма скрыл галеон от глаз. Запоздало докатился жуткий грохот, и мостик лодки обдала волна раскаленного воздуха. Облако дыма оторвалось от воды и поднялось в небо белым грибом, оставив на поверхности лишь часть кормовых кают и обломки мачт. На волнах раскачивался десяток голов. Те, кто в момент взрыва был в носу корабля или далеко на корме, оглушенные, теперь еле держались на воде, пытаясь схватиться за плавающие рядом обломки. Остальная команда вместе с капитаном исчезла вместе с галеоном.

«Жуткая развязка!» — подумал Кюхельман.

— Командир! Нам теперь два корабля в зачет! — засмеялся второй помощник.

Но Гюнтер взглянул на него так, что Герберт поперхнулся собственными словами.

— В пороховой погреб попали, — произнес Отто.

Гюнтер молча смотрел на то место, где всего минуту назад был красавец корабль с бесстрашной командой на борту.

Затем он увидел, как из бухты появилась лодка. Гребцы выкладывались изо всех сил, а на носу в полный рост стоял губернатор. Одной рукой он придерживал трепещущую на ветру шляпу, в другой держал обнаженную шпагу. Волны, ударив в борт, едва не свалили его. Расставив пошире ноги, дон Диего указал гребцам на ближайшую голову матроса, плывущего к берегу. Шлюпка закрыла от Гюнтера моряка, он лишь увидел поднятые руки, пытавшиеся вцепиться в борт. Англичанин решил, что его хотят спасти.

Но губернатор взмахнул шпагой — и руки исчезли. Дон Диего, пританцовывая на носу лодки, направлял гребцов к следующей жертве. Взмах руки — и от качающейся на волнах головы осталось лишь кровавое пятно. Два замаха весел — и рядом еще одна, пытающаяся закрыться рукой голова.

Над водой раздался жуткий победный вопль губернатора. Сделав круг на месте, где утонул галеон, гребцы подняли весла. Дон Диего встал во весь рост и, закрываясь рукой от солнца, высматривал очередную жертву.

И вот он увидел, как из последних сил в сторону корабля чужаков плывет последний из оставшихся в живых английских моряков.

Гюнтер решил, что не отдаст его губернатору на расправу. До подводной лодки англичанину оставалось чуть больше десяти метров, а до шлюпки губернатора — почти пятьдесят, и Гюнтер был уверен, что моряк спасется. Он даже дал команду приготовить веревку и помочь англичанину забраться на борт. Но дон Диего перехитрил его. Он поднял со дна лодки мушкет и тщательно прицелился.

Стрелял губернатор хорошо. Появилось облако дыма, и через секунду голова с длинными намокшими волосами взорвалась, разбросав по воде кровавое месиво.

От этого зрелища у Гюнтера подкатил ком к горлу.

Через минуту к борту подплыла шлюпка. Дон Диего внимательно осматривал черные бока лодки. Так близко корабль чужаков он еще не видел.

— Капитан! Поздравляю вас с великой победой!

— Ничего великого в этой бойне я не вижу! — перевел Вилли ответ командира.

— Напрасно. Впрочем, как хотите. А вот я выбью сегодняшнюю дату на дверях своего дома, чтобы всегда помнить, как мы вместе, рука об руку, разгромили англичан.

Дон Диего различил на бортах ржавые потеки и понял, что корабль чужаков из железа. У него вытянулось лицо.

— Капитан, позвольте подняться к вам на борт!

— Нет!

Губернатор с минуту помолчал, переваривая обиду. С трудом справившись с ударившим в голову давлением, он криво улыбнулся и, приказав грести к берегу, на прощание крикнул:

— Сегодня великий день! И мы будем его праздновать. Присоединяйтесь, капитан! У меня еще есть бочонок рома, а джина столько, что неделю пить хватит. Мы будем вас ждать!

Гюнтер промолчал. Экипаж лодки выбирался из рубки и заполнял палубу. Всем было ясно, что пришло время уходить. Зеленая гора, как и в первый день их появления, зацепила вершиной облако и теперь терпеливо ждала, когда оно потемнеет и прольется на джунгли дождем. Открытой раной, еще не затянутой травой и деревьями, торчали камни на месте разрушенного утеса. Мрачную память оставляли о себе пришельцы из будущего. Многие понимали, что не так следовало бы им уходить. Может, и должен был состояться совместный прощальный ужин, но слишком разными они были со средневековыми испанцами. Уничтоженная бригантина, пролитая кровь англичан, да и натянутые отношения в последние дни — все это вынуждало с грустью смотреть на зеленый берег. Понимая, какая пропасть пролегла между ними, и в то же время благодарить судьбу за эти дни. Удивительные, странные и необычные дни.

Гюнтер чувствовал настроение команды.

— Мы уходим! — громко обратился он к строю. — Мы должны вернуться в свое время, всех нас там ждут! Помните об этом, и это должно придавать нам силы. Верьте, что все у нас получится, и тогда у нас действительно все получится!

Из рубки появился доктор, спустился на палубу и, протолкавшись сквозь строй к командиру, прошептал ему на ухо несколько слов.

— Спасибо, док! Это первая хорошая новость за сегодняшний день. Док говорит, что пришел в себя Пауль. Он будет жить, и это хороший знак!

Гюнтер уже хотел дать команду: «По местам!» — но вместо этого машинально спросил:

— У кого есть вопросы?

Он был уверен, что вопросов не будет, и с удивлением посмотрел на вытянутую вверх руку. Из второй шеренги, несмело подняв ладонь, пытался привлечь внимание боцман.

— Что случилось, Мартин? Ты хочешь что-то сказать?

— Да, герр командир.

Боцман вышел, встал напротив Гюнтера и произнес:

— Я вот что вас хотел спросить. Скажите, зачем нам куда-то плыть? Что вы хотите найти? Может, те эсминцы, которые нас не добили? Или рветесь выполнять очередной приказ фюрера?

Гюнтеру показалось, что он ослышался.

— Мартин, я тебя не понимаю. Ты что, пьян?

— Нет, герр командир, я трезв и, как никогда, взвешиваю каждое свое слово. Вы можете отдать меня под суд! Да только где этот суд? И где наш фюрер? А вон там, — боцман указал рукой на бухту, — там, всего лишь на глубине двух десятков метров, лежат огромные богатства. Почему вы постоянно твердите: вернуться! А почему никто ни разу не подумал о том, чтобы остаться? Вы всегда, командир, думаете за нас. Вы умный! Но почему вы ни разу не задумались над тем, какая мы здесь сила. Да мы с нашей лодкой — ураган, способный стирать с лица земли государства!

Мартин, распаляясь, уже не говорил, а кричал, размахивая кулаком:

— Командир, вы хотите стать королем Англии или Франции и Испании? Или всей Европы, вместе взятой? Так станьте им! Мне бы хватило баронского замка да крепостных душ триста. Куда вы нас ведете? А вы спросите команду: хотим ли мы возвращаться? Спросите, спросите! Может, и мы хотим сделать свой выбор?

Гюнтер был потрясен. Бездействие на острове разлагающе повлияло на команду, и боцман был тому примером. Первым желанием было выхватить пистолет и застрелить Мартина. По вытянувшемуся лицу Герберта он понял, что еще немного, и лейтенант так и сделает. Но затем ему стало интересно: есть ли у боцмана единомышленники?

— Кто еще хочет остаться? — спросил он, обведя взглядом строй. — Кто хочет стать бароном или графом?

Моряки, улыбаясь, смотрели ему в лицо. Не заметив ни одного потупившегося взгляда, Гюнтер тоже улыбнулся.

— Ты один, Мартин. Так что займи свое место и готовься к отплытию. А мы все сделаем вид, что ничего не слышали.

Боцман замер с каменным лицом. Казалось, он был раздавлен. Будучи уверенным в своей правоте и рассчитывая на поддержку товарищей, Мартин чувствовал себя униженным и осмеянным всей командой.

Командир снисходительно похлопал его по плечу, подталкивая к трапу. Неожиданно боцман отпихнул преграждавшего ему путь лейтенанта Вагнера и с разбегу бросился в воду. Вынырнув в десяти метрах от лодки, широко загребая руками, он поплыл к берегу.

Герберт выхватил пистолет.

— Не надо, — остановил его Гюнтер. — Это его выбор!

— Он дезертир!

— Он сам себя наказал.

Неожиданно кто-то робко сказал сзади:

— Герр командир!

Гюнтер обернулся. Перед ним, опустив голову, стоял штурман.

— Что, Вилли? И ты?

— Нет-нет, герр командир. Вернее, да. Хотя — нет... Герр командир, мне не нужно золото или замок, но я должен остаться!

Гюнтер тяжело вздохнул. Как раз со штурманом все было понятно. Удивительно, что этот разговор он не завел раньше.

— Вилли, ты погибнешь.

— Да, наверное. Последнее время мне все это говорят. Но, если я этого не сделаю, я буду погибать день за днем, до скончания жизни. Проклиная себя, что не погиб здесь один раз.

— Это слова не мальчика, а мужчины, — задумчиво произнес Отто.

Гюнтер задумался. Вспомнилась Гертруда. В глубине души он отдавал себе отчет, что рвется назад к ней, а не из желания продолжать и дальше воевать.

Может, и прав боцман: не всегда командир должен все решать за всех.

— Я понимаю тебя, Вилли, и не осуждаю. Ты вправе сделать свой выбор. Думаю, что справиться мы без тебя сможем. И я и Отто в штурманском деле не новички. Об одном тебя прошу: не торопись. Я хочу тебе дать время и шанс на выживание. Мы дождемся темноты и высадим тебя на спасательной шлюпке так, чтобы тебя не заметили с острова. Отпустить тебя сейчас — все равно что выбросить за борт с гирей на шее. Губернатор отыграется на тебе за все. Хотя я не знаю, на что тебе рассчитывать ночью, но мне кажется, что так будет лучше. А может, я просто тяну время — вдруг передумаешь?

— Не передумаю! — благодарно улыбнулся Вилли.

— Нет! Ну ты послушай! Он не считает эту победу великой! Каков павлин!

Дон Диего бушевал, вместе с Пабло меряя шагами причал.

— Этот надутый чужак даже не позволил мне подняться на борт его корабля. Такого оскорбления мне еще не наносил никто. Такова благодарность за все, что мы для них сделали!

— Отец, они уничтожили англичан, — робко вставил Пабло. — Надо отдать им справедливость.

— Справедливости нет! Есть пределы! И они их давно нарушили. Чужаки отправили на дно англичан, но какой ценой! Они погубили твою «Летящую лань»! Да красивей бригантины я не видел на всем Карибском море!

— Да...

Пабло тяжело вздохнул, он готов был заплакать.

— Отец, ты, конечно, высказал им все, что о них думаешь? И за мою бригантину и за галеон Карлоса! Я в отчаянии оттого, что мы не можем отплатить им сполна.

— Я не сказал им ни слова.

Пабло остановился, в недоумении уставившись на отца.

— Сын мой! Что такое слова? Нужны дела! Я не теряю надежды заманить их на остров. Вот тогда и отомстим. Что твоя бригантина! Ты видел их корабль? А что он сделал с утесом?

Дон Диего задумался.

— Я думаю расставить на берегу столы, чтобы чужакам было хорошо видно. Как в тот первый день. Вдруг клонут. Я еще раз пошлю к ним гонца с приглашением.

Губернатор вдруг покраснел и, схватив сына за руку, прошипел ему в лицо:

— Если бы ты знал, Пабло, как я их ненавижу! Не меньше, чем англичан. Так бы и развесил на каждой пальме. А по утрам любовался бы, как их клюют чайки.

Вспомнив об англичанах, дон Диего повеселел:

— А ты видел, как я достал того, четвертого? Я только замахнусь, а он под воду! Я к нему, а он опять ныряет! Но я его все-таки подловил. Хрясь! И голова пополам. Давно я так не веселился.

— Отец, я лишился корабля!

— Прекрати стенать! Достанем твое золото и купим новый корабль.

— Как достанем?!

— Еще не знаю. Но обязательно достанем. Пио хорошо ныряет, и Алонсо неплох. Да вот только где их дьявол носит? Посидишь пока со мной на берегу. Женю тебя на Кармен.

— Не хочу я ни сидеть с тобой, ни жениться! Да и Кармен, уверен, тоже не захочет.

— Ничего, привыкнет. Запомни, Пабло, человек такое животное, что ко всему привыкает. Даже к виселице. Сначала дергается. Ха-ха... ему там неудобно. Потом привыкает.

Неожиданно губернатор толкнул сына в бок:

— Взгляни! Кто это плывет? Неужели я не заметил англичанина?

— Нет, отец, это чужак.

— Чужак? Вот так удача, как же мне его не хватало!

— Взгляни туда, отец! — Пабло указал в другую сторону, на джунгли.

Дон Диего напрягся. Из зарослей появился Чуи с отрядом. Высматривая среди них Карлоса, губернатор не выдержал и бросился бегом навстречу.

— Пабло, хватай чужака, а я поговорю с Чуи!

Чуи подошел и молча протянул шпагу Карлоса.

Дон Диего замер, не отрывая взгляд от сверкающего эфеса.

— Он... — Дон Диего запнулся, не в силах произнести страшное слово.

— Мы его не нашли.

— А где остальные? Где Алонсо? Где Пио?

— Они все погибли. Их мы опознали по обрывкам одежды. Там была тьма гиен. Но вашего сына среди погибших не было. Мы нашли его шпагу. Хозяин, я надеюсь, что ваш сын жив.

— Кто это сделал? Туземцы?

— Нет. В телах погибших нет ни стрел, ни ядовитых игл. И еще, хозяин, туземцы тоже исчезли. Мы обошли почти весь остров, но не увидели ни одного.

Дон Диего удивленно вздернул брови:

— Исчезли туземцы? Но куда?

— Не знаю. В одном месте на берегу остались следы от пирог. Возможно, они уплыли.

— Странно. За десять лет мы не смогли их отсюда выгнать, а тут вдруг исчезли сами?

— Это так, хозяин. Мы все обыскали, но, кроме наших, ничего не нашли. Все они были в одном месте. Почти у всех сабли остались в ножнах. Они даже не отбивались. То, что осталось от Алонсо, нашли в стороне. Наверное, ему удалось бежать, но затем его догнали. Его опознали по сапогам.

— Ты уверен, что Карлоса среди них не было?

— Я хорошо знаю шлем и доспехи вашего сына, но мы их не нашли. Еще мы нашли его кирасу. На ней тоже нет крови, и ремни расстегнуты, а не порваны. Он ее сбросил сам. Я думаю, что Карлос жив.

— Спасибо, Чуи.

Дон Диего неумело смахнул повисшую на реснице слезу. Затем, отвернувшись, зашагал по тропе к церкви. Впервые за много лет он решил обратиться за помощью к Богу.

18

Пот катился ручьями по затылку на шею. Рукава кольчуги накалились и безжалостно обжигали руки. Сознание стремилось вырваться из небытия. Сквозь убаюкивающий шорох волн доносились голоса.

Карлос открыл глаза. Белое солнце ослепило, затмив все вокруг. И сразу голоса стихли. Заслонив собой солнечный диск, над ним склонилась голова с копной кудрявых волос. Раскосые смеющиеся глаза, белые зубы, розовая кожа. Карлос часто заморгал. Расплывающееся пятно обрело черты, и он увидел перед собой молодую туземку. Девушка старалась удерживать свою тень на его лице. Он приподнялся. Вокруг, куда доставал взгляд, бежали волны. От них его отделял лишь низкий тонкий борт лодки. Карлос дернулся, пытаясь сесть, но тут появилась еще одна голова с раскрашенными щеками. Надавив ладонью ему на грудь, туземец заставил Карлоса лечь на дно лодки. Девушка, улыбаясь, поднесла к его губам огромную скорлупу ореха. Карлос стиснул зубы. Тогда руки туземца больно сжали его скулы возле ушей. Карлос вскрикнул, и в рот ему влилась вонючая и горькая жидкость.

— Что за гадость! — Он попытался выплюнуть ее.

Затем все вокруг закружилось, смуглые лица туземцев смазались, и голоса вновь пробивались как сквозь вату.

— Оравить меня хайте, раскрашенные обезьяны! — из последних сил выкрикнул Карлос.

По рукам и ногам бежали тысячи игл. Голоса исчезли, и, раскачиваясь как на качелях, Карлос полетел куда-то наперегонки с чайками.

В следующий раз он пришел в себя уже на берегу. Волны набегали на песок у самых ног. Густой кустарник давал приятную тень. Под голову ему кто-то подложил мягкую подушку из свернутых листьев. Стараясь не показывать, что он проснулся, Карлос, чуть приоткрыв глаза, осмотрелся. Возле него кто-то с кем-то разговаривал. Рядом доносились голоса. Язык показался знакомым, но непонятным. Он посмотрел на свои босые ноги и тут же вспомнил, где он потерял сапоги. В голове будто выстрелил мушкет. Вспомнилось болото, крокодилы, ягуары и тащившие его к берегу туземцы. Широкие, с щегольскими желтыми полосками штаны превратились в лохмотья, прикрывающие ноги лишь до колен. Карлос с удивлением почувствовал спиной букану. У него ее не отобрали! Чудом не потерялись и висевшие на поясе рукавицы из кольчужной сетки. Да и стягивающая грудь кольчуга тоже была на месте. Впившийся в шею ремень напомнил, что и шлем никуда не исчез. Удивительно, но у него не отобрали ничего!

Заворочавшись, Карлос себя выдал. Рядом вновь появилась уже знакомая ему туземка с чашей из скорлупы в руках. Карлос спросил, где он. Но она лишь улыбнулась и, приподняв ему голову, поднесла напиток к губам. Ее лицо показалось Карлосу очень юным и нежными. Вовсе не таким, как у остальных туземцев. Девушка была красива той природной красотой, которую еще не испортили модные прихоти и условности цивилизованного мира. Карлос попытался улыбнуться ей и даже не заметил, как проглотил жуткое пойло. Он попытался встать, но она взяла его лицо в ладони, и он затих. Удивительно мягкие руки будто обволакивали его. Их нежность смешалась с приятной невесомостью и эйфорией в голове, и он вновь погрузился в нирвану.

Затем была ночь. Очнувшись, Карлос смотрел на звезды. Небосвод провис от их тяжести, казалось, протяни руку, и можно дотронуться до холодного светлячка, одного из тысяч светлячков, усеявших небо. Приятная прохлада раскачивала измученное тело на невидимых руках. И опять появилась она. Сопротивляться не было сил, да и желания. Карлос отдался во власть ее нежных рук. Только бы она вновь взяла его лицо в свои ладони. Выпить отраву из этих рук — легко! Трави меня, моя ночная нимфа джунглей! С тобой я улетаю в сказочные миры, выдуманные бредовым воображением пьяного Соломона...

Жгучее солнце заглянуло в его укрытие. Карлос открыл глаза. Он уже давно потерял чувство реальности. Где он? С трудом пошевелив руками, посмотрел на свои пальцы. Кто он? Листья качнулись и закрыли от него солнце. А впрочем, это не ветки спасительных кустов, а ее набедренная повязка, сплетенная из лиан и широких красных листьев. И опять эта ужасная скорлупа в ее руках!

Неужели это будет вечно?! Карлос готов был рыдать от безысходности.

Грань между реальным миром и бредовой бездной стерлась. Умеет ли он летать? Или это галлюцинации? А может, эта горькая жидкость, что течет по его горлу, тоже ему снится?

Туман наступал из джунглей и, спускаясь вдоль берега, тянулся в застывшее море. Серая вода была такая гладкая и ровная, что Карлос не сразу понял, это все еще его видения или он действительно очнулся. Он замерз, и это был явный признак того, что горящий рядом костер — это действительно костер, а не колышущийся призрак из преисподней. Возле него, уткнувшись лицом в колени, сидя спала туземка. В ее колышущейся тени спал еще один туземец. Рядом с ним на траве лежала украшенная яркими полосами маска с черными дырами для глаз и длинными перьями вместо волос. Вдоль берега горели еще несколько костров.

Карлос подполз поближе к огню, подставляя теплу продрогшую грудь. По поблекшим звездам он понял: ночь заканчивается и скоро будет светать. Громко треснула ветка и разбудила туземку. Девушка вскочила и, обрадовавшись, дернула за ногу спящего туземца.

Карлос бросился к костру и схватил горящую толстую ветку. Защищаясь, он выставил

ее перед собой. С него хватит! Больше он ничего пить не будет! Пусть лучше его сожгут на костре, но заливать в него эту горькую гадость он больше не даст!

— Прочь от меня, голозадые обезьяны, пока я не подпалил вам шерсть!

Туземец встал и подошел к нему на расстояние вытянутой руки, не обращая внимания на тлеющую палку в руке Карлоса. Внимательно посмотрев в лицо, он вдруг сказал на вполне понятном языке:

— Ты будешь жить, бледный человек.

Казалось, выползи сейчас из моря крокодил и спой серенаду, Карлос был бы потрясен меньше. Он даже не сразу понял, что туземец сказал все это по-испански. Да, грубый акцент, неправильное ударение, но это был настоящий испанский язык. От изумления Карлос не мог оправиться несколько минут. Затем, все еще не веря своим ушам, он произнес:

— Скажи еще что-нибудь. Кто ты?

— Я жрец племени Синего волка. Твои люди называют меня странным именем — шаман. Мы дети великого народа сепотеки. Меня зовут Коланихе.

— Коланихе? Что это значит?

— Прорицатель, или Хранящий мудрость.

— С ума сойти. Я разговариваю с туземцем! Скажи, Коланихе, откуда ты знаешь наш язык?

— Когда-то среди нас жил бледный человек. Ваше племя выгнало его, и он пришел к нам. Его звали Амадо.

— Амадо? — Карлос вдруг вспомнил, что так звали матроса, которого его отец ранил из пистолета и хотел повесить за то, что тот спрятал выброшенную после крушения у их берегов португальского брига золотую тарелку. Амадо убежал, и повесить его не успели, но были уверены, что в джунглях его сожрали ягуары. И было это очень давно.

В подтверждение его мыслей Коланихе продолжил:

— Бледный человек уже был на пути в долину павших, но мы его вернули.

Жрец отобрал у Карлоса уже потухшую ветку и бросил ее в огонь.

— Возьми. — Он достал из углей обернутый в почерневшие листья кусок мяса на длинной кости. — Тебе надо много есть. Ты тоже шел в долину павших, но Ситлалис тебя вернула.

— Ситлалис? Это она? — Карлос кивнул на счастливо улыбающуюся девушку. — Что означает ее имя?

— Поднимающая звезду.

— Спасибо! У тебя красивое имя, и ты тоже красивая.

— Она не говорит на твоём языке. Никто не говорит. Только я. Еще говорил вождь Куэтлаттли, но его забрал воин бога Кокишек — Иди.

— Да, да... Я видел вашего Иди. Он погубил и моих людей.

Карлос впился в сочное мясо. Мясо было полусырое, но ему показалось, что ничего вкуснее он не ел никогда в жизни. Племя уже проснулось и, обступив костер, внимательно смотрело, как Карлос ест. И у мужчин и у женщин единственной одеждой была сплетенная из плотных листьев набедренная повязка. Карлос сначала смутился от наготы стоявших рядом женщин, но быстро привык. Единственная, на кого он никак не решался поднять глаза, была Ситлалис. Он сразу обратил внимание на то, что она не такая, как другие женщины племени. В отличие от прямых и черных волос туземок у нее волосы свисали светлыми вьющимися прядями. Она была тоньше и изящнее остальных.

Карлос ощупал обросшее жесткой щетиной лицо.

— Скажи, Коланихе, сколько дней я у вас?

— Давно. Когда мы тебя нашли, луна была слепа, сейчас она светит как солнце.

— Понятно, — ответил Карлос, хотя не совсем понял жреца. Сейчас было полнолуние, и если Коланихе считал слепой луной новолуние, то получалось, что он в племени уже две недели. А в это верилось с трудом.

— Ты очень не хотел возвращаться, и лишь упрямство Ситлалис и ее песни богу

Кокишек вернули тебя назад в мир живых.

Карлос повернулся к девушке и кивнул ей в знак благодарности.

Наевшись, он встал и тут же пошатнулся от слабости. Племя с опаской расступилось. Карлос заметил, что он, пожалуй, на две головы выше любого из мужчин племени, и те с почтением глядят на его мощную фигуру.

— Скажи, бледный человек, как твое имя? — обратился к нему жрец.

— Карлос.

— Что означает это имя в твоём племени?

— Человек.

Коланихе удивленно посмотрел на него, но промолчал.

Затем, что-то вспомнив, он отложил свой кусок мяса в сторону и спросил:

— Скажи, Карлос, почему ты говорил, что мы животные по имени обезьяны? Я долго думал над твоими словами, смотрел на свое племя, искал что-нибудь похожее, но не нашел. Ты сказал загадочные слова, но я жрец и должен знать все.

Карлос смущенно улыбнулся:

— Я не знал, что вы меня спасаете. Мы сравниваем человека с обезьяной, когда хотим его оскорбить или обидеть. Обезьяна — это недостойное животное, и сравнение с ним унижает человека.

— Обезьяна — недостойное животное? Но почему? Своим спасением ты обязан ей! Все эти дни ты пил зелье, сваренное из сока болотных трав, крови и мочи обезьян. Сейчас ты ел ее мясо, чтобы снова стать сильным.

Карлос почувствовал, как у него к горлу подкатил комок из мгновенно взбунтовавшегося желудка. Он посмотрел на обглоданную кость у своих ног.

— Коланихе, скажи, что ты посмеялся надо мной, — сказал Карлос, но, взглянув на жреца, понял, что тот и не думал шутить.

— О господи, — прошептал Карлос. — Меня сейчас вывернет наизнанку.

Он огляделся, выбирая куст, под которым мог бы очистить желудок, но затем, сглотнув, решил, что это глупо и лучше об этом не думать.

— Где мы находимся? Мне кажется, когда я просыпался, то видел вокруг море.

— Боги разгневались на нас. Они забрали нашего вождя Куетлачтли и его сына Куохтли. Племя Синего волка больше нет. Наша земля прогнала нас. Тогда мы уплыли сюда. Это чужая земля. Нашим охотникам здесь нельзя охотиться. Нам нельзя идти в глубь острова. Мы должны жить здесь до тех пор, пока племя не исчезнет.

Карлос посмотрел вдоль побережья и на открывшееся от тумана море. Никаких островов по соседству не было. За спиной высился облепленный высохшей травой обрывистый берег. Племя ютилось на тонкой полоске желтого песка, зажато между водой и каменной стеной.

— Как далеко мы от нашего острова? Сколько мы плыли?

— Наши пироги отправились в путь вместе с солнцем. А закончили, когда оно уже спало.

— Да... Не близко, — протянул Карлос.

Мысль о том, чтобы вернуться на Бенито вплавь или на каком-нибудь плоту, отпала сама собой. Прикинув, сколько могли пройти за день шустрые, не зависящие от ветра индейские пироги, он удрученно опустил голову.

— Ответь, Коланихе, а что случилось с Амадо?

— Он ушел.

— Ушел! Куда?

— В племя бледных людей. Они приходили на большой пироге, и он ушел с ними.

— Так вы его... — Карлос чуть не сказал «не съели», но, спохватившись, добавил: — отпустили?

— Амадо никто не держал. Нам было жаль с ним расставаться, но он решил, что так будет лучше ему.

— А я? Я тоже могу уйти?

— Ты можешь уйти, когда захочешь.

Карлос посмотрел на крутой обрыв за спиной. Оттуда, наверное, было видно гораздо дальше.

— Коланихе, идем наверх. Я хотел бы осмотреть остров.

— Нельзя. Мы можем отойти от воды только на расстояние летящей стрелы. Таково слово вождя Чикахуа. Эти земли принадлежат племени Падающего орла.

Карлос посмотрел на обступивших его мужчин. Многие сжимали тонкие копья, но у нескольких он увидел длинные, почти в рост туземцев, луки.

— Дай мне, — протянул он руку, выбрав, на его взгляд, самый мощный лук.

Не будучи силен в искусстве точной стрельбы из лука, Карлос был уверен, что главное — изо всех сил натянуть тетиву, и, покраснев, потянул так, что изогнувшееся луковище жалобно заскрипело. Стрела взмыла в небо и, пролетев над краем обрыва, исчезла, мелькнув черным оперением.

— Идем, Коланихе, теперь это доступная для вас земля, — не без гордости сказал Карлос.

Племя удивленно загудело.

Карлос довольно расправил плечи. Он заметил, с каким восхищением посмотрела на него Ситлалис. Не дожидаясь, когда жрец созреет до нужного ему решения, он первым начал карабкаться по склону обрыва.

— Как же вы до сих пор живы, если вам нельзя охотиться? — спросил Карлос у взбирающегося сзади Коланихе.

— Нашим женщинам вождь Чикахуа разрешил собирать вдоль берега ягоды и съедобные корни. Этого мало. Но еще до того, как кончатся ягоды, наше племя исчезнет. Поэтому мы не узнаем голод.

— Почему? — Карлос наконец обратил внимание, что фразу об исчезновении племени он слышит уже несколько раз.

— У нас нет вождя. Его сын тоже ушел в долину павших.

— Так назначьте или выберите нового.

— Мы не можем этого сделать! — возмущенно выкрикнул жрец. От такого святотатства он в негодовании остановился и едва не скатился вниз. — Новым вождем может стать лишь тот, кто ответит на вызовы остальных воинов и победит их. После этого его должны признать старейшины.

— А где живут ваши старейшины?

— В каждом племени. Это жрецы, несущие мудрость от поколения к поколению. Один раз в год, когда наступает самое короткое солнце, старейшины собираются в круг, чтобы просить у богов удачной охоты. Тогда они могут признать вождя. Я тоже один из круга старейшин, — гордо произнес Коланихе. — А до этих пор любой вождь может прийти в племя без вождя и забрать у него, что он захочет: еду, оружие, людей. Пока ты спал, к нам уже приходил вождь Чикахуа. Он забрал двух наших следопытов. Он хотел забрать и Ситлалис, но я упрямился, пока ты не вернешься из долины павших, оставить Ситлалис рядом с тобой.

— Зачем ему люди чужого племени?

— С ними вождь Чикахуа может сделать все, что захочет. Принести в жертву своим богам, отдать в другое племя, оставить в своем. Вождь Чикахуа может забрать и тебя.

— Но я не из вашего племени и я не туземец!

Карлос выбрался на вершину обрыва и подал руку жрецу.

— Вождь Чикахуа суров и зол. Он приносит жертвы богам войны. Если он укажет на тебя, не противься, потому что тогда все старания Ситлалис окажутся напрасны. Вождь не терпит тех, кто ему перечит.

Закрывшись ладонью от солнца, Карлос взглянул на море. Куда ни доставал взгляд, всюду была лишь ровная голубая пустыня. Где-то далеко над горизонтом белело одинокое

облако. Возможно, там была земля.

— Дьявол! Куда вы меня завезли? Где наш остров?

Он попытался вспомнить карту. Острова были и южнее Бенито, и севернее. На карте они были рассыпаны то мелкими зернами, то крупными гроздьями, но все — очень далеко.

Отвернувшись от моря, Карлос осмотрел клочок суши, на котором сейчас находился. Шагов на триста тянулась выжженная и растрескавшаяся земля, утыканная редкими кустами и покрытая красной пылью. Дальше начинались джунгли, такие же, как и на его острове. Остров был большой, возможно, даже больше, чем Бенито. Не было только такой, как у них, горы, служившей в море отличным ориентиром.

— А где же ваши пироги? — спросил Карлос. Он был уверен, что туземцы спрятали их где-то в кустах.

— Их забрали люди из племени Падающего орла.

— И вы им отдали?! — Карлос не поверил собственным ушам, почувствовав, как под ногами качнулась земля вместе с зародившейся надеждой.

— У нас нет вождя.

— О господи! Да-да, я помню. Вы как войско, потерявшее знамя. Другого выбрать вы не можете, потому что легче сменить на испанском троне короля, чем вам назначить нового вождя. Коланихе, неужели ты не видишь, что эта глупость вас погубит? А почему бы тебе не объявить себя вождем? Этим ты спас бы свое племя!

— Я — жрец! Я не должен думать о племени. Я должен хранить мудрость, идущую к нам из глубины времен.

— Тысячу штормов вам на голову! А что же делать мне?!

— Спускайся и собирай ягоды вместе с женщинами. Тебе нужно окрепнуть.

Карлос застонал от собственного бессилия. Увидев внизу Ситлалис, он побрел к ней. Ягоды оказались вполне съедобными и даже вкусными. Но они только пробудили голод. Карлос сыпал их себе в рот горстями, но так и не наелся. Ситлалис смеялась над его бородой, перепачканной соком ягод, и показывала, какие можно есть, а какие нежелательно. Она поднесла к его лицу пучок корней и, очистив один от черной кожицы, с аппетитом надкусила. Карлос скривился. Затем он увидел радостного мальчишку, который выковырял из сухого бревна жирную личинку размером с детский мизинец и поторопился ее проглотить, пока никто не отобрал. Карлос отвернулся. Еще он чувствовал, что ему все больше и больше нравится Ситлалис. Он ходил за ней хвостом, каждый раз смущаясь, когда встречался с ней взглядом. Карлос вздыхал и с удвоенным вниманием принимался рассматривать ягоды на протянутой ладони Ситлалис. Его раздражал собственный облезлый вид. От прежнего лоска не осталось и следа. Обрывки штанов жалкими лохмотьями болтались на ремне. Он похудел. Некогда аккуратный клинышек бородки среди взлохмаченной жесткой щетины. Болтающаяся поверх ремня кольчуга покрылась пятнами глины и ржавчины. Кожа на открытых ногах пестрела ранами и волдырями от ожогов.

Карлос критически осмотрел себя с головы до ног. Да... такой вид может вызвать в женском сердце лишь жалость, а не восхищение.

С досадой он сорвал с головы бесполезный шлем и принялся собирать в него ягоды.

За этим занятием прошел и второй день, с него же начался и третий.

Карлос чувствовал, что от жары, однообразного занятия и голода он начинает тупеть. Утром он увидел выбежавшую из джунглей маленькую пятнистую лань. Обрадовавшись, он крикнул Коланихе, чтобы тот отправил ей наперерез охотников.

— Табу! — отрезал жрец.

— Плевать я хотел на ваше табу! — в сердцах выкрикнул Карлос, с сожалением провожая взглядом убегающую лань. — От ваших ягод у меня уже вяжет рот. Я сам добуду мясо!

Но, задумавшись, он не двинулся с места. Будь у него мушкет, он бы обязательно пошел на охоту, и никакой запрет вождя его бы не остановил. Можно было бы взять у туземцев лук, но Карлос отлично понимал, что одно дело — тянуть тетиву изо всех сил, пока

она не треснет, и совсем другое — попасть в цель.

Слушая грустное урчание желудка, он побрел к Ситлалис, склонившейся над очередным кустарником.

Постепенно на берегу появились сплетенные из веток шалаши туземцев. Один из них отдал Карлосу. Там он прятался от обжигающего солнца, и, когда рядом появился жрец, Карлос окликнул его и рискнул завести разговор о девушке:

— Ситлалис совсем не похожа на женщин твоего племени.

— Она не из нашего племени.

— Вот как? Кто же она?

Коланихе задумался: стоит ли рассказывать? И с неохотой ответил:

— Ее принесла ваша пирога, когда она была еще размером с руку. Мужчина и женщина уже не дышали. Ситлалис была завернута в мокрую тряпку и потому еще жива.

Вот так новость! Карлос был потрясен. Ситлалис вовсе не туземка! Она жертва кораблекрушения!

— Она красивая, — с чувством произнес он.

— Через три луны я скажу всему племени, что Ситлалис выросла, и тогда ты можешь объявить, что хочешь взять ее себе в жены.

— Вот так все просто?

— Нет. Многие мужчины нашего племени хотели бы взять Ситлалис в жены. Они будут вызывать друг друга на поединки, и заберет ее лишь тот, кто всех победит.

— Но так вы рискуете оставить племя без мужчин, если они поубивают друг друга.

— На наших поединках не бывает гибели. Достаточно, чтобы один мужчина признал силу другого. Хотя, если они упрямы, то могут и отправить друг друга в долину павших. Тогда победитель забирает себе в жены девушку и жену погибшего вместе с детьми. Теперь кормить их будет он. Взять девушку в жены без поединка может только вождь.

— Ха! Так он может оставить всех ваших женихов без невест, — засмеялся Карлос.

— Много женщин — плохо! — возразил жрец. — Нужно много еды.

Карлос задумался над диковинными для него обычаями, хотя не мог не признать, что рациональное зерно в этом есть. Весь уклад жизни туземцев нацелен на выживание.

Затем громким раскатом напомнил о себе голодный желудок. Нужно было выползти из спасительной тени и идти собирать осточертевшие ягоды.

— Вы живете, чтобы есть, а не едите, чтобы жить! — бросил он вождю.

— Я задумаюсь над твоими словами, — ответил Коланихе. — Но сейчас я думаю о бледных людях. Вы не такие, как мы.

— О! Это уж точно.

— Вы охотитесь не на зверей, а друг на друга. Вы теряете разум, когда видите золото. У вас есть палки, убивающие громом. Вы злые. Это потому, что злые ваши боги?

— Ты удивишься, Коланихе, но наш бог самый добрый. Он говорит нам, чтобы мы не убивали, не воровали, не клеветали друг на друга. Он учит нас любви и покорности.

— Вы не слушаетесь своего бога?! — удивлению жреца не было предела. — Почему же он не накажет вас? Почему не скроет от вас солнце и не пошлет на вас гром? Он должен истребить ваше семя!

— Я уже ответил тебе: наш бог очень добрый, — улыбнулся Карлос. — Но раз уж ты завел разговор о богах, ответь мне, жрец. Что это было за жуткое существо? Ты называл его — Иди.

— Иди — воин бога Кокишек. Очень давно бог Кокишек жил вместе с нами и брал из нас людей, чтобы делать из них воинов. Иди был человеком, но бог Кокишек позвал его и сделал своим воином.

— Он был человеком?! — Карлос удивленно посмотрел на жреца, но затем понимающе улыбнулся и спросил: — Это одна из ваших легенд?

— Что такое легенда?

— Сказка. То, чего не было.

— Жрец Коланихе не говорит того, чего не было! Ты оскорбил меня, бледный человек!

— Сядь, Коланихе. Я и не думал тебя обидеть. Пойми, у всех народов есть свои, выдуманные сказки. Они их придумывают, чтобы легче жилось, чтобы было чем завлечь детей.

— Но жрецы не придумывают, жрецы помнят!

— Не смеши меня, Коланихе. Ты помнишь своего бога? Сколько же тогда тебе лет? Может, ты даже видел бога Кокишек?

— Нет. Но я помню жрецов, которые видели его так, как сейчас я вижу тебя. Они передали это следующим жрецам, эти жрецы передали тем, которые следовали за ними. Так эта мудрость пришла ко мне.

— Ты помнишь всех ваших жрецов?! — Карлос с недоверием взглянул на Коланихе. — Сколько же их было?

— Взгляни на этот берег. Всех камней не хватит, чтобы показать, сколько жрецов пронесли наши знания.

— Если это правда, то я склоняю голову перед твоей памятью. Хотя теперь понятно, почему тебе некогда думать о собственном племени.

Карлос вспомнил, что собирался прочесать ягодные кусты, чтобы если уж не утолить голод, то хотя бы заглушить жуткий вой в желудке.

— Мы действительно с вами разные, — с легкой грустью в голосе произнес он, поднимаясь на ноги. — Я даже не знаю, кто был отцом моего отца.

Остаток дня Карлос провел в кустарнике, размышляя над тем, что он услышал от жреца. Затем, увидев, что племя потянулось к кострам, он побрел к своему вигваму.

День угасал. На небе загорались первые вечерние звезды. Карлос лежал на траве, вытянув босые ноги в сторону костра. Коланихе жарил над огнем нанизанную на ветку жабу. Огромное, в два кулака земноводное превратилось в обугленный шар и вдруг с треском лопнуло, с шипением окатив горящие угли.

Карлос сглотнул подкативший к горлу ком.

«Нет, это еще не для меня, — подумал он — хотя, пожалуй, корни я бы уже поел. Надо будет завтра попробовать».

Тропическая ночь опустилась мгновенно, будто рухнувшая штора.

Вдруг возле костра появилась Ситлалис. Карлос восторженно, всем своим видом излучая радость от ее присутствия.

«Эх, надо было приберечь горсть ягод послаще, — подумал он, — получился бы очень галантный жест кавалера. Или надергать букет цветов. Цветы! О господи, что со мной?!»

Карлос отполз чуть в сторону, уступая Ситлалис место у костра. Девушка села рядом с ним, затем вытянулась на траве, прижавшись к нему спиной.

У Карлоса перехватило дыхание. Боясь пошевелиться, несколько минут он соображал: что это может значить? Ее близость его обескураживала. Приподнявшись на локтях, он заглянул в спящее лицо Ситлалис и понял, что это не значит ровным счетом ничего. Всего лишь обмен теплом, если с моря накатит прохлада.

Подступавшая дрема исчезла. Карлос вновь уставился в звездное небо.

Нужно придумать, как выбраться отсюда, пытался он направить ход мыслей в нужное русло. Но вспомнил дневной разговор со жрецом, и его захватили мысли о туземцах. А вот если бы не он, а туземец лежал на качающемся островке, когда вокруг кишели крокодилы? И тут на берег вышел бы он, Карлос, он со своими солдатами. Что бы было?

Карлос усмехнулся: понятно что. Они созвали бы к болоту весь отряд, чтобы никто не пропустил такое забавное зрелище. Еще бы, наверное, подсказывали крокодилам, с чего начать. Да... все это грустно. Туземцы действительно совсем не такие как мы. Они безразличны к блеску золота, за которое мы вспарываем друг другу животы. Помнят своих предков, а нам на своих наплевать. Они спасли его и не требуют ничего в награду. Растят чужих детей, а нам некогда вспомнить о своих. Чтут своих богов, а мы только делаем вид. Так кто из нас человек?

«Дьявол! — встрепнулся Карлос. — Я уже думаю как туземец».

Еще немного поворочавшись, он все-таки уснул.

Проснулся Карлос оттого, что кто-то громко выкрикивал одно и то же имя. У костра, кроме Карлоса, никого не было. Все племя взволнованной толпой смотрело на тропу, ведущую по пологому склону к песчаному берегу. Вниз по ней спускался туземец с головой орла. Карлос даже протер глаза, прежде чем понял, что на голове у него пышная копна пуха и перьев, изображающая орлиную голову. За ним на почтительном расстоянии следовала его охрана, состоящая из двух туземцев с копьями.

— Кто это? — спросил Карлос жреца, хотя уже и сам догадался.

— Это вождь племени Падающего орла — Чикахуа.

— А что означает его имя?

— Сильный.

Карлос с интересом осмотрел фигуру вождя.

«Ничего особенного, — подумал он, — такой же, как и другие туземцы. Может, чуть пожилей, да кожа не красная, а задубевшая на солнце до цвета заношенного сапога».

Вождь подошел к племени и, остановившись, молча рассматривал покорно склонившиеся перед ним головы. Чтобы что-то увидеть из-под нависающего на глаза клюва, вождю приходилось задирать голову вверх. Карлоса удивил его взгляд. Он ему напомнил натренированные взгляды плантаторов, когда он привозил им на продажу рабов.

Он обратил внимание, что правая рука вождя вся в ровных поперечных порезах. Начинаясь у плеча, шрамы заканчивались ниже локтя. Самые нижние еще не зажили и были покрыты засохшей кровью.

— Что у него с рукой? — спросил он Коланихе.

— Так вождь Чикахуа отмечает каждого убитого им врага, — с восхищением ответил жрец.

Карлос скривился от этого раболопного заискивания.

— Всего-то? Эх, Коланихе, если бы я после каждого, кого отправил в долину павших, оставлял на своем теле зарубку, на мне бы живого места не было.

Вождь услышал его голос, и они встретились взглядами.

— Что, облезлая ворона, смотришь, хватит ли моей кожи тебе на барабан? — вложив в голос все презрение, на которое только был способен, сказал Карлос.

Всем своим видом он хотел показать жрецу и племени, что ему плевать на того, перед кем они трясутся от страха. Вождя Чикахуа он возненавидел, как только о нем услышал. За отобранные пироги, за то, что тот хотел забрать Ситлалис, за обиды, нанесенные племени, которые он теперь рассматривал как свои.

Но, ненадолго задержав на нем взгляд, вождь безразлично отвернулся, продолжая осматривать племя. Чикахуа выдернул из толпы юношу и толкнул в руки своих телохранителей. Карлос узнал этого молодого туземца. Это его заметил в болоте Пио. Карлос вспомнил, что тогда сказал его проводник: на лице юного охотника знаки большой доблести и скоро он станет охранять вождя. Пио ошибся.

Следующей, на кого вождь положил глаз, была Ситлалис. Грубо выдернув из толпы, он толкнул ее к своей охране.

— Стой, стой, стой! — крикнул Карлос. — Коланихе, почему ты молчишь? Это пугало растаскивает твоё племя, а ты будто и не видишь этого.

— Нет вождя — нет племени, — потупив взгляд, ответил жрец.

— Вы похожи на стадо овец, покорно бредущее на бойню! Скажи ему, что у вас есть вождь. Соври ему!

Коланихе оскорбленно поджал губы.

«Возможно, они не знают, что значит обман», — подумал Карлос.

— Хорошо! — Он подбежал к толпе и оттолкнул перепуганного туземца. — Вот он будет вождем! Говори, жрец, что у вас есть вождь! Говори, не молчи.

— Он не может быть вождем.

— О, дьявол! Вы как дети. Тысяча чертей! Коланихе, я буду вашим вождем! Если тебе плевать на свое племя, то его буду спасать я. Что там нужно? Мне должны бросать вызовы? Хорошо! Эй вы, стадо перепуганных трусов, кто рискнет бросить мне вызов?! — заревел Карлос, двинувшись на племя.

Его никто не понял, но при виде его выпученных глаз и звериного оскала все попятились, опасливо прижимаясь друг к другу.

— Видишь, жрец, желающих нет. Что дальше? Должны признать старейшины? Ты же один из них? Так признавай быстрее меня, Коланихе!

— Должен собраться круг...

— Что ты там мямлишь! — перебил его Карлос. — Достаточно и тебя одного! Вижу, что ты уже меня признал! Теперь не молчи, говори этой обезьяне, что я ваш вождь. Говори, Коланихе!

Жрец, собравшись с духом, заговорил, обращаясь к Чикахуа.

Вождь, остолбенев, с минуту смотрел на Карлоса, а затем взорвался диким смехом. Вторя ему, захохотали, едва не выронив копьа, его туземцы.

Карлос интуитивно понял, что сейчас что-то должно произойти. Возникло знакомое волнение, как перед абордажной атакой или пьяной дракой. Он двинулся на вождя, по привычке на ходу сорвав с пояса рукавицы и натягивая их на руки.

— Давай, орел, покажи, какой ты сильный!

Вождь презрительно отвернулся и продолжил осматривать племя. Такого оскорбления Карлос стерпеть не мог.

— Стой! — заорал он в затылок Чикахуа. — С тобой еще не закончил говорить вождь племени Синего волка!

Терпение вождя лопнуло. Развернувшись, он выставил напоказ белые зубы. Выпученные глаза вращались, ноздри раздулись и дрожали в унисон с верхней губой. Возможно, Чикахуа скорчил бы еще более страшное лицо, если бы у него было время. Но в этот миг Карлос врезал ему по челюсти. Усиленный железной рукавицей, его кулак, подобно пушечному ядру, ударился в подбородок Чикахуа. Вождь рухнул, не издав ни звука, как срубленный тростник. Копна перьев слетела и обнажила длинные редкие волосы с плешью на макушке.

Карлоса уже было не остановить. Вырвав из рук одного из телохранителей вождя копье, он схватил его за волосы и пнул ногой в зад, так что тот, согнувшись, побежал вперед, еле удержавшись на ногах. С треском разлетевшись на части, ему на спину обрушилось его же копье. Взыв от боли, туземец растянулся на песке рядом с вождем. Второй телохранитель испуганно попятился.

— Забирайте своего вождя и проваливайте! — закричал ему Карлос.

Наступила такая тишина, что шипение волн показалось грохотом камнепада.

— Будет война, — произнес Коланихе, угрюмо наблюдая, как телохранители тащат вождя прочь. — Вождь Чикахуа приведет много воинов. Будет жестокая война.

— Вот удивил. Если бы ты сказал мне, что придется пахать и сеять, я бы огорчился, а воевать мне, что вино пить.

— Ты погубил наше племя.

— А разве у вас было племя?

Карлос посмотрел на испуганные лица туземцев. Действительно, а что дальше? Похоже, племя больше устроила бы возможность откупиться от Чикахуа двумя-тремя своими соплеменниками и разбрестись по берегу пожирать корни.

Он сел и, обхватив колени, задумался о превратностях жизни. Нет, он ничуть не жалел о своем поступке. Но и что делать дальше, у него не было ни малейшего представления.

Задумавшись, он не заметил, что среди племени возникло какое-то оживление. Туземцы взволнованно перешептывались, поглядывая в его сторону.

К нему подошел жрец и произнес:

— Там у берега женщины видели большую пирогу бледных людей.

— Что? Где?!

Карлос вскочил на ноги, всматриваясь в том направлении, куда указывал жрец. Но всюду был лишь скрывающий берег кустарник.

— Бежим, покажешь!

— Господи, неужели ты послал мне шанс? — шептал Карлос, карабкаясь по склону обрыва — Господи, только не обмани и не посмейся надо мной в очередной раз.

Острые камни впивались ему в подошвы, но он этого не замечал, повторяя, как заклинание:

— Господи, спасибо Тебе, я верил, что Ты меня не забудешь.

Пробежав вдоль обрыва, Карлос увидел торчавшие из-за камней верхушки мачт. Сердце его бешено заколотилось — это действительно был корабль.

Добежав до края, он припал к огромному круглому валуну и осторожно выглянул. Сзади, запыхавшись, остановился Коланихе и заглянул через плечо.

Внизу, не далее чем в двухстах метрах от берега, стояла на якоре шхуна. Паруса были убраны, немногочисленная команда, столпившись на палубе, разглядывала берег. Прищурившись, Карлос пытался увидеть флаг, но флагшток был оголен и торчал кверху одинокой занозой. Корабль мог быть чей угодно.

«Конечно, лучше всего, если это испанцы, — размышлял он. — Пусть даже португальцы или французы. Хуже, если англичане, но и их можно обмануть, выдать себя за мирного поселенца, попавшего в кораблекрушение. Только бы добраться в ближайший порт, а там можно найти тех, кого я знаю и кто мне поможет».

С корабля спустили шлюпку, и в нее прыгнули четверо матросов. Сверху им подали две пустые бочки.

«Понятное дело, — подумал Карлос, — они пришли сюда за пресной водой».

Рядом с его укрытием струился вниз шумный ручей. Он брал начало где-то в джунглях и заканчивался здесь, впадая в море.

Достигнув берега, шлюпка уткнулась в песок. Теперь до моряков было не более двадцати метров, и сверху Карлос мог рассмотреть их лица. Их одежда пестрела разнообразием, и понять, кто они такие, было невозможно. На одном из моряков Карлос увидел французский камзол с вышитыми лилиями на рукавах, у второго на голове красовалась английская треуголка, третий был по пояс голым, но, несмотря на жару, у него на голове была монмутская шапка, а на шее красный шелковый платок.

Да ведь это же береговое братство, осенило Карлоса. Как он сразу о них не подумал?

— Это люди твоего племени? — спросил из-за спины Коланихе.

— Это пираты.

От волнения Карлос совсем забыл о туземцах. Размытым маревом перед глазами появился образ Ситлалис. Что теперь будет с ней и остальными туземцами? Сознание Карлоса раздвоилось и теперь вступило в беспощадную борьбу само с собой.

— Вождь Чикахуа приведет своих головорезов и всех уничтожат, — твердила одна половина, возглавляемая тщательно упрятанной в глубины души совестью.

— Да ничего с ними не станется, — отвечала вторая, — договорятся, помирятся, свалят все на тебя!

— Ты подарил им надежду, — потянула на себя чашу весов совесть.

— Ты для них чужой, твои слова для них пустой звук, — усмехаясь, парировал эгоизм, — спасай собственную шкуру, пока еще есть возможность!

— Они спасли тебя, спаси и ты их, — заламывая руки, взывала совесть.

— Забудь! — горячо шептал в ухо Карлосу эгоист.

Вконец запутавшись в собственных мыслях, Карлос решил: пусть все решит случай!

Выглянув из-за камня, он посмотрел на моряков, черпавших кожаным ведром воду.

«Если кто-нибудь из них поднимет голову и посмотрит в мою сторону, то решено — пойду к ним!» — подумал он.

Из-под ноги выскочил камешек и с глухим стуком покатился вниз. Пираты оторвались

от своей работы и задрали вверх головы.

«Нет, не так! — поторопился спрятаться за камнем Карлос. — Если прольется из ведра вода, тогда точно — это знак. Все! Жребий брошен!»

И, вжавшись грудью в камень, он осторожно выглянул.

Моряки уже наполнили одну бочку и теперь взялись за вторую. Один усердно черпал ведром, остальные плескались в ручье, поливая водой друг друга на головы, как заигравшиеся дети. Неожиданно один толкнул другого, тот, поскользнувшись, упал под ноги матросу с ведром, и все с хохотом покатались, перевернув и ведро и бочку.

Карлос тяжело вздохнул, виновато взглянув на Коланихе, пожал плечами и...

Ноги отказывали повиноваться. Карлос сам себе удивился, но двинуться с места не смог.

«Господи! Да что же я как дерьмо на волнах, не могу решить, к какому берегу пристать! — начиная закипать, воскликнул он мысленно. — Раньше я всегда знал, что мне делать, и никогда не медлил с выбором. Да, в конце концов, вождь я или не вождь?!»

И тут на него снизошло озарение: а ведь я действительно вождь! Какой выбор еще мне нужен, если я его уже сделал час назад? О чем думает моя голова, если шея уже примерила вампум вождя? От такого поворота мыслей Карлос заволновался еще сильнее, чем от вида корабля.

Со смешанными чувствами он досмотрел, как пираты наполнили бочки, загрузили их в шлюпку и налегли на весла, затем повернулся к жрецу:

— Идем, жрец. Я должен быть со своим племенем.

— Карлос... — растерянный жрец не нашелся, что сказать дальше.

— Вождь Карлос! — подняв палец вверх, с наигранной суровостью поправил его Карлос.

Коланихе с пресерьезнейшей миной на лице опустил на колени и опустил голову, вытянув перед собой руки.

— Нет, нет, нет! — запротестовал Карлос. — Это мы отменим! А еще я наложу запрет на поедание обезьян и жаб. Запомни это, Коланихе!

Расправив плечи и выпятив вперед грудь, он двинулся по краю обрыва назад — туда, где находилось его племя.

«Я вождь, вождь, вождь! — повторял он про себя, пробуя на вкус еще недавно чужое для него слово. — Я должен прочувствовать это слово. Я должен думать так, как пристало думать вождю».

Вождь! Неожиданно он ощутил всю полноту и тяжесть этого слова.

— Вождь Карлос! — отвлек его Коланихе. — Бледные люди возвращаются.

— Что такое?

Выгрузив на шхуну бочки, шлюпка вновь пошла к берегу. Только теперь она везла длинный, занявший все свободное место, опоясанный бронзовыми полосами ящик.

Карлос спрятался за камнем. Высадившись на берег, моряки еле подняли свою ношу. Согнувшись, они тащили ящик за кольца на боку, оставляя глубокие следы на песке. Несколько раз остановившись для отдыха, пираты наконец дотащили его до густых кустов под обрывом. Исчезнув на несколько минут, они вновь появились, уже без ящика, моряки аккуратно замели собственные следы и поплыли назад к шхуне.

— Вождь Карлос, бледные люди что-то прятали?

— Да. Сейчас мы с тобой посмотрим что. Будет обидно, если это то, о чем я думаю, потому что потратить его будет сложно.

Дождавшись, когда шхуна подняла паруса и ушла за горизонт, они осторожно спустились с обрыва и забрались в кусты. Ящик стоял, присыпанный песком и прикрытый срубленными ветками. Закрытую крышку удерживал мощный замок.

— Да... — протянул Карлос. — Бледные люди не хотят показать нам, что у них там внутри. А ну, подай мне, Коланихе, вон тот камень.

Разбив о железный замок круглый тяжелый булыжник, Карлос с уважением посмотрел

на толстую скобу. Затем он разбил еще один камень, но замок лишь побелел от каменной пыли. Наконец, когда вспотевший Карлос уже потерял надежду, не выдержала одна из петель и вместе с обломком доски, звякнув, повисла на упавшем замке.

Отодвинув в сторону жреца, Карлос осторожно поднял крышку. Во всю длину ящика лежали замотанные в промасленную тряпку мушкеты. На глаз Карлос определил, что их не меньше трех десятков. Сверху было уложено с десятка пистолетов. Все свободное пространство было забито мешочками с порохом и свинцовыми пулями.

От удивления Карлос присвистнул, даже для него содержимое ящика оказалось неожиданным.

— Что это, вождь Карлос? Это громовые палки?

— Да, Коланихе, это мушкеты.

— Для чего бледные люди их здесь оставили?

— Да для чего угодно. Я мог бы тебе назвать с десятка причин. Может, они замышляют какое-то дело и копят здесь оружие, а может, хотят его продать, но не доверяют покупателю. Вот получают деньги и укажут место.

Карлос задумчиво смотрел на содержимое ящика.

— Зарывать не стали. Значит, скоро вернутся.

— Вождь Карлос, мы заберем вещи бледных людей?

— Нет. Вернутся, будут искать, найдут племя.

Неожиданно Карлоса будто ударил гром. Да что за бред я несу?! Даже жрец оказался умнее меня. Ведь это шанс! Вот он — подарок Господа! Вот для чего был так труден и извилист мой путь. Вот теперь, Господи, я Тебя понял!

— Идем, Коланихе, к племени. У меня есть что им сказать.

Они увидели туземцев на том же месте, где их оставили.

— Все здесь? Вот и хорошо. Говори им, жрец, мои слова. Говори пока ты, но обещаю, что скоро я буду сам говорить с ними.

Карлос взобрался на камень, так чтобы его видели все. Неподалеку он заметил улыбающуюся Ситлалис.

«А быть вождем не так и плохо, — подумал, улыбнувшись ей в ответ, Карлос, — во всяком случае, теперь не придется дробить чужие зубы, чтобы взять ее в жены».

Но затем, смутившись, он одернул себя — теперь он должен думать не только о ней, но и обо всем племени.

— Слушайте меня, потому что с вами говорит ваш вождь! — набрав полную грудь, выкрикнул Карлос. В голосе его зазвучал металл. Даже самые скептические взгляды теперь сменились немым восхищением. — Я хочу вам сказать, что отныне для вас наступят иные времена! Из запуганного, безмолвного стада пожирателей корней вы превратитесь в могучее племя! Да, нас мало, но разве нужно много ягуаров, чтобы разогнать стаю шакалов?! Когда на ваши земли пришел Франсиско Писарро, с ним была лишь сотня конкистадоров, но он завоевал все земли инков и ацтеков... К вашему счастью, вы его не знаете. Я научу вас воевать так, как воюют бледные люди! Я научу вас стрелять из мушкетов! Со мной вы узнаете вкус побед. О, это самый прекрасный нектар, потому что это вкус счастья. И вы узнаете этот вкус! Потому что я заставлю вас быть счастливыми! Это говорю вам я — бледный вождь племени Синего волка по имени Карлос!

Луна затмила блеск звезд и растянула по морю длинную бледную дорогу. На небе не было ни облака, и ночь не могла скрыть ни остров, ни стоявшую рядом подводную лодку. Волны лениво стучались в борт и раскачивали спасательную резиновую шлюпку. Вилли смотрел на мерцающие огни на берегу, но скоро погасли и они. Близилась полночь. Он стоял на палубе в окружении экипажа. Не было только командира. Никто не пытался его отговорить. Болтали о всякой всячине, о том, что так и не успели опробовать песчаный пляж

рядом с входом в бухту, кто-то вдруг вспомнил, что не взял сувенир на память, а кто-то пожалел, что не удалось ни разу выстрелить из мушкета. Вилли отвечал невпопад, он уже начинал волноваться. Вдруг командир передумал его отпустить? Вилли был уверен в своем решении, но если вдруг командир скажет — нет, он даже не представлял, что будет делать дальше. Хотя приказ командира был для него святой обязанностью, но и чувства к Кармен тянули со страшной силой на темнеющий рядом остров.

Наконец из рубки показалась круглая голова старпома, а за ней и белая фуражка командира. Болтовня на палубе стихла.

— Не передумал, штурман? — спросил Кюхельман, рассмотрев в толпе долговязую фигуру.

— Нет, герр командир.

— Ну что же, наверное, ты поступаешь безрассудно, но это тот безрассудный поступок, перед которым стоит склонить голову. Я даже не знаю, что тебе посоветовать — у меня тоже нет ни малейшего представления. Ты можешь попробовать сегодня ночью разыскать Кармен и бежать с ней на север, там тянется гряда мелких островов. Компас есть в лодке. Ну а как вы будете выживать, надежда больше на Кармен, чем на тебя.

— Я понимаю вас, герр командир.

— И еще, Вилли. Ты не просил об этом, но наверняка думал. Не хочу, чтобы между нами осталась недосказанность. Взять с собой Кармен мы не можем. По многим причинам. Мы не знаем, что нас ждет впереди. Возможно, что будущее есть у вас, а у нас его нет.

— Я понимаю вас, герр командир.

— Вот и хорошо. Тогда пора. Дальше тянуть опасно, до рассвета осталось часов пять. Вам должно хватить. Такая светлая ночь — враг подводника, конвой при такой луне я бы атаковать не стал, но у тебя нет выбора.

— Я успею, герр командир.

— Погоди.

Кюхельман поднялся на мостик рубки и снял с ограждения автомат с подсумком на два магазина.

— Возьми. Может пригодиться.

— Нет-нет, — запротестовал Вилли. — Не люблю оружие.

— Бери, это приказ. — Гюнтер накинул ремень на шею штурману. — Ты не в женский монастырь собрался, а в осиное гнездо. Возможно, автомат подарит тебе шанс, который спасет вас обоих. Бери. Вот теперь пора. Плыви к правому берегу от бухты, там тебя скроет тень от пальм и есть где спрятать лодку. Удачи тебе, Вилли! Судьба балует безрассудных. Возможно, не зря эта ночь такая лунная, это для того, чтобы твой ангел-хранитель наблюдал за тобой и не терял из виду.

— Спасибо, герр командир. Я буду помнить ваши слова.

Вилли, закинув автомат на спину и прицепив тяжелый подсумок к ремню, подтянул за фал лодку и ловко перескочил через резиновый борт. Оттолкнувшись веслом от стального борта, он поплыл в сторону закрывшей звезды черной горы.

— Ты поступаешь, как настоящий мужчина, будь им и дальше, — сказал ему вдогонку командир.

— Пиши нам письма! — крикнул, засмеявшись, Герберт.

— Тише, — шикнул на него Гюнтер. — На берегу могут услышать.

Вилли греб, не оглядываясь на остров. Четкие линии подводной лодки расплылись в темное пятно на зеркальной глади моря. Затем послышалось низкое урчание двигателей, и еще некоторое время была видна узкая рубка, пока не исчезла и она. Потом затих и рокот дизелей. Теперь он остался один. Вилли прошептал сочиненную на ходу молитву и налег на весла, стараясь быстрее проскочить течение, тянущее лодку вдоль берега.

Зашуршало о песок резиновое дно, Вилли выпрыгнул на берег. Пригнувшись, озираясь, побежал в сторону джунглей, откуда не слышалось ни звука.

За спиной с тихим шелестом накатывались на берег волны. Торчавшие из кустов

пальмы стояли, не шелохнувшись. Вилли вытащил из воды лодку и хотел спрятать ее среди веток и широких листьев папоротника, но, вспомнив о колючих кустах, оставил ее на песке, только оттащил подальше от полосы прибоя. Не решаясь углубиться в заросли, он пошел по берегу к тому месту, где еще недавно высился утес, — теперь о нем напоминали лишь гора сваленных в кучу камней да торчащие поломанные стволы деревьев. Где-то здесь должна быть тропа, ведущая прямо к особняку губернатора. Они с Кармен не раз пробирались по ней на вершину утеса. Но как теперь найти ее в этой свалке камней? Вилли наконец решился и шагнул от спасительного берега в громадящийся впереди каменный хаос. Под ногами с громким хрустом предательски осыпались обломки породы. Взобравшись на самый высокий камень, он увидел перед собой спящий поселок. Вдруг, всего в нескольких шагах, промелькнул четкий человеческий силуэт и, пригнувшись, исчез за стволом выкорчеванной пальмы. Сердце в груди у Вилли ухнуло вниз. Он спрыгнул с камня и прижался к шершавой поверхности валуна. Губернатор все-таки оставил на берегу кого-то следить за лодкой. От досады Вилли скрипнул зубами. Это следовало предвидеть. Он теперь всегда должен думать на шаг вперед. Боясь лишний раз вдохнуть, Вилли замер, глядя на то место, где спрятался наблюдатель. Так прошло с полчаса. Наконец испанец не выдержал и осторожно выглянул из своего укрытия.

«Он потерял меня», — понял Вилли.

В стороне треснула ветка. Их двое! Он еще сильнее вжался спиной в острые каменные края.

Испанец тоже насторожился и, вытянув шею, вглядывался в темноту. Обнажив широкий тесак, он осторожно шагнул на шорох в противоположную от Вилли сторону. Неожиданно с громким треском какая-то тень бросилась из кустов ему в ноги. Испанец вскрикнул и упал на спину, закрываясь руками. Раздался короткий вопль боли, и все стихло.

Вилли прислушался к скрытой от него возне в кустах. Ветки раскачивались и с треском ломались. Затем послышалось шипение и вслед за ним хлюпающие, сосущие звуки. Вилли почувствовал, как у него поднялась пилотка на вставших дыбом волосах. Крик застрял в горле, и ужас парализовал тело. Он узнал эти звуки. Перед глазами живо встало чудовище, пожирающее свинью. Бежать, бежать! Но вместо этого Вилли еще сильнее прижался спиной к валуну. Он был готов сам превратиться в камень, лишь бы не видеть это жуткое существо. Звуки изменились, хлюпанье стихло, и существо, зашипев, выползло на песчаный берег. Остановившись, оно замерло. Вилли физически почувствовал его взгляд — взгляд насквозь. Рука потянулась к автомату.

— Сожрать, как свинью, я себя не дам, — прошептал он.

Чудовище дернуло хвостом, приподнялось на коротких лапах и поползло к воде, оставляя на песке глубокий след.

Вилли облегченно вздохнул. Содрав с головы пилотку, он вытер вспотевшее лицо. Простояв минут пять, Вилли никак не мог выйти из-за спасительного камня. Вдруг он вспомнил, что где-то рядом находится то, что осталось от испанца, и лоб вновь покрылся испариной.

Взглянув на море и удостоверившись, что существо не возвращается и не затаилось в ожидании, когда Вилли себя выдаст, он осторожно пошел к поселку. Шорох под ногами казался пушечной канонадой.

Перебравшись через гору поломанных веток и камней, он оказался в джунглях. Сверху ему казалось, что видна тропа, но внизу была полная темнота. Луна еле угадывалась сквозь густые кроны пальм.

«Ничего, ничего, — утешал себя Вилли, — я же штурман, луна должна быть с левой стороны, тогда я выйду к поселку».

Идти стало легче.

«Наверное, я вышел на тропу», — обрадовался он.

Вскоре между деревьев показалась белая стена дома губернатора. Вилли, обрадовавшись, засмеялся — он не ошибся! Тропа оборвалась, оперевшись в задний угол

особняка.

Но затем улыбка сползла с лица Вилли. Он вдруг понял, что даже не знает, какое из окон — окно комнаты Кармен. Лихорадочно пытаясь вспомнить, он перебирал в памяти все, что видел за те несколько раз, когда приходил к губернатору. На первом этаже должно быть пять или шесть комнат. На втором почти все пространство занимает терраса. Там хватит места для одной, от силы для двух комнат. Терраса — любимое место дон Диго, и маловероятно, чтобы он там поселил Кармен. Искать нужно на первом этаже. Только вот где?

Пригибаясь под окнами, Вилли осторожно пошел вдоль стены. За углом должна быть входная дверь. Вилли остановился. А зачем ему входная дверь?! Она наверняка заперта, к тому же там может быть охрана. Нет, через дверь ему путь закрыт. Рядом с домом растет дерево выше, чем крыша, вспомнил вдруг Вилли, по нему можно попробовать забраться на террасу, затем спуститься вниз. Но, подумав, он отверг и эту мысль. Уж очень она была рискованной и смахивала на бравые похождения героя авантюрного романа. Оставались окна. Вот только где то, которое ему нужно?

«Все просто! — вдруг осенило Вилли. — В окне Кармен наверняка будет какой-нибудь горшок с цветами. Дон Диго в своей комнате цветы не поставит!»

Похвалив себя за безупречную логику, Вилли вновь двинулся вдоль стены, осторожно заглядывая в темные окна. Обойдя дом сзади и затем пробравшись вдоль боковой стены, он оказался рядом с деревом, ветки которого ложились на перила террасы. Ствол тянулся ввысь всего в трех метрах от особняка. В его кроне можно было укрыться от лунного света, и Вилли прижался к стволу, осматривая из своего укрытия окна. Подняв голову вверх, он вдруг увидел рядом со своим лицом неподвижно висевшие в воздухе ботинки. Вилли почувствовал, как по телу вновь пополз холодный слизняк ужаса. Из ботинок тянулись вверх ноги. Дальше он увидел свисавшие кисти рук, но никак не мог заставить себя поднять взгляд выше. Наконец, он все-таки подавил в себе слабость и задрал голову вверх.

С лиловым в лунном свете лицом и жутким, вывалившимся наружу черным языком висел Мартин. В темноте веревку не было видно, и казалось, что боцман висит в воздухе, наплевав на все законы гравитации.

Ноги у Вилли подкосились, и он тяжело осел на землю. Впрочем, он скоро пришел в себя и, став на четвереньки, пополз прочь от проклятого дерева, больше всего боясь оглянуться.

Свернув за угол, он наконец перевел дух. Распластавшись на траве, Вилли не мог двинуть ни ногой, ни рукой. Тело налилось свинцом. Он вдруг представил, что сейчас из-за угла выскочит Мартин и, захохотав, покажет ему черный язык.

Поднявшись вновь на четвереньки, Вилли пополз к следующему углу. Эта стена была ярко освещена лунным светом, но он теперь этому только обрадовался.

Кое-как поднявшись на ноги, Вилли громко прошептал:

— Кармен! Кармен, где ты?

— Вилли! Господи, что ты здесь делаешь?

В проеме выгнутого аркой окна показалось испуганное лицо Кармен.

От радости Вилли вскрикнул. Затем, громко икнув, он бросился к девушке:

— Я к тебе... Я за тобой. Бежим скорей! Я там видел такое! Там... там!

— Лезь в окно. Здесь тебя могут увидеть.

Дважды уговаривать Вилли не пришлось. Он торопливо втиснулся в узкий проем, в панике поджимая ноги. Ему вдруг показалось, что сзади мелькнул черный силуэт боцмана.

Рухнув на пол, Вилли тотчас успокоился и, глядя на освещенные лунным светом стены, сказал:

— Как хорошо, что я угадал, где твоя комната.

— Это не моя спальня. Это приемный зал. Ты так громко кричал, что боюсь, как бы тебя не услышал кто-нибудь еще. Молю Бога, чтобы дон Диго крепко спал. Они сегодня много пили, так что, может, и повезет. Но как ты здесь оказался?

— Я пришел за тобой, Кармен. Бежим отсюда. На берегу у меня есть лодка, мы можем уплыть с этого проклятого острова. Господи, Кармен, я там видел такое...

— Знаю... это ваш матрос.

— Это Мартин. Мы с ним дружили.

— Дон Диего очень разозлился, когда ваш капитан отказался поужинать с ним вместе. Это его месть всем вам. Он просидел весь вечер наверху, рассматривая твоего друга. И еще сказал, что просидит завтра весь день, глядя, как будут слетаться чайки и вороны.

— Он чудовище.

— Да. Мне кажется, что он уже давно продал душу дьяволу.

— Кармен, бежим! К рассвету мы уже будем далеко.

Но услышать ее ответ Вилли не успел. Дом вдруг загремел от топота сапог. Щель под дверью вспыхнула пляшущими языками света. Стены загудели от громких выкриков, заскрипели от ударов распахнутые двери.

Вилли с Кармен вжались в угол. Удар сапога — и тяжелая дверь отлетела в сторону. Комната озарилась пламенем десятка факелов. Первым вошел Чуи. Вытянув перед собой факел, он осмотрелся вокруг и, увидев Вилли и Кармен, растянул рот в довольной ухмылке. За ним ворвался дон Диего. Из-за его спины выглядывали еще с десятка гнусных физиономий.

— Ха! — радостно крикнул губернатор. — А ведь я чувствовал, что сегодня должно еще что-то случиться. Лежу и ломаю голову: отчего же мне не спится? Вдруг слышу: кто-то топчется за стеной! Уж не чужак ли, думаю, слез с дерева и ищет дверь, чтобы зайти ко мне в гости? — Дон Диего захохотал, наслаждаясь испуганным видом Вилли. — А здесь гость получше! Сам штурман осчастливил нас своим присутствием! То-то я смотрю, слишком просторно твоему дружку на таком огромном суку. Двоим вам там будет в самый раз.

Закрывая собой Кармен, Вилли попятился.

— А ты, змея? — дон Диего наконец обратил внимание на Кармен. — Бедняга Фернандо, наверное, от злости грызет в аду собственные руки, глядя на твое предательство! Портовые шлюхи больше достойны уважения, чем ты! Тебе место в свинарнике, а не в моем доме.

Вилли вдруг почувствовал, что он больше не боится губернатора. В душе закипала злость. Губернатор оскорбил Кармен! Его Кармен!

— Не подходи!

Он перебросил через плечо автомат. Звонко лязгнул металлом затвор. Путая от волнения немецкие и испанские слова, Вилли злобно прошипел:

— Еще слово, и я пристрелю тебя, как взбесившуюся собаку.

Дон Диего его прекрасно понял. Ухмылка исчезла с его лица. Слишком свежи еще были воспоминания об оружии чужаков. Смолкнув, он, как загипнотизированный, уставился на автоматный ствол. Наконец, справившись с растерянностью, дон Диего изобразил жалкую улыбку и примирительным тоном произнес:

— Погоди, погоди. — Он наморщил лоб, пытаясь вспомнить имя штурмана. — Вилли! — радостно выкрикнув, он хлопнул себя по голове. — Не горячись! Ты умный и добрый юноша. Я уверен, что мы сумеем друг с другом договориться. Признаю, ты победил... Ты вернулся за Кармен? Так забирай ее. Мне такая невестка не нужна! Вижу, что удача идет за тобой по следу. Мне всегда нравились такие везунчики. Я бы никогда не решился поднять руку на любимчика фортуны. Но не взыщи, Вилли, я страсть как люблю играть с теми, кому всегда везет. Давай сыграем! Уверен, что ты выиграешь, но хочу еще раз убедиться в твоём везении.

Окончательно оправившись, дон Диего, широко улыбаясь, запустил руку в карман и выудил белую монету. Чуи вышел вперед и, став по правую руку губернатора, холодным взглядом сверлил глаза штурмана.

— Вот серебряный талер. — Дон Диего показал Вилли раскрытую ладонь. — Сейчас я его подброшу, и наверняка твоя крестная мать — удача положит этот талер герцогом

Сигизмундом кверху. А мне останется лишь склонить голову и отпустить вас на все четыре стороны. И еще будет справедливо — помочь вам золотом, ведь вам надо с чего-то начинать? Кармен мне не чужая, и дать за нее приданое — мой долг. Так я бросаю?

— Бросай!

Вилли, не очень понимая, к чему клонит губернатор, уставился на взлетевшую вверх монету. Вдруг из-под его руки вырвалась вперед Кармен.

— Он врёт! Не верь! — выкрикнула она, стремясь каблуком туфельки затоптать упавший на пол талер.

— Змея... — злобно прошипел дон Диего.

Тяжелая пощечина, способная сбить с ног крепкого мужчину, обрушилась на лицо Кармен. Вскрикнув и отлетев назад, она рухнула к ногам Вилли. Волосы разметались по полу, а из разбитых губ поползла струйка крови.

Вилли удивленно посмотрел на потерявшую сознание Кармен, затем поднял помутневший взгляд на губернатора, и пальцы сами вдавили спусковой крючок в квадратную рукоятку автомата.

— А-а-а! — иступленный крик слился с оглушительным грохотом, многократно отраженным от мраморных стен.

Во все стороны брызнули осколки камней. Пули, выбивая яркие искры, с визгом разлетались в рикошете, выискивая жертвы. Мгновенно комната заполнилась пороховыми газами, так что померкло пламя факелов.

Чуи отбросило на стену, и он сполз вниз, оставляя кровавые следы на мраморе. Несколько красных фонтанчиков брызнуло из камзола дона Диего. Рухнув на руки стоявших сзади, он вывалился в коридор.

Так же неожиданно, как и взорвался, автомат, лязгнув стальным затвором, смолк. Магазин был пуст. Комнату вновь освещал лишь пробравшийся в окно лунный свет. Оглушенный Вилли осмотрелся. В луже крови у стены лежал Чуи. На полу тихо стонала Кармен. Больше никого рядом не было. Он выглянул в окно. По тропе к церкви перепуганной толпой убегали испанцы. Четверо, немного отстав, несли раненого губернатора.

Дон Диего лежал на кровати Соломона и, то стеная, то изрыгая ругательства, ворочался, помогая донне Деборе стащить с себя камзол. Из горла его вырывался булькающий хрип, при каждом слове на губах лопались алые пузыри. У его ног сидел пастор. Достав из-за пояса губернатора нож, он распорол ему рубаху. Увидев залитую кровью грудь губернатора, донна Дебора зарыдала и собралась протирать раны смоченной в джине тряпкой.

— Оставь, Дебора, — прошептал дон Диего. — На этот раз тебе меня не спасти. Иди, ягодка моя, а мне пора поговорить с Богом.

Не сдержавшись, донна Дебора заголосила и, прижимая мокрую тряпку к лицу, вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Губернатор устало закрыл глаза и надолго замолчал. Лицо его приобрело восковой оттенок, кровь из ран на груди уже не била фонтаном, а лишь слабо сочилась, стекая на соломенный топчан.

— Не молчи, Диего, — сказал пастор. — Тебе сейчас лучше говорить. Господь слушает тебя.

— Да, Соломон, пора. Я задумался над тем, какая все-таки удивительная штука — жизнь. Когда я пришел в этот мир, у меня не было ничего. Теперь, когда я его покидаю, у меня есть полный галеон моих грехов. Мне не хватит еще одной жизни, чтобы рассказать о них Богу. Жизнь удивительна, и она видит вперед гораздо дальше нас. Когда-то я спас от разъяренной паствы проворовавшегося пастора. А теперь ты, Соломон, готовишь меня к встрече с Всевышним. Уже тогда жизнь все знала и послала мне тебя. Жаль, я только начал ее понимать, но должен с ней расстаться. Прости меня, Соломон, тебе часто от меня

доставалось.

— У тебя дурной характер, Диего.

— Перестань. Ты же знаешь — хорошим характером чаще всего называют его полное отсутствие.

Дон Диего замолчал, но потом, что-то вспомнив, открыл глаза и натужно произнес:

— Скоро я увижу Фернандо. Правда, Соломон?

— Правда, Диего.

— Мне так много нужно ему рассказать. Послушай! А он меня узнает? Он ведь по-прежнему молодой, а я уже с бородой и седина меня не пощадила.

— Узнает, Диего.

— Это хорошо. Мне так много хочется ему рассказать, но торопиться я не буду. Ведь впереди у нас вечность. — Вдруг он встрепенулся. — Почему я не вижу Пабло?

— За ним уже послали.

— Пусть принесет мне рому. И пусть придет Карлос.

Соломон удивленно поднял глаза, но, увидев закатившиеся глаза губернатора, тяжело вздохнул.

— Вечно мои сыновья расползаются от меня, как тараканы. Высеку обоих, — пробормотал губернатор и вновь замолчал.

Соломон приподнялся и посмотрел на посеревшее лицо.

— Еще рано. — Дон Диего открыл глаза, и они встретились взглядами. — Мое сердце еще бьется. Я остановил столько чужих сердец, что точно знаю, когда остановится мое. Скоро, Соломон, скоро.

Вдруг, напрягшись из последних сил, он схватил пастора за руку:

— Скажи, Соломон, ведь Господь простит меня?

— Простит, Диего.

— Тогда пора...

Дон Диего захрипел и уставился в потолок остекленевшим взглядом. Соломон грустно вздохнул и положил ему на лицо ладонь.

«Диего остался верен себе, — подумал пастор, — даже в дальний путь к Господу он умудрился уйти, не покайсясь».

Он встал, задул у изголовья свечу и пошел к двери.

Несмотря на ночное время, у церкви собралось все население острова. Весть о том, что губернатор ранен, мгновенно перелетела от дома к дому. Когда на пороге появился пастор, взволнованный гул стих и стало слышно, как в джунглях жутким воем надрывается гиена.

Соломон обвел мрачным взглядом толпу и произнес:

— Я сделал свое дело — дон Диего уже в пути. Делайте теперь и вы свое. Губернатора больше нет, выбирайте нового.

С голов поползли шапки, треуголки, банданы. Женщины подхватили скорбное завывание донны Деборы. Кто-то хотел выстрелить из пистолета в воздух, отсалютовав напоследок дону Диего, но передумал и спрятал пистолет за пояс. Не закончив креститься, толпа взволнованно загудела:

— А что здесь выбирать? Пусть Пабло будет губернатором.

Все повернулись к Пабло.

— Ну уж нет, — скривился он в презрительной гримасе. — Лучше быть пастухом у стада баранов, чем вашим губернатором. Скоро сюда зайдет «Черный паук» Просперо, так вот, я не задержусь здесь ни на один день. Пусть даже он меня возьмет простым матросом. И это будет последний день, когда моя нога ступала по вашему проклятому острову. Вы всегда жили по волчьим законам, так и выбирайте себе губернатора по законам стаи. Тот, кто перегрызет горло вожаку, сам становится вожаком!

— Чужак?!

По толпе прокатился удивленный ропот.

— Чужак не может быть нашим губернатором!

— Чужак еще мальчишка!
— Он не знает наших законов!
— Нет, нет! Он не может быть губернатором!
— Не может!
— Не может!
— Может!

Мгновенно гул стих. Все повернули головы и уставились на Томаса.

— Может! — Голландец вышел из тени церкви, и все увидели его сверкающие решимостью глаза. — Вам нужен закон? Его слово будет для вас законом. Он будет губернатором! Я сам пойду просить его об этом. И я первым присягну ему на верность! И горе тому, кто не поторопится стать за мной в очередь!

Томас обвел взглядом толпу, выискивая несогласных, и удовлетворенно кивнул, не услышав возражений. Широко расставляя ноги, он заковылял вверх по тропе к белеющему в лунном свете особняку.

20

— Ну вот, мы и на месте. — Гюнтер обвел взглядом синюю гладь Мексиканского залива. — То, что мы ищем, должно быть где-то здесь.

— Хотелось бы занять место поточнее, — ответил ему Отто.

— Я не знаю, насколько точно Вилли снял координаты перед атакой парохода. И потом, мы маневрировали. Здесь, рядом с экватором, даже одна секунда дает расстояние в тридцать метров. Благо вода прозрачная, как стекло. Взгляни, Отто, я даже с рубки вижу песчаное дно.

— Я припоминаю, что Лоренц говорил, будто видел плоский круглый камень. И еще он сказал, что камень был теплый.

— Да, я тоже помню, что Лоренц говорил, будто его кто-то звал. Может, там была какая-то пещера или нора?

— В любом случае мы должны искать что-то необычное, выделяющееся из общего фона. Среди однообразных песчаных дюн на дне это будет не так уж и сложно. Главное — точно определить место.

— Я стараюсь. Попробуй ты. — Гюнтер сунул секстант в руки старпома.

Прошла уже неделя, как они покинули Бенито. За все время пути им не повстречался ни один корабль или хотя бы небольшая шхуна. Возникало ощущение, что они остались одни на всей планете. Гюнтер с удивлением задумался: как в этом бескрайнем океане пираты умудряются находить свои жертвы без мощной оптики, гидролокаторов и радиоперехватов?

Весь путь они с Отто убеждали друг друга, что пришли к верному решению. Все началось отсюда — с атаки парохода. Сначала сомневался Гюнтер. Ему даже страшно было представить, что они ошибаются и рухнет последняя надежда на возвращение. Но старпом с такой убежденностью отстаивал свою правоту, что Гюнтеру ничего не оставалось, как согласиться. Оптимизм Отто переливался в него, как жидкость в сообщающихся сосудах. Взамен Гюнтер щедро делился собственным пессимизмом, и на следующий день угрюмый Отто мерял шагами палубу, в отчаянии кусая губы. Теперь его убеждал Гюнтер, мол, лучше надеяться, искать и бороться, чем придумывать причины, почему они до сих пор этого не сделали. Так в терзаниях и нервотрепке прошла неделя. И вот наконец они были на месте. Наступал момент истины.

— Эрвин предлагает спустить спасательную шлюпку и тащить на тросе за лодкой. С нее можно лучше осматривать дно, и он мог бы периодически нырять с аквалангом, если вдруг покажется что-то подозрительное.

— Эрвин знает, как работать с аквалангами? — удивился Отто.

— Только теоретически. На практике он ни разу не пробовал, но доверить акваланги кому-то другому отказывается наотрез. Мы с ним договорились: что бы он там ни увидел,

погружаться он будет не глубже двух метров. Только для того, чтобы лучше рассмотреть, — и сразу наверх.

— Интересно, есть что-нибудь, чего Эрвин не знает хотя бы теоретически? — усмехнулся Отто.

— Да, с главным механиком нам повезло, — кивнул, соглашаясь, Гюнтер. — Ну что же, я думаю — пора. Искать будем галсами, пока солнце над головой и хорошо освещает дно. Только бы не испортилась погода.

Через полчаса лодка, натянув трос, потащила спасательную шлюпку в первый галс. Моряки, свесившись через резиновые борта, всматривались сквозь бирюзовую толщу воды в темнеющее внизу дно. Командовал всеми Эрвин. Если он вдруг замечал что-нибудь подозрительное, то взмахивал рукой, и подводная лодка останавливалась. Затем механик натягивал на глаза маску и, зацепив за пояс страховочный фал, вываливался из шлюпки и парил под ее днищем, осматривая застывшие песчаные волны внизу.

Дно, однако, было пустынным. Унылое однообразие иногда нарушал лишь одинокий куст кораллов или перепуганная стая сверкающих на солнце рыб.

Спустя три часа бесполезных поисков Гюнтер наконец сдался.

— Нет, не так! Давайте восстановим схему наших действий в тот день. Помню, Вилли говорил, что мы находились в самом центре поднимающейся со дна песчаной банки. Место он снимал перед самой атакой парохода. «Генерал Ли» стоял севернее нас, на расстоянии не меньше мили. Штурман записал наши координаты в вахтенный журнал и больше его не трогал. Он вместе со всеми наблюдал за стрельбой по пароходу. Ясно, что искать нужно севернее.

— Было бы проще, если бы мы еще знали, что искать, — поддакнул стоявший рядом на мостике Герберт.

— Какой-то каменный то ли круг, то ли шар. Спроси у Отто. А впрочем, всем нужно было внимательней слушать Лоренца, может, тогда бы и не пришлось сейчас напрасно жечь топливо. Крикни Эрвину, что мы пройдем милю на север, а затем пусть попробует еще понырять, пока не зашло солнце.

— А если не найдем?

— Будем искать завтра. Что нам еще остается делать?

И вновь нос лодки вспарывал мелкую рябь волн на сверкающей поверхности залива. Солнце теперь переместилось и светило слева, когда они опять попробовали заглянуть на освещенное переломанными лучами дно. Но всюду было одно и то же — застывшие волны песка и редкие, снующие у самого дна рыбы. Так протянулись еще два часа, затем еще два. Оглядывающаяся с надеждой на плывущую шлюпку команда теперь не обращала на нее никакого внимания. Лениво расположившись на нагретых досках палубы, матросы смотрели на кружащихся над ними чаек да на причудливые фигуры редких облаков.

Эрвин, привыкнув к несложной работе с аквалангом, наслаждался необычным чувством невесомости и полета. Дно проплывало внизу, как бескрайняя пустыня. Солнечные лучи, падавшие вначале поиска отвесно вниз, теперь вонзались в воду под острым углом и, переламываясь в безумном орнаменте, дрожали на песке всеми цветами спектра.

Неожиданно где-то вдалеке справа Эрвин увидел нечто вроде черного провала в монотонной линии горизонта. Подсвеченное дно всюду тянулось и исчезало в равномерной паутине лучей, а в этом месте что-то нарушало стройную закономерность.

Это «что-то» не отражает свет, догадался Эрвин.

Выпрыгнув из воды, как удирающий от акулы тюлень, он взволнованно крикнул разомлевшим на солнце матросам:

— Кричите командиру, пусть развернутся на девяносто градусов вправо! Там что-то есть!

И, вставив в рот загубник, Эрвин поспешил снова нырнуть.

Да, там определенно что-то было! И на этот раз не кораллы или обросшие моллюсками камни, а что-то большое и темное, не отпускающее от себя и поглощающее все добравшиеся

к нему солнечные лучи. Черное пятно приближалось, пока не обрело форму правильного, с резко очерченными краями круга. Матовая поверхность была чистая и гладкая, с едва заметными волосинками затейливых узоров. Но на краю застыл размытый силуэт толстой распухшей ящерицы с коротким, будто оборванным хвостом. Цветом светло-оранжевого апельсина он резко отличался от серого круга и песчаного дна, поэтому не заметить его было невозможно. От волнения Эрвин поперхнулся воздухом и, вынырнув, осипшим голосом крикнул:

— Стой! Мы нашли что искали!

Подводная лодка застыла. Шлюпку подтянули к борту.

Командир со старшим помощником от нетерпения слетели с мостика и помогали матросам тянуть трос.

— Что ты видел? Говори! — выкрикнул Гюнтер, не дождавшись, пока Эрвин взберется на палубу.

— Все, как и говорил Лоренц! Круг! Метров двадцать в диаметре. Поверхность похожа на каменную.

— И все? А какой-нибудь люк или нора?

— Нет. Мелкие узоры есть, но еле заметные. Один рисунок мне показался похожим на ящерицу. Темно уже, — оправдываясь, добавил Эрвин.

— Отто, это то, что мы искали? — спросил Гюнтер.

— Думаю, да.

— Честно говоря, я ожидал, что мы найдем что-то вроде норы или тайника, в котором спрятаны рычаги управления. Что-то же запустило нас в путешествие во времени?

— Этот механизм запустил взрыв парохода. И нам предстоит сделать что-то похожее.

— Такой силы взрыв мы не сможем повторить.

— Пароход был на расстоянии, а если взорвать торпеду на поверхности круга, то, может, и получится.

— Торпеду?

— Да, я уже думал об этом. Нужно снять с торпеды винты и крыльчатку со взрывателя и включить механизм самоликвидации. Затем выбросим ее воздухом из торпедного аппарата, чтобы запустились в действие все ее агрегаты. Торпеда ляжет на круг, а по истечении времени сработает механизм самоуничтожения, посчитав, что произошел промах.

— Это понятно. Но где будем находиться мы?

— Рядом. Прошлый раз лодка была на перископной глубине? Вот так же станем над кругом и в этот раз.

— Над взрывающейся торпедой? Ты хочешь уничтожить лодку?

— Капитан, мы должны повторить все в точности, как в прошлый раз. Взрыв парохода был куда мощнее торпеды, но мы же остались целы. Гюнтер, мы или рискуем и пытаемся вернуться в свое время, или смиряемся и думаем, как прижиться в этом пещерном веке? Третьего не дано.

— Готовь торпеду.

Гюнтер решил, что выбор сделан, еще когда они ушли с Бенито, и нет смысла оставлять все на завтра. Пусть даже солнце уже садится, но превратить в пытку еще одну ночь — на это сил не осталось. Пусть все решится сейчас! Если они ошиблись, то заплатят за это сполна. А если нет, то не терпелось опять увидеть охваченный войной двадцатый век или хотя бы услышать в наушниках знакомый треск и позывные радиосигналов.

Час ушел на подготовку торпеды. Затем лодка погрузилась, оставив на поверхности лишь глаз перископа. Отто занял место у панели управления торпедным оружием. Гюнтер решил, что самое лучшее, что он может сделать, — это ничего не делать. С непроницаемым лицом он распахнул заменяющую дверь штору своей каюты, так чтобы его видел экипаж, и, не разуваясь, лег на койку, уставившись в прошлогодний, сотни раз перечитанный журнал. Перед глазами не то что прыгали буквы, а даже портреты лидеров рейха расплывались в размытые карикатуры. Но Гюнтер твердо решил, что ни за что не покажет, чего ему стоит

такое спокойствие. Если уж старуха с косой забралась к ним в лодку, то встретить ее следует с полным презрением.

На пороге каюты появился старпом. Взглянув на растянувшегося на койке командира, он по достоинству оценил его чугунное спокойствие. Сам Отто похвастать такой выдержкой не мог. Лицо покраснелось, по вискам текли крупные капли пота.

— Капитан, все готово.

— Приступайте, Отто. Чего ждать? — лениво протянул Гюнтер. Он собрался еще и зевнуть, чтобы убедить окружающих, что он абсолютно спокоен, но решил, что это будет перебор.

Старпом кивнул и исчез. Гюнтер услышал, как зашипел воздух, выбрасывающий торпеду из трубы. А вот теперь действительно жребий брошен! Вращая голым валом, со снятыми винтами, торпеда пошла ко дну. Секундомер запущен, и теперь, даже если они передумают, уйти уже не успеют. Гюнтер не выдержал и, подпрыгнув, выскочил в центральный пост. Мягко разливался красный свет. Вытянув лица, все, кто был рядом, не отрываясь, смотрели на секундомер в руке Отто.

— Минута, — произнес осипшим голосом старший помощник.

«Еще есть минут пять, а то и четыре», — подумал Гюнтер. Затем механизм подрыва, не дождавшись сигнала от магнитного или контактного взрывателей и отсчитав свое время, возьмет у истощенных аккумуляторов еще немного энергии и сделает свое дело.

— Три!

Он увидел, как Герберт попытался проглотить застрявший в горле ком, да так и остался стоять с раскрытым ртом. За него тяжело выдохнул Отто.

— Четыре!

Старпом уже не сказал, а простонал, схватившись свободной рукой за штурманский стол.

— Пять!

Но по-прежнему ничего не происходило. И когда Гюнтер услышал «шесть», он облегченно вздохнул и, переглянувшись с Гербертом, криво улыбнулся. Что-то не получилось. Или они ошиблись, или не сработал взрыватель, но пожить еще немного у них получится. Но стоило ему снять фуражку, чтобы вытереть вспотевший лоб, как его со страшной силой швырнуло назад в каюту. На этот раз обошлось без потери сознания. Он лишь успел увидеть, как все, кто находился в центральном посту, взлетели вверх и зависли, прижатые к тубусу перископа и трапу, ведущему в трубу рубки. Затем погас свет и послышался грохот падающих тел. Гюнтер с удивлением почувствовал, что лежит на стене своей каюты. Под локтем явно затрещал закрытый стеклом портрет папы Карла.

Кто-то еще с криком влетел в каюту и, сорвав штору, распластался рядом, разбив вдребезги висевший над умывальником шкаф. Вслед за этим наступила тишина. Кто-то громко застонал, и тут вспыхнул свет. Гюнтер увидел, что под ним действительно борт каюты, а входная дверь теперь превратилась в потолок, и надорванная штора свисает внутрь.

— Доигрались! — сбросив с себя чьи-то ноги, попытался он встать.

Ясно, что лодка лежит на боку. Радовало лишь то, что пока не видно врывающихся внутрь потоков воды.

— Эрвин! Ты где? Нам нужно всплыть. Выкачивай цистерны!

Гюнтер отчетливо представил, как получившая удар от взрыва торпеды лодка, потеряв устойчивость, легла на дно.

Главный механик добрался до висевших теперь над ним вентилях давления и замер.

Затем, повернув к командиру удивленное лицо, он с трудом выдавил из себя:

— Цистерны пусты.

Гюнтер выбрался из каюты и потянулся к перископу, чтобы попытаться точнее определить положение лодки на дне. Благо глубина небольшая и еще можно воспользоваться перископом. Толкнув теперь тубус не вверх, как обычно, а в сторону, он изогнулся, припав к окулярам. Но, успев лишь на секунду прижать глаза к стеклам, он в ужасе отпрянул. Потом

осторожно опять уткнулся в тубус и только после этого обессиленно, с бледным как мел лицом оторвал глаза от окуляров. Он был готов увидеть что угодно: вновь стоящие рядом эсминцы или резко изменившуюся погоду и вместо спокойного моря штормовые волны. Но самое удивительное и страшное заключалось в том, что он не увидел самого моря! Не увидел и волн — ни штормовых, ни спокойно убегающих вдаль белых барашков. А увидел он то, от чего у него закипели мозги: вокруг, куда только мог заглянуть глаз перископа, были зеленые деревья и ни капли воды!

Он взял за воротник Герберта и подтолкнул к окулярам:

— Взгляни.

Судя по вытянувшемуся лицу друга, Гюнтер понял, что это не мираж, который грезится только ему одному.

— Может, мы уже давно «того»?

— Сошли с ума? — спросил Герберт. Такая мысль ему понравилась. Она многое объясняла.

— Нет. Может, мы уже на том свете?

— Тогда нам нечего бояться. Мы можем делать что угодно. Ведь попасть дважды сюда невозможно. Гюнтер, выстрели в меня. Наверное, мне ничего не будет? Или мы смело можем открыть люк. Ведь утонуть мы тоже не можем?

— А где Отто?

Они оба уставились на лежавшего в ногах старшего помощника.

— Что с тобой? — Гюнтер опустил на колени, пробуя перевернуть лежащее в неестественной позе тело.

— Голова... — застонал Отто.

— Голова? Да у тебя даже не слетела пилотка!

— А ты, Гюнтер? Разве не слышишь? Эти голоса?

— Голоса? Похоже, что без сотрясения мозга не обошлось. Отто, ты нам нужен. Быстрее приходи в себя. Там в перископе...

— Там суша. Я знаю.

— Ты знаешь?

Потрясенный Гюнтер умолк, наблюдая, как старший помощник пытается встать.

— Прислушайся к себе. Задай себе какой-нибудь вопрос и прислушайся к ответу. — Отто наконец извернулся и навалился спиной на торчавший вверх штурманский стол. — Спроси себя: что с нами или где мы?

— Отто, ты меня пугаешь.

— Не бойся, попробуй. Это странное ощущение.

Гюнтер закрыл глаза и попробовал поставить перед собой вопрос: почему он увидел в перископе деревья?

В тот же миг голова взорвалась яркими вспышками. Закружились незнакомые лица, затем они смазались, и все вокруг заполнил яркий зеленый цвет, сквозь который прорисовывались несколько тонких веток с насаженными на них диковинными листьями.

Гюнтер испуганно тряхнул головой, и видение исчезло.

— Что это было?

— Не знаю. Но ты тоже что-то видел?

— Нет. Просто неприятное ощущение. Отто, что с нами?

— Еще не знаю. Но я уверен, что мы можем смело открыть люк. Мне говорят, что мы в безопасности.

— Тебе говорят?

— Да, Гюнтер, я их слышу.

Отто поднял голову и посмотрел Кюхельману в глаза.

— Не думай, я не сошел с ума. Хотя сначала я тоже так подумал. Удивительное состояние — стоит мне задуматься над каким-нибудь вопросом, как я тут же понимаю, что сделал это зря. Потому что и так знаю ответ. Хотя готов поклясться, что еще минуту назад об

этом не имел ни малейшего представления. Странно, что у тебя это не получается.

— Я все-таки позову дока.

— Открывайте люк, капитан. Там вы увидите такое, что забудете, как зовут нашего доктора.

Гюнтер на секунду задумался, затем, решив, что Герберт, наверное, прав — бояться им уже нечего, схватился за ступени трапа и на четвереньках влез в трубу рубки. Отвернув винт на несколько оборотов, он услышал, как зашипело уравнивающееся давление. Неприятно ударило по ушам. Давление воды не позволило бы открыть люк, да и врывающихся внутрь потоков тоже не было видно. Люк с легкостью отошел в сторону. Оказавшись внутри рубки, Гюнтер толкнул вверх боковую дверь и осторожно выглянул наружу. Вокруг был лес. Станный лес. Голые стволы тянулись вверх на тридцатиметровую высоту, а на их вершинах раскидистыми зонтами торчали в стороны изогнутые под тяжестью густых листьев длинные ветви, образуя сплошной купол над лесом. Внизу расстился сочный зеленый ковер. Кое-где торчали красные пушистые кусты с крупными, величиной с кулак, цветами. Лодка лежала на левом боку. Округлый, успевший обрасти тиной черный борт теперь превратился в палубу. Потрясенный Гюнтер осторожно выбрался на скользкую поверхность. Сзади лязгнул люк, и в проеме рубки показались несколько голов. Бронзовым цветком на длинном валу торчал оголенный винт. Постепенно лодку облепил выбирающийся изнутри экипаж. Но никто не решался прыгнуть вниз.

Рядом появился Отто.

— Куда нас опять занесло? — шепотом, боясь спугнуть застывшую тишину, спросил Гюнтер.

— Мы все там же и на том же месте. Мы не сдвинулись в сторону даже на метр. Сейчас уместнее вопрос: когда мы?

— Отто, я вас умоляю, не умничайте! Если что-то знаете, то говорите.

— Капитан, не свалитесь с лодки! Мы за шестьдесят пять миллионов лет до нашего рождения.

На несколько минут Гюнтер потерял дар речи. Так и не сумев оправиться, он растерянно спросил:

— Наверное, после того, как ты узнал, что мы на суше, даже не взглянув в перископ, я должен тебе верить? Но как? С чего ты это взял?

— Я говорил: стоит подумать, как уже знаешь ответ. Попробуй еще раз.

Гюнтер вспомнил неприятное ощущение головокружения, неуместное здесь, на круглом борту лодки.

— Нет. Не могу.

Уйдя в себя, Отто замер. Закрыв ладонью глаза и наморщив лоб, он двигал желваками. Затем, очнувшись, спросил Гюнтера:

— Видишь эту дымку?

Гюнтер и сам, как только выбрался наружу, обратил внимание, что видит все вокруг как сквозь легкий туман.

— Это купол, — сказал Отто. — Этот воздух, перенасыщенный кислородом и испарениями, еще опасен для нас. Потому и тишина такая вокруг.

— Ты задал вопрос и узнал ответ?

— Скорее, мне ответили.

— Кто?

— Вот они, — Отто кивнул в сторону.

Повернувшись, Гюнтер вначале ничего не заметил. Но затем он обратил внимание на медленно проплывающие в воздухе, колышущиеся и слабо мерцающие шары размером с гандбольный мяч. Они были повсюду. Сначала он принял их за солнечные блики, но вскоре увидел, что движутся они с определенной закономерностью. Размытые и еле видимые, шары пересекали границу купола и сразу принимали четкие очертания. Проплыв над головами притихших подводников, они вновь исчезали за чертой окружающей дымки. Затем плавно

разворачивались и возникали уже с другого направления.

— Кто они? — Гюнтер перешел на шепот.

— Не знаю. На этот вопрос у меня не возникает ответ.

— Может, это Создатели? Помнишь, Отто, ты мне рассказывал.

— Не знаю.

— А это они нас сюда перенесли?

— Да.

— Зачем? С нами хотят говорить?

— Скорее, нас вызвали на ковер. Только что у меня возникла ассоциация, что называть их следует не Создатели, а, скорее, Созидатели. И я начинаю понимать — почему. А оказались мы здесь потому, что заинтересовали их. Но не строй, Гюнтер, иллюзий на этот счет. Это интерес скорее к удивившему лабораторному зверьку, чем к равному существу.

— Ты хочешь сказать, что мы для них лабораторные мыши?

— Что-то вроде того. А теперь представь: ты занимаешься опытами в лаборатории, а один из подопытных грызунов пытается дать тебе понять, что знает, что ты делаешь. И больше того, он пробует использовать твоё оборудование в своих целях! Первый раз, когда взорвался пароход, мы случайно оказались в поле действия их механизма. Но во второй раз мы пытались воспользоваться им осознанно! И это не могло их не заинтересовать.

— То, что каменный круг создан ими, я уже понял, но при чем здесь взрывы?

— Как бы мы пытались защитить какое-нибудь хрупкое оборудование? Я имею в виду людей вообще. Построили бы огромный бункер с толстыми бетонными стенами или упрятали в глубокую шахту. Но они не люди. Они делают это иначе. Если возникает угроза, они просто убирают все оборудование из этого времени. И вообще, я понял, что с таким понятием, как время, они оперируют так же легко, как Эрвин с механизмами наших дизелей... Удивительное все-таки чувство: я думаю, говорю с тобой, ты о чем-то спрашиваешь меня, но я постоянно чувствую присутствие третьего. Он, как опытный суфлер, направляет мои мысли в нужном направлении и подсказывает правильные ответы.

— Отто, спроси: почему я не понимаю их?

— Не обижайся, Гюнтер, что твоя белая фуражка не произвела на них никакого впечатления. Здесь, я думаю, причина в другом: ты прагматичен и прямолинеен. А чтобы быстрее поверить и понять всю, на первый взгляд, кажущуюся нереальность происходящего, нужна большая доля абстрактного мышления. Или, как бы сказали наши доктора, нужно быть немного не в себе. А уж этого у меня в избытке. Любой психиатр, послушав мои теории, начнет лихорадочно вспоминать адреса профильных клиник.

— Но как можно управлять временем? Как можно вернуть то, что уже прошло, и то, чего уже нет?

— На этот вопрос у меня не возникает ответ. Возможно, они считают, что лабораторной мышке этого не понять. Но я могу рассказать варианты использования этого умения. Представь: высокоразвитая цивилизация в определенный период своего развития узнает, что ей угрожает какой-нибудь катаклизм. То ли гаснет звезда-солнце, то ли идет угроза из внешнего космоса. Чтобы решить возникшую проблему и спасти цивилизацию, нужно не меньше тысячи лет исследований, труда, движений в развитии вперед. Что они делают? Сдвигают время назад на тысячу лет, как мы стрелки будильника, и используют полученный выигрыш во времени для своего спасения.

— Отто, от твоих слов меня просто оторопь берет.

— Сам себе удивляюсь. Еще бы понимать то, о чем сказал.

— Мы можем спуститься вниз? — Гюнтер заметил, что кто-то из экипажа свесился на руках, намереваясь спрыгнуть с корпуса лодки.

— Да, купол закрыл лодку полностью, а внутри него мы в безопасности.

Гюнтер прошел по рубке к наклонившемуся вертикально мостику, с него до травы было ближе всего, и спрыгнул вниз. Под ботинками чавкнула мокрая земля, и отпечатались четкие следы от подошв. Рядом приземлился главный механик.

— Командир, происходят странные вещи. — Эрвин, как заговорщик, оглянулся по сторонам.

— Говори.

— Когда я увидел, в каком положении находится лодка, то испугался, что мы останемся без аккумуляторов. Кислота из банок должна была вытечь. Но не пролилось ни капли!

— Всего-то?! Эх, Эрвин, не хватает тебе абстрактного мышления!

— Что? — Главный механик удивленно уставился на командира.

— Говорю, что не видать тебе психбольницы с твоими прямолинейными мозгами.

Гюнтер пошел вдоль корпуса к носу лодки. Горизонтальные рули погружения глубоко врезались в землю, но были целы, будто кто-то аккуратно опустил лодку на траву, позаботившись, как бы ее не повредить. Пройдя мимо покрытого ржавыми потеками острого носа еще на несколько метров вперед, Гюнтер уперся в невидимую преграду. Стена купола была мягкая, но упругая. Пощупав ладонями податливую и вязкую дымку, он пошел назад, к рубке, намереваясь задать через Отто еще уйму вопросов Созидателям. А почему Созидатели? Гюнтер искал взглядом старшего помощника. Отто сидел на корпусе лодки, там, где он его и оставил. С закрытыми глазами, он полностью ушел в себя. Сейчас он общается с ними, догадался Гюнтер. Тогда он попробовал сам задавать вопросы.

«Почему вы Созидатели?» — Гюнтер сосредоточился и попытался четко сформулировать вопрос.

Сначала несмело, будто щадя его хрупкий мозг, накатила первая волна видений: поплыли нечеткие и колышущиеся формы странных животных. То, что это животные, Гюнтер понял потому, что у них были конечности и они ими двигали. Затем они смазались в появившихся нитях растений. А потом и вовсе все вокруг завертелось как в калейдоскопе. Вторая волна взорвалась в голове, как праздничный фейерверк. Вспыхнули звезды, почему-то промелькнуло лицо матроса Лоренца. А затем Гюнтер почувствовал, что земля уходит из-под ног и он теряет ощущение пространства.

— Нет! — Он тряхнул головой и схватился, догадавшись, что падает за борт лодки. — Отто! Спускайся вниз. Здесь трава как настоящая.

— До сих пор не можешь поверить?

Старпом, держась за леера мостика, повис, показав из-под задравшейся куртки круглый живот. Грузно рухнув на влажную землю, он сорвал пучок тонких стеблей, растер их между пальцами и спросил: — Тогда что это все вокруг нас?

— Возможно, гипноз?

— Нет, капитан, это все настоящее.

— Я попробовал задать вопрос — почему они Созидатели? Но ничего не понял. Очень похоже на манипуляцию нашими мозгами. Тебе они их уже промыли, а я еще сопротивляюсь.

— Но ты хотя бы признал, что они существуют. А почему Созидатели? На этот вопрос я знаю ответ. В конце Мелового периода родилась одна из величайших загадок палеонтологии. Палеонтологи всего мира до сих пор не пришли к единому объяснению. А проще сказать, разводят в догадках руками, не представляя, что сказать. Вдумайся, Гюнтер, в одночасье исчезли сотни видов живых организмов, правивших до этого на Земле больше двухсот миллионов лет! Исчезли динозавры, рептилии, многие виды растений. Исчезло около половины всего, что населяло нашу планету. Но взамен произошел взрыв другой жизни. Появились млекопитающие, первые пресмыкающиеся — змеи, насекомые, а за ними изменился и растительный мир. Посмотри! — Отто указал пальцем на куст с красными бутонами. — Это первые в истории Земли цветы. Им всего несколько тысяч лет. И все это создано ими, потому что они и Созидатели. Как хирурги, они отсекали тупиковые виды жизни, а взамен дали возможность родиться новым, более совершенным видам.

— Но ты-то откуда это знаешь?!

— Читал когда-то. Странно, что вспомнил. Наверное, они стимулируют память.

— Я же говорю, что без промывания мозгов не обошлось! Может, ты хочешь сказать, что и люди — это результат их эксперимента?

— Не знаю. Но думаю, что слишком зазнаваться не стоит. Возможно, мы всего лишь отходы их экспериментов.

— Узнать бы, что они собираются делать с нами дальше? На этот вопрос у тебя не появляется ответ?

— Нет... Гюнтер, я потрясен! Я обладаю такими знаниями! Но абсолютно не представляю, что с ними делать. Только бы они не исчезли! Я готов отдать руку, лишь бы это было не минутное откровение! Может, мне все записывать?

— Отто, кому ты собрался все передать? Хотя можешь читать лекции команде. Потому что больше некому. Тебе ведь не говорят, что будет с нами? С каждым разом мы забирались все дальше и дальше. А теперь нас, может, и вовсе отсекут, как ненужный вид. Ты бы спросил их, как они относятся к человечеству в целом?

— Да, да! Капитан, браво! Гюнтер, ты очень точно направил течение мысли, а это важно. Я сейчас говорю с тобой, а в голове будто взорвалась мина! Мне подарили невероятный подарок! — Отто схватил Гюнтера за рукав и с жаром, будто боялся, что сейчас все забудет, торопливо начал рассказывать: — Они не земляне! Они издалека! А еще: мы им интересны. Интересны, потому что их корни тянутся к земноводным, а не так, как у нас, — к млекопитающим. Для них это невероятно. Всегда, во все времена они зорко наблюдали за нашим развитием. Я даже больше тебе скажу, Гюнтер, они брали людей и делали из них себе подобных. Ты только представь, насколько сложно создать полноценный вид для своего общества. Допустим, им нужны подобные особи для полетов в космосе. Для этого их сначала нужно родить, затем вырастить, воспитать. Потратить уйму времени на образование и обучение! Но можно и иначе. Взять набор хромосом и полностью перестроить. Это как разобрать по камню деревенский дом и из освободившихся кирпичей построить храм или дворец султана. Они брали первобытного дикаря, с азартом бегающего с дубиной за мамонтом, перестраивали его молекулярную структуру, доводили до совершенства примитивные мозги — и готово подобное им существо. Вчера он спал в пещере, а сегодня проснулся в космическом корабле. Но и это еще не все. Они постоянно совершенствуются. Совершенствуют не только все вокруг, но и себя. Что такое тело? Это травмы, болезни, старение, наконец, как ни пытайся с ним бороться. И тогда они отказались от слабых звеньев в своем развитии. Они отказались от тел! То, что ты видишь сейчас, парящее у нас над головами, это энергия и разум в чистом виде. Гюнтер, это колоссально и невероятно! Чистые энергия и разум!

Гюнтер вновь подошел к границе купола и, уперевшись руками, пристально всмотрелся в первобытный лес.

— Странно, я не вижу ни одного живого существа. Не покидает чувство театральной постановки с неживыми декорациями.

— Ничего удивительного. Плотность заселения земли еще очень низкая.

— Все равно получается абсурд. Даже я знаю, что первые люди появились около пятидесяти тысяч лет назад. Но тогда Созидатели еще имели форму земноводных и делали из дикарей себе подобных, а гораздо раньше, миллионы лет до этого, они уже имели совершенный бестелесный облик?

— Гюнтер, для них время не является чем-то непреодолимым и постоянным. Они могут передвигаться в нем, как мы передвигаемся по городам. В зависимости от своих потребностей.

— Отто, ты начал говорить, как канцелярский бухгалтер. Что ни слово, то клише или шаблоны.

— Да, почему-то рождаются официальные фразы, будто читаю документы. Самому не нравится.

— Когда я пытался задавать им вопросы, то видел лицо Лоренца. Его исчезновение имеет к ним какое-то отношение?

- Да.
- Что с ним?
- Он погиб.
- Они его...
- Нет. Мы.
- Мы... Да я его не видел с тех пор, как он исчез с лодки!

— Взрыв парохода заставил работать станцию наблюдения, или что-то в этом роде, в чрезвычайном режиме, отбросив во времени себя вместе с нами. Она излучала вокруг волны энергии. И оказавшийся рядом Лоренц попал под ее воздействие. В нем запустился процесс мутации, такой же, как и тот, который делал из дикарей сверхсуществ. Но тогда все происходило под контролем Созидателей. А Лоренц опоздал, и все пошло по непредсказуемому сценарию. Он даже как-то умудрился найти заброшенный шурф изменения и сумел завершить начатую мутацию, но было уже поздно. Он уже был им не нужен.

— Многие твои слова мне непонятны, они как японские иероглифы. Хотя в общих чертах я понял. Непонятно только — при чем здесь мы?

— Лоренц искал их. Он вернулся туда, откуда все началось. Наверное, он бы и сам потихоньку угас в своем одиночестве, но мы ускорили ему этот процесс, сбросив сверху торпеду.

— Отто, ты как сундук с ключами от всех тайн и загадок. Может, тогда скажешь, куда исчез Клаус?

— Нет, не знаю. Пауль сказал же, что была драка.

— Он рассказал, что все было не так, как говорил губернатор, но это не дает ответа — куда он исчез.

Гюнтер вдруг почувствовал, что дышать становится тяжелее. Он с тревогой посмотрел на Отто:

— Ты чувствуешь?

— Да! Они хотят, чтобы мы вернулись в лодку. Нужно срочно вернуть экипаж!

И, не дождавшись, когда командир отдаст приказ, старший помощник бросился вдоль лодки, криками возвращая всех назад.

Через несколько минут люк с лязгом захлопнулся, и Гюнтер поспешил закрутить винт.

— Что дальше?

— Не знаю, — ответил Отто. — Прием окончен. У меня в голове пустота.

21

На этот раз все было иначе. Не было взрывов, потрясающих лодку до последнего болта. Не летали в кубриках ботинки вперемешку с матросами. Палуба вдруг снова стала палубой, а стена в каюте — стеной, и раздавленный портрет Карла Денница поднялся на уровень глаз.

— Что? Опять! — крикнул, не сумев устоять на ногах, Герберт.

Гюнтер удержался на ногах и, переступив через упавшего второго помощника, прильнул к перископу. И, уже не зная, радоваться или удивляться, произнес, не отрывая глаз от искрящейся вокруг пустынной синевы:

— Мы снова в море.

Ворвавшийся воздух наполнил центральный пост запахом соли и свежести. Гюнтер выбрался на мостик и обвел биноклем горизонт, еще раз удостоверившись, что вокруг на несколько миль нет ни единой точки. Судя по повисшему у самого моря солнцу и прохладному, еле ощутимому ветру, сейчас было раннее утро. Оно напомнило Гюнтеру то утро, с которого все и началось. Такой же штиль и застывшее, как гладь пруда, море. И тишина такая, что было слышно, как кто-то поднимается вверх по трапу.

Гюнтер даже посмотрел повнимательнее по курсу — не возникнет ли сейчас на горизонте американский пароход?

Рядом появился Отто.

— Сколько сейчас на хронометре? — спросил его Гюнтер. — Хочу попробовать снять место.

— И пробовать не стоит. Уверен, что мы все там же. В пространстве нас не двигают ни на метр, вопрос в том, где мы сейчас по времени.

— Удивительно похоже на то роковое утро. Тебе не кажется?

— Да. Я еще тогда поразился. Обычно Мексиканский залив беспокойный, а в тот день все будто застыло. Теперь бы определить, какой сейчас год. Или хотя бы столетие?

— Лучше всего это можно сделать, осматривая побережье. Пойдем к берегам Америки или вернемся назад и пройдем вдоль берегов Кубы.

— Вдоль островов лучше. Там жизнь, как на ладони, и не упрятана в глубь материка.

Винты за кормой ожили и, взбивая пену на застывшей глади, потащили лодку на восток, навстречу поднимающемуся солнцу. К накалившемуся на солнце ограждению мостика невозможно было прикоснуться, чтобы не обжечь руку. Старший на вахте Герберт сел на нагретые доски палубы и, свесив на грудь голову, сначала прислушивался к ленивой болтовне разомлевших на жару матросов, затем задумался над невероятными приключениями, выпавшими команде, и, не заметив как, задремал. Разбудил его истошный крик у самого уха:

— Корабль!

— Нет, это облако... Хотя нет, точно корабль!

Сигнальщики замерли, направив бинокли в одном направлении, по курсу.

Герберт вскочил и, закрывшись ладонями от слепящего солнечного света, посмотрел вдоль вытянутой руки матроса. На горизонте виднелась тонкая черная линия поднимающегося в небо дыма.

— Командира на мостик! — заорал он в открытый люк рубки.

В бинокль темная точка, будто восклицательный знак, вытянувшая вверх дымный столбик, превратилась в широкий приплюснутый корабль. Низкие борта с мощной, в три этажа, надстройкой заканчивались торчащей в небо единственной трубой.

Гюнтер долго не мог понять, что такого необычного в этом корабле. Из-за непропорциональной ширины ему вначале показалось, будто судно расположено к ним бортом, но, присмотревшись, Гюнтер понял, что они сближаются на встречных курсах. Через полчаса уже были видны многочисленные иллюминаторы на белых стенах надстроечных этажей.

— Дым какой-то неестественно черный, — ни к кому не обращаясь, произнес он вслух.

— Это потому, что в их топках горит уголь, — откликнулся Отто.

— Уголь?! — удивленно переспросил Гюнтер.

— Я еще застал такие корабли, — ответил старпом. — Такой жирный, черный дым может давать только уголь.

В голове опять взорвался невообразимый бедлам: куда их теперь занесло?! Когда же, наконец, господа Созидатели наиграются с ними и вернут домой?!

Неожиданно он понял, что так отличало это судно от привычных контуров кораблей.

— Отто, ты тоже это видишь?

— Гребные колеса по бортам?

— Значит, видишь. О, господи... — простонал Гюнтер.

Еще через полчаса стали видны пестрые наряды людей, высыпавших на верхнюю палубу полюбоваться утренним солнцем.

— Он полон пассажиров, — подал голос Отто.

— Вижу.

Шлепая по воде теперь отчетливо различимыми широкими колесами, корабль шел навстречу, не изменяя курса. Из чего Гюнтер заключил, что их пока не видят.

— Ты флаг видишь? — спросил он Отто.

— Вижу, но пока не пойму чей.

— Где?

— Между трубой и кормой.

Теперь и Гюнтер заметил, что на корме стоит флагшток, а от него к верхушке трубы тянется трос, на котором обвисло полотнище флага. Чтобы так вывешивали флаг, он видел впервые. Всю его площадь перечеркивал белый крест, а получившиеся угловые квадраты по диагонали были закрашены красным и синим цветами.

Наконец, когда до корабля оставалось менее полукилометра, на них обратили внимание. Лица на палубе, как по команде, повернулись в их сторону. Гюнтер внимательно следил за общей реакцией. Но никто не бросился расчехлять спрятанную в носу пушку или в панике разбегаться по каютам. Наоборот, сквозь шипение рассекаемой носом лодки воды стал слышен низкий гудок парохода. Их приветствовали. Судно немного изменило курс и теперь направило нос прямо на лодку. На всякий случай Гюнтер вызвал к орудию расчет.

Теперь все верхние палубы были заполнены высыпавшими из внутренних помещений парохода пассажирами. Они размахивали руками, в перерывах между гудками на мостик доносились возбужденные крики. По белым форменным рубашкам Гюнтер опознал немногочисленную команду. И хотя до дымящей трубы было подать рукой, он продолжал смотреть в бинокль, определяя мельчайшие подробности. Теперь отчетливо были видны лица с беззвучно открываемыми ртами. Бросилось в глаза, что на фоне белых рубашек резко выделялись черные лица. Вся команда корабля состояла из чернокожих матросов. У пассажиров, наоборот, в основном были белые или смуглые лица.

— Что скажешь, Отто?

— Похож на колесный пароход прошлого столетия. Оружия нет. Флаг чей-то напоминает, но чей, не могу понять. По одежде определить вообще невозможно. Насколько я знаю, женщины в девятнадцатом веке носили длинные и широкие платья, а эти все в узких и коротких, с обрезанными рукавами. А впрочем, сейчас все узнаем. Смотри, похоже, это капитан.

Гюнтер увидел, как на носу судна с огромным рупором в руках, в расшитой блестящими нитями желтой фуражке появился невысокого роста чернокожий и несколько раз приветливо взмахнул рукой. Заметив, что пароход начинает замедлять движение, Гюнтер тоже дал в машинное отделение команду застопорить ход.

Наконец корабли замерли бортами друг против друга. Теперь до спускающегося к воде трапа парохода было не больше двадцати метров, и Гюнтер удивленно рассматривал огромное, закрытое защитным крылом гребное колесо с деревянными лопастями.

Но еще больше поражало, с каким изумлением пассажиры смотрели на их лодку. Такое им явно пришлось видеть впервые. Первым тишину нарушил капитан парохода. Выкрикнув в рупор несколько фраз, он умолк, ожидая ответ.

— Ты понял, что он сказал? — спросил Гюнтер старпома.

— Язык очень похож на испанский, да только переводчиков у нас уже не осталось. Попробуем ему ответить на английском.

— Давай ты. У тебя понятней получится.

Отто поднес к губам мегафон и медленно, разделяя паузами слова, как при типовом радиообмене, спросил:

— Сообщите название судна, куда идет и под каким флагом.

Капитан явно растерялся. Такое официальное общение было для него в диковинку. Затем, расценив, что его просто разыграли, с громким хрюканьем засмеялся в рупор. Еще раз приветливо взмахнул рукой, извинился за свой неважный английский язык и доложил:

— Вас приветствует капитан туристического шлюпа «Золотая линия». Совершаем круиз по островам этого моря, а флаг — при этом он, вжившись в шуточную роль, будто на празднике Нептуна, артистично вытянул руку и указал на свисающее за спиной полотнище, — американский!

Гюнтер чуть не свалился с мостика.

— Американский?!

— Здесь что-то не так. Возможно, он имеет в виду какое-то государство Латинской Америки? — ответил Отто.

Но рассуждать дальше не дал капитан шлюпа. Продолжая играть для собравшихся вокруг пассажиров, он торжественно склонил голову и, приложив руку к груди, спросил:

— Какой корабль прислал нам на встречу владыка морей?

— Это подводная лодка флота Германии! — прогремел мегафоном ему в ответ Отто.

Теперь удивляться настал черед капитана. Он растерянно опустил рупор и, прищурившись, смотрел на висевший над рубкой красный с черным кругом и расходящимися в стороны линиями флаг Кригсмарине.

— Может, спросить его прямо — какой сейчас год? — предложил Герберт.

— Подождем. А то можем показаться похожими на празднующих в море сумасшедших, — ответил Гюнтер. — Скоро сами догадаемся.

Наконец капитан шлюпа оправился от растерянности и, тоже сообразив, что он чего-то не понял, крикнул на корму, чтобы спустили шлюпку. Возвратив на лицо улыбку, произнес в рупор:

— Господа! Я приглашаю вас на борт!

— Ну вот, сейчас все и узнаем, — кивнул Гюнтер. — Герберт и ты, Отто, пойдете со мной, а старшим на лодке оставим Эрвина.

Через минуту шлюпка была у борта лодки. Забрав подводников, она вернулась к ступеням металлического трапа, прикрепленного вдоль борта шлюпа.

— Я капитан Мбана, — представился чернокожий обладатель желтой фуражки и протянул для рукопожатия руку.

Гюнтер оглядел улыбающихся пассажиров. Типичное, прожигающее жизнь богатое сословие. Дамы в диковинных шляпах с цветами на полях. Мужчины в легких белых костюмах.

Засвидетельствовав почтение каждому подводнику крепким рукопожатием, капитан указал на распахнутую дверь своей каюты. После аскетических кубриков лодки она показалась шатром шейха. Переступив комингс, Гюнтер утонул ботинками в пушистом ковре. На стенах тоже висели пестрые ковры, украшенные скрещенными морскими кортиками и обнаженными шпагами. Рядом с дверью, в углу, стоял массивный диван, обтянутый светлой кожей, а напротив, у раскрытого иллюминатора, занимал несколько метров площади огромный рабочий стол с выгнутыми ножками. Гюнтер и Отто переглянулись. Убранство каюты пока давало очень смутное представление о временном периоде. Классическое гнездо сибарита, не более. Мбана, уловив произведенное на гостей впечатление, довольно улыбнулся:

— Располагайтесь, господа. — Показав пример, он первым плюхнулся в кресло. — Простите за невежество, но каждая секунда ожидания дается мне пыткой. Скажите, что означает ваша фраза «подводная лодка»? Это какой-то новый класс судов?

— Это означает то, что наш корабль может двигаться под водой, — ответил Гюнтер.

— Под водой?! — Мбана вскочил с кресла, с недоверием заглянул в лица гостям, но, поняв, что его и не думали разыгрывать, задумчиво протянул: — Я что-то читал об этом в прессе. Самые смелые инженеры писали о теоретической возможности погружения корабля под воду, но ведь это были не более чем фантазии! Я даже предположить не мог, что Германия так далеко продвинулась в этом вопросе. Почему об этом не писали в газетах? Может, это все-таки шутка? — Мбана растянул в улыбке белозубый рот.

Но никто не удостоил его ответом. Отто сел на диван и взял со стоящего рядом столика толстый рекламный буклет. И без знания испанского языка можно было догадаться, что это описание туристических маршрутов по островам. Гюнтер озадаченно посмотрел на висевшую на стене карту Карибского бассейна. Вся она пестрела красными штрихпунктирными линиями. Но удивило его не это. За последние несколько недель, проведенные в этих водах, он уже успел выучить раскрашенные в разные цвета, из-за обилия стран, контуры многочисленных островов. Но сейчас они почему-то были все одного цвета.

Остров Куба, Гаити и цепочка Антильских островов — все они имели один светло-голубой оттенок.

Гюнтер сощурился и прочитал длинное, протянувшееся через все Карибское море название: «Острова Синего волка».

— Странно... — промычал он себе под нос.

Над картой висел портрет. Чернокожее лицо ослепительно улыбалось, растянув и без того широкие ноздри, а на голове красовалась высокая и округлая, как мусульманский минарет, расшитая золотом корона. Что-то в этом лице показалось Гюнтеру знакомым. Белые глаза с искрой иронии и невероятно широкие скулы. Несколько легких штрихов и, возможно, он бы узнал, где уже видел это лицо.

— Кто это? — не удержавшись, спросил он, кивнув на портрет.

Мбана едва не задохнулся от возмущения. Обиженно поджав губы, он ответил с вызовом в голосе:

— Короля Америки Базилио Первого знает весь мир!

Гюнтер еще раз удивленно посмотрел на портрет:

— Извините, капитан. Я не узнал его в таком ракурсе.

«Надо все же больше слушать и меньше говорить», — решил он для себя.

— Когда в Америке были короли? — спросил он Отто, удостоверившись, что немецкий язык Мбана не знает.

— Никогда.

Нет, все-таки что-то в этом портрете ему знакомо. Гюнтер отступил на шаг назад и попытался представить лицо без короны. Капитан уже успокоился и, обратив внимание, как внимательно гость рассматривает короля, примирительно произнес:

— Вы, европейцы, очень поверхностно относитесь к культуре других стран. А ведь династия наших королей очень знаменита. В отличие от ваших, она никогда не прерывалась. И взгляните на генеалогическое древо — что ни имя, то звезда в истории Америки! А все потому, что никто ни на шаг не отступал от постулатов Основоположника. Вам его тезисы кажутся спорными. Но я даже сейчас убеждаюсь, как они гениальны. Вот, к примеру, первый и главный тезис: никогда не пускать на наш материк белых людей. Человек из Европы может посетить Америку только как турист! А взять его последующие предсказания? Ведь многие годы никто не мог разгадать загадочные фразы Основоположника. Некоторых слов даже не было в обиходе, но потом они появились, и все лишний раз поразились дару предвидения гения, положившего начало династии Герреро.

Рекламный буклет выпал из рук Отто. Гюнтер от волнения забыл, что нужно дышать. Конечно, ему знакомы и эти широкие скулы, и не менее широкий нос, и передаваемая из поколения в поколение ирония в глазах.

— Имя вашего Основоположника Удо Герреро? — уже не сомневаясь, спросил Отто.

— Браво, господа! — воскликнул Мбана. — Простите, что плохо о вас подумал. Вы меня потрясли своими знаниями. Великий основоположник королевской династии Удо Герреро на многие века предопределил наш путь развития. Он создал свод законов, который мы должны неукоснительно соблюдать, чтобы всегда быть свободными. Он так и написал: если мы слушаемся его, то превратимся в рабов белых людей. Я не знаю значения слова «рабы», но если так сказал Основоположник, то эта мудрость незыблема! То, что даже вы о нем знаете, говорит о величии Удо Герреро!

«Всего три недели назад я мог запросто дать подзатыльник вашему Основоположнику», — чуть не произнес вслух Отто, но, спохватившись, прикусил язык. Он поднял буклет и, все еще пребывая под впечатлением услышанного, принялся рассеянно его перелистывать. На вопрос: какой сейчас год, они так и не получили пока ответа. Отто раскрыл первый лист, где обычно печатается название издательства и год издания. Издательство было, но год отсутствовал. Безрезультатно попытавшись разобрать испанское название, он пролистнул еще несколько листов, разглядывая рекламные рисунки, черно-белые фотографии видов островов и песчаных пляжей. Его взгляд споткнулся о четкий,

подретушированный снимок с длинной, напечатанной мелким шрифтом подписью.

— Гюнтер, взгляни, — прошептал Отто.

То, каким тоном он это произнес, заставило Кюхельмана выйти из ступора. Он заглянул через плечо Отто и напроочь забыл об Удо с его королевскими амбициями.

— Что вы там увидели? — спросил Герберт.

— Ты, кажется, просил Вилли писать письма? — справился наконец с растерянностью Отто. — Он черкнул нам пару строк. Капитан, вы не могли бы перевести подпись под этим снимком?

Мбана мельком заглянул в буклет и ответил:

— Вас заинтересовал этот булыжник? Напрасно. Здесь написано, что это один из немногочисленных памятников, оставшихся от населявших когда-то эти острова белых племен. Господа, между нами говоря, я не слишком верил бы этой подписи. Рекламный трюк. Скорее всего это причуда природы, у нее богатая фантазия. Я и не такие чудеса видел.

— Во всяком случае, мы теперь хотя бы знаем, что Вилли выжил, — произнес Гюнтер, не особо прислушиваясь к разъяснениям Мбаны.

— Да... Но какой молодец! Додумался ведь, и как похоже, — согласился Отто, разглядывая фото. — Вот вход в бухту, а это обломки утеса.

Гюнтер не мог не согласиться, что высеченная из монолитного камня, оставшегося от когда-то могучей скалы, рубка их подводной лодки была как настоящая. Даже штырь перископа с бульбой на конце, изображавшей стеклянный глаз, и аккуратно обозначенное камнями ограждение рубки не оставляло сомнения в знании скульптором своего дела. И чтобы уж совсем не возникало вопросов, на серой стене рубки белым было старательно выведено «U-166».

— Я ничего не понимаю, — развел руками Гюнтер. — Где мы? Что творится вокруг? Какой сейчас год?

— Так давайте его прямо и спросим, пусть скажет: какая сегодня дата? Объясним, что долго были в море! — предложил Герберт.

Но в следующий момент он увидел на капитанском столе небольшой, скрепленный блестящей металлической скобой перекидной календарь.

— И спрашивать не надо. Сейчас я вам точно скажу.

Довольный собственной сообразительностью, Герберт не спеша пошел вдоль стола и как бы невзначай заглянул в раскрытый лист. Если бы он неожиданно ударился лбом о стену, то испытал бы шок куда меньший. Боясь ошибиться, он еще раз посмотрел на число календаря. Цифра «один» перевода не требовала. Под ней на испанском был указан месяц agosto. Тонкости перевода его сейчас волновали меньше всего. Немигающим взглядом Герберт смотрел на стоящую под названием месяца цифру — 1942. Рука сама потянулась к кобуре.

Америка! Война! 1942 год! Их обманули как младенцев! Плен! Только не это!

Вывхватив «вальтер» и направив его на капитана, Герберт истошно заорал:

— Командир, уходите! Я их задержу!

Гюнтер с Отто вскочили, уставившись на лейтенанта.

— Герберт, что случилось?

— Убери пистолет!

— Командир! Сейчас сорок второй год! Это засада!

Вскочил и перепуганный Мбана:

— Господа, что не так?! Господа! Господа! Я чем-то вас обидел?

— Какой сейчас день?! — выкрикнул, вспомнив английский, ему в лицо Гюнтер.

— Первое августа.

— Год?! Какой год?!

— Тысяча девятьсот сорок второй, — уже не на шутку перепуганный, пролепетал Мбана.

— Здесь что-то не так! — Отто подскочил к Герберту и накрыл пистолет ладонью. —

Спрячь.

Гюнтер оглянулся на дверь — не ворвутся ли сейчас вооруженные матросы?

— Сейчас идет война?! — спросил он, отойдя в угол так, чтобы были видны иллюминаторы и обе входные двери капитанской каюты.

— Война? — Лицо капитана вытянулось в удивленной гримасе. — Что вы, господа? Какая война? Войны не может быть! Наш король Базилио большие друзья с вашим императором Зигфридом! Господа, это недоразумение!

— Что? Каким императором?

— Да! Да! С вашим императором! А вы разве не знали? Базилио Первый пересек океан, чтобы поздравить ваш престол с рождением наследника!

— Рождением кого? — прошептал Гюнтер, чувствуя, как под ногами уплывает пушистый ковер.

Мбана наморщил лоб и задумался, затем радостно всплеснул руками:

— Я понял! Вы очень долго не были дома! Я счастлив, что смогу первым рассказать такую важную для вас новость. Уже два месяца, как у вашего императора родился сын. Назвали Вильгельмом! А впрочем, что я вам говорю. Взгляните сами.

Мбана открыл ящик стола и вытащил пухлую стопку газет.

— Вот! Смотрите.

Он ткнул в фотографию на первой странице. Стоя в открытой карете, мужчина в кителе с расшитыми погонами высоко в руках держал младенца. Подпись под снимком гласила на английском языке, что весь мир поздравляет престол Германии с рождением долгожданного наследника.

— Капитан, у вас очень душно. Нам нужно выйти, — произнес Гюнтер, чувствуя, что он действительно задыхается.

— Да, конечно, — засуетился Мбана. — Вам, европейцам, бывает тяжело в наших широтах.

Гюнтер вывалился в распахнутую дверь, не обращая внимания на шарахнувшихся в стороны пассажиров.

— Отто, ты что-нибудь понимаешь? Что происходит?

— Смутно. Похоже, что нас вернули в свое время. Да только оказалось оно уже не нашим.

— Почему? Потому, что мы побывали в прошлом?

— Не знаю. Может, это мы все изменили. Может, Вилли, а может, и Удо. А скорее всего все, вместе взятые. Вспомни, мы уничтожили такую ключевую фигуру в истории, как Дрейк. А ведь именно он помог англичанам разбить Непобедимую армаду испанцев. И вот чаша весов качнулась в другую сторону и пошла совсем другая история. А может, мы были всего лишь скальпелем, с помощью которого Созидатели вырезали раковую опухоль человечества. Вспомни, ведь историю последних нескольких веков мы учили только по сражениям, победам, войнам. А сейчас они не знают, что это такое. Полистай любой наш путеводитель для путешественника. Что ты там увидишь? Памятник павшим в такой-то войне на одной странице. Мемориал защитникам от такого-то агрессора на другой. А у них? Красивые острова с причудами природы, песчаные пляжи.

— Но почему такое отставание в прогрессе?

— Опять же — потому что не было войн. Войны, при всей их кровожадности, всегда тянули человечество вперед семимильными шагами. Думай или исчезнешь! Не было бы войн, и человечество не терзалось бы бессонными ночами, придумывая, как обогнать противника, а лениво дремало, ожидая, когда яблоко открытия само упадет на голову.

Думая каждый о своем, они надолго замолчали.

Молчал Гюнтер, переваривая свалившуюся на голову информацию. Молчал Отто, задумчиво уставившись в бескрайнюю даль. Молчал Герберт, растерянно глядя на лица командира и старпома. Наконец он не выдержал и с тревогой в голосе спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Жить, — мгновенно откликнулся Отто.

— Я не могу прийти в себя, — меланхолично произнес Гюнтер. — Все не так. Все иначе. Нет той, воюющей с целым миром Германии, и правит ею какой-то император Зигфрид. Нет фюрера.

— Ну почему же, может, и есть. Да только теперь он, наверное, рядовой обыватель. Может, картины пишет? Другие времена, другие ситуации, другие люди.

— Герберт правильно задал вопрос: что нам теперь делать?

— Топлива у нас достаточно, чтобы вернуться в Европу. Лодку придется уничтожить, она надолго обогнала это время, могут возникнуть ненужные вопросы. Растворимся среди людей и будем жить. Это мое предложение, командир. Но вообще-то я думаю о другом. Я столько знаю, что просто не могу держать в себе все доверенное мне откровение мира. Но если я начну об этом рассказывать людям, то на меня объявят охоту все дома для душевнобольных Европы. Может, мне начать писать книги, как англичанин Герберт Уэллс, выдавая свой опыт за фантазии? Как думаешь, командир, получится у меня писать книги?

— А как же Гертруда? — вдруг испугавшись, спросил Гюнтер.

— А что Гертруда? Поищи ее и наверняка найдешь. Придется только опять знакомиться, но ведь особого труда это не составит? Все ее привычки и привязанности ты знаешь. Ведь знаешь, Гюнтер?

— Да. Она любит чайные розы и австрийский горький шоколад.

— Уверен, что теперь ты покоришь ее сердце еще быстрее, чем в первый раз.

— Отто, ты как будто радуешься, что все так произошло?

— Скажу честно — да! Такой мир по мне. Тихий и спокойный, как это море. А вся эта шелуха прогресса со временем приложится. Не стоит она того, чтобы платить такую цену.

«Может, и прав старпом, — подумал Гюнтер, — жизнь всегда продолжается, даже тогда, когда кажется, что ты в ней лишний. Но это только кажется!»

Эпилог

Снежная вершина горы сверкала, как отполированный умелым мастером хрустальный кубок. Над блестящим остроконечным конусом поднималось утреннее солнце. Солнце третьего тысячелетия. Казалось бы, что такого? Ничего не изменилось, ничего не произошло. Так же, как и вчера, стояла эта гора, так же паслись внизу коровы, разгребая из-под снега прошлогоднюю траву. Но сегодня все говорят: прошла целая тысяча лет, и вчерашнюю газету уже не назовешь прошлогодней и даже не скажешь, что она из прошлого века, потому что она из прошлого тысячелетия!

«Смешно, — подумал он, — человечество придумало множество мнимых рубежей и безумно радуется, когда они проходят мимо буднично и незаметно».

Они сидели в оплетенной сухой лозой, сделанной им самим уютной беседке и любовались чистотой раннего солнца. Рядом тянулась к небольшому, но такому любимому дому старательно вычищенная мощеная дорожка. Чистый горный воздух, тишина и тепло родного очага. Что еще нужно для полного счастья? Она почувствовала его настроение и прижалась к плечу, распустив длинные волосы по старому, как и его хозяин, вытертому пиджаку. Он расправил ладонью уже совсем седой, но упрямый ежик на голове и обнял ее за плечи.

Она вздохнула от набежавшей истомы и тихо сказала:

— Звонил Герберт.

— Да? И что надо этому старому хрычу?

Она звонко засмеялась — годы совсем не изменили ее голос.

— Ну ты-то, понятно, у меня хрыч молодой! Они с Урсолой зовут нас съездить в Дрезден, походить по музеям.

— Да были мы уже там не раз.

— Нет, мы еще не ходили в музей эпохи колониальных завоеваний.

— Уверяю тебя, и там нечего смотреть. Привяжут огрызок трубы к доске и будут выдавать за средневековый мушкет.

— Гюнтер! Ты становишься несносным. Ты так говоришь, будто видел древний мушкет! Это ты злишься, потому что на выставке в Вене одноногая Марта Герберта дала на пол-литра молока больше и ты проиграл?

— Ничего я не злюсь.

Видя, что жена заводится, он, как фокусник, выудил из кармана конфету и помахал у нее перед носом.

— Вот за что я тебя всегда любила! — Она еще громче рассмеялась, и набежавшая тень обиды мгновенно улетучилась. — Ты у меня хоть и фермер, но в душе всегда был гусаром. Я ведь помню, как при нашем знакомстве ты завалил меня австрийским шоколадом. Ты приносил его мне коробками! И хотя я несколько лет после этого не могла на него смотреть, но и забыть тебя тоже не могла.

Она закрыла глаза, мысленно улета в далекую молодость, но затем по ее лицу пробежала тревога.

— Очень я переживаю за Карлушу.

— Гертруда, перестань. Наш внук — офицер императорского флота! А ты говоришь о нем как о сопливом ребенке.

— Ты же слышал, что он сказал! Они собираются испытывать какую-то подводную лодку. Наверняка это очень опасно. Сам император Вильгельм будет присутствовать на испытаниях!

— Не переживай, Гертруда. Я уверен, все пройдет хорошо. В Германии во все времена умели строить лодки.

— Нет! Ну я не могу! Ты так говоришь, будто хоть раз в жизни видел эту таинственную подводную лодку!

Он не ответил, но в его глазах появилась такая тоска, что она испугалась и, легонько толкнув в плечо, спросила:

— О чем задумался, Гюнтер?

— Да так, ничего. Думаю, на какие корма перейти, чтобы обойти Герберта на выставке в этом году.

— Не переживай так! Ты его обязательно победишь.

И она еще крепче прижалась к нему и подумала: все-таки как хорошо, что в жизни все так хорошо. Так и не иначе.

А на гору уже взобралось солнце. Солнце третьего тысячелетия.